

Исторический музей
Музей истории
и культуры
Москвы
Исторический музей
Музей истории
и культуры
Москвы

Исторический музей
Музей истории
и культуры
Москвы

Исторический музей
Музей истории
и культуры
Москвы

НЕМЦЫ РОССИИ И СССР: 1901–1941 гг.

Материалы международной
научной конференции

Москва, 17–19 сентября 1999 г.

Москва «ГОТИКА» 2000

УДК 39
ББК 63.3 (2)
Н50

Немцы России и СССР, 1901–1941 гг. : Материалы международной научной конференции. – М.: Готика, 2000. – 432 с.

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Германии*

*Die vorliegende Ausgabe ist durch das Auswärtige Amt
der Bundesrepublik Deutschland gefördert*

ISBN 5-7834-0053-X

© Международный союз немецкой культуры,
2000
© Оформление. Издательство «Готика», 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
I. Немцы в Российской империи (1901–1917)	
<i>Нам И.В.</i> Немецкие колонии в России и Сибири в начале XX века в контексте проблемы диаспоральности	17
<i>Дённингхауз В.</i> Московские немцы в зеркале дореволюционной статистики (1871–1917)	31
<i>Плеская Э.Г.</i> Немецкие общества в Одессе – цели, задачи, результаты	42
<i>Решетов Д.Г.</i> Помощь немецких колоний Нижнего Поволжья фронту в годы Первой мировой войны	52
<i>Вердиева Х.Ю.</i> Немцы Северного Азербайджана в годы Первой мировой войны	63
<i>Черкашянова И.В.</i> Вопрос о судьбе немецкой школы Российской империи в годы Первой мировой войны	71
<i>Бобылева С.И.</i> Система образования немецких колоний начала XX века и «ликвидационные» законы (на материалах южных губерний России)	97
<i>Зюсс В.</i> Последний период деятельности Молочанского меннонитского училищного совета (по материалам неопубликованного манускрипта Петера Брауна)	111
<i>Гейдебрехт Г.</i> Вклад немецких архитекторов в формирование «русского» стиля XIX – начала XX веков	133
<i>Шваб А.</i> Немецкие музыканты в России и СССР в первой половине XX века	148
II. Немцы в Советском государстве (1917–1941)	
<i>Герман А.А.</i> Социально-психологический портрет партийно-советского функционера Республики немцев Поволжья	163
<i>Хердт В.</i> Борьба в руководстве немецкой автономии на Волге (1918–1923 гг.)	173
<i>Шульга И.И.</i> «Военизация» немецкого населения АССР немцев Поволжья в межвоенный период 1921–1941 гг.	184
<i>Малова Н.А.</i> Выселение «бывших помещиков» из АССР НП в 1920-е гг. ..	192
<i>Арднт Е.А.</i> Историко-этнографические исследования в немецких селах Поволжья в 1920–1930-х гг.	200
<i>Ерина Е.М.</i> Возвращенное имя: Г.Г. Шмидер (1902–1965)	209
<i>Плохотнюк Т.Н.</i> Германские сельскохозяйственные концессии на Северном Кавказе (1920–1930-е гг.)	217
<i>Бруль В.</i> Немцы в Сибири в 1920–1930 гг.	226
<i>Волкова Т.П.</i> Немецкие колхозы в Казахстане: история создания (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)	252
<i>Шевчук Н.А.</i> Положение немецких колоний в Одесской губернии в 1920-е гг.	265

<i>Осташева Н.В.</i> Власть без власти: организаторская, экономическая и политическая деятельность Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза (1923–1928 гг.)	285
<i>Козырева М.Э.</i> Немецкие районы юга Украины 1920–1930-х гг. как национальные административно-территориальные единицы	298
<i>Ченцов В.В., Архирейский Д.В.</i> Общность судеб немцев Украины и России в конце 1920-х – 1930-е гг.	305
<i>Клёц В.К.</i> Немецкие национальные районы в социально-экономической жизни Днепропетровской области накануне их ликвидации	318
<i>Безносков А.И.</i> Религиозная жизнь немецкого поселения юга Украины и политика советской власти (1920–1928 гг.)	329
<i>Рублева Н.С.</i> Особенности существования немецкой католической общности в УССР (1920–1930-е гг.)	343
<i>Солодова В.В.</i> Одесский немецкий рабоче-колхозный театр: истоки и становление	352
III. Историография, источниковедение, методология	
<i>Нелипович С.Г.</i> Проблема лояльности российских немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников	365
<i>Бургафт Л.А.</i> Немецкие поселения в Восточном Казахстане (1901–1941 гг.): историография, источники, периодизация развития	381
<i>Ханья С.</i> Проблема российских немцев в японской историографии	404
<i>Малиновский Б.В.</i> Сведения о социальных конфликтах в немецких колониях (конец 1917 – начало 1918 г.) в документах ЦГАВО Украины	417
Наши авторы	428

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных трудов является итогом работы очередной 6-й Международной научной конференции, организованной Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев и проходившей в Москве 17–19 сентября 1999 г.

Уже отмечалось, что совместные усилия ученых России, Германии, Украины и ряда других стран позволили в основном реконструировать картину исторического развития и современного положения немецкого этноса на пространствах бывших Российской империи и СССР. Актуальной стала задача аналитического обобщения имеющегося научного материала в контексте общей истории Российской империи, СССР, СНГ. Такую задачу пыталась в какой-то мере решить наша 5-я Международная конференция «Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности» (Москва, 17–19 сентября 1998 г.). Однако ее проведение поставило перед ассоциацией и ее правлением ряд новых проблем.

Конференция более рельефно высветила тот факт, что, несмотря на внушительные результаты изучения истории и культуры российских немцев за прошедшие годы, степень изученности различных регионов проживания немцев, различных сфер общественной жизни немецкого этноса, различных периодов его развития неодинакова. Из регионов наиболее изученными оказались Поволжье, Украина, Сибирь, в то же время о жизни немцев в Ка-

захстане, Закавказье, под Санкт-Петербургом и в некоторых других регионах мы знаем еще очень мало. По этим регионам исследования только разворачиваются. Из сфер общественной жизни немецкого населения в России и СССР наиболее привлекательной для исследователей оказалась политическая. Слабее, особенно по советскому периоду, исследованы социально-экономическая и, прежде всего, духовная сферы. Как ни странно, но больше всего актуальных проблем, требующих дальнейшего научного изучения, оказалось в истории и культуре российских немцев новейшего периода, т. е. XX в.

Все отмеченное выше заставило правление Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев внести некоторые коррективы в свою политику координации и стимулирования научных исследований. Прежде всего, было принято решение посвятить ближайшие несколько научных конференций проблемам исторического развития немецкого населения России (СССР, СНГ) в XX веке. Каждая конференция должна быть посвящена определенному историческому периоду, имеющему свои характерные особенности. Как представляется, целесообразно выделить три таких периода:

- 1) 1901–1941 гг. Усиление враждебности по отношению к немцам в государственной политике; революционные потрясения, «социалистические» эксперименты новой власти, их влияние на судьбу немецкого населения.
- 2) 1941–1955 гг. Жизнь немецкого населения СССР в экстремальной обстановке «чрезвычайщины», в условиях откровенно враждебной государственной политики. Последствия такой политики.
- 3) 1956–2000 гг. «Советские» немцы в постсталинский период развития СССР (1956–1991).

Обозначенный выше подход позволяет одновременно решить несколько важных научных проблем:

- более глубоко и всесторонне исследовать историю российских («советских») немцев в XX в., ставшем для них наиболее трагичным, радикально изменившим их жизнь и судьбу;
- продолжить аналитические обобщения полученного в результате ранее проведенных исследований научного материала, формирование объективных научных выводов;
- продолжить ликвидацию оставшихся «белых пятен» в новейшей истории немцев России и СССР, особенно в тех регионах, где эти исследования еще только разворачиваются;

• стимулировать к работе над историей немцев России и СССР новых исследователей, особенно научную молодежь, прежде всего в тех странах СНГ, где история и культура немецкого населения изучаются слабо.

Состоявшаяся в сентябре 1999 г. Международная научная конференция стала первой, проведенной в русле обновленных концептуальных установок Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. Она оправдала ожидания и принесла некоторые, достаточно обнадеживающие результаты. Это видно из материалов, публикуемых в данном сборнике.

Прежде всего, следует отметить наличие в сборнике серьезных аналитических статей (И.В. Нам, И.В. Черказьяновой, А.А. Германа, В.В. Ченцова и Д.В. Архирейского, С.Г. Нелиповича и др.), позволяющих составить цельное объективное представление о некоторых крупных проблемах исторического развития немецкого этноса России (СССР) в XX в. Вместе с тем в сборнике опубликованы работы (Д.Г. Решетова, И.И. Шульги, Н.А. Маловой, Б.В. Малиновского и др.), раскрывающие ранее неизвестные эпизоды и сюжеты из жизни немецкого населения, архивные находки, позволяющие в определенных случаях по-новому взглянуть на казалось бы уже хорошо изученные проблемы.

Среди авторов много молодых, делающих первые успешные шаги на научно-историческом поприще, и это вселяет надежду на то, что исследования по истории и культуре немцев России, СССР, СНГ будут успешно развиваться. Заметно расширилась география представительства на конференции. Пожалуй, самым приятным фактором конференции стало участие в ее работе исследователей Азербайджана и Японии.

Представляемый читателям сборник научных трудов состоит из трех разделов.

В первом разделе описывается жизнь немцев в Российской империи в начале XX в. Подавляющее большинство статей этого раздела освещают последствия для немецкого населения участия России в Первой мировой войне. Тем самым исследование данной проблемы существенно продвинуто вперед.

Второй раздел посвящен жизни немецкого этноса в Советском государстве. Здесь помещены разноплановые статьи, касающиеся различных сфер общественной жизни немцев. Наиболее богато представлена история немцев Поволжья и Украины.

Третий раздел включает работы, затрагивающие проблемы историографии, источниковедения и методологии исследования.

Опубликованные в сборнике материалы 6-й Международной научной конференции исследователей истории и культуры российских немцев представляют несомненный интерес как для специалистов, так и для всех интересующихся недавним прошлым немцев России и СССР.

Орекомитет

EINLEITUNG

Der vorliegende Sammelband wissenschaftlicher Arbeiten spiegelt das Ergebnis der turnusmäßigen 6. Internationalen wissenschaftlichen Konferenz wider, die, organisiert von der Internationalen Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen, vom 17. bis 19. September 1999 in Moskau stattfand.

Wie an anderer Stelle bereits festgestellt, ist es dank gemeinsamer Anstrengungen von Wissenschaftlern aus Russland, Deutschland sowie aus der Ukraine und einer Reihe weiterer Länder gelungen, in den Grundzügen ein Bild der historischen Entwicklung und aktuellen Lage der deutschen Volksgruppe auf dem Gebiet des ehemaligen Russischen Reiches und der ehemaligen Sowjetunion zu zeichnen. Nunmehr stand die Aufgabe, das vorhandene wissenschaftliche Material im Kontext der Geschichte des Russischen Reiches, der Sowjetunion und der GUS analytisch zu verallgemeinern. Dieser Aufgabe hatte sich z. T. bereits unsere 5. Internationale Konferenz gestellt, die vom 17. bis 20. September 1998 zum Thema «Die Deutschen Russlands im Kontext der russischen Geschichte: allgemeine Probleme und regionale Besonderheiten» in Moskau abgehalten wurde. Allerdings konfrontierte die Konferenz die Assoziation und ihren Vorstand mit einigen neuen Problemen.

Auf der Konferenz wurde deutlich, dass ungeachtet der eindrucksvollen Ergebnisse bei der Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen in den vergangenen Jahren der Stand der Erforschung der verschiedenen Regionen, in denen Russlanddeutsche leben, sowie der verschiedenen gesellschaftlichen Lebensbereiche der deutschen

Volksgruppe und der verschiedenen Abschnitte ihrer Entwicklung noch recht unterschiedlich ist. Am gründlichsten erforscht sind die Wolgaregion, die Ukraine und Sibirien, wohingegen wir über das Leben der Deutschen in Kasachstan, in der Kaukasus-Region, bei St. Petersburg und in einigen weiteren Regionen noch recht wenig wissen. Die Erforschung dieser Regionen hat gerade erst begonnen. Im gesellschaftlichen Leben der deutschen Bevölkerung in Russland und der Sowjetunion hat sich der politische Bereich als besonders interessant für die Forschung erwiesen. Weniger intensiv wurden der sozialökonomische Bereich und das geistige Leben, vor allem für die Sowjetzeit, untersucht. Auch wenn es sonderbar erscheinen mag, besonders aktuell ist die weitere Erforschung der russlanddeutschen Geschichte und Kultur der neueren Zeit, also des 20. Jahrhunderts.

All das hat den Vorstand der Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen dazu bewogen, einige Korrekturen bei der Koordinierung und Initiierung wissenschaftlicher Untersuchungen vorzunehmen. Vor allem wurde beschlossen, die nächsten wissenschaftlichen Konferenzen Problemen der historischen Entwicklung der deutschen Bevölkerung Russlands (der UdSSR und der GUS) im 20. Jahrhundert zu widmen. Jede Konferenz sollte sich dabei mit einem konkreten historischen Zeitabschnitt und seinen Besonderheiten befassen. Zweckmäßig erschien eine Einteilung in folgende drei Perioden:

1) 1901–1941: Zunehmende Feindseligkeiten in der Politik des Staates gegenüber den Russlanddeutschen, revolutionäre Erschütterungen, «sozialistische» Experimente der neuen Macht und die Auswirkungen dieser Experimente auf das Schicksal der deutschen Bevölkerung.

2) 1941–1955: Das Leben der deutschen Bevölkerung der Sowjetunion unter den extremen Bedingungen des «Ausnahmestandes» und der offen feindseligen Politik des Staates, Folgen dieser Politik.

3) 1956–2000: Die Deutschen in der poststalinistischen Ära der Entwicklung der Sowjetunion (1956–1991).

Damit können gleichzeitig mehrere wichtige wissenschaftliche Probleme gelöst werden:

— intensivere und ausführlichere Erforschung der Geschichte der Russlanddeutschen bzw. Sowjetdeutschen im 20. Jahrhundert, das für jene besonders tragisch war und deren Leben und Schicksal radikal verändert hat;

— weitere analytische Verallgemeinerung des aus zuvor durchgeführten Forschungen gewonnenen wissenschaftlichen Materials und Formulierung objektiver wissenschaftlicher Schlussfolgerungen;

— Beseitigung noch vorhandener «weißer Flecken» in der neueren Geschichte der Deutschen Russlands und der Sowjetunion, besonders in den Regionen, in denen die Erforschung gerade erst begonnen hat;

— Ermunterung neuer, vor allem junger, Wissenschaftler zur Erforschung der Geschichte der Deutschen Russlands und der Sowjetunion, vor allem in jenen Ländern der GUS, in denen die Geschichte und Kultur der deutschen Bevölkerung bislang noch wenig erforscht sind.

Die internationale wissenschaftliche Konferenz, die im September 1999 stattfand, war die erste, die sich an den neuen konzeptionellen Regeln der Internationalen Assoziation zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen orientierte. Sie erfüllte die in sie gesetzten Erwartungen und hatte einige recht hoffnungsvolle Ergebnisse aufzuweisen. Das wird an dem im vorliegenden Sammelband veröffentlichten Material deutlich.

Vor allem müssen die im Sammelband wichtigen analytischen Beiträge, z. B. von I.V. Nam, I.V. Čerkaz'janova, A.A. German, V.V. Čencov und D.V. Archirejskij sowie S.G. Nelipovi¹, hervorgehoben werden, die zu einer umfassenden und objektiven Vorstellung zu einigen bedeutenden Themen in der historischen Entwicklung der deutschen Volksgruppe Russlands bzw. der UdSSR im 20. Jahrhundert führen. Außerdem enthält der Sammelband Arbeiten wie die von D.G. Rečetov, I.I. Schul'ga, N.A. Malova oder B.V. Malinovskij, die mit bislang unbekanntem Episoden und Sujets aus dem Leben der deutschen Bevölkerung sowie mit Archivfunden bekanntmachen, die in einigen Fällen eine neue Sicht auf Probleme erlauben, die eigentlich als gut erforscht galten.

Zu den Autoren des Sammelbandes gehören viele junge Wissenschaftler, die die ersten Schritte in wissenschaftlich-historische Gefilde wagen. Das gibt Anlass zu der Hoffnung, dass sich die Erforschung der Geschichte und Kultur der Deutschen Russlands, der Sowjetunion und der GUS auch in Zukunft erfolgreich entwickeln wird. Bemerkenswert ist auch die größer gewordene Zahl der Herkunftsländer der Konferenzteilnehmer, wobei besonders erfreulich war, dass auch Wissenschaftler aus Azerbajdžan und Japan an der Konferenz teilnahmen.

Das wissenschaftliche Niveau der im Sammelband vertretenen Beiträge ist natürlich unterschiedlich, was aber, wie man sich denken kann, an den vom Organisationskomitee der Konferenz angenommenen neuen konzeptionellen Regeln liegt. Aber auch Beiträge, die vom konzeptionellen Aufbau, von der Logik der Darbietung des Materials und der Einhaltung einiger anderer wissenschaftlicher Regeln nicht ganz gelungen

scheinen, werden durch ihren Informationsgehalt, die gebotenen Fakten und wissenschaftlichen Entdeckungen wertvoll.

Der dem Leser vorliegende Sammelband wissenschaftlicher Arbeiten besteht aus drei Abschnitten.

Im ersten Abschnitt wird das Leben der Deutschen im Russischen Reich zu Beginn des 20. Jahrhunderts beschrieben. Der überwiegende Teil der Beiträge dieses Abschnittes beschäftigt sich mit den Folgen, die sich aus der Beteiligung Russlands am Ersten Weltkrieg für die deutsche Bevölkerung ergaben. Damit ist die Erforschung dieses Problems weit vorangekommen.

Der zweite Abschnitt ist dem Leben der deutschen Bevölkerungsgruppe im Sowjetstaat gewidmet. Hier sind verschiedenartige Beiträge vertreten, die unterschiedliche Bereiche des gesellschaftlichen Lebens der Deutschen behandeln. Besonders gut ist die Geschichte der Deutschen an der Wolga und in der Ukraine repräsentiert.

Der dritte Abschnitt enthält Arbeiten, die sich mit Problemen der Historiographie, Quellenkunde und Methodologie der Forschung beschäftigen.

Das im Sammelband der 6. Internationalen wissenschaftlichen Konferenz zur Erforschung der Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen veröffentlichte Material ist zweifellos nicht nur für Fachleute, sondern für alle, die sich von der jüngeren Geschichte der Deutschen in Russland und der UdSSR in den Bann gezogen fühlen, von Interesse.

Das Organisationskomitee

НЕМЦЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1901-1917)

- И.В. Нам*
НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ В РОССИИ И СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАСПОРАЛЬНОСТИ
- В. Дёмингхаус*
МОСКОВСКИЕ НЕМЦЫ В ЗЕРКАЛЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СТАТИСТИКИ
(1871–1917)
- Э.Г. Плесская*
НЕМЕЦКИЕ ОБЩЕСТВА В ОДЕССЕ — ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, РЕЗУЛЬТАТЫ
- Д.Г. Решетов*
ПОМОЩЬ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ФРОНТУ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- Х.Ю. Вердиева*
НЕМЦЫ СЕВЕРНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- И.В. Черказянова*
ВОПРОС О СУДЬБЕ НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
- С.И. Бобылева*
СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА
И «ЛИКВИДАЦИОННЫЕ» ЗАКОНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ)
- В.Эюсс*
ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОЧАНСКОГО
МЕННОНИТСКОГО УЧИЛИЩНОГО СОВЕТА
(ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННОГО МАНУСКРИПТА ПЕТЕРА БРАУНА)
- Г. Гейдебрехт*
ВКЛАД НЕМЕЦКИХ АРХИТЕКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИЕ «РУССКОГО» СТИЛЯ
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ
- А. Шваб*
НЕМЕЦКИЕ МУЗЫКАНТЫ В РОССИИ И СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ В РОССИИ И СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАСПОРАЛЬНОСТИ

И.В. Нам

Изучение диаспор необходимо для осмысления их уникальной истории и судьбы и той важной, неоднозначной, до сих пор слабо осмысленной роли, которую они играют в жизни как материнских этносов, так и принимающих обществ. Важную роль в истории России сыграла немецкая диаспора, которая на сегодняшний день имеет обширную историографию. Вместе с тем история российских немцев пока еще не вышла за рамки накопления фактов. Между тем для этого имеется необходимая источниковая база: комплекс архивных материалов и опубликованных источников. Широкие возможности для данного подхода дает изучение немецкой колониальной деревни в Сибири, в частности в Томской губернии.

Для начала хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний, касающихся современного состояния разработки феномена этнических диаспор.

Прежде всего, необходимо отметить существующие различия в понимании термина. Выделяют несколько вариантов бытующих определений. Первый — это своего рода классическое, изначальное толкование этого понятия, означающее совокупность евреев, рассеянных со времен Вавилонского плена (586 г. до н. э.) и даже с еще более ранних времен, в областях греческого культурно-языкового ареала (отсюда и употребление греческого слова «diaspora» — «рассеяние»). Позднее этот термин подразумевал подобные совокупности евреев и в иных регионах. Наряду с этим слово «диаспора» стало постепенно истолковываться и как общее определение для ре-

лигиозных и этнических общностей, которые могут быть уподоблены евреям своими исторически происходившими «рассеяниями» из первоначальных метрополий (ранние христиане, армяне, греки, украинцы, ирландцы, китайцы и т. д.).

Наконец, в бытующей ныне практике этот термин приобретает все более универсальный, расширительный смысл. Часто его распространяют почти на все этнические группы, локализованные вне территорий их первоначального расселения («исторических родин», «очагов национального происхождения»). Так, «Краткий словарь современных понятий и терминов» дает следующее определение: диаспора — «пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны его происхождения на положении национально-культурного меньшинства» [1]. Именно это толкование стало сейчас преобладающим, причем настолько, что иногда слово «диаспора» становится просто синонимом эмиграции или национального меньшинства. Представляется, однако, что подобное понимание этого термина, позволяя охватить одним обозначением все множество инородных образований на различных исторических пространствах и в разные времена, все же, на наш взгляд, страдает недостаточной определенностью, порождает множество новых вопросов и поэтому нуждается в уточнении и сужении его рамок.

Учитывая это, некоторые авторы считают, что при использовании термина «диаспора» необходимо отличать вкладываемое в него содержание от следующих понятий: эмиграция и колонизация, понимаемые не как процесс, а как его результат; народ, разделенный государственными границами (например, азербайджанцы); народ, не имеющий своей государственности (например, курды); народ, живущий в рассеянии и не ставящий перед собой задачу создать свою государственность (цыгане); народ или этническая группа, окончательно потерявшие связь со своей исторической родиной (темнокожее население Америки) [2].

В целом можно согласиться, что при нынешнем уровне представлений о феномене диаспор пока еще невозможно предложить удовлетворительные, исчерпывающие и не исключают друг друга количественные и даже качественные критерии того, какие национальные меньшинства можно считать диаспорами.

Из предлагаемых современными авторами для определения понятия «диаспора» [3] критериев заслуживающими внимания, на наш взгляд, представляются следующие:

1) диаспоры образуются, как правило, в результате дробления этносов в условиях критических или даже катастрофических событий на их исторической родине: войн, революций, религиозных преследований, голода, этнических конфликтов, распада многонациональных государств, неблагоприятной экономической ситуации, других экстремальных событий, создающих угрозу жизни, коллективным и индивидуальным правам членой той или иной этнической или конфессиональной группы;

2) всякая диаспора — это пространственная сеть, предполагающая наличие не одного, а многих очагов расселения частей того или иного этноса в инородной среде вне территории своего происхождения;

3) одной из типологических характеристик диаспоры является, с одной стороны, сохранение основных этнообразующих черт исходного этнического ядра, прежде всего этнического самосознания, наличие ментальной обоюдной связи диаспоры и расселенной в границах этногенетического ареала части исходного этноса, с другой — соотношение с диаспорой ее членов даже в случае утраты языка и религии материнского этноса, т. е. двойная идентичность;

4) отсутствие полной интеграции отпочковавшейся части этноса в социально-политической и этнокультурной среде нового ареала обитания;

5) поддержание и воспроизводство диаспоры через сложное взаимодействие социальных институтов и явлений, основным их элементом чаще всего служат религиозные общины, стимулирующие деятельность разнообразных культурных организаций, средств массовой информации, существование национальной литературы и т. п.;

6) наличие собственной «ниши» в экономике принимающей страны и специфической социально-профессиональной структуры;

7) правовая незащищенность и наличие правовых ограничений;

8) отсутствие «комплиментарности» между диаспорой и новой средой обитания, сопровождающееся наличием культурных, языковых и конфессиональных барьеров;

9) наличие «национальной идеи», обычно связанной с возвращением на историческую родину или с желанием ее воссоздать; в других случаях — с сохранением или созданием национального самоуправления (автономии).

Таким образом, для отделившейся части этноса рассеяние становится «образом жизни, особым устойчивым социально-экономическим, культурным, духовным состоянием социума, особой фор-

мой существования в физиологическом и психологическом отрыве от «этнического материка» или без такового вообще». К примеру, у евреев до 1948 г. такого «очага» не было вообще, до недавнего времени практически отсутствовала устойчивая связь с этнической родиной у российских немцев. Это означало жизнь в иноэтнической среде не просто в качестве меньшинств, но меньшинств чужеродных, по Г. Зиммелю, в роли «чужаков». Невозможность опоры на «национальный очаг» заставляла искать такую опору в себе, в своей общине, в совокупности общин. Сохранение идентичности становилось насущной, повседневной задачей и работой, постоянным фактором рефлексии и жесткого внутриобщинного регулирования. С другой стороны, жизнь в инородном окружении заставляла изыскивать возможности интеграции в принимающее общество, искать свое место в экономике, воспринимать языки, культуру, обычаи, образ жизни окружающих. Нежелание, неумение или невозможность приспособиться к новым условиям существования вели к отторжению, часто насильственному, а потеря идентичности — к ассимиляции [4].

Избежавшие ассимиляции и вытеснения меньшинства приобретали новые качества и свойства, комплекс которых условно называют *диаспоральностью*. Важнейшее из них — «умение найти свое особое место в системе разделения труда и социальных ролей, особые психологические характеристики, специфическая ментальность». Как правило, эти качества почти не присутствуют у носителей этнического ядра, но они схожи у представителей этнических групп, оказавшихся в аналогичной ситуации, которая сама по себе ведет «к формированию совпадающих черт в образе и стиле их жизни». Этому же способствовал характер «экономической ниши», которую необходимо было найти и освоить таким образом, чтобы она, с одной стороны, могла обеспечить приемлемый и даже высокий уровень жизни и создать материальную основу для сохранения идентичности, а с другой — давала бы относительную безопасность. Залогом безопасности для чужеродных и незащищенных в правовом отношении диаспоральных групп становилась концентрация усилий в тех областях экономики и в тех сферах жизни, где их деятельность устраивала власть имущих, была им выгодна. Отсутствие выбора, необходимость выжить и утвердиться в чужом, недоброжелательном, а то и просто враждебном мире, где их только терпели, — было для них мощным стимулом к самоутверждению в собственной «нише», к захвату в ней ключевых позиций [5].

Длительная, на протяжении поколений и даже веков, жизнь в рассеянии в качестве чужеродного, как правило, низкостатусного и беззащитного меньшинства, специфическая экономическая специализация постепенно формировали тип человека, обязательным качеством которого являлась высочайшая степень адаптивности, приспособляемости, органически сочетающейся со стремлением и умением сохранять собственную идентичность. Это было возможно только через очень высокий уровень групповой солидарности, благодаря существованию мощных механизмов (религиозных, культурных, социальных) поддержки и укрепления полнокровной жизни этнических общин, их стабильности [6].

В процессе перехода принимающих этносов в стадию индустриальных, рыночных, открытых обществ для диаспоральных групп создается совершенно новый комплекс проблем. Исчезают правовые ограничения, изживается принцип общинной, групповой организации общества, уходит в прошлое бывшая специализация и сама система общинного разделения труда. Уменьшение внешнего давления, возможность свободного выбора не только профессий и места жительства, но и гражданства, религии, языка, национальности формирует мощные ассимиляционные процессы. С другой стороны, разрушение, иногда стремительное, прежнего равновесия, прежней системы взаимоотношений и социальной, этнорелигиозной иерархии, массовое вторжение представителей принимающих этносов в экономическую «нишу» меньшинств — все это зачастую ведет, особенно на первых порах, к конфликтам и потрясениям, которые иногда принимают катастрофический характер. Однако опыт наиболее продвинутых, открытых, постиндустриальных обществ показывает, что там все больше ценится многообразие индивидуального и группового опыта, растет уважение и интерес к собственной и чужой самобытности как к несомненному и большому общественному достоянию. В этой тенденции — залог того, что диаспоры не канут в Лету, а будут и далее неотъемлемой частью бесконечно развивающегося «единства в многообразии» [7].

В свете вышесказанного, думается, можно утверждать, что в конце XIX — начале XX в. у немцев в России, безусловно, сложился комплекс диаспоральности, и у нас есть все основания объединять их совокупность понятием «немецкая диаспора», которое вполне отвечает основным критериям принадлежности к категории диаспор.

Как известно, в основе *массовой* эмиграции в XVIII–XIX вв. выходцев из многочисленных германских государств в Россию, в ре-

зультате которой и возникла немецкая диаспора, лежали сотрясавшие германские земли войны, неблагоприятные экономические факторы, религиозные преследования. В России, где в это время государственная власть проводила целенаправленную политику приглашения представителей европейских народов с целью закрепления и расширения базы западного уклада [8], для выходцев из Европы были созданы максимально благоприятные условия не только с целью освоения с их помощью пустующих земель, но и с тем, чтобы они могли оказать «культурно-образовательное» влияние на русских земледельцев. Немцы, как и ожидалось (самарские меннониты, например, при поселении давали подписку в том, что «постоянно будут иметь в виду цель призвания своего в Россию — служить образцами для других земледельческих сословий» [9]), постепенно создали в местах своего расселения образцовые, процветающие хозяйства. Земледелие и стало той главной экономической «нишей», которую заняли немцы в России. В основе процветания немецких колоний лежал ряд факторов: большие земельные владения и льготы, полученные при водворении, эффективное самоуправление, этнические трудовые традиции и т. п.

Хотя для германских выходцев из России были созданы льготные условия жизнедеятельности, это не означало, что их нельзя считать низкостатусным и беззащитным в правовом отношении меньшинством. Льготы и привилегии распространялись на немецких колонистов до той поры, пока они были выгодны государству. Большинство их было ликвидировано во второй половине XIX в. Вместе с тем история российских немцев, особенно в XX в., как известно, богата репрессиями власти в их отношении. Достаточно назвать ограничение имущественных прав и употребления родного языка, а также принудительные выселения в период Первой мировой войны, не говоря уже о поголовной депортации в Сибирь и Казахстан в годы Второй мировой войны.

Будучи интегрированы в экономическую систему Российской империи, являясь в ней весьма полезным и необходимым элементом, а в результате реформы 70-х гг. XIX в. — уравниены в правах с русскими крестьянами, к началу XX в. немцы, тем не менее, по-прежнему сохраняли свою идентичность. Это достигалось с помощью комплекса социально-экономических, этнокультурных и конфессиональных факторов. Несмотря на то, что в пореформенной России в результате капиталистической конкуренции наметилась тенденция вытеснения немецких колонистов (с 1871 г. — поселян-собственни-

ков) из их экономической «ниши», они все же продолжали сохранять традиционную специализацию в системе разделения труда. Усиление обрусительной политики, выразившееся в ликвидации немецкого самоуправления и в наступлении на национальную школу, безусловно, расширило сферу употребления русского языка немецкими колонистами, но позиции родного языка по-прежнему оставались доминирующими во внутриобщинной жизни. Этому способствовали обособленный образ жизни, мощные образовательные традиции и сохранение конфессиональной принадлежности, особенно у меннонитов.

Для российских немцев была характерна иерархичность и дискретность этнического самосознания. Это объясняется тем, что во времена их переселения в Россию процесс формирования немецкого этноса еще не завершился, так как Германия состояла более чем из 300 самостоятельных княжеств. С германскими выходцами смешались голландцы, швейцарцы, выходцы из других стран. Поэтому в среде колонистов областное самосознание преобладало над общенациональным. Они называли себя швабами, австрийцами, баварцами, саксонцами, меннонитами и др.

Формированию единого самосознания препятствовало и то, что немецкая диаспора в России складывалась не единовременно. Кроме самой многочисленной группы сельских хозяев, колонистов поселян-собственников, различают балтийских (остзейских) немцев, с давних времен укоренившихся в прибалтийских губерниях, и городских немцев, главным образом, петербургских и московских. Дисперсное и анклавное расселение колонистов в разных регионах Российской империи привело к возникновению новых самоназваний: вольгадойче, шварцмеердойче, кримдойче, вольниендойче, кауказиендойче и т. д. Препятствовала складыванию общенационального сознания и конфессиональная неоднородность. К началу XX в. из более чем двухмиллионного немецкого населения империи две трети составляли лютеране, более четверти — католики, остальную часть — меннониты (100 тыс.), баптисты, пятидесятники и др. Но для остального населения страны все эти гетерогенные группы были «немцами». Фактором, свидетельствующим о том, что различные группы немцев осознавали свое единство, было создание в 1917 г. Всероссийского союза немцев и меннонитов.

В течение всей истории существования немецкой диаспоры в России ее пространственное размещение не оставалось неизменным. Первоначально возникли ареалы немецкого населения под

Петербургом, на Украине, в Поволжье, затем в Причерноморье (Новороссия), на Кавказе и в Закавказье, в Крыму, в Волынской губернии. В конце XIX — начале XX в. образуются «дочерние» колонии на Урале, в Сибири, Казахстане, Средней Азии. В Сибири компактные анклавы немецкого населения возникли в Акмолинской области, Тобольской и Томской губерниях. В местах нового расселения основные черты диаспоральности у немецких колонистов, как правило, сохранялись. Об этом можно судить на примере Томской губернии, являвшейся самым крупным очагом немецкой крестьянской колонизации начала XX в. в Сибири.

Переселение немецких колонистов в Томскую губернию в основном приходилось на 1898–1911 гг., а наиболее интенсивное — на 1908–1909 гг. Всего, по данным Томского губернского управления, к осени 1915 г. в Барнаульском, Змеиногорском, Каинском и Томском уездах насчитывалось 112 немецких поселков (по другим данным — 113), носивших преимущественно немецкие названия: Блюменталь, Деньгоф, Найдорф, Шенау, Шенвизе, Николайфельд и т. п., — повторяющие наименования поселений в местах выхода переселенцев. Часть немцев проживала в русских селениях. Общая численность колонистов русского подданства составляла 36 тыс. человек. В их владении находилось свыше 221 тыс. десятин надельной земли [10].

Основным районом компактного расселения немецких колонистов была Кулундинская степь (западная часть Барнаульского уезда с центром в селе Славгородском). Немцами-лютеранами и католиками были заселены переселенческие участки Подсосновской, Славгородской и Новоромановской волостей, меннонитами — Орловская волость. Последние две волости были чисто немецкими по своему составу. На этой территории вместе с северной половиной Славгородской волости, по данным подворного обследования 1911 г., немцы составляли 53,11% населения, в том числе меннониты — 29,45% [11].

В короткий срок колонисты освоили безводную Кулундинскую степь, лишённую леса и поверхностных проточных вод, считавшуюся малопригодной для земледелия. Причины этого коренились в трудолюбии и высоком уровне их производственной культуры. Как свидетельствуют материалы обследования 1911 г., в отличие от других переселенцев, в особенности от малороссов, немцы не жаловались на бедность местной природы, а присматривались к окружающим условиям жизни и непрерывно их изучали. Производя опыты с посадкой различных злаков, при неудачах не жаловались на «кли-

мант» и «солонцы», а выясняли причины неудач и соответственно прекращали или изменяли опыт. У них были свои инструкторы полеводства, огородничества и скотоводства [12].

Немцы, в первую очередь меннониты, были самой зажиточной этнической группой среди переселенцев. Всюду у них был «лучший скот, лучшее сено, лучшие урожаи, лучшая пища». На долю немецких колонистов приходился наибольший процент зажиточных хозяйств. Об этом убедительно свидетельствуют следующие данные.

Распределение хозяйств переселенцев в Томской губернии по размерам посева и по национальностям, %

Размер посева	Русские	Украинцы	Немцы	Прочие	Итого
Без посева	42,6	33,0	12,4	12,0	100,0
Не более 1 дес.	56,3	20,4	2,7	20,6	100,0
Свыше 1 до 3 дес.	40,4	26,6	3,7	29,3	100,0
Свыше 3 до 9 дес.	38,3	29,6	7,2	24,9	100,0
Свыше 9 дес.	29,2	29,2	31,0	10,6	100,0

Быстрая хозяйственная адаптация немцев, в особенности меннонитов, в суровых сибирских условиях объяснялась, наряду с трудолюбием и высокой производственной культурой, их более высокой хозяйственной состоятельностью в сравнении с другими переселенцами, в отличие от которых они пользовались правом получения дополнительных, помимо выдаваемых государством, ссуд из капиталов, хранящихся в тех обществах, откуда вышли. Такие ссуды получили, в частности, выходцы из Гнаденфельдской и Гальбштадтской волостей Таврической губернии, из Хортицкой волости Екатеринославской губернии [14].

О высоком уровне зажиточности и развитости капиталистических отношений в немецкой переселенческой деревне, особенно меннонитской, свидетельствует широкое использование наемного труда. Так, в Орловской волости, населенной меннонитами, использование наемного труда составляло свыше 53%, причем в отдельных селениях (Эбенфельд и Караталь) все хозяйства применяли наемный труд. В населенной лютеранами и католиками Новоромановской волости наемный труд использовался почти в 24% хозяйств, в то время как в соседней Богословской волости, заселенной украинцами и русскими, применение наемного труда составляло лишь 16% [15].

Немецких переселенцев отличал более высокий, в сравнении с окружающим населением, уровень бытовой и производственной культуры. Поселки немцев в Кулундинской степи отличались «чистотой, прибранностью и порядком». Почти во всех поселках имелись построенные на собственный счет школы, во многих — хлебозапасные магазины, имелись мельницы с нефтяными двигателями, на общественные средства содержались учителя, фельдшеры и повивальные бабки» [16].

Немцы жили, как правило, замкнутыми колониями, «совершенно обособленно». Современники отмечали, что немцы «окружающего... русского населения... сторонятся, почти никаких дел с ними не имеют», «даже рабочих держат исключительно своих и почти совсем не нанимают русских». Смешанные браки практически отсутствовали. «За все время поселения не было ни одного случая, чтобы немец женился на русской или русская вышла замуж за немца. Даже в этнически смешанных переселенческих поселках образ жизни колонистов характеризовался «замкнутостью и обособленностью»» [17].

Отличало немцев «настойчивое стремление» сохранить в неприкосновенности «свою немецкую национальность», «свой язык и обычай». Современники отмечали, что между собою немцы говорят исключительно «на своем языке и многие, в особенности женщины, по-русски совсем не знают». Даже в волостных немецких правлениях и сельских управах разговор велся на немецком языке, а «русских должностных лиц немцы всеми мерами стараются выжить» [18]. В домашних школах, имевшихся во многих поселках, обучение детей велось исключительно по-немецки. Исключение составляли меннониты, многие из которых были грамотны не только по-немецки, но и по-русски. Сравнительно высокая грамотность немцев-переселенцев была связана с их религиозными потребностями: школа должна была готовить детей к конфирмации [19].

На сохранение замкнутости и обособленности немецких колонистов, особенно меннонитов, в Сибири оказывал влияние и фактор конфессиональной принадлежности. Католические и евангелическо-лютеранские общины имелись фактически во всех городах Сибири. В район Томского евангелическо-лютеранского прихода входили Томская губерния и Семипалатинская область. Приходом заведовал пастор Я. Гессе, резиденция которого находилась в Томске. С 1916 г. обслуживание евангелическо-лютеранских поселков в Барнаульском уезде осуществлял пастор-адьюнкт Я. Штах, в Семипалатинской области — пастор А. Нейман, беженец из Ковенской

губернии [20]. Обслуживание католиков находилось в ведении священников-поляков. Меннонитские приходы возникли в Орловской, Леньковской, Златополинской, Славгородской волостях и в Славгороде [22].

Отношения немецких переселенцев с властью характеризовались лояльностью и законопослушанием. По характеристике чиновников, немцы «в отношении платежа податей и отбывания общественной повинности аккуратны», «охотно подчиняются русским законам», к местным властям и правительству относятся «осторожно», «предупредительно», «почтительно» и даже «с чувством благодарности за отпущенную им в надел землю в достаточном количестве, чего они были лишены в европейской России» [23]. Меннониты Орловской волости «по своему религиозному воззрению чужды каких-либо политических течений, оставаясь безучастными к политической жизни государства, как внешней, так и внутренней». Как характерную особенность меннонитов следует отметить их склонность помогать как своим единоверцам, так и русским, примером чего может служить хотя бы то обстоятельство, что... они добровольно отправили на свои средства для нужд русского войска несколько десятков тысяч пудов пшеницы» [24].

Отношения с окружающим населением колебались в амплитуде от отчужденных и нейтральных до «хороших», «миролюбивых» и «доброжелательных». Характерно, что местные жители считали «своим долгом быть в приятельских отношениях к немцам», избирали их «единогласно в общественные должности», например, в волостные судьи и в члены советов кредитных учреждений. Но все «перевернула» война [25], прервавшая процесс налаживания жизненного уклада, укрепления и развития хозяйства немецких колонистов на новом месте. Лошадей реквизирувало на нужды войны военное ведомство. Мужчин мобилизовали (колонисты сражались на Турецком фронте, меннониты служили в госпиталях и санитарных батальонах). Военскую повинность отбывали, однако, неохотно, стараясь всеми мерами от нее уклониться, вплоть до отправки своих сыновей в Америку. К происходящим военным событиям относились индифферентно, по крайней мере, никаких суждений по этому поводу ни с кем из русского населения не высказывали. В то же время каких-либо «враждебных действий по отношению к России» с их стороны не замечалось [26].

Годы войны были временем обострения антинемецких настроений. Усиленно насаждавшаяся и ранее шовинистическими кругами

теория «немецкого засилья» в годы войны была подкреплена государственными мерами, начало которым было положено кампанией по переименованию селений с немецкими названиями [27]. Организованный вслед за тем поиск в немецкой среде обществ, «имеющих целью объединение немецкого элемента на почве узконациональных интересов и даже проведение германских национальных тенденций» [28], оказался менее успешным, поскольку таковых, если не считать существовавшего в Томске с 1905 г. благотворительного дамского евангелическо-лютеранского общества, в губернии не было обнаружено [29].

Следующая крупномасштабная акция была направлена на вытеснение и ограничение немецкого землевладения с помощью так называемых «ликвидационных законов». В сентябре – октябре 1916 г. и затем 6 февраля 1917 г. их действие было распространено на Сибирь, в том числе и на Каинский, Томский, Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской губернии [30]. Гонениям подверглась и немецкая школа. 2 июля 1916 г. Совет министров постановил запретить «повсеместно в Империи», начиная с 1916/17 учебного года преподавание на немецком языке «во всех учебных заведениях, не исключая частных и содержимых евангелическо-лютеранскими пасторами». Исключение делалось лишь для преподавания Закона Божьего и немецкого языка «для тех лиц евангелическо-лютеранского вероисповедания, для которых немецкий язык является природным» [31].

Развернутая государственной властью антинемецкая кампания имела своим результатом возбуждение обоюдного недоверия между немецкими колонистами и русским населением. Как свидетельствуют донесения Барнаульского уездного исправника Томскому губернатору осенью 1915 г., среди местного населения наметилось «скрытое, ни в чем пока не проявляемое враждебное настроение» по отношению к немцам. И среди населения немецких поселков появилось «заметное враждебное отношение ко всему русскому». Жители этих поселков высказывались, что им «теперь здесь не жить, нужно уезжать». И хотя, по свидетельству исправника, в форму явного проявления недовольства эти настроения не выливались [32], тем не менее они являлись тревожным для самодержавия симптомом, свидетельствующим об утрате им доверия среди лояльных прежде немецких колонистов.

Таким образом, расселившись в Томской губернии компактными анклавами, сохраняя сложившиеся в местах прежнего расселения

стабильность стереотипов поведения, высокий уровень сельскохозяйственной специализации, регламентацию жизненного уклада, отличную от других культуру труда и быта, особые конфессиональные отношения, национальные школы, немцы тем самым сохраняли сложившиеся в местах выхода черты диаспоральности. Многочисленные факты дискриминации: перевод преподавания в школах на русский язык, закрытие школ, церквей и молитвенных домов, ограничение и вытеснение немецкого землевладения, шпиономания и призывы развернуть борьбу с «внутренним врагом», злоупотребления местных властей и т. п. — с особой силой диктовали необходимость групповой солидарности и самоорганизации с целью создания механизмов, способных противостоять враждебной внешней среде. Последующие социальные катаклизмы (революция, гражданская война, эксперименты по социалистическому переустройству общества), предоставив первоначально новые возможности для сохранения и даже развития у сибирских немцев комплекса диаспоральности, выразившиеся в создании в 1917–1918 гг. национально-персональной автономии в Западной Сибири, а в 20-е гг. национального района на Алтае, в дальнейшем привели к его почти полному разрушению.

Примечания

1. Краткий словарь современных понятий и терминов. М., 1993. С. 115.
2. См.: Колосов В.А., Галкина Т.В., Куйбышев М.В. География диаспор на территории бывшего СССР // *Общественные науки и современность*. 1996. № 5. С. 35.
3. См.: Туров М.Г. К вопросу об употреблении слова «диаспора» в значении научного термина // *Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири*. Иркутск, 1994. С. 29; Колосов В.А., Галкина Т.В., Куйбышев М.В. Указ. соч. С. 35; Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // *Социс*. 1996. № 12. С. 34–37.
4. См.: Дятлов В.И. Диаспора как исследовательская проблема // *Диаспоры в историческом времени и пространстве...* С. 10–11.
5. См.: Там же. С. 12–13.
6. См.: Там же. С. 13.
7. См.: Там же. С. 14.
8. См.: Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996. С. 167.
9. Чеботарева В.Г. Социально-экономические аспекты жизни немецких колоний в российской историографии (40-е гг. XIX в. — 1917 г.) // *Российские немцы: историография и источниковедение*. М., 1997. С. 39.
10. См.: Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 1250. Л. 7; Д. 4204. Л. 195 об.

11. См.: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск, 1913. Вып. 1. С. 168.
12. См.: Сборник статистических сведений... С. 185, 188.
13. Таблица составлена автором по данным обследования 1911–1912 гг. (см.: Сборник статистических сведений... С. 211). При анализе таблицы следует иметь в виду, что в ней представлены те районы, где немцы составляли лишь 10% населения, в то время как русские – 38,4%, украинцы – 28,3%, прочие – белорусы, эстонцы, латыши, поляки – 22%.
14. См.: Сборник статистических сведений... С. 186.
15. См.: Сборник статистических сведений... Приложение 9. С. 2–9. (Проценты подсчитаны автором.)
16. Сборник статистических сведений... С. 185.
17. ГАТО, Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204. Л. 85 об., 91–91 об., 174, 196.
18. Там же. Л. 120, 121, 178.
19. См.: Черказянова И.В. Влияние переселенческих процессов на становление немецкой школы в Сибири // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 149.
20. См.: ГАТО. Ф. 3. Оп. 5. Д. 189. Л. 4–5; Stach J. Meine Feuertaufte. Erlebnisse eines evangelischen Diasporapfarres in Sibirien. Von Jacob Stach. St. Gallen, 1924. S. 32–35, 68.
21. См.: Stach J. Das Deutschtum in Sibirien, Mittelasien und dem Fernen Osten. Stuttgart, 1938. S. 102.
22. См.: ГАТО. Ф. 3. Оп. 77. Л. 2, 5, 8, 9 об., 14–15, 18–19, 36.
23. Там же. Оп. 44. Д. 4204. Л. 81 об., 117 об., 178, 186.
24. Там же. Л. 185 об.
25. См.: Там же. Л. 46, 117 об., 186.
26. Там же. Л. 81 об., 91 об., 186.
27. См.: Там же. Оп. 45. Д. 1242.
28. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 245.
29. См.: Там же. Д. 149. Л. 261–264; Д. 161. Л. 245–246.
30. См.: История российских немцев в документах. М., 1993. С. 52–54; Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний... С. 46.
31. История российских немцев... С. 47.
32. См.: ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 4201. Л. 167, 175.

МОСКОВСКИЕ НЕМЦЫ В ЗЕРКАЛЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СТАТИСТИКИ (1871–1917)

В. Дённингхаус

...Как раскинулась, как расширилась старая Москва! Как сдвинулся, как вытянулся в струнку щеголь-Петербург... Москва женского рода, Петербург мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи... Петербурге – аккуратный человек, совершенный немец, на все глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва – русский дворянин и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане: она не любит середины... Москва нужна для России, для Петербурга нужна Россия... Петербург любит подтрунить над Москвою, над ее неловкостью и безкусием; Москва кольнет Петербург тем, что он не умеет говорить по-русски... Сказал бы еще кое-что, но – «Дистанция огромного размера!»...

Николай Гоголь. Москва и Петербург [1]

1. Общие статистические данные

Несмотря на то, что на рубеже XIX–XX вв. в Москве проживало около 54 представителей различных языковых групп, ее национальный состав оставался достаточно однороден и в предвоенный период изменился весьма незначительно. Основная масса москвичей состояла из русских (около 95%) и небольшого числа украинцев и белорусов. Все остальные народности, вместе взятые, составляли лишь незначительную часть населения города – около 5,0% [2]. Данное явление, подчеркивающее национальный облик «чисто русского города», объясняется в первую очередь тем, что центральные власти на протяжении долгого времени, различными путями, старались не допускать в Москву «инородцев» [3]. В то же время этнический состав населения Российской империи в целом

менялся далеко не в пользу русских и вообще восточных славян. В результате многочисленных российских экспансий доля русских в общем населении страны достигла к 1897 г. 44,3%, а доля всех восточных славян доходила до 67% [4]. Об этом свидетельствует также соотношение этнических групп в 19 крупнейших городах Российской империи: в десяти из них русские составляли менее половины населения. Свыше 90% русских были представлены только в двух городах — Москве и Туле [5].

Несмотря на то, что число лиц, живших в Москве и объявивших своим родным языком один из языков народов Западной Европы постепенно возрастало (хотя темпы роста оставались довольно медленными), удельный вес данной группы населения к началу XX в. заметно сократился. Среди этой группы, в первую очередь, выделялось немецкое население «второй» столицы: если в 1871 г. к немецкоговорящей группе отнесли себя около 11 тыс., то в 1912 г. ее численность достигала более 20 тыс. человек. Кроме немецкоговорящего населения, составлявшего на протяжении всей второй половины XIX — начала XX в. в среднем 1,5–2,0% (табл. 1) от общей численности московского населения, все остальные народности были численно настолько малы, что ни одна из них не превышала даже 1,0% [6]. Данная тенденция сохранялась вплоть до начала Первой мировой войны, при этом немцы прочно удерживали за собой второе место после русскоязычного населения, хотя их удельный вес среди общей численности населения столицы постоянно сокращался [7]. За немцами (1912 г.) с существенным отрывом следовали поляки, татары, евреи [8] и более мелкие национальные группы — армяне, французы, латыши и др.

Таблица 1. Численность немецкоговорящего населения в Москве (1871–1920 гг.) [9]

Год	Общая численность населения	В том числе лица, определившие своим родным языком немецкий	
		Всего (абс.)	Доля, %
1871	601 969	10 948	1,82
1882	753 469	15 181	2,01
1897	978 537 [10]	17 358	1,8
1902	1 092 360	17 676	1,62
1912	1 399 372 [11]	20 209 [12]	1,96
1920	1 027 336	6 014	0,58

2. Германские подданные в Москве

Хотя иностранные подданные составляли весьма незначительную часть населения Москвы, их численность постоянно росла. Если в 1871 г. иностранные подданные составляли только 6713 человек, в 1882 г. — 10 918 [13], в 1897 г. (без пригородов) — 13 318, то в 1911 г. их численность достигала уже 16 407 человек [14]. Характерно, что среди иностранцев, живших в 1897 г. в Москве, уроженцами ее было более 4,5 тыс. человек (34,1%) [15]. При этом большинство иностранных подданных в Москве представляли граждане Германии (табл. 2). Так, например, в 1897 г. их доля составляла почти половину (46,6%) от общей численности всех иностранных граждан Москвы. Тенденция роста численности германских подданных продолжалась вплоть до начала Первой мировой войны. Если перепись 1871 г. зафиксировала чуть более 3,7 тыс. германских подданных, то к 1912 г. их численность почти удвоилась и достигла 7,2 тыс. [16].

Таблица 2. Общая численность граждан, имевших иностранное подданство (1871–1917 гг.) [17]

Год	Германские		Австро-Венгерские		Швейцарские		Французские		Британские	
	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %
1871	3 738 [18]	55,7	371	5,5	306	4,5	1059	15,8	523	7,8
1882	5 700	52,3	1 300	11,9	550	5,0	1 500	13,75	656	6,0
1897	6 206 [19]	46,6	1 686	12,6	1 018	7,6	1 763	13,2	858	6,4
1912	7 183	43,8	2 290	13,9	1 076	6,5	2 219	13,5	1 049	6,4

К началу Первой мировой войны доля германских подданных, проживших более 10 лет в Москве, составляла более половины от их общей численности (табл. 3). При этом численность германских подданных — уроженцев Москвы — достигала почти 53% от общей численности всех иностранцев, родившихся в столице [20]. В период военных действий между Россией и Германией германские подданные подверглись высылке, несмотря на длительность проживания, место рождения и подтверждение лояльности [21]. Так, к 1 июня 1915 г. из Москвы было выселено около двух тысяч немцев — германских подданных, что составило около 30% от их общей численности [22].

Таблица 3. Германские подданные Москвы (оба пола) по месту рождения и продолжительности пребывания в Москве (1912 г.) [23].

Место рождения	Продолжительность пребывания								
	Всего (абс.)	Менее 1 года	1 год	2 года	3-5 лет	6-10 лет	11-20 лет	21 год и более	Нет сведений о числе лет
Родившиеся вне Москвы	4396	616	241	288	604	607	833	1093	114
Родившиеся в Москве	2787	131	82	107	289	447	689	915	127

В заключение можно отметить, что если перед началом Первой мировой войны в столице проживало почти 16,5 тыс. иностранных граждан, то по переписи 1926 г. в Москве было зафиксировано только около 9 тыс. иностранных подданных.

3. Распределение немецкоговорящего населения по вероисповеданию

Долгое время о Москве было распространено мнение, что это город в первую очередь «крестьянский, православный и русский» [24]. По переписи населения 1902 г. православные, единоверцы и раскольники Москвы составили почти 93% всего населения, на остальные вероисповедания приходилось только 7,0% [25]. Таким образом, православное вероисповедание преобладало над всеми остальными религиями в течение всего исследуемого периода, совершенно поглощая их. Доля населения неправославного исповедания фактически не поднималась выше 8,5% по отношению к численности православного населения Москвы. Переписи населения позволяют проследить изменение численности представителей разных исповеданий в Москве (табл. 4).

Таблица 4. Население по вероисповеданиям (оба пола) в 1871-1912 гг. [26]

Конфессиональная принадлежность	Год									
	1871		1882		1897 [27]		1902		1912 [28]	
	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %
Православные	558 851	92,84	690 977	91,71	911 044	93,1	1 014 823	92,9	1 268 791	92,6
Римско-католики	7 482	1,24	9 217	1,23	14 695	1,5	17 050	1,56	23 281	1,7
Протестанты	12 332	2,05	17 183	2,28	21 304	2,2	23 427	2,14	29 286	2,14

Группа немецкоязычного населения Москвы по своей конфессиональной принадлежности распределялась довольно неравномерно. Основную их долю составляли протестанты (см. табл. 5), представлявшие около 90% всей немецкой диаспоры Москвы. На протяжении длительного периода конфессиональная принадлежность немецкоязычной группы оставалась относительно постоянной. Так, если немецкие протестанты составляли в 1871 г. около 87%, то в 1902 г. — 89,4%. В то же время, доля немецких католиков несколько снизилась — с 9,4% (1871 г.) до 7,1% (1902 г.). Почти в два раза снизилась и доля православных немцев — с 3,8% (1871 г.) до 1,97% (1902 г.). В абсолютных же цифрах к началу XX в. заметен довольно большой рост немецких протестантов — с 9 тыс. (1871 г.) до почти 16 тыс. человек (1902 г.), т. е. увеличение численности более чем на 40%. Абсолютное же число немецких католиков и православных фактически не изменилось, что видно из табл. 5.

Таблица 5. Распределение немецкоговорящей группы Москвы по вероисповеданию (1871-1902) [30]

Год	Протестанты		Римско-католики		Православные	
	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %
1871 [31]	9 099	86,8	990	9,4	396	3,8
1897	15 403	88,7	1 201	6,9	417	2,4
1902	15 810	89,4	1 259	7,1	349	1,97

4. Соотношение полов немецкоговорящей группы Москвы

В начале второй половины XIX в. для населения Москвы в целом весьма характерно было численное преобладание мужчин. Эта особенность в первую очередь объясняется массовым притоком в нее пришлого населения. На заработки в город в основном отправлялись мужчины, оставляя в деревнях свои семьи, продолжавшие поддерживать хозяйство. В то же время среди коренных москвичей численное преимущество сохраняли женщины, составляя 53-54% уроженцев Москвы [32]. Данная тенденция (рост мужского населения по отношению к женскому) имела место и в немецкоязычной колонии Москвы фактически до начала 80-х гг. XIX в. Однако со временем соотношение половой структуры немецкоязыч-

ного населения Москвы практически уравновесилось. Уже по переписи 1882 г. доля немецких мужчин составила 50,1%, а женщин — 49,9% [33] (табл. 6).

Таблица 6. Соотношение полов немецкоязычного населения Москвы (1871–1920 гг.) [34]

Год	Мужчины		Женщины		Итого
	Всего (абс.)	Доля, %	Всего (абс.)	Доля, %	
1871 [35]	5751	52,5	5 197	47,5	10 948
1882	7609	50,1	7 572	49,9	15 181
1897	8292	47,8	9 066	52,2	17 358
1902	8197	46,4	9 479	53,6	17 676
1912 [36]	8853	44,2	11 184	55,8	20 037
1920	2855	47,5	3 159	52,5	6 014

На стыке веков численное преобладание немецких женщин стало уже заметным, достигнув 52% [37]. К началу Первой мировой войны соотношение половых групп немецкого населения Москвы распределялось следующим образом: на мужчин приходилось лишь 44%, а на женщин — 56% [38]. Возрастание удельного веса женщин среди немецкого населения Москвы с начала 80-х гг. XIX в. можно считать признаком более прочного оседания в городе данной группы населения, а также более широкими возможностями поиска работы (в основном в качестве гувернанток и частных учителей) в крупном городе [39]. Интересно отметить, что в начале пореформенного периода наблюдались существенные различия в соотношении немецких мужчин и женщин Москвы по различным ее частям. Так, по переписи 1871 г., в «дворянской» Пречистенской части проживало только 36,8% немецкоязычных мужчин и 63,2% женщин, а в «рабочей» — Серпуховской, доля немецких мужчин доходила до 60,0% [40].

Войны и революционные потрясения во втором десятилетии XX в. оказали существенное влияние и на соотношение половой структуры немецкоговорящего населения Москвы. Значительная часть мужского населения с началом Первой мировой войны была призвана в армию, часть имевших германское гражданство депортирована из столицы, как и часть немцев, имевших русское гражданство, но заподозренных в шпионаже в пользу Германии. Большой отток мужского немецкоговорящего населения заметен уже в предвоенные годы, когда мужчины призыв-

ного возраста и крупные предприниматели стали покидать Москву [41]. Это подтверждают и данные переписи 1912 г., где заметно значительное превышение немецкого женского населения над мужским, особенно в сравнении с переписью 1897 г. Решающее значение по снижению численности немецкоговорящего населения Москвы нанесла эмиграция периода 1918–1920-х гг., затронувшая целиком целые семьи, без различия пола и возраста. Подводя итоги, можно констатировать, что за период 1912–1920 гг. немецкое мужское население Москвы сократилось на 6 тыс. человек, а женское — на 8 тыс., «выравнив» таким образом их численность [42].

5. Семейное положение немецкоязычных жителей Москвы

По переписи 1897 г. доля холостых мужчин и незамужних женщин среди немецкоязычной группы москвичей была очень высока и составляла 55,5% (табл. 7). В то же время для общего населения Москвы данный процент был несколько ниже и составлял около 50%. Высокая численность холостых мужчин и незамужних женщин говорит о неустойчивости состава московского населения того времени в целом. До конца XIX в. в Москве даже среди женатых мужчин численно преобладали одинокие люди, жившие отдельно от своих семей. В немецкой колонии Москвы в конце XIX в. на 3294 женатых мужчин насчитывалось только 2710 замужних женщин. Такая же тенденция наблюдалась в 1897 г. и для московского населения в целом: количество женатых мужчин превышало число замужних женщин почти в два раза. Это происходило, в основном, в связи с тем, что жены мужчин, отмеченных переписью как «состоящие в браке», жили за пределами Москвы или вообще России, ожидая своих выехавших на заработки мужей. При этом необходимо учитывать и то, что многие молодые девушки, приехавшие в Москву из Германии или Прибалтийских губерний на заработки, не спешили особо выходить замуж, так как, в основном, их профессиональная деятельность была связана с работой в семьях в качестве гувернанток или домашних учителей. В большинстве же случаев после замужества их рабочей карьере приходил конец [43].

Таблица 7. Распределение немецкого населения по семейному положению (1897 г.) [44]

Холостые и девицы			Состоящие в браке			Вдовы		
Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
4722	4919	9641	3294	2710	6004	245	1219	1464
(27,2)*	(28,3)	(55,5)	(19,0)	(15,6)	(34,6)	(1,4)	(7,0)	(8,4)

* Здесь и далее в скобках доля от общего числа, %

Разведенные			Не указавшие семейного положения			В целом по Москве		
Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего	Мужчины	Женщины	Всего
31	24	55	21	37	58	8292	9066	17358
(0,18)	(0,14)	(0,31)	(0,12)	(0,21)	(0,33)	(47,8)	(52,2)	(100)

Если в середине 60-х гг. XIX в. в евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла в Москве заключалось приблизительно около 70 браков в год, из которых более трети с партнерами чуждых конфессий, то в первом десятилетии XX в., несмотря на заметный рост количества заключаемых браков (в среднем более чем в два раза по сравнению с серединой XIX в.), бросается в глаза резкое снижение количества браков между членами евангелическо-лютеранской общины и представителями членов других конфессий. Так, в 1913 г. из 167 заключенных браков только 6,6% пришлось на смешанные браки (в 1865 г. — 32%) [45]. Таким образом, с приближением, а затем и с началом Первой мировой войны, ситуация в области смешанных браков резко изменилась, что в свою очередь наглядно характеризует определенную взаимоизоляция немецкоязычной и русскоязычной групп московского населения. При этом, взаимопроникновение и взаимовлияние чужеродных культур особенно наглядно проявляются именно в смешанных браках, где зачастую сталкиваются представители различных религиозных конфессий и языков. Обострение так называемого «германского вопроса», пропаганда и идеологическое давление вызвали перемены в массовом сознании как представителей русского, так и немецкого народов. Деление на «своих» и «чужих», поиск национальной идентичности и национальной идеи к началу Первой мировой войны достигли своего апогея. Данные изменения не могли не отразиться и на обывательской жизни граждан Москвы, что наиболее ярко проявилось в немецких погромах 1915 г.

6. Краткие итоги

В то же время, если количественный состав немецкого населения Санкт-Петербурга с 1869 по 1910 г. постепенно снижался (с 45,5 тыс. до 41,3 тыс. человек [46]), то в Москве, напротив, он довольно существенно вырос. С 1871 по 1912 г. численность немецкоговорящего населения Москвы выросла почти в два раза. Первая мировая война (депортация граждан Германии) и Октябрьская революция (эмиграция немецких предпринимателей и торговцев) вызвали большие и невосполнимые изменения в численности немецкоговорящей группы Москвы. В результате роста эмиграции, высылки из столицы, призыва в действующую армию и Гражданской войны численность немцев резко сократилась и составила, по данным переписи 1920 г., всего чуть более 6 тыс. человек. Тенденция снижения немецкого населения в столице наблюдалась на протяжении всех последующих лет после установления советской власти. Вообще, для советского периода характерны коренные изменения в составе нерусского населения Москвы: немецкая национальная группа утратила второе место по численности, намного уменьшилась доля французов, а также поляков. Резко выросли группы, представляющие национальности Советской страны: евреев, татар, украинцев, белорусов, армян и т. д. При этом доля самого русского населения в Москве к 1920 г. уменьшилась до 84,8% [47].

Примечания

1. Юголь Н. Москва и Петербург // Москва и ее жизнь / Сост. Роман Кузов. СПб. 1914. С. 233–234.
2. См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXIV. Город Москва. Тетрадь 2. СПб. 1904. С. XXX.
3. См.: Henning Bauer — Andreas Kappeler — Brigitte Roth (Hg.): Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897. Teil A. Stuttgart, 1991. S. 416 f.
4. См.: Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997. С. 210, 292.
5. См.: Там же. С. 212, 295.
6. См.: Первая Всеобщая перепись... С. XXX.
7. См.: Гаврилова И.Н. Демографическая история Москвы. М., 1998. С. 277–278; Кабузан В.М. Русские в мире. СПб., 1996. С. 347.
8. В начале 90-х гг. XIX в. началось выселение из Москвы евреев, не имеющих права жительства в столице, и доля их заметно понизилась. См.: Гаврилова И.Н. Указ. соч. С. 42.
9. Рассчитано по: Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 года. М., 1874. С. 56–63; Перепись Москвы 1882 года.

- Вып. 3. М., 1886. С. 234–235; Первая Всеобщая перепись... С. 68–69; Перепись Москвы 1902 года. Ч. I. Население. Вып. 2. М., 1906. С. 222–225; Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4. М., 1916. С. 19–39; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 16.
10. Численность населения в частях города вместе с иностранными подданными. С пригородными местностями численность населения г. Москвы составляла 1 038 591. См.: Первая Всеобщая перепись... С. 2–3.
 11. Без пригородов, только в черте города. См.: Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4. С. 27.
 12. К числу немецкоговорящих были отнесены в переписи лица, владеющие также голландским и фламандским языками, проживающие только в черте города, без учета пригородов. При этом не учитывались германские подданные, насчитывающие к тому времени 7183 человека. Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4. С. 27, 32. См. также: Петров Ю.А. Немецкие предприниматели в Москве XIX – начала XX в. // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997. С. 132; Petrov, Jurij: Deutsche Unternehmer in Moskau: Das Handelshaus «Wogau & Co». In: «...das einzige Land in Europa...». S. 379; Mehnert, Klaus. Harte Arbeit, die reiche Frucht trug. In: Heimat in der Fremde: Deutsche aus Russland erinnert sich. Hg. v. Rudolf Portner. Düsseldorf, Wien, New York, Moskau, 1992. S. 77.
 13. В сведениях об иностранцах [1883] численность иностранцев в 1882 г. составляла 10 906 человек. См.: Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 226. Л. 83.
 14. См.: Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4... С. 38–39.
 15. См.: История Москвы. Т. 4. М., 1954. С. 233.
 16. См.: Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4... С. 38–39.
 17. Die Prozentangaben verstehen sich als Anteil der jeweiligen Nationalität innerhalb der Gesamtgruppe der Ausländer. Рассчитано по: Статистические сведения... 1871... С. 82; ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 226 (Сведения об иностранцах [1883]. Черновик). Л. 83; Первая Всеобщая перепись... С. 58–59; Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4... С. 38–39. (Подданные Германии в данной переписи были рассчитаны вместе с подданными Люксембурга, австро-венгерские – вместе с гражданами Лихтенштейна, Боснии и Герцеговины; французские подданные – вместе с гражданами государств Монако и Андорра).
 18. Численность иностранных подданных Германии (в таблице «Распределение инородцев и иноверцев по сословиям») составляла 4138 человек. Рассчитано по: Статистические сведения... 1871... С. 86–87.
 19. Численность германских подданных, проживающих в Москве, вместе с пригородами составляла 6394 человека. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись... С. 58–59. (Численность иностранных подданных Германии в таблице «Родной язык, сословия и состояние» составляла 6093 чел. С. 246–247).
 20. См.: Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4... С. 38–39. (Включая подданных Люксембурга).
 21. См.: ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 225. Д. 1292 (Докладная записка Московского градоначальника Командующему войсками Московского Военного округа). Л. 123.
 22. См.: Харламов Н.П. Записки бюрократа. Борьба с немецким засильем во время русско-германской войны в 1914–1916 гг. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (ОР РГБ). Ф. 261. Кор. 20. Д. 6. Л. 82.
 23. См.: Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4... С. 38–39.
 24. Гаврилова И.Н. Указ. соч. С. 44.
 25. Рассчитано по: Перепись Москвы 1882... С. 127–128.
 26. Рассчитано по: Статистические сведения... 1871... С. 32–33; Перепись Москвы 1882... С. 127–128; Первая Всеобщая перепись... С. XXXI–XXXII; Перепись Москвы 1902... С. 224–225; Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4... С. 21.
 27. Без пригородов, только в городских частях.
 28. Без новых 3 городских частей: Бутырки, Алексеево и Н.-Андроновка.
 29. Включая униатов, армяно- и старокатоликов: 1902, 1911–1913 гг.
 30. Рассчитано по: Статистические сведения... 1871... С. 35–47; Первая Всеобщая перепись... С. 66–69; Перепись Москвы 1902... С. 222–225.
 31. Разделение по конфессиям (по переписи 1871 г.) затрагивает только поименные списки немецкоговорящего населения г. Москвы.
 32. См.: История Москвы. Т. 4. С. 234.
 33. Рассчитано по: Перепись Москвы 1882... С. 232–235.
 34. Рассчитано по: Статистические сведения... 1871... С. 56–57; Перепись Москвы 1882... С. 232–235; Первая Всеобщая перепись... С. 68–69; Перепись Москвы 1902... С. 214–225; Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4... С. 19–39; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 16.
 35. Немецкоговорящее население исчислено поименно и в перечнях.
 36. Без трех новых районов; к немецкоязычным причислены также говорящие на голландском и фламандском языках; иностранные подданные в расчет не включались. Рассчитано по: Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4... С. 23–25.
 37. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись... С. 68.
 38. См.: Статистический ежегодник города Москвы, 1911–1913. Вып. 4... С. 22–27 [Немец. язык вместе с голланд. и фламандск.]
 39. См.: Busch, M.: Deutsche in St. Petersburg. Essen, 1995. S. 35.
 40. Рассчитано по: Статистические сведения... 1871... С. 56.
 41. См. Mehnert, Klaus: Harte Arbeit, die reiche Frucht trug. S. 87.
 42. См.: Выдро М.Я. Население Москвы. М., 1976. С. 20–21.
 43. См.: Busch M. Op. cit. S. 36.
 44. Рассчитано по: Первая Всеобщая перепись... С. 130–131 [только в городских частях].
 45. Рассчитано по: Jahresbericht der... Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Pauli Kirche zu Moskau für das Jahr 1865. M., 1866. S. 1–18; 1866. S. 1–18; 1869. S. 1–18; 1875. S. 1–19; 1876. S. 1–18; 1879. S. 1–15; 1880. S. 1–16; 1881. S. 1–19; 1882. S. 1–22; 1884. S. 1–20; 1886. S. 1–18; 1887. S. 1–18; 1888. S. 46–63; 1889. S. 49–68; 1890. S. 66–86; 1891. S. 71–93; 1892. S. 66–85; 1893. S. 73–95; 1894. S. 68–87; 1895. S. 77–97; 1896. S. 80–99; 1897. S. 80–101; 1898. S. 83–103; 1899. S. 98–118; 1900. S. 91–112; 1901. S. 102–123; 1902. S. 104–124; 1903. S. 129–150; 1904. S. 130–151; 1905. S. 114–136; 1907. S. 111–134; 1908. S. 112–134; 1910. S. 121–141; 1913. S. 156–177.
 46. Busch M. Op. cit. S. 28.
 47. Гаврилова И.Н. Указ. соч. С. 278.

НЕМЕЦКИЕ ОБЩЕСТВА В ОДЕССЕ — ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Э.Г. Плесская

Немецкие объединения в дореволюционной России можно разделить на 3 категории:

- созданные до революционных событий 1905 г.;
- созданные на основе Манифеста 17 октября 1905 г.;
- созданные после падения монархии.

Общества, относящиеся к первой группе, были различны по своим целям. В первые десятилетия немцы были объединены, преимущественно, на религиозной основе. Позднее появляются национальные благотворительные общества. Первым было Немецкое благотворительное общество в Одессе, возникшее в 1845 г. для оказания нравственной и материальной помощи подданным различных немецких государств. После образования единой Германии находилось при германском консульстве. Поиски мест работы, помощь в сбыте изделий, медицинская помощь, попечение сирот или их усыновление, предоставление средств для возвращения на родину — основные формы работы [1].

Ко второй половине XIX в. обнаруживается тенденция к потере национальной самобытности, возможно, дефицит общения на основах национальной культуры среди представителей торгово-промышленной среды, стремившихся подкрепить деловые связи возможностью совместного проведения свободного времени. В 1861 г. основывается общество «Гармония». Его цель — препровождение времени в занятиях музыкой, пением, литературой, расширение круга знаний. Уставом не допускалось обсуждение религиозных и политических вопросов. Запрещались азартные игры [2].

На приобретенном участке земли было выстроено здание с театральным залом на 600 мест, где проводились семейные, литературные и музыкальные вечера, маскарады.

В 1869 г. был основан Клуб ремесленников и промышленников. Его устав обнаружить не удалось, поэтому и о целях можно догадываться по названию. Известно, что клуб устраивал вспомогательно-сберегательные кассы, что, вероятно, было одной из целей его создания. Клуб имел собственное здание с театральным залом — Новый театр.

В 1880 г. по инициативе лютеранской общины учреждается Общество любителей гимнастики, преобразованное в 1892 г. в Одесское гимнастическое общество. Основная цель — поддержание здоровья, физическое воспитание, подготовка учителей гимнастики. Для занятий гимнастикой к зданию реального училища св. Павла был пристроен гимнастический зал. Кроме гимнастических занятий и соревнований, устраивались детские праздники, семейные и мужские вечера, занимавшие видное место в культурной жизни города и освещавшиеся в местной русскоязычной печати [3].

В начале XX столетия стали возникать культурно-просветительские общества. Их появление было связано с реакцией монархической власти на революционные события 1905 г., провозгласившей Манифест 17 октября, в котором были дарованы «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [4].

В соответствии с манифестом Совет министров разработал, а Государственный совет 7 марта 1906 г. учредил временные правила об обществах и союзах, регламентировавшие вопросы их регистрации, деятельности и ликвидации [5].

Для их разрешения образовывались губернские или областные по делам об обществах присутствия. В Петербурге, Москве, Одессе, Кронштадте, Николаеве, Керчи, Севастополе и Ростове-на-Дону были образованы особые городские присутствия. Делопроизводство возлагалось на канцелярию градоначальника [6].

Дарованные свободы немецкое население империи решило использовать для защиты национальной культуры. В прибалтийских губерниях стали создаваться «немецкие союзы» (Deutscher Verein), поставившие перед собой задачу сохранения религиозной и национальной самобытности. Эти общества должны были способствовать объединению всего немецкого населения России [7].

Идея прибалтийских немцев нашла отклик в Одессе, где по инициативе священников и национальной интеллигенции создавались общества, в которые они надеялись вовлечь городских и сельских жителей различных социальных групп. Однако изначально очевидно, что конечная цель — объединение всех российских немцев — не могла быть достигнута. Сильнее национальной общности оказались конфессиональные различия. Лютеране и католики стали образовывать различные общества, хотя цели и задачи ставились аналогичные. Лютеране, стремившиеся объединить немцев без различия вероисповедания, были инициаторами создания и членами Южнорусского немецкого общества (*Südrussischer deutscher Verein*, 1906–1915), Немецкого общества образования южной России (*Südrussischer deutscher Bildungsverein*, 1906–1910), Корпорации студентов-немцев (*Teutonia Euxina*, 1909–1915) [8].

Южнорусское немецкое общество было зарегистрировано в Одесском городском обществе присутствия 11 сентября 1906 г. Среди его учредителей — редактор «*Odessaer Zeitung*» К. Вильгельм, пастор евангелическо-лютеранского прихода Т.И. Виллигероде, инженер-технолог К.О. Гассельблат, доктора медицины О.К. Вальтер, А. М. Розенберг, А.Ф. Нерлинг, Ф.К. Вернке, купец Ф.Я. Тейрер, рижский мещанин Б.Э. Гефтлер [9].

Его первоначальный устав представляется самым радикальным по сравнению с уставами других обществ, так как допускал обсуждение политических вопросов [10]. Основной задачей провозглашались «попечение и защита родного языка для сохранения национальности», «соединение всех немцев русского подданства без различия вероисповедания и сословия...». Членами общества могли быть немцы русского подданства [11].

Достигнуть целей планировалось путем открытия культурных и образовательных учреждений (школ, библиотек), поддержки учителей и церковных служителей, организацией лекций, концертов, распространением немецких книг и журналов. Экономические и социальные проблемы предполагалось решать путем открытия промышленных предприятий, сельскохозяйственных товариществ, банков, касс взаимопомощи, рабочих колоний, больниц, госпиталей, приютов [12].

Количественный состав общества не отвечал замыслам его инициаторов. В январе 1908 г. в его составе был 291 человек, что слабо соотносилось с более чем десятитысячным немецким населением Одессы. С целью увеличения численности пересматривается устав

и убирается параграф, разрешающий обсуждение политических вопросов, что давало повод законопослушным гражданам рассматривать общество как политическое объединение [13].

Это изменение в уставе было разрешено. Попытки расширить состав за счет права вступления немцев германского подданства и права объединяться с другими немецкими обществами в России, преследующими аналогичные цели, были пресечены. Городское по делам об обществах присутствие расценило это как «усугубление начал национальной обособленности и розни» [14].

Результатом деятельности общества было открытие библиотеки и читального зала, чтение научно-популярных лекций различной тематики, организация благотворительных семейных вечеров, рождественских елок для бедных детей. Наивысшим достижением было открытие в 1908 г. женского коммерческого училища со смешанным, русским и немецким, языком обучения. Наивысший, известный сегодня, количественный результат — 396 членов в 1911 г. В последующие годы количество членов общества уменьшалось (в 1912 — 386, в 1913 — 371) [15].

Аналогичные цели, но с ориентацией на сельское население, преследовало Немецкое общество образования южной России. Его учредителями были редактор К.А. Вильгельм, домашний учитель Г.И. Таубергер, поселяне-собственники (Ф.Х. Трестер, Ф. Фихтнер, А.И. Кауль), которых беспокоило нравственное, экономическое и физическое состояние населения сельских колоний. Деятельность общества распространялась на Бессарабскую область, Херсонскую, Екатеринославскую и Тифлисскую губернии, области Войска Донского [16].

Основная задача — улучшение состояния школ в колониях. С целью повышения квалификации учителей, чья подготовка оценивалась ниже, чем у русских, организовывались в период летних каникул учительские курсы не только в России, но и в Германии [17].

Особую тревогу вызывали небольшие селения, где возрастала опасность хозяйственного упадка, вместе с ним бедности, потери достоинства, родного языка и национальности. В них планировали взять содержание учителей на себя.

С целью повышения образовательного уровня взрослого населения открывались передвижные библиотеки, печатались брошюры научно-популярного характера, рассылались тексты или читались лекции на экономические, медицинские и педагогические темы. Тематика лекций говорит о стремлении оказать помощь прежде всего в увеличении прибыльности хозяйства.

К 1910 г. общество открыло 64 филиала, его численность достигла 848 членов [18].

Корпорация студентов-немцев, основанная в 1909 г. в Новороссийском университете, также ставила своей целью сохранение национальности, умственное и физическое развитие. Его устав запрещал своим членам вступать в какие-либо политические организации [19].

Несколько выделялось по своим целям и задачам учрежденное по инициативе обеспокоенных падением нравственности среди молодежи пасторов евангелическо-лютеранского прихода Д. Штайнванда и Т. Виллигероде в 1911 г. Одесское евангелическое общество молодых людей (Jünglingsverein). Основная его цель — содействие религиозно-нравственному воспитанию и защита юношей от вредных для их нравственности влияний. В связи со строгостями условий приема (благопристойное и честное поведение, избегание безнравственных связей и поступков и т. д.) оно было немногочисленным. По этой же причине вне его влияния оказывались молодые люди, более всего нуждающиеся в нравственном воспитании [20].

По типу английских был основан в 1908 г. Одесский немецкий клуб (Deutscher Verein zu Odessa), устав которого имел много общего с уставом клуба «Гармония». Основная цель — предоставление возможности приятно проводить свободное время. В списке приятных занятий были незапрещенные игры в карты, домино, лото, шашки, шахматы, бильярд, кегли. Общество не сумело добиться устойчивого существования и фактически распалось до вынесения официального постановления о его закрытии [21].

Общества, основанные католиками, носили ярко выраженный религиозный характер. Общество святого Климента (Klemensverein) было основано по инициативе Тираспольского римско-католического епископа, и сферой его деятельности была Тираспольская епархия (г. Одесса, Херсонская, Самарская, Саратовская, Екатеринославская, Таврическая, Бессарабская, Астраханская губернии; области Войска Донского, Кубанская и Терская; Кавказ и Закавказье). Учредители — священники И.И. Вольф и А.И. Келлер, домашние учителя А.М. Таубергер и И.И. Франк, отставной штабс-капитан Я.П. Гергардт [22].

Цель — содействие культурному и нравственному развитию немец-католиков и противодействие социалистическим и другим идеям, угрожающим безопасности государства [23].

Основным орудием борьбы за поставленные цели организаторы избрали усиление воздействия религиозного влияния на прихожан

католических колониетских общин. В собственной типографии печатались книги и брошюры религиозно-нравственного содержания, календари, иконы, которые должны были распространяться среди членов общества. Ими были немцы русского подданства, в основном, поселене-собственники, более 10 процентов составляли священники. Анализ деятельности общества говорит о слабых контактах, а возможно, и полном их отсутствии с другими немецкими обществами. Его характеристикой является и реакция на закрытие немецких обществ в городе в 1914 г.: руководство общества считало это справедливым, но закрытие своего — недоразумением [24].

Повышение уровня материального и духовного развития немец-католиков стало целью основанного в 1908 г. Южнорусского католического немецкого общества образования (Südrussischer Katholischer Deutscher Bildungsverein) [25].

Способы достижения целей полностью совпадали с программой Южнорусского немецкого общества: открытие школ, библиотек, читален; организация курсов для учителей и кистеров, лекций, концертов, сценических спектаклей и выставок [26].

Внимание к образованию мотивировалось его низким уровнем среди сельского католического населения, чем объяснялась низкая доходность хозяйств.

Некий политический оттенок обществу придавало стремление препятствовать распространению социал-демократических учений, угрожающих собственности и монархическому режиму [27], и противопоставить себя Союзу русского народа, пугавшему немцев своей активностью [28].

Общество стремилось быть более открытым и демократичным в отличие от Общества святого Климента, хотя среди учредителей мы видим те же имена: И.И. Франк, И. Вольф, Я. Гергардт. Есть и новые: домашний учитель Г.И. Таубергер, поселанин Л.Г. Рейхерт [29].

Близким по целям упомянутым обществам было учрежденное в 1907 г. католическое дамское общество «Мария-Гильф» (Maria-Hilf), деятельность которого была преимущественно благотворительной [30].

30 ноября 1914 г. из департамента общих дел Министерства внутренних дел за подписью министра Н.А. Маклакова был разослан секретный циркуляр губернаторам и начальникам областей с рекомендацией местным по делам об обществах присутствиям тщательно ознакомиться с деятельностью существующих немецких обществ и решительнее отказывать в ходатайствах о регистрации новых. Беспокойство министра было связано с образованием после 1906 г. мно-

жества немецких обществ, которые, хотя и состояли в большинстве своем из русских подданных, имели своей целью, согласно многим донесениям, «объединение немецкого элемента на почве узконациональных интересов и даже проведение германских национальных тенденций» [31].

Циркуляр Н.А. Маклакова был сигналом к закрытию обществ, а формулировку можно было найти в правилах об обществах и союзах, принятых в 1906 г. В пункте 1 ст. 6 говорилось, что воспрещаются общества, угрожающие общественному спокойствию и безопасности [32].

Именно эта формулировка заключает донесения министру о деятельности обществ. Она легко укладывалась в схему: объединение немцев на почве узконациональных интересов — усугубление начал национальной обособленности и розни — угроза общественному спокойствию и безопасности [33].

Циркуляр явился отражением политики и сформированного в течение нескольких десятилетий общественного мнения в отношении российских граждан немецкой национальности, к тому же в условиях войны с Германией. Стремление к обособленной экономической жизни, сохранению национальной самобытности, культуры (языка, школы, обычаев и т. д.) рассматривается как проявление враждебности ко всему русскому. Недоверие и недовольство вызывают даже пожертвования со стороны немецкого населения на военные нужды. Их считают незначительными в сравнении с доходами. Не признается их искренность. Истинным мотивом считают стремление немцев отвлечь от себя подозрение в нелояльности. Деятельность обществ местные власти считают не только бесполезной для государства, но нежелательной и вредной, так как не могут поручиться, что объединенные и организованные немцы не будут тем или иным путем вредить государству и угрожать его безопасности [34].

По сообщению местной русскоязычной печати, немецкие общества в Одессе были закрыты по распоряжению администрации к середине августа 1914 г. [35], т. е. до появления циркуляра.

Циркуляр закрепил это распоряжение именем верховной власти. На 1 августа 1915 г. в Одесском особом по делам об обществах присутствии были назначены слушания вопросов об их закрытии. Формулировки решений по закрытию обществ (Южнорусское немецкое общество, Корпорация студентов-немцев, Одесский немецкий клуб и др. [36]) стандартны: «Присутствие нашло, что названный клуб, объединяя немцев на почве их национальных интересов,

тем несомненно ведет к усугублению начал национальной обособленности и розни, а потому должен быть признан угрожающим общественному спокойствию и безопасности» [37].

Состояние самих обществ к этому времени было различным. Немецкое общество образования южной России было закрыто местными властями еще в 1910 г. Формально причиной закрытия послужили два параграфа устава. В первом была сформулирована цель — «поднятие духовного развития немецких поселян южной России», во втором говорилось, что членами общества могли быть только немцы [38]. Ходагайство правления о пересмотре решения было отклонено указом Правительствующего сената 14 августа 1912 г. В нем отмечалось, что цель общества является стремлением к обособленности интересов немецкого населения южной России, имеет характер националистической тенденции и может вызвать последствия, угрожающие общественному спокойствию и безопасности. Его закрытие вызвало недоумение у членов правления и председателя В. Трестера, так как устав с этими параграфами был зарегистрирован еще при образовании общества в 1906 г. и не вызвал тогда возражений [39].

Почему распространение элементарных педагогических, медицинских, экономических знаний, обеспечение сельской школы учителями квалифицируется как обособление интересов немецкого населения, как националистическая тенденция, представляющая угрозу общественной безопасности? Могут ли в многонациональной стране экономически сильные и физически здоровые подданные одной национальности быть угрозой государству, а подданные другой, скажем русской, болгарской или еврейской, нет? Почему было закрыто общество, благонадежность которого подтверждали все губернские жандармские управления, на территории которых действовали его филиалы [40]?

Если ответы на эти вопросы связать с изменением национальной политики за 4 года, то почему не в том же 1910 г., а пять лет спустя, в 1915 г., были закрыты другие немецкие общества с аналогичными целями? Возможно, ответ состоит в том, что власть увидела опасность не столько в характере деятельности общества, а в его разветвленной сети, раскинувшейся почти на все южные губернии империи.

Деятельность других обществ, например Одесского немецкого клуба, как уже говорилось, угадала задолго до официального закрытия.

Анализ замыслов, уставов, деятельности, характера взаимоотношений обществ, основанных после 1906 г., позволяет сделать вывод

что идея объединения российских немцев в целях сохранения национальной самобытности, защиты материального и культурного достояния оказалась нереализуемой. Одна из причин заключалась в невозможности межконфессиональных объединений ради национальных интересов. Другая — в отсутствии поддержки основной массы как сельского, так и городского населения. Решающим фактором явилось изменение национальной политики государства, обещавшего переселенцам стать их родиной, обеспечить условия для сохранения и развития национальной культуры. Через столетие сопротивление обрусению, стремление к сохранению национальной культуры стали рассматриваться как нечто опасное и враждебное, представляющее угрозу государству. Очевиден факт утраты взаимопонимания власти и подданных немецкой национальности. Если немцы рассматривали деятельность обществ как полезную для государства, так как она способствовала формированию экономически сильных, духовно развитых, преданных престолу граждан, то власть, напротив, увидела в этой деятельности угрозу общественной безопасности.

Немцы стали расценивать политику империи по отношению к себе как предательскую. Невозможность защиты культуры усугубилась принятием в 1915 г. закона «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных полосах». Распространение его действия в марте 1917 г. на всю территорию империи грозило немцам полным разорением. Известие о свержении монархии было встречено с облегчением, немцы откликнулись на призыв Временного правительства принять участие в построении демократической России. В марте 1917 г. в Одессе был создан Всероссийский союз русских немцев. Это объединение приняло собственную политическую платформу и взяло на себя руководство подготовкой к выборам в Учредительное и земские собрания.

Оно стало первым объединением немцев на национальной основе, носившем политический характер.

Примечания

1. См.: ГАОО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 26. 116–119.
2. См.: Там же. Ф. 1. Оп. 199. Д. 87.
3. См.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1946; Одесские новости. 1895. 24 февр.
4. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. III. 17 октября 1905–1911. Таллин; Москва, 1994. С. 3.
5. О временных правилах об обществах и союзах // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906 г. Отдел I. № 308.

6. См.: Там же. II. I ст. 13, 15.
7. См.: Sommer E.F. Die Einigungsbestrebungen der Deutschen im Vorkriegs-Russland (1905–1914). Leipzig, 1940. S. 11.
8. См.: Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 110. Л. 5; Д. 101. Л. 3.
9. См.: Там же. Д. 110. Л. 1–4.
10. См.: Там же. Л. 5.
11. См.: Там же.
12. См.: Там же.
13. См.: S.D.V. Generalversammlung vom 1. September // Odessaer Zeitung. 1908. № 203, vom 2. Sept.
14. ГАОО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 110. Л. 59 об.
15. См.: Там же. Л. 73–73 об.
16. См.: ГАОО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 101. Л. 1 об., 3.
17. См.: Vom Südrussischen Deutschen Bildungsverein // Odessaer Zeitung. 1908. № 16, vom 19. Jan.; Нойтатц Д. Отношение причерноморских немцев к России и Германии до 1918 г. // Вопросы германской истории: украинско-немецкие связи в новое и новейшее время: Межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск, 1995. С. 102–103.
18. См.: ГАОО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 101. Л. 116 об.
19. См.: Там же. Д. 350. Л. 1, 10.
20. См.: Там же. Д. 438а. Л. 1–3 об.; Ф. 630. Оп. 1. Д. 343. Л. 68, 97, 149.
21. См.: Там же. Ф. 2. Оп. 7. Д. 230.
22. См.: Там же. Д. 253. Л. 1, 2.
23. См.: Там же. Л. 2.
24. См.: К закрытию немецкого Общества святого Климента // Одесские новости. 1914. 19 авг. (№ 9446); 1914. 20 авг. (№ 9447).
25. См.: ГАОО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 245. Л. 7.
26. См.: Там же.
27. См.: Brauchen wir einen Verein für unser deutsches katholisches Volk? // Deutsche Rundschau. 1908. Vom 30. März.
28. См.: Der südrussische katholische deutsche Bildungsverein // Deutsche Rundschau. 1908. № 52, vom 21. Apr.
29. См.: ГАОО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 245. Л. 1 об.
30. См.: Там же. Д. 166; Deutsche Rundschau. 1908. Vom 31. Jan.; Vom 21. Dez.
31. ГАОО. Ф. 42. Оп. 35, Д. 1554. Л. 7, 7 об.
32. См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1906 год. Отдел I. № 308.
33. См.: ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 1554. Л. 7–7 об.
34. См.: Там же. Л. 2–4 об.
35. См.: К закрытию немецкого общества св. Климента // Одесские новости. 1914. 19 авг. (№ 9446).
36. См.: ГАОО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 110. Л. 78; Д. 350. Л. 42; Д. 230. Л. 58.
37. Там же. Д. 230. Л. 58.
38. См.: Там же. Д. 101. Л. 202–202 об.
39. См.: Там же. Л. 3.
40. См.: Там же. Л. 178–183.

ПОМОЩЬ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ФРОНТУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д.Г. Решетов

Начало Первой мировой войны вызвало невидимый ранее в обществе всплеск патриотических настроений, охвативший всю территорию обширной Российской империи. Из различных регионов в адрес правительства и лично государя императора хлынула волна верноподданнических заверений и благотворительных пожертвований. Не остались в стороне и немецкие колонисты Нижнего Поволжья, включившиеся в общую кампанию по оказанию экономической помощи фронту, достигшей к концу войны весьма внушительных размеров.

Развитие данного процесса, при всем его многообразии, шло в двух условных направлениях. Первое из них было представлено обязательными поставками продовольствия фронту, предписания о проведении которых поволжские колонии получали в течение всей войны [1]. Однако эти поставки в определенной степени являлись составной частью общих налоговых тягот, легших на плечи как немецких колонистов, так и других категорий сельского населения страны. Этот факт полностью смещает данную проблему в плоскость экономических процессов, получивших развитие непосредственно в годы Первой мировой войны, что требует отдельного рассмотрения.

Совершенно иначе обстоят дела со вторым направлением, представленным системой благотворительной помощи фронту. Ее существенное отличие заключалось уже в том, что она не являлась повинностью, а была добровольным волеизъявлением поволжских колонистов, что и стало предметом нашего специального исследования.

Процесс оказания немецкими поселениями Нижнего Поволжья благотворительной помощи структурно делится на несколько этапов. Первоначально роль организационной доминанты в этом воп-

росе было суждено сыграть церковным учреждениям. Уже в первые дни войны духовенство поволжских колоний присоединилось к общероссийскому движению оказания «доблестной русской армии всей необходимой материальной помощи», инициированному рядом христианских конфессий. В их обращении ко всем жителям страны вне зависимости от вероисповедания, в частности, говорилось: «Если многие из нас не призваны служить на поле боя, послужим нашей родине дома нашими средствами» [2].

Данная идея нашла достаточно благодатную почву в регионе компактного проживания поволжских немцев. Лютеранские пасторы и католические священники обратились к колонистам с призывом, основанным на 3-й главе Деяний апостолов («что имею, то и даю»), оказать всю посильную помощь, который получил достаточно широкий отклик во всех поселениях. Так, немецкие колонисты Степновской волости Новоузенского уезда только в первые дни войны ассигновали 1000 руб. на раненых, а соседняя населенная меннонитами Малышинская волость приняла решение о выделении ежемесячно, вплоть до полного окончания войны, по 500 руб. [3].

Сами факторы финансовой помощи, оказываемой поволжскими колонистами, на этом этапе были достаточно разнообразны. Помимо наиболее распространенного вида пожертвований — ассигнования денежных средств, решение о чем принималось на сельских и волостных сходах, проводились и другие, дополнительные мероприятия, например, в виде розыгрыша благотворительных лотерей. Одна из таких акций была проведена в колониях Саратовской губернии уже в самом начале войны. Она также принесла существенные сборы [4].

В то же время необходимо сказать, что оказание материальной помощи армии шло не только путем сбора денежных средств. Значительные пожертвования были и продукцией сельского хозяйства, в частности, хлебом, который был основным товаром поволжских колоний. Так, к примеру, уже в августе 1914 г. немецкие колонисты Нижне-Карамановской волости Новоузенского уезда на своем сходе постановили пожертвовать «для нужд армии» 10 тыс. пудов хлеба [5].

Вскоре происходит частичная корректировка процесса помощи, оказываемой поволжскими колонистами, выразившаяся в расширении ее получателей. Усложнение ситуации на фронте приводило к тому, что в тяжелейшее положение попали ряд западных регионов России, в первую очередь губернии Привислинского края (Царства Польского), население которых становится, наряду с армией, одним из основных адресатов по оказанию помощи. В частности, уже в ско-

ром времени во всех поволжских колониях был организован сбор пожертвований «пострадавшему населению Царства Польского, разоренного войной» [6].

Интенсивная благотворительная деятельность, проводимая немецкими колонистами, не осталась незамеченной со стороны правительственной администрации. В сентябре 1914 г. министр внутренних дел И.А. Маклаков известил самарского губернатора Н.В. Протасьева о том, что государь император «Высочайше повелеть соизволил сердечно благодарить за пожертвования на нужды войны» колонистов Тонкошуровской волости [7].

Существенный поток хлынувших пожертвований в скором времени остро поставил на повестку дня вопрос о необходимости создания локальных органов, охватывающих небольшие территории, которые бы занимались координацией деятельности колонистов в этом направлении. Первоначально эти обязанности попытались взять на себя волостные и сельские правления. Однако и без того большая загруженность не позволила им в полной мере справиться с поставленными задачами. Поэтому губернские и особенно уездные власти, в частности, земства, уже с сентября 1914 г. начинают проводить целенаправленную политику по организации специальных, узкофункциональных комитетов и попечительств, которые создавались в каждой волости [8].

В короткий по временным рамкам срок в поволжских колониях возникло множество благотворительных организаций, образованных по территориальным, профессиональным и конфессиональным признакам. Среди них такие, как Красно-Ярской волостной комитет попечительства Красного Креста, Сосновское (впоследствии преобразованное в Усть-Золихинское) волостное попечительство помощи раненым, Екатериненштадтский волостной комитет помощи беженцам, Верхне-Карамановское попечительство по призрению нижних воинских чинов, Комитет для оказания помощи лицам, пострадавшим во время войны, при Саратовском евангелическо-лютеранском совете и многие другие [9].

Однако среди всего этого многообразия главенствующая роль, бесспорно, принадлежала «Всероссийскому Земскому союзу помощи больным и раненым воинам». Механизм его функционирования был обусловлен иерархической лестницей подчинения, построенной по классической схеме вертикали власти: центр — губернии — уезды — районы — селения. Важнейшее место в этой структуре принадлежало располагавшимся непосредственно в колониях районным и

местным комитетам, на деятельности которых и остановимся несколько подробнее.

Решения о создании данных органов были приняты вскоре после начала войны. Так, Новоузенский уездный комитет Земского союза своим отношением от 10 сентября 1914 г. за № 23 обратился к гласному Новоузенского земства Г.И. Гринвальду с просьбой оказания содействия в организации Ровенского районного комитета [10]. А уже меньше чем через месяц, а именно 5 октября 1914 г., в колонии Ровное в помещении волостного правления состоялось его первое учредительное собрание.

Деятельность районных комитетов строилась сугубо по территориальному принципу, без учета национального фактора. Например, вышеупомянутый Ровенский комитет объединил под своим началом семь волостей Новоузенского уезда, пять из которых — Степновская, Малышинская, Тальцкая, Ровенская и Бизюкская — были немецкими и две — Черебаевская и Иловатовская — русскими [11]. В состав этих комитетов входили школьные попечительства, земские агенты, священники. Так, председателем Тонкошуровского районного комитета являлся земский врач из колонии Тонкошуровка А.В. Галкин [12].

Однако основной задачей данных органов было не столько непосредственное участие в тех или иных благотворительных акциях, сколько создание в своих районах широкой сети местных комитетов, с последующей координацией их деятельности. В качестве же стержнеобразующей организационной структуры выступили школьные попечительства, которым еще 5 сентября 1914 г. были направлены правила по формированию местных комитетов Земского союза [13].

И вскоре данные комитеты появились во всех колониях. Не были исключением даже небольшие хутора, как, например, Ней-Цюрих, Полеводино, Бирючье, расположенные в Верхне-Карамановской волости Новоузенского уезда, население каждого из которых не превышало 100 человек [14]. Что же касается состава местных комитетов, то они формировались по принципу районных. Число входящих в них членов не было четко определено и регламентировано, а зависело от местных условий каждой колонии. Так, в комитет селения Зихельберг входило 13 человек, а в соседней, значительно более крупной колонии Мариенбург только 8 [15].

На местные комитеты Земского союза была возложена вся основная работа, связанная с оказанием материальной помощи как непо-

средственно фронту, так и пострадавшему в ходе боевых действий населению. Но помимо сбора пожертвований поволжские колонии непосредственно столкнулись и с необходимостью обустройства в своих селениях эвакуированных и депортированных категорий населения, переселенных в данный регион из западных губерний России [16]. Главную роль здесь также играли находящиеся в колониях местные комитеты Земского союза, которые получали на эти цели специальные средства из уезда.

Тем самым местные комитеты оказались на перепутье двух финансовых потоков: шедших из поволжских колоний на помощь армии и в колонии на нужды прибывших переселенцев. Это приводило их к все большей самостоятельности и независимости, в первую очередь от районных органов и сельских правлений. Так, на состоявшемся в марте 1916 г. совещании председателей местных комитетов Земского союза Тонкошуровского района было принято решение о необходимости предоставления права «...им самим распоряжаться о продовольствии беженцев», т. е. в обход районных органов [17].

Работа в этих комитетах явилась хорошей школой для всех участвовавших в их деятельности немецких колонистов, многие из которых в скором времени вошли в различные органы власти, появившиеся на волне демократических преобразований после февраля 1917 г. Среди них, например, находились пастор Подстепненского прихода Ротармель и врач Красно-Ярской глазной лечебницы Альман, принимавшие активное участие в работе своих комитетов Земского союза, но уже в марте 1917 г. вошедшие в состав Красно-Ярского исполнительного комитета народной власти, а затем, в ноябре 1917 г., были избраны и гласными Красно-Ярского волостного земства [18].

Слаженная деятельность местных комитетов Земского союза, как, впрочем, и всех других располагавшихся здесь ранее упомянутых благотворительных попечительств, способствовала тому, что колонисты сумели без особой суеты и хлопот оказать достаточно существенную материальную помощь фронту. По самым скромным подсчетам, только к 1 июня 1915 г. немецкие поселения Нижнего Поволжья пожертвовали 100 000 руб. [19].

В течение 1915–1916 гг. получил свое дальнейшее развитие процесс частичной корректировки всей ранее сложившейся системы оказания материальной помощи фронту. Однако он был связан не столько со сменой направления или же смещением акцентов, сколько, в первую очередь, с внедрением новых схем благотворительных

пожертвований. Это наиболее ярко проявилось уже в 1915 г., когда выделение средств поволжскими колониями шло не просто на «нужды армии» или «нужды фронта»; а получили распространение более целевые, адресные ассигнования. Среди примеров можно назвать помощь немецких колоний Камышинского уезда 214, 224 и 225 Саратовским пешим дружинам, сформированным из жителей данного уезда и выдвинутым на боевые позиции [20]. Другим примером является сбор пожертвований в пользу «Благотворительной организации при ставке Государя императора по оказанию помощи всей армии его величества» [21].

Одновременно пожертвования шли и в пользу целого ряда благотворительных организаций, занимавшихся вопросами попечения о раненых воинах и беженцах, среди которых «Александровский комитет», «Скобелевский комитет», «Татьянинский комитет» и другие. Причем помощь оказывалась не только в виде ассигнования денежных средств, но и продукцией сельского хозяйства. Например, в сентябре 1915 г., после завершения уборочных работ, поволжские колонии включились в общероссийскую кампанию, проходившую под названием «Ковш зерна нового урожая», организованную в пользу «Комитета ее Императорского Высочества княжны Татьяны Николаевны» [22]. Количество поступивших в рамках этой акции пожертвований изменялось от колонии к колонии, в зависимости от размеров поселения и ряда внутренних социально-экономических факторов. Так, в небольшой колонии Ней-Урбах оно составило лишь 35 пудов зерна, в Нидермонжу — уже 174, а в Привольном — 246 пудов [23]. Общее же количество поступивших пожертвований в поволжском регионе исчислялось десятками тысяч пудов зерна.

Важную роль играли немецкие колонисты и в вопросе оказания непосредственной помощи раненым, в частности, в открытии лазаретов. Первоначально организационные функции в этом процессе взяли на себя городские немецкие общины, консолидировавшись, с учетом конфессиональной принадлежности, вокруг своих церквей. Так, созданный в первые дни войны при Саратовском евангелическо-лютеранском совете «Комитет для оказания помощи пострадавшим во время войны» принял решение об открытии при церкви Святой Марии лазарета для раненых воинов. А 25 августа 1914 г. торжественным молебном были открыты два его отделения, через которые только до 1 сентября 1915 г. прошло 404 раненых [24].

Однако уже вскоре призывы об активизации благотворительной деятельности именно в этом направлении начали звучать и из свет-

ских кругов наиболее авторитетных немецких колонистов. Так, Август Лонзингер, один из идейных инициаторов организации юбилейных торжеств в Саратове по случаю 150-летия основания немецких поселений, предложил организовать сбор средств колонистов на открытие лазарета для раненых воинов русской армии, с присвоением ему названия «Имени поволжских немцев». Данная идея не осталась незамеченной, и уже вскоре ко всем немецким обществам Нижнего Поволжья было сделано обращение с просьбой оказания благотворительной помощи для открытия лазарета на 100 кроватей в Саратове [25].

Это предложение получило широкую поддержку со стороны обществ немецких колоний. Так, колонисты Нижне-Карамановской волости одновременно пожертвовали на эти цели 1000 руб., а Бизюкской волости — 2000 руб. [26]. Общий же объем ассигнований только в течение двух месяцев составил более 50 000 руб. [27]. И вскоре лазарет на 100 кроватей, разместившийся в саратовском доме крупного немецкого предпринимателя Зайферта, был вполне оборудован к приему раненых: 14 ноября 1914 г. состоялось его освящение и открытие [28].

К июню 1915 г. данный лазарет, получивший при открытии название «Имени немецкого населения Саратовской и Самарской губерний», принял 357 пациентов. Однако не все развивалось благополучно. Уже к 1915 г. его положение существенно осложнилось по той причине, что полученные в свое время средства истощались, а государственные структуры и без того испытывали серьезные финансовые проблемы. В этой связи попечительство при лазарете вновь обратилось ко всем немецким обществам Нижне-Волжского региона с просьбой «прийти на выручку пожертвованиями — деньгами и вещами» [29]. Результат и на этот раз не заставил себя долго ждать в виде очередной волны хлынувших пожертвований.

Помимо Саратова лазареты, рассчитанные под прием раненых воинов, открывались и в самих поволжских колониях. Так, поселене-собственники Нижне-Карамановской волости на сходе постановили организовать и содержать за свой счет лазарет для раненых воинов на 30 коек [30]. На пожертвования ряда немецких волостей Камышинского уезда был также открыт лазарет для раненых в колонии Гольый Карамыш [31]. Начал свою работу Фриденфельдский лазарет. В целом за все годы поволжские немцы содержали 7 лазаретов для раненых воинов русской армии [32].

Помимо лазаретов во многих колониях, при местных лечебницах общего характера, специально создавались дополнительные места для раненых воинов. Так, уже в первые дни войны Тарлыцкий волостной сход ассигновал 500 руб. на оборудование при местной лечебнице 10 коек и по 100 руб. ежемесячно на их содержание [33]. Аналогичные решения принимались и в других немецких волостях и колониях по обоим берегам Волги.

Говоря о медицинской помощи, необходимо учесть, что она оказывалась не только раненым воинам, но и прибывшим в данный регион беженцам и депортированным. У многих из них были обнаружены различные тяжелые инфекционные заболевания. Например, в Нижне-Карамановской волости это привело даже к возникновению эпидемии оспы [34]. Сложившаяся ситуация обусловила принятие решения о немедленной организации «коечного» лечения прибывших переселенцев, путем оборудования для них мест: при Нижне-Ерусланской лечебнице — 4 кроватей, в Красном Яре при общей лечебнице — 4 кроватей, в Тонкошуровской лечебнице — 5 кроватей, в Привольной, за счет наема помещения, — 5 кроватей и т. д. [35].

При рассмотрении данного вопроса необходимо учесть и личное участие многих немцев Поволжья в работе целого ряда благотворительных организаций и государственных комитетов, занимавшихся оказанием помощи армии и беженцам. Все вместе они представляли собой довольно разнообразную массу, которую с учетом имущественного, социального, образовательного и других факторов можно дифференцировать на несколько групп.

Первую представляли крупные немецкие предприниматели, в недалеком прошлом выходцы из различных поволжских колоний. Многие из них проявили себя еще в ходе работы комитета по организации празднований по поводу 150-летия основания немецких колоний, намеченных на осень 1914 г. Отмена юбилейных торжеств в связи с началом войны и последовавший роспуск комитета привели к тому, что они перенесли акценты своей общественной деятельности в сферу благотворительной помощи. Среди них и уже упоминавшийся нами ранее И. Зайферт, отдавший свой саратовский дом под лазарет для раненых воинов, и Ф. Шмидт, приютивший у себя в доме 146 переселенцев из западных губерний, и другие [36]. Однако помимо благотворительности многие из них приняли активное участие в работе различных, специально созданных, государственных структур по снабжению армии, о чем писал Д. Лонг [37]. Все они занимали различные места в сформированной в короткие

сроки системе помощи фронту. Так, в частности, уполномоченным Министерства земледелия по закупке хлеба для армии в Саратовской губернии и Уральской области являлся К. Гримм [38].

Что же касается второй группы, то критерием ее формирования служит образовательный фактор. Сюда можно отнести учителей, врачей, журналистов и других представителей интеллигентной элиты поволжских колонистов, уже в полной мере сложившейся в начале XX в.. Однако помимо целой плеяды ярких имен, таких как Я. Дитц, А. Лонзингер, Ф. Бах, И. Шлейнинг, Г. Клинг, К. Юстус и многих других, являвшихся больше идеологами национальной консолидации, хотелось бы выделить тех, кто принимал непосредственное участие в рассматриваемом нами процессе. Наиболее характерный пример — деятельность приват-доцента кафедры частной патологии и терапии Саратовского университета Н. Галлера. На протяжении всей войны, с первых до последних дней, он был бессменным председателем комитета для оказания помощи пострадавшим во время войны при церкви Святой Марии [39].

Третью группу составляли поволжские колонисты, принимавшие участие в работе различных местных благотворительных организаций. Особенно хотелось бы выделить Новоузенский уезд, в котором и до войны отмечалось высокой активностью земское и общественное движение. Теперь оно переросло в кампанию благотворительной помощи всем нуждающимся и в первую очередь воинам армии и беженцам. Стоит отметить Д. Альбранта, Г. Гринвальда, Г. Рейнгардта и других, стоявших во главе этой кампании в данном уезде. Так, Альбрант принимал самое непосредственное участие в организации в колониях питательных пунктов для беженцев [40]. Необходимо также назвать сотрудников комитетов и попечительств отдельных колоний. Среди них, например, выделялся активностью местный комитет Земского союза поселения Розендам, председателем которого являлся Д. Фелер, а в его состав входили и другие уважаемые в своей колонии лица — Я. Гросс, К. Лейрих, Г. Фелер, А. Шетцель, О. Баранова, Д. Украинцева, что придавало авторитет данному органу среди поселян [41].

Успешная работа тех или иных комитетов стала возможной благодаря всесторонней поддержке остальных колонистов. В этом — основа эффективного функционирования всего механизма оказания благотворительной помощи.

В заключение следует сказать, что годы Первой мировой войны стали одним из наиболее сложных и драматичных периодов в дли-

тельной истории немецких колонистов, проживавших на обширных просторах Российской империи. Помимо мобилизационных и различных экономических тягот, им пришлось в полной мере принять на себя шквал шовинистических нападок и обвинений, звучавших со стороны ура-патриотов, поощрявшихся правительственной администрацией. Однако, как показало проведенное нами исследование, данные упреки не имели под собой каких-либо оснований: немецкие колонисты Нижнего Поволжья никогда не отделяли себя от судьбы своей родины — России, оказав ей в трудные 1914–1917 гг. всю посильную помощь.

Примечания

1. См.: Государственный архив Саратовской области, филиал в г. Энгельсе (далее — ГАСО ФЭ). Ф. 62. Оп. 1. Д. 247. Л. 4; Ф. 15. Оп. 1. Д. 316. Л. 32; Ф. 54. Оп. 1. Д. 75. Л. 2.
2. Цит. по: Кандидов Б. Сектанство и мировая война. М., 1930. С. 12.
3. См.: Вестник Новоузенского земства. 1914. № 4–5. С. 204.
4. См.: ГАСО ФЭ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 95. Л. 7.
5. См.: Вестник Новоузенского земства. 1914. № 4–5. С. 205.
6. ГАСО ФЭ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 95. Л. 4.
7. Вестник Новоузенского земства. 1914. № 4–5. С. 214.
8. См.: ГАСО ФЭ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 316. Л. 42.
9. Выявлены в фондах ГАСОФЭ.
10. См.: ГАСО ФЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 215. Л. 103.
11. См.: Там же.
12. См.: Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.
13. См.: Там же. Ф. 951. Оп. 1. Д. 484. Л. 19; Ф. 291. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
14. См.: Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.
15. См.: Там же.
16. См.: Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 615. Оп. 1. Д. 8. Л. 9; Подробнее см.: Решетов Д.Г. Немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев. М., 1998. С. 184–195.
17. ГАСО ФЭ. Ф. 107. Оп. 1. Д. 42. Л. 52.
18. См.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 231. Л. 20.
19. См.: Юстус К.Ф. Приволжские колонисты (по поводу закона 2 февраля 1915 г.). Саратов, 1917. С. 26.
20. ГАСО ФЭ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 6. Л. 59.
21. Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 6. Л. 59.
22. См.: Там же. Д. 1. Л. 81.
23. Подсчитано по фондам ГАСО ФЭ.
24. См.: Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии в Саратове. Саратов, 1995. С. 37.
25. См.: ГАСО ФЭ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 95. Л. 18.
26. См.: Вестник Новоузенского земства. 1914. № 4–5. С. 204, 206.

27. См.: ГАСО ФЭ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 95. Л. 18.
28. См.: Там же.
29. См.: Там же.
30. См.: Вестник Новоузенского земства. 1914. № 4-5. С. 204.
31. См.: ГАСО ФЭ. Ф. 321. Оп. 1. Д. 95. Л. 8.
32. См.: Юстус К.Ф. Указ. соч. С. 25.
33. См.: Вестник Новоузенского земства. 1914. № 4-5. С. 204.
34. См.: ГАСО ФЭ. Ф. 291. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
35. См.: Там же. Ф. 54. Оп. 1. Д. 71. Л. 3.
36. См.: ГАСО. Ф. 611. Оп. 2. Д. 19. Л. 20.
37. См.: Long J. From privileged to Dispossessed The Volga Germans, 1860-1917. Lincoln, London, 1988. P. 225.
38. См.: ГАСО ФЭ. Ф. 322. Оп. 1. Д. 40. Л. 51.
39. См.: Лиценбергер О.А. Указ. соч. С. 37.
40. См.: ГАСО ФЭ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 71. Л. 2.
41. См.: Там же. Л. 36.

НЕМЦЫ СЕВЕРНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Х.Ю. Вердиева

Исследуемая нами проблема слабо разработана как в российской, так и в отечественной историографии. Отдельные ее аспекты были освещены в трудах кавказоведов дореволюционного периода [1], в публикациях азербайджанских исследователей Т.Р. Ахундовой, Ф.Э. Багирова, Г. Джавадова, Х.Ю. Вердиевой, а также в специальных работах Н.А. Ибрагимова и М. Джафарли [2]. Особо следует отметить публикацию Н.А. Ибрагимова, которая интересна тем, что автор уделяет серьезное внимание хозяйственно-бытовым отношениям немцев-колонистов в Северном Азербайджане, подчеркивает их роль в развитии виноградарства и виноделия, а также в других отраслях народного хозяйства. Специфика работы М. Джафарли заключается в том, что он исследует одну из загадочных страниц в истории страны XIX-XX вв., а именно — судьбу немцев, которые испытали все тяготы тоталитарно-авторитарного режима сталинского и позднейшего периодов.

Интересна также публикация Г.Д. Джавадова, которая широко освещает хозяйственно-бытовую жизнь немцев и их влияние на быт азербайджанцев.

Отдельные аспекты данной проблемы изучались также советским исследователем Г.Х. Манджгаладзе [3], который, касаясь рассматриваемой нами проблемы, ссылаясь на выводы некоторых авторов [4] и пытался доказать, что немцы Южного Кавказа во время Первой мировой войны саботировали мероприятия российских административных властей на местах.

Стремясь найти объяснение указам российского правительства в отношении колонистов, Г.Х. Манджгаладзе, со ссылкой на фактические материалы, отмечает, что немцы Южного Кавказа в период Первой мировой войны открыто выражали свои симпатии Германской империи. Одним из подтверждений своего вывода он приводит сообщения об уклонении немцев-колонистов от призыва в российскую армию [5].

Тот же автор утверждает, что колонисты не только помогали германской разведке, но иногда осуществляли диверсии, скрывали от властей подлежащее реквизиции имущество [6]. Так, Г.Х. Манджгаладзе пишет, что немцы-колонисты имели план взрыва железнодорожных мостов на реке Кур у Кюрдамира, Евлаха и Дзетага [7].

Выявленные нами фактические материалы из архивов доказывают, что ничего подобного утверждениям Г.Х. Манджгаладзе относительно «диверсионной» и «дезертирской» деятельности немцев-колонистов Южного Кавказа в годы Первой мировой войны не было.

Этот автор ссылается в данном случае не на факты, а на работу, изданную в СССР в период Великой Отечественной войны, о которой выше уже упоминалось [4]. Естественно, что она имеет анти-немецкий характер и субъективна в отношении граждан, родственных населению государства, вторично в XX в. напавшего на Россию (СССР) без объявления войны и с захватническими целями. Поэтому некоторые советские «исследователи» из партийно-государственных и ура-патриотических интересов выступали с такой тенденциозной позицией.

Все вышеуказанные работы в целом не изучали данную проблему, а только эпизодически освещали ее.

Специфика нашей работы заключается в том, что, исследуя проблему, она опирается на исторические документы и тем самым подчеркивает историческую объективность исследования.

Начало XX в. для немцев-колонистов Южного Кавказа, в том числе Северного Азербайджана, оказалось сложным. Революционное движение в Российской империи, затем революция 1905–1907 гг. всколыхнули огромное государство вплоть до самых окраин. Однако эти события не изменили привычный распорядок жизни и труда колонистов. Даже в экстремальных условиях они продемонстрировали свою выдержку и не изменили традиционной обособленности [8]. Апологет немцев-колонистов К. Линдемман, характеризуя их отношение к происходившим в России событиям, писал: «Нелиш-

ним будет напомнить, что немецкие колонисты в отношении политического направления являются убежденными монархистами» [9].

В эти же годы воссозданная в 70-е гг. XIX в. единая Германская империя начинает уделять большое внимание своим согражданам, проживавшим на Южном Кавказе. Особенно большое значение Германия придает им после начала строительства Багдадской железной дороги. Колонистов считают в Германии знатоками Востока, которые хорошо осведомлены и разбираются в кавказских делах. Ежегодно с исторической родины колонистам присылают пасторов-миссионеров. В канун Первой мировой войны на Южный Кавказ с такой миссией прибыли доктор Гроте, фон Вейкман, географ Ранке, С. Бэр, Зикениус [10]. Во время самой войны германский вермахт с большим вниманием относился к немцам-колонистам на Южном Кавказе, особенно в Елизаветпольской губернии.

Со своей стороны, во время Первой мировой войны кавказская администрация внимательно следит за поведением местных немецко-колонистов. Достаточно тесные их связи с Германией создавали потенциальную опасность для государственных и военных интересов России. Однако основная цель превентивных мер местной власти в отношении немцев-колонистов заключалась в умиротворении и успокоении общественного мнения. Такая политика была обусловлена ощутимым влиянием германофильского направления при русском Императорском дворе. Одной из первых мер против немецко-колонистов было переименование их поселений на Южном Кавказе, в том числе в Северном Азербайджане.

После начала Первой мировой войны российское правительство, взяв за основу циркуляр по Земскому отделу от 15 октября 1914 г. за № 55, обосновало необходимость переименований и решило «поставить на очередь вопрос о переименовании тех селений и волостей, кои носят немецкие названия, с присвоением им наименований русских» [11].

В связи с этим кавказская администрация, опираясь на соответствующие ст. 115, 242, 243 и 345 Законов и распоряжения кавказского наместника, издает распоряжение, согласно которому губернское правление принимает постановление от 9 февраля 1915 г. за № 261 и переименовывает Еленендорф в село Еленино, Анненфельд — в село Аннино [12].

С ноября 1915 г. приказом наместника Кавказа в колонии были назначены старосты и писари для надзора над их жителями и для прекращения их «злокозненной деятельности». Однако этот надзор

«чрезвычайно затруднялся из-за замкнутости колоний и единства их этнического состава».

Первая мировая война стала тяжелым бременем и испытанием для России и живших в ней многочисленных народов. Война усугубила и обострила противоречия между трудом и капиталом, завела огромную империю в тупиковую ситуацию. Крестьяне, составлявшие 96% населения, не могли и не хотели мириться со сложившейся тяжелой ситуацией. Нерешенные аграрные проблемы вызвали усиление крестьянской борьбы. Нарастание антагонистических противоречий, охвативших все сферы хозяйства, вынудило правительство в годы войны отнестись к «немецкому вопросу» довольно жестко. В частности, были изданы указы о ликвидации немецкого землевладения в Российской империи. В 1915 г. Совет министров принял постановление «О некоторых, вызываемых военными обстоятельствами мерах сокращения иностранного землевладения и землепользования в государстве Российском» [13].

Однако основная цель ликвидации немецкого землевладения и передачи колонистской земли российским крестьянам заключалась в стремлении погасить антиправительственную борьбу. 2 февраля и 13 декабря 1915 г. были изданы специальные законы о ликвидации землевладения лиц немецкого происхождения. Первый из законов касался западных приграничных губерний, второй — распространялся на территорию всей Российской империи, в том числе губерний Южного Кавказа [14].

В связи с этим в «Елизаветпольских губернских ведомостях» № 20 от 8 марта 1916 г. указывалось: «В силу Высочайше утвержденного 13 декабря 1915 г. Особого журнала Совета министров постановлений от 13 и 23 сентября, 30 октября, 13 и 17 ноября 1915 г. “О некоторых изменениях и дополнениях 2 февраля 1915 г. о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией государств, а также австрийских, венгерских или германских выходцев”... недвижимые имущества, как находящиеся вне городских поселений и принадлежащие жителям села Еленино (бывшая колония Еленендорф) Елизаветпольского уезда, являющихся германскими выходцами, подлежат отчуждению владельцами его, согласно ст. 1 отд. IV правил от 2 февраля 1915 г. о землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных в течение десяти месяцев, со дня пропечатания настоящего объявления в “Губернских ведомостях”» [15].

Подыгрывая частнособственнической психологии крестьянства, в первую очередь европейских губерний России, правительство пыталось таким путем утихомирить сельское население, отвлечь его от выступлений, снизить влияние на них различных «революционных» агитаторов и оппозиционных политических партий.

Практическое осуществление законов о ликвидации немецкого землевладения на Южном Кавказе началось в первые месяцы 1916 г. [16]. Немцы-колонисты с большой обидой восприняли указ о лишении немцев России земель, которыми они владели или которыми они пользовались. В связи с этим в июне 1916 г. в Еленендорфе состоялось тайное совещание, участники которого были представителями всех немецких колоний Южного Кавказа. Они единогласно постановили предпринять всяческие меры для срыва исполнения указа и обратиться к правительству.

В жалобе в Правительствующий сенат по Первому департаменту немцы-колонисты аргументированно доказывали незаконность утвержденного в особом журнале Совета министров постановления от 13 декабря 1915 г. «О некоторых изменениях и дополнениях указа от 2 февраля 1915 г. о землевладении и землепользовании подданных воюющих с Россией держав, а также австрийских, венгерских или германских выходцев» в отношении жителей села Еленино (Еленендорфа). Ходатаи считали, что на немцев-колонистов этого села постановление не распространялось, потому что правительству известно, что «предки жителей села Еленино являются выходцами не из Германии, а колонистами, вызванными из Вюртембергского королевства самим правительством в царствование императора Александра I. Открывая слесарные и фургонные мастерские, работавшие до начала войны, а в настоящую войну работающие исключительно для армии, колонисты как нельзя лучше исполнили возложенную на них правительством миссию по созданию образцовых хозяйств». Жители села поставили государству 30 четырехконных фургонов; добровольно пожертвовали 24 000 руб. (Елизаветпольскому отделению Российского общества Красного Креста) и 12 тыс. бутылок лечебного вина [17]. Жалобу подписали 200 жителей Еленендорфа [18].

Первая мировая война нанесла серьезный урон экономике России, в частности ее сельскому хозяйству. Пытаясь предотвратить окончательный развал хозяйства, правительство колебалось в реализации своих указов и постановлений относительно российских немцев, ибо колонисты, в руках которых находилась значительная

часть земельного фонда Российской империи, прекратили обработку земли, что привело к еще большему ухудшению и без того тяжелого продовольственного состояния государства. Поэтому к весне 1916 г. Совет министров был вынужден принять решение, согласно которому колонистам, продолжающим обработку земли, их участки сохранялись на срок до двух лет [19].

Решение Совета министров отразилось на мерах кавказской администрации. Однако действия как правительства, так и местной администрации несли на себе печать противоречивости, однобокости и колебаний. Так, 20 июня 1916 г. в своем предписании за № 12529 «Об ограничении немецкого населения землепользованием» елизаветпольский губернатор оповещал колонистов, что «при переходе имений колонистов к Крестьянскому поземельному банку они сохраняли земли в своем пользовании до окончательной уборки урожая, а также подготовленные и засеянные в 1916 году озимые поля, как и засеянные весной 1917 г. яровые поля, но при условии своевременного выполнения падающих на время этого пользования необходимых подготовительных работ к следующему году» [20].

Однако предписание елизаветпольского губернатора от 6 августа 1916 г. за № 16298 противоречило вышесказанному документу. Этим предписанием, со ссылкой на постановление, изданное Главным начальником Кавказского округа 18 июня 1916 г. и опубликованное в «Елизаветпольских губернских ведомостях» № 54 от 8 июля 1916 г., указывалось: «колонистам и отдельным собственникам из австрийских, венгерских и германских выходцев после отчуждения принадлежащего им недвижимого имущества воспрещается оставаться на жительство на означенных землях на каких бы то ни было условиях и независимо от согласия на то новых владельцев указанного недвижимого имущества».

Этот документ распространялся также «на тех из германских, австрийских и венгерских выходцев, которых новые владельцы пригласили бы как прежних собственников отчужденных на основании законов от 2 февраля 1915 г. и от 13 декабря того же года помещений (домов-дач) к себе пробыть в качестве гостей в прежде принадлежавших им, а ныне отчужденных домах» [21].

Таким образом, елизаветпольский губернатор обнародовал два документа, разделенных во времени полутора месяцами, которые противоречили один другому. Они свидетельствуют о недееспособности властей во внутренней политике в период Первой мировой войны, в данном случае — в отношении немцев-колонистов Южного Кавказа.

В марте 1917 г. состоялись публичные торги в немецких колониях Елизаветпольского уезда Елизаветпольской губернии. 9 марта 1917 г. на состоявшихся торгах имение Анненфельд оценивалось в 2110 руб. [22], а 10 марта 1917 г. имение Георгиевское — в 40 000 руб. [23].

Выявленные нами документы свидетельствуют о недоброжелательном отношении кавказской администрации к немцам-колонистам в годы войны. Отдельные представители властей демонстрировали свое безразличие к судьбе колонистов, обвиняли их во всех бедах империи. Так, немцы села Еленино обвинялись в тягчайшем преступлении против армян и в усугублении межнациональных отношений [24]. Однако подобные обвинения были беспочвенными, ибо немцы-колонисты вели обособленный образ жизни, уклоняясь от революционно-политической борьбы, охватившей Российскую империю.

Негативная позиция правящих кругов и отдельных их представителей по отношению к немцам-колонистам России, в том числе Северного Азербайджана, преследовала определенные цели. Во-первых, свалить на этих колонистов неудачи на фронтах и в тылу. Во-вторых, найти «виновников» среди немцев и отвлечь тем самым внимание от бедственного положения в Российском государстве. В-третьих, объяснить «русским патриотам», что во всем виноваты немцы-колонисты, а не бездарная администрация. В-четвертых, за счет земель и благополучия немцев-колонистов попытаться решить хотя бы часть экономических проблем страны.

Примечания

1. См.: Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. СПб., 1865; Зелинский С.П. Племенной состав, лигия и происхождение государственных крестьян: Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. II. Тифлис, 1887; Петров И. Немцы-колонисты в селе Георгиевском Елизаветпольского уезда // Известия Кавказского отдела Российского императорского географического общества. Т. XVIII. 1905–1906 гг. Тифлис, 1906; Басихин П. Немецкие колонии на Кавказе // Кавказский вестник (далее — КВ). Тифлис. 1900. № 1; Циммер Ф. Колония Еленендорф Елизаветпольской губернии и уезда: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901; Шелухин С. Немецкая колонизация. Одесса, 1915.
2. См.: Ахундова Т.Р. Из истории переселения немцев в Азербайджане (численность и размещение) // История и ремесла и промышленности Азербайджана в период позднего феодализма и генезиса капитализма. Баку, 1990; Багиров Ф.Э. Из истории переселенческого движения в Закавказье.

- зь (Азербайджане) в XIX веке // Известия Академии наук Азербайджана. Серия: история, философия и право. 1994. № 1–4; Чавадов Г. Алман мэккэнлэринин мэккулашмасы тарихинэ даир // Тарих вэ онун проблемлэри. Баку. 1998. № 4; Вердиева Х.Ю. Динамика населения немцев в Северном Азербайджане в XIX – начале XX века // Тарих вэ онун проблемлэри. Баку. 1999. № 2; Ибрагимов Н.А. Немецкие страницы истории Азербайджана. Баку, 1995; Джафарли М. Политический террор и судьба азербайджанских немцев. Баку, 1998.
3. См.: Манджгаладзе Г.Х. Немецкие колонисты в Закавказье. Автореф. дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1970.
 4. См.: Никитинский И.И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 годов. М., 1942.
 5. См.: Манджгаладзе Г.Х. Указ. соч. С. 19, 27.
 6. См.: Манджгаладзе Г.Х. Указ. соч. С. 27.
 7. См.: Манджгаладзе Г.Х. Указ. соч. С. 19.
 8. См.: Центральный государственный исторический архив Азербайджанской республики (далее – ЦГИААР). Ф. 507. Оп. 1. Д. 362. Л. 43.
 9. Линдеман К. Законы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. М., 1916. С. 177.
 10. См.: ЦГВИА. Ф. 200. Оп. 15. Д. 778. Л.18; ЦГА Грузии. Ф. 153. Оп. 1. Д. 21. Л. 291, 292; Манджгаладзе Г.Х. Указ. соч. С. 24.
 11. ЦГИААР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 371. Л. 2.
 12. См.: Там же. Л. 3 об.
 13. См.: Дипломатический вестник. 1992. № 6. С. 74.
 14. См.: Кавказское слово. 1916. № 12/1.
 15. ЦГИААР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 362. Л. 39.
 16. См.: Манджгаладзе Г.Х. Указ. соч. С. 25.
 17. ЦГИААР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 362. Л. 43.
 18. См.: Там же.
 19. См.: ЦГИААР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 362. Л. 38; Манджгаладзе Г.Х. Указ. соч. С. 27; Речь. 1916. 21 июня.
 20. ЦГИААР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 362. Л. 41.
 21. Там же.
 22. ЦГИААР. Ф. 508. Оп. 1. Д. 362. Л. 59.
 23. См.: Там же. Л. 58.
 24. См.: Там же. Д. 385. Л. 26.

ВОПРОС О СУДЬБЕ НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И.В. Черказьянова

В период Первой мировой войны в стране серьезно обострился вопрос о немецкой национальной школе, немецком языке как средстве общения, как школьной дисциплине и языке преподавания. Из всех факторов, определявших развитие немецких школ ранее (политических, экономических, духовных), свою роль сохранил лишь политический – государственные законы решали не только вопросы образования немцев, но и будущее всего немецкого народа.

В период Первой мировой войны можно выделить три этапа деятельности немецких школ:

1. 19 июля 1914 г. – декабрь 1914 г. Начало ограничений по национальному признаку. В сфере образования они касались, главным образом, преподавателей, учащихся, студентов – германских и австрийских подданных. Запрет на использование немецкого языка в общественных местах, делопроизводстве, проведении богослужений и в колонистских школах. Этот период связан с деятельностью министра просвещения Л.А. Кассо.

2. Январь 1915 г. – февраль 1917 г. Период действия «ликвидационных законов». Наступление германских войск в 1915 г. Эвакуация немцев из приграничных зон, закрытие их школ в прифронтовой зоне. Тотальный учет всех немецких школ империи, замена немецких учителей на русских, усиление административных мер против тыловых школ. Закон «о воспрещении преподавания на немецком языке» в школах любого типа, запрет немецкого языка в Дерптском университете. Проведение графом П.Н. Игнатьевым реформы образования. Министрами просвещения побывали граф П.Н. Игнатьев и Н.Н. Кульчицкий.

3. Февраль–октябрь 1917 г. Период деятельности Временного правительства. Отмена национальных и вероисповедных ограничений, разрешение использовать родной язык в частных учебных заведениях. Попытки самоопределения немцев. За этот период сменилось четыре министра просвещения.

I период (июль — декабрь 1914 г.)

Репрессивные меры против школ последовали буквально с началом войны. Первые из них касались *учителей, подданных неприятельских государств*. Инициатива по ограничению прав этих преподавателей принадлежала лично министру просвещения Л.А. Кассо. Первая телеграмма попечителям учебных округов была отправлена 1 августа: всем преподавателям — австрийским и германским подданным предоставлялась возможность просить о переходе в русское подданство для дальнейшего пребывания на службе [1]. Однако вскоре последовали дополнения: в Киевский округ новая телеграмма была отправлена 2 августа, во все другие округа — 4 августа. Вводились ограничения для иностранцев: предлагалось оставлять на службе только тех, которых учебное начальство признавало желательными, рекомендовалось только им принимать русское гражданство, при их несогласии — увольнять [2]. Так, например, был оставлен Пакк Г.А. — директор московского училища при лютеранской церкви святых Петра и Павла, принявшего российское подданство 5 августа 1914 г. [3].

Опубликованные циркуляры учебных округов и в них разделы по личному составу учебных заведений дают богатый материал для анализа данного вопроса. В приказах попечителей и директоров не указывалась причина увольнений преподавателей, лишь изредка оговаривалось, что учитель — неприятельский подданный. Однако обращает на себя внимание, что многие учителя с немецкими фамилиями и учителя немецкого языка отстранялись от должности с 1 августа 1914 г., т. е. со дня рассылки телеграммы МНП, зачастую приказы оформлялись задним числом. Перетряхивание кадров в поисках внутренних врагов продолжалось вплоть до зимы 1914 г. Германские и австрийские подданные работали, как правило, в городских учебных заведениях (гимназиях, реальных училищах, частных школах). Немало их было в Рижском, Виленском, Киевском, Харьковском, Одесском, Кавказском, Петроградском округах. Приведем лишь некоторые имена, с тем чтобы показать географию репрес-

ссий, хотя этот список достаточно обширный. Так, были уволены Г. Леффлер, преподаватель немецкого языка Рижской городской гимназии (12 ноября 1914 г.), К. Висснер — преподаватель рисования и черчения Митавского реального училища (9 ноября), А. Гильдебрандт — учительница немецкого языка Харьковской женской гимназии (октябрь), Н. Гунгер — классная надзирательница Бакинской 2-й женской гимназии (14 октября), О. Байер — преподаватель немецкого языка Виленского реального училища (1 августа). 30 августа 1914 г. были уволены работавшие в Киевской женской гимназии при лютеранской церкви св. Екатерины учительница Э. Карге и классная надзирательница М. Краузе.

В августе 1914 г. последовали и первые запреты относительно *учащихся, чьи родители были германскими, австрийскими и венгерскими подданными*. 9–10 августа были разосланы телеграммы министра просвещения о приостановлении на время войны приема неприятельских подданных в учебные заведения всех наименований [4]. Распоряжением № 40005 от 23 августа освобождались от занятий учащиеся, подданные Германии и Австро-Венгрии, до перехода их в русское подданство [5]. Исключение было сделано только для детей чешской национальности, состоящих в германском или австрийском подданстве: их оставляли в школе при условии перехода в русское подданство [6]. 23 сентября исключение было распространено на славян вообще. Постановлением Совета министров и соответствующим распоряжением МНП от 2 апреля 1915 г. были внесены дальнейшие уточнения по этому вопросу. Разрешено было принимать в учебные заведения германских, австрийских и венгерских подданных славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецких подданных христианских исповеданий, которым военное и гражданское начальство разрешило находиться в местах их постоянного проживания [7]. Распоряжением МНП от 11 апреля 1915 г. учащиеся, подданные неприятельских держав, желавшие перейти в русское подданство, допускались к экзаменам экстерном, однако дипломы могли получить только по принятии русского подданства [8].

В сентябре 1914 г. министр торговли и промышленности С.М. Тимашев возбудил в Совете министров вопрос, можно ли оставлять детей германских и австрийских подданных в учебных заведениях его ведомства. При обсуждении вопроса выяснилось, что министр просвещения Л.А. Кассо еще в августе сделал соответствующие распоряжения по учебным округам. Действия министра Кассо были

одобрены, а его решения были узаконены 13 сентября в виде постановления Совета министров (особый журнал) и распространены на учебные заведения всех ведомств [9]. В постановление были включены ранее принятые МНП распоряжения о прекращении приема и освобождении от занятий неприятельских подданных.

Осенью 1914 г. началось закрытие немецких обществ и союзов. С инициативой об исключении подданных воюющих с Россией держав из частных обществ выступил министр внутренних дел Н.А. Маклаков. Но Совет министров 31 октября 1914 г. распространил эту меру и на ученые, просветительские и благотворительные учреждения, не исключая и правительственные, как, например, Академия наук, Академия художеств, Императорская публичная библиотека, университеты. 19 ноября император утвердил это решение.

30 ноября 1914 г. Н.А. Маклаков разослал всем губернаторам империи циркуляр с требованием пресекать деятельность немецких обществ, которые объединяют «немецкий элемент на почве узконациональных интересов и даже проводят германские национальные тенденции», отказывать им в регистрации невзирая на их цели, оговоренные в уставе [10]. Запрет коснулся и тех благотворительных организаций, которые стремились развивать образование, поддерживали бедных учащихся, сирот.

Расплывчатые формулировки министра создали благоприятную почву для произвола на местах. Под это определение подводили и женские союзы, и потребительские объединения, и спортивные клубы, и молодежные христианские организации. Многие губернаторы оправдывали этим распоряжением министра и свои предшествующие действия. В ответах с мест сообщалось как о давно закрытых обществах, действия которых вполне подходили под определение, так и все еще функционирующих, но которые «угрожают общественному спокойствию и безопасности». Херсонский губернатор докладывал в МВД о закрытых еще 11 октября 1914 г. Кучурганском обществе соревнователей образования и Херсонском немецком обществе [11]. 1 июня 1915 г. было закрыто Общество для подъема образования среди колонистов Оренбургской губернии, так как оно состояло исключительно из немцев, а с началом войны стало проявлять «признаки объединения на национальной почве» [12]. В конце 1914 г. варшавский генерал-губернатор запретил Общество поощрения школьного образования, действовавшее в немецком поселке Жирардове Блонского уезда [13]. В январе 1916 г. ковенский губернатор, уже находясь в эвакуации в Костроме, наконец-то добил-

ся в МВД разрешения на закрытие пяти немецких обществ, зарегистрированных в губернии. Хотя во всех обществах были исключительно русские подданные немцы, а общества были чисто конфессиональными, они были закрыты, так как их деятельность с началом войны «считалась особо вредной». Среди них были Евангелическое общество молодых людей в г. Ковно, Тауроженское евангелическо-лютеранское общество попечения о молодежи строго христианского направления [14]. В Москве в октябре 1916 г. в числе пяти оставшихся немецких обществ продолжало действовать «Общество поощрения о физическом развитии учащихся в учебных заведениях евангелическо-лютеранской церкви Святых Петра и Павла» (председатель Галле Роберт Васильевич) [15]. В связи с закрытием, в первую очередь, обществ, состоящих из подданных воюющих с Россией государств, автоматически ликвидировались и их школы. В Рижском учебном округе уже 12 августа 1914 г. все частные школы, находившиеся на содержании Deutscher Verein'a, были закрыты.

25 августа были приняты первые распоряжения МНП относительно языка преподавания в немецких школах, пока они касались только школ Петрограда. Преподавание всех предметов в училищах при немецких и евангелическо-лютеранских и реформатских церквях города переводилось на русский язык с начала 1914/15 учебного года. Представление в МНП по данному вопросу подготовил попечитель учебного округа Н.Н. Кульчицкий, а директора названных школ дали свое согласие. Для выпускных классов делалось исключение: в случае крайней необходимости, разрешалось оставлять немецкий язык для преподавания латинского и греческого языков до конца учебного года [16].

1 сентября министерство предложило попечителю Московского учебного округа принять аналогичные меры в отношении немецких училищ при церквях Москвы [17]. В циркуляре отмечалось, что училища при лютеранских и реформатских церквях Петрограда «признали целесообразным ввести русский язык для преподавания всех предметов». Министр считал «желательным и своевременным» распространить подобные меры и в Москве. Церковные советы должны были немедленно обсудить вопрос о языке преподавания. Только для старших классов делалось временное, до конца учебного года, исключение: как и в училищах столицы, преподавание на немецком сохранялось лишь на уроках древних языков. Спустя несколько дней советы церкви святых Петра и Павла и церкви св. Михаила дали

свое согласие на преобразования. Директор реального училища св. Михаила А.К. Асмус докладывал попечителю, что преподавание на русском языке введено с 15 сентября [18]. Вскоре на русский язык перешло и Петропавловское училище. В частной гимназии при Обществе реформатской церкви преподавание на русском языке велось уже с 1908 г. [19].

Запрет на использование немецкого языка в качестве преподавательского коснулся и Рижских педагогических курсов, готовивших учителей немецкого языка для средних школ. Министерство просвещения в декабре 1914 г. положительно оценило их деятельность в течение 1913/14 учебного года, но на будущее потребовало вести занятия на русском языке [20].

24 декабря 1914 г. император утвердил важнейшее решение о языке преподавания в немецких колониальных школах. Оно гласило: в начальных училищах, как существующих, так и вновь открывающихся, для детей немецкой национальности в Варшавском учебном округе и в селениях бывших немецких колонистов повсеместно по империи преподавание всех предметов проводить на государственном языке, за исключением Закона Божьего и природного языка учащихся. Для этих предметов сохранялся немецкий язык преподавания. В одноклассных училищах и первых классах прочих начальных училищ допускалось использование природного языка учащихся в качестве вспомогательного, но только на первых порах и не дольше первого года обучения [21].

Закон отменял предыдущие решения Совета министров от 31 января и 23 марта 1907 г. Они допускали преподавание на немецком языке в начальных училищах и в частных учебных заведениях Варшавского округа и в школах бывших немецких колонистов Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Волынской губерний и области Войска Донского (в других местностях — по требованию), содержащихся на местные средства, т. е. в неправительственных школах [22]. Теперь немецкий язык низводился до уровня обычного предмета. Опять, как и на рубеже 1900-х гг., начальная школа была поставлена в крайне затруднительное положение. Ребенок, вообще не слышавший русскую речь до поступления в школу, должен был освоить ее в течение одного учебного года (т. е. фактически за шесть-семь месяцев) и уже в следующем году усваивать предметы на русском языке. При этом в первом классе он одновременно учил два языка, основы письма и счета, т. е. нагрузка на ученика была очень большой, а качество знаний оставляло желать лучшего.

Фактическое воплощение постановления от 24 декабря началось в феврале-марте 1915 г., так как МНП направило соответствующий циркуляр по учебным округам только 27 января 1915 г., а попечители своим подчиненным еще позже. Так, в дирекции народных училищ Кавказского округа распоряжение было разослано 6 февраля, а в дирекции Казанского округа только 15 февраля. За выполнением закона следило не только министерство просвещения, но и губернские, а в прифронтовых областях и военные власти.

Документы и историческая литература дают массу примеров административного произвола властей в отношении немецкого населения. На местах ограничения по использованию немецкого языка вводились задолго до принятия соответствующих законов. Степной генерал-губернатор Е. Шмит обратился 16 октября 1914 г. к губернаторам Акмолинской и Семипалатинской областей с письмом, в котором указывал на необходимые меры по борьбе с «обособленностью немцев-переселенцев». Для «обрусения этого зазнавшегося племени» он требовал применения всевозможных средств, вплоть до репрессивных. Шмит подчеркивал важность в этом деле правильной постановки школьного образования, необходимость строгого контроля за преподаванием на русском языке. Инспектора не должны допускать хоть малейших послаблений, а при выявлении нарушений немедленно закрывать такие школы. Органам полиции вменялось в обязанность выявлять случаи открытия «тайных» школ, где преподавание ведется на немецком языке. Виновных предлагалось привлекать к уголовной ответственности. «Правильная постановка школьного дела имеет огромное значение в борьбе с немецкой обособленностью, — констатировал генерал-губернатор. — Школа — это река, по которой должны вливаться русские начала в недра привезенной колонистами в наше отечество немецкой культуры» [23].

Попечитель Западно-Сибирского учебного округа А. фон Гейтман, до этого помощник попечителя Московского учебного округа, едва вступив в новую должность 29 декабря 1914 г., уже 2 января докладывал Степному генерал-губернатору Е.О. Шмиту (в ответ на письмо последнего в управление округом от 20 октября 1914 г.) о принятых мерах относительно немецких школ. Управляющий округом предупредил директоров и инспекторов: «Преподавание в школах должно вестись обязательно на русском языке, и только Закон Божий и родной язык могут преподаваться на немецком языке, но если между немцами-колонистами имеются дети, не знающие немецкого языка, то и эти предметы должны преподаваться на русском языке» (курсив наш. — И. Ч.) [24]. Последняя

мера была предложена самим попечителем, ничего подобного в постановлении от 24 декабря не говорилось.

Генерал-губернатор и командующий Одесским военным округом М.И. Эбелов 5 ноября 1914 г. отправил попечителю учебного округа запрос, в котором выразил сомнение в патриотизме немецких учащихся. Генерал предложил, в качестве главной меры по исправлению ситуации в деле воспитания детей, удалить всех политически и нравственно неблагонадежных учителей, а в случае отсутствия замены оставлять школы без учителя на все время военного положения в крае. Это послание генерала было воспринято попечителем как руководство к действию, началось закрытие школ. Совместные действия командующего и попечителя учебного округа значительно опередили циркулярное распоряжение МНП от 4 мая 1915 г., в котором и были предусмотрены меры по замене учителей-немцев.

Регулярные проверки для выяснения положения в немецких школах проводили учебные власти различных уровней. В Петроградском округе 14 июня 1915 г. было издано специальное распоряжение попечителя «О надлежащей постановке в школе как при преподавании, так и во всем школьном обиходе русского государственного языка». В целях «ограждения достоинства государственного языка» требовалось срочно заменить все еще сохраняющиеся в некоторых школах дневники, классные журналы, расписания, прочие документы старого образца на немецком языке. Школы заготовили различные бланки к началу 1914/15 учебного года в больших количествах и не смогли в короткое время заменить новыми. Управляющий округом категорически потребовал как в преподавании, так и в предметах школьного обихода употреблять исключительно русский язык [25].

Зимой 1915 г. директор народных училищ Таврической губернии С. Маргаритов совершил ревизию подведомственных школ и обнаружил «вопиющее» нарушение его распоряжения от 21 сентября 1915 г. о преподавании хорового пения в начальных немецких школах, согласно которому в школах допускалось два урока пения в неделю — пения на русском языке. Однако директор столкнулся с тем, что в некоторых школах на этих уроках дети разучивали немецкие церковные и светские песни. Маргаритов строго внушал, что немецкого светского пения вообще не должно быть в школе, а церковное может преподаваться на уроках Закона Божьего и немецкого языка [26].

Результатом подобных проверок было дальнейшее ограничение в деятельности немецких школ. Пользу же извлекают лишь современные исследователи. Так, благодаря проведенной инспекторами

ревизии в 1915 г. имеются подробные сведения о немногочисленных немецких училищах Западной Сибири, о некоторых из них это единственный источник [27].

Немецкий вопрос в высшей школе. Свою позицию в отношении войны поспешили высказать и преподаватели вузов. В адресе на имя Николая II от 29 июля 1914 г. совет профессоров Петроградского университета заверил, что он вместе с царем горит стремлением «оружию, поднятому в защиту Святой Руси и всего славянства» [28]. Выступая на совете столичного университета 1 сентября 1914 г., профессор А.С. Догель [29] в ответ на варварство германцев (бомбардировка Лувенского университета в Бельгии) призвал своих коллег не печатать научных трудов на немецком языке и в немецких изданиях, а также отказаться «от поддержки германской промышленности» и прекратить закупки в Германии научных приборов и реактивов. Догель поставил вопрос и об исключении из состава почетных членов тех немецких ученых, которые «позорят и унижают науку» [30]. На том заседании инициатива не была поддержана, но уже 24 ноября 1914 г. профессорская коллегия Петербургского университета исключила из числа своих почетных членов профессора Берлинского университета фон Листа.

Действия столичной профессуры вызвали цепную реакцию. Из вузов началось изгнание представителей германской науки. Только из состава почетных членов Московского университета и его научных обществ были исключены около 70 подданных Германии [31]. В числе первых 5 декабря 1914 г. был исключен профессор философии из Лейпцига Вильгельм Вунд, подписавший известное воззвание немецких ученых «К культурному миру» [32]. Это решение основывалось на законодательном постановлении Совета министров от 31 октября 1914 г. и секретном циркуляре МНП от 26 ноября № 176 об исключении из состава научных учреждений и высших учебных заведений и из числа их почетных членов всех неприятельских подданных. На своем собрании 17 апреля 1915 г. совет Киевского университета св. Владимира исключил 8 почетных членов — неприятельских подданных, профессоров из Йены, Лейпцига, Мюнхена, Вены и других. Среди исключенных был и член Королевской Прусской академии С. Швенденер [33].

Репрессивная политика коснулась и студенчества. Распоряжением МНП от 3 сентября 1914 г. отстранялись от занятий студенты высших учебных заведений — германские и австрийские подданные, до перехода их в русское подданство [34]. 5 ноября 1914 г. министр запретил

в университетах выполнение дипломных проектов на иностранных языках, работы, составленные не на государственном языке, возвращались без рассмотрения. Исключение на тот период было сделано для юридического факультета Киевского университета, где к тому времени уже были приняты два таких сочинения. Соискателям была дана отсрочка на полгода для перевода работ на русский [35].

Немецкий вопрос: общественное мнение, позиция интеллигенции. Официальная политика проводилась на фоне и при поддержке усиливающейся антинемецкой истерии. Заметную роль в нагнетании этих настроений играла интеллигенция, ее черносотенное крыло. Патриотические настроения этой части общества были окрашены в шовинистические тона. Газетную кампанию возглавляло «Новое время» во главе с М.А. Сувориным. Среди ярких борцов с «немецким засильем» был сотрудник газеты А.М. Селитренников, публиковавшийся под псевдонимом А. Ренников [36]. Материалы, собранные им в ходе поездок в Прибалтику и на Волынь, относятся к разряду слухов, сплетен, домыслов, ведь полуправда — особенно сильное оружие в руках обывателей. Его книги распространяли среди российских солдат для укрепления верноподданнических настроений [37].

Если война сократила объем исследований в области естественных и прикладных наук, то для историков, филологов и юристов это время можно считать временем их «расцвета», появилась масса работ по истории, политэкономии, политологии, посвященных военной теме, славянскому вопросу. Гуманитарии, наряду со своей основной исследовательской деятельностью, участвовали в публицистических кампаниях в газетах и журналах, публичных лекциях, в различных патриотических обществах. Так, к участию в сборнике статей «Немецкое зло» были привлечены из Петроградского университета профессор русской словесности И.А. Шляпкин [38], приват-доцент А.А. Громов, из Варшавского университета профессор В.В. Есипов. Профессор историко-филологического факультета Московского университета И.М. Гольдштейн опубликовал в 1915 г. свою работу о немецком засилье в русской торговле и промышленности [39]. Отдельной брошюрой был опубликован доклад преподавателя 11-й столичной гимназии И. И. Сергеева, прочитанный на заседании «Общества 1914 г.» (общество «Борьбы с немецким засильем») [40]. Националистически настроенная часть интеллигенции целенаправленно формировала стереотип среднестатистического германца — самодовольного, высокомерного шовиниста, с презрением относившегося к национальным интересам других народов.

Неудивительно, что поиски германских «напластований» в различных сферах науки, культуры заставили исследователей обратиться и к истории российской школы и школы российских немцев. Важные «открытия» в этой области сделал священник из Казани Е.В. Сосунцов. Русская школа, по мнению автора, порочна насквозь, так как со времен Петра I она пронизана германскими традициями [41]. В 1916 г. появилась книга П. Луппова — первая и единственная в дореволюционный период книга русского автора о немецких школах империи. Она написана с антинемецких позиций [42].

Однако подавляющая часть интеллигенции сочувственно относилась к российским немцам и не связывала военные проблемы с вопросами немецкой культуры, языка. В ответ на книги А. Тупина и А. Ренникова член Государственной Думы барон А.Ф. Мейендорф собрал мнения публицистов, писателей, представителей общественности в защиту немецкого населения [43]. Камертоном прозвучала рецензия А.С. Изгоева: «Книга Ренникова рассчитана на худшие инстинкты толпы, с особым восторгом набрасывающейся на тех, перед которыми еще только вчера она пресмыкалась» [44]. Позиции «Нового времени» и «Вечернего времени» противостояли материалы, публиковавшиеся в других газетах: «День», «Современное слово», «Русская мысль» [45]. В статье С. Патрашкина беспощадная критика Ренникова заканчивается выводом, под которым мог подписаться любой здравомыслящий человек: под немецким влиянием сложилась целая эпоха нашей государственной культуры, «каждый русский культурный человек немножко немец» [46].

Отношение родительских комитетов высших начальных училищ к вопросу о преподавании их детям немецкого языка лишний раз свидетельствует о здравомыслии большей части общества. Преобразование начальных школ в высшие начальные училища касались, главным образом, городских учебных заведений. В их программе не было предусмотрено обучение иностранным языкам, однако допускались немецкий и французский в качестве необязательных, если все расходы, связанные с их введением, будут оплачиваться из местных средств. Анализ распоряжений попечителей всех учебных округов империи свидетельствует, что родительские комитеты, местные органы управления находили такие средства, причем на преподавание и немецкого и французского языков, иногда только немецкого. Например, немецкий язык был допущен в таких высших начальных училищах, как Порецкое (Казанский округ, разрешение попечителя от 27 ноября 1914 г.) и Бийское женское (Западно-Сибирский округ,

12 сентября 1915 г.; расходы относились на средства городского общественного управления по решению городской Думы от 12 февраля 1915 г.). Немецкий и французский были допущены в училищах: Вольском (Казанский округ, 12 августа 1914 г.), Тарском мужском (Западно-Сибирский округ, 30 сентября 1915 г., выделялось 600 руб. из средств городского общественного управления), Пензенском пятиклассном (Харьковский округ, 10 января 1915 г.), Ново-Борисовском (Виленский округ, Минская губ., 9 октября 1914 г.) и др.

Однако антинемецкая истерия сказывалась на выборе языков в некоторых школах: родители настаивали на исключении немецкого языка и замене его французским или английским. Родительский комитет Царскосельской императорской Николаевской гимназии обратился к министру просвещения с ходатайством об исключении немецкого языка из числа обязательных предметов и замене его английским. МНП пошло на компромисс: с начала 1916/17 учебного года к существующим обязательным (немецкому и французскому) был добавлен третий — английский, а выбор двух из них предоставлялся родителям [47]. Еще дальше в своих требованиях пошло Псковское губернское земское собрание — оно потребовало введения английского во всех средних учебных заведениях губернии. П.Н. Игнатьев предложил такой же компромисс: разрешался новый язык, но сохранялись прежние, а выбор делали родители. Все расходы по введению английского языка покрывались из местных средств [48].

II период (январь 1915 — февраль 1917 гг.)

Развитие немецких школ этого периода проходило в весьма противоречивых условиях. С одной стороны, действует запрет на родной язык преподавания, власти продолжают отказывать в открытии новых частных школ, идет закрытие школ в прифронтовых зонах, учителей обвиняют в шпионаже и пособничестве врагу. С другой стороны, сфера государственных школ, в том числе и в немецких поселках, продолжает расширяться, идет дальнейшее преобразование школ в высшие начальные училища. Школьный бюджет не был исполнен только в 1914 г., но уже в 1915 г. ассигнования увеличились на 30 млн. рублей золотом [49].

Одним из феноменов военного времени было проведение реформы народного образования в 1915–1916 гг., предпринятой новым министром просвещения графом П.Н. Игнатьевым (назначен 9 января 1915 г.). Уже 17 января он выступил в Думе с программной

речью о состоянии образования и перспективах его развития. Главной бедой было «пленение школы государством», школу нужно было вернуть народу. Начавшаяся либерализация национально-школьной политики коснулась, главным образом, высшей и средней школы, в меньшей степени она затронула низшее звено. Для начальной национальной школы было признано право преподавания на «материнском» языке, однако механизм реализации разработан не был. Это право не распространялось на немцев, но нужно отдать должное: немцам оставили хотя бы самые минимальные права по использованию своего языка в школе — немецкий можно было использовать только на уроках родного языка и Закона Божьего и в первый год обучения.

П. Игнатьев привлек ученых, опытных педагогов к разработке реформы, находил единомышленников на местах, отстранял от дел ее противников. Так, из-за резких разногласий по вопросам реформы и массы нарушений со стороны управляющих учебными округами министр сместил в 1915 г. киевского попечителя А.Н. Деревницкого и одесского — В.Н. Смольянинова, а сам Одесский округ был подвергнут ревизии. Но в том же году Игнатьев привлек для работы в министерстве попечителя Виленского округа доктора математики Алексева, до сентября 1914 г. состоявшего профессором и ректором Юрьевского университета.

Однако реформа так и не была завершена. Уже через два месяца после объявления министром школьной реформы на него было заведено «дело», МВД начало собирать компрометирующие сведения. Либеральный курс министра подвергался яростным нападкам со стороны ультрапатриотов, его малейшие попытки решить в рамках своего ведомства еврейский или немецкий вопрос встречали в штыки. Коренным образом проблема немцев не решалась и не могла решаться в условиях военного времени, реформа не могла противостоять государственной политике в отношении немцев, ведь и само министерство просвещения было частью государственного аппарата. Сам Игнатьев, например, был в числе тех, кто требовал участия военных властей в экспроприации земель немецких колонистов [50], а самые строгие ограничения против немецких школ (циркуляры от 4 мая и 14 июня 1915 г., Закон от 18 августа 1916 г.) были приняты во время его деятельности.

Апофеозом обвинений против графа Игнатьева стала речь И.И. Дудниченко — председателя совещания монархических организаций, состоявшегося в Нижнем Новгороде в ноябре 1915 г. [51].

Трудно назвать циркуляр МНП от 4 мая 1915 г. уступкой немцам. Наоборот, в нем предусмотрены меры по ужесточению мер по введению государственного языка преподавания, предлагалась замена немецких учителей на русских, а при отсутствии кандидатов закрывать немецкие школы. Но монархисты были взбешены тем, что в циркуляре оговаривалось право на использование родного языка в начальной школе не более первого года обучения. Это, по их мнению, шло вразрез с государственной политикой, противоречило закону от 24 декабря 1914 г. о запрещении преподавания на немецком языке в колониальных школах. Монархисты не могли простить Игнатьеву и его попытку передать вопросы открытия и управления колониальными школами в ведение училищных советов, что раньше было прерогативой попечителей, директоров и инспекторов училищ [52]. В данном случае речь шла лишь об общей демократизации в управлении школ, но ни в коей мере не о предоставлении каких-либо льгот немцам. Впервые вопрос о подчинении народных школ уездным и губернским училищным советам был поднят в 1864 г. в связи с принятием новых учебных уставов. Но в период контрреформ от этого намерения отказались. Игнатьев вновь начал проводить политику укрепления местного училищного управления.

Упреки монархистов сыпались и в адрес Ученого комитета МНП, который ведал вопросами разработки и утверждения учебников и пособий для школ. Несмотря на запреты немецкого языка, продолжавшие в 1914 г., комитет продолжал еще в январе 1915 г. рассматривать учебники немецкого языка. Например, в январе им была допущена книга Г. Гайека «Практическое руководство по немецкому языку. Ч. I. Систематические упражнения в разговоре» (2-е изд. Рига, 1912) в качестве учебника для средних школ, в которых немецкий язык преподается по-немецки, т. е. мог быть использован в колониальных школах [53].

Совещание монархистов выдвинуло 19 пунктов обвинения в «антигосударственной деятельности» графа Игнатьева. Пункт 15 гласил: «Отдача в руки училищных советов всего школьного дела немецких школ и библиотек-читален и полное устранение от него агентов власти» [54]. Травля министра закончилась его отставкой 27 декабря 1916 г. На его место был назначен бывший попечитель Петроградского округа Н.Н. Кульчицкий, уволенный в свое время Игнатьевым.

В годы войны на правительственном уровне не принимались специальные законы или указы о закрытии колониальных либо других

типов немецких школ. Однако ограничения и запреты, связанные с употреблением языка, допуском учителей к работе, изгнанием преподавателей — подданных неприятельских государств, применение «ликвидационных» законов и Закона о местностях, объявленных на военном положении, мобилизации в армию — все это способствовало закрытию школ.

Особого внимания в этой связи заслуживают циркуляры МНП от 4 мая 1915 г. по Киевскому и Одесскому учебным округам. Это был единственный документ, где прозвучало косвенное распоряжение о закрытии немецких школ [55]. Идентичные распоряжения были разосланы в разное время по всем остальным округам империи [56]. Четыре пункта циркуляра были общими для всех территорий: 1. Осуществить предписание о преподавании всех предметов на государственном языке (т. е. постановления от 24 декабря); 2. Заменить тех учителей в колониальных школах, которые недостаточно владеют государственным языком, с соответствующим образовательным цензом, «преимущественно из лиц русского происхождения»; 3. Замену учителей закончить к 1 июля 1915 г., при отсутствии надлежащих кандидатов школы закрывать (в Рижском округе был установлен срок до 15 августа); 4. Учителей, нежелательных по обстоятельствам военного времени, увольнять незамедлительно. Для Киевского, Одесского, Кавказского, Харьковского, Виленского, Рижского, т. е. для прифронтовых округов имелся специальный пункт, в котором предлагалось решить на местах вопрос об использовании немецких школ другим населением после выдворения немцев. Тем самым министерство предусмотрело либо эвакуацию немцев, либо оставление поселений вследствие проведения «ликвидационных» законов.

Сроки по замене преподавателей были нереальны, так как в большинстве округов на эту «операцию» отводилось две недели. За это время ни у обществ, ни у инспекторов не было возможности подыскать замену. Жители не были заинтересованы в русских учителях, а учебное начальство само страдало от нехватки педагогов: выпуски учительских семинарий 1914 и 1915 гг. почти полностью были призваны в армию. Такая форсированная замена учителей ставила их на грань выживания, так как они в одночасье лишались средств к существованию. 7 июля 1915 г. учителя Мариупольского уезда отправили телеграмму в МНП, в которой просили считать их уволенными не с 1 июля, а с 1 сентября, чтобы устроить свои семейные дела [57]. Поэтому сроки замены учителей были отодвинуты до первого сентяб-

ря. Такое разрешение, например, получил попечитель Казанского округа [58]. Однако проблема этим не решалась и многие школы все-таки были закрыты из-за отсутствия надлежащих учителей.

Особенно тяжелое положение немецких школ складывалось в тех учебных округах, которые оказались, полностью или частично, в зоне военных действий либо в прифронтовых областях: Варшавском, Виленском, Рижском, Одесском, Киевском, Харьковском, Кавказском, Петроградском, именно здесь была сосредоточена основная масса немецких школ империи. На эти территории, в первую очередь, были распространены «ликвидационные» законы, отсюда началась депортация немецкого населения. В этих областях неограниченной властью пользовались командующие военными округами, распоряжения которых для попечителей учебных округов имели большее значение, чем циркуляры министерства образования.

В Варшавском округе к 1 апреля 1915 г. большинство немецких школ перестали функционировать из-за высылки колонистов из пограничных районов. Учителя были депортированы вместе с остальными жителями. Их служебное положение, равно как и существование самих школ, оказалось неопределенным. Поэтому министерство циркуляром от 19 апреля распорядилось считать их закрытыми. Одновременно с этим началась активная русификация края, запланированная в самом начале войны.

Проблема национальных школ Привислинского и Прибалтийского краев вновь обострилась в 1914 г. Местное население постоянно страдало либо от засилья русского, либо немецкого языков. На территории Царства Польского на протяжении десятилетий велась борьба против «тайных» школ, обучавших детей на польском языке. В Прибалтике издавна остро стоял вопрос о германизации латышей и эстов. С началом войны в целях борьбы с германизацией края власти сочли за благо проводить русификаторскую политику. Разработка проекта по преобразованию немецких школ (канторатов) в начальные русские началась уже 1 августа 1914 г. [59]. Только в Варшавском учебном округе, по переписи 1911 г., насчитывалось около 350 лютеранских канторатов. Развернувшиеся военные действия лишь на время отсрочили осуществление этих намерений.

Апрельским циркуляром МНП 1915 г. главным языком преподавания вводился русский, а местным, польскому и литовскому, отводилась роль вспомогательного языка в первый год обучения. В тех немецких школах, которые еще действовали и находились на содержании гмин, было предложено заменить вспомогательный немец-

кий язык на польский или литовский. Немецкие общинные школы необходимо было преобразовать в гминные училища. При невозможности провести эти меры к 1 июля 1915 г. [60] школы нужно было закрыть. В Рижском округе также был запрещен вспомогательный немецкий язык при обучении латышей и эстонцев [61].

Если в Варшавском округе причиной закрытия школ стала эвакуация населения, то попечители Одесского и Киевского округов проводили превентивные меры и проявили особое усердие по закрытию школ. Уже отмечалась «инициатива» генерала Эбелова в отношении немецких учителей. Ее следствием стал не только запрет школ, но и их тотальный учет. По собранным одесским попечителем сведениям, в округе имелось 624 немецкие школы [62].

Политика местных властей относительно немецких школ часто выходила за рамки правительственных мер. Самоуправство одесского попечителя проявилось уже в том, что он использовал постановление 24 декабря о языке преподавания в колонистских школах в целях их закрытия. Смольянинов выдвинул дополнительное требование: руководителей школ обязал пополнить библиотечные фонды новыми русскими пособиями и русскими книгами. Этими мерами было завуалировано стремление властей закрыть школы. Многие хозяева были мобилизованы в армию, и общества не могли в короткие сроки пересмотреть долю обложения каждого. Поэтому отсутствие дополнительных расходов на содержание школ становилось поводом к их закрытию. К 1 марта 1915 г. только в Екатеринославской дирекции по этой причине было закрыто 75 школ, а по трем дирекциям округа (кроме Таврической, которая медлила с закрытием) были запрещены 112 школ [63].

После получения циркуляра от 4 мая дело о закрытии пошло особенно бойко. В распоряжениях инспекторов вновь появляются дополнительные условия к немецким обществам, а именно: сами жители должны найти замену учителям из русских, повысить им жалование с 360 до 600 руб., выделить до 30 руб. на библиотеки, в некоторых местах даже требовали постройки новых школьных зданий. Каждый из инспекторов желал угодить окружному начальству, поэтому в некоторых документах в адрес немецких поселян раздавались угрозы об уголовной ответственности. Теперь даже Таврический директор, раньше проявлявший сдержанность, представил к закрытию 85 школ. Особое рвение проявил Бессарабский директор: все 85 немецких школ были закрыты к 1 июля, из них уволено 99 учителей [64]. Увольнения были проведены с нарушениями ми-

нистерского распоряжения. Среди уволенных учителей были и прекрасно владевшие русским языком (о чем свидетельствовали их прошения в дирекцию), но они, по выражению директора, говорили по-русски с акцентом. Изгнать таких преподавателей он считал «долгом политического приличия».

Все эти вопиющие нарушения были вскрыты во время ревизии Одесского учебного округа. Они послужили одной из причин увольнения В.Н. Смольянинова с должности 20 ноября 1915 г. [65]. А.А. Остроумов, член совета министра образования, проверявший вопрос о закрытии немецких школ, предложил министру пересмотреть дело в точном соответствии с циркуляром от 4 мая. Решением проблемы этих школ было бы, с точки зрения проверяющего, включение их в государственную сеть.

Вопрос о закрытии 280 немецких школ на Волыни впервые был поднят еще 22 октября 1914 г. на съезде инспекторов училищ губерний в г. Ровно. В постановлении отмечалась «особенность» размещения этих школ — от Люблинской губернии через Владимир-Волынский, по линии Юго-Западных железных дорог и по шоссе на Житомир и дальше на Киев, т. е. по намеченному направлению при наступлении. Немецких учителей заподозрили в шпионаже. Домыслы о «шпионаже» учителей Волыни широко использовал Ренников в своей книге, эта же мысль настойчиво внедрялась в общественное сознание [66]. Никто не хотел задуматься над фактами, что такой «стратегический выбор» немцы «предусмотрели» еще в период с 1865 по 1885 г., когда шло заселение края. Колонисты селились по обе стороны Киевско-Брестского шоссе, выбирая довольно дешевые земли Волынского Полесья. Теперь же немцев подозревали в шпионаже именно из-за района их расселения. Эти доводы к закрытию школ на Волыни и в Киевской губернии перекочевали в документы вышестоящих органов.

В МНП 20 января 1915 г. обратился попечитель Киевского учебного округа с ходатайством закрыть 302 школы в Киевской и Волынской губерниях [67]. Он утверждал, что в настоящее время нет никакой необходимости в существовании немецких школ, так как немцы могут пользоваться соседними министерскими, земскими училищами или содействовать открытию у себя правительственных школ. В свою очередь волынский губернатор направил запрос в МВД о правомерности существования немецких школ на подведомственной территории. Он предлагал их закрыть, а в будущем разрешать только школы правительственного типа [68].

По другим учебным округам закрытие школ шло не столь высокими темпами, как в южных губерниях и Прибалтике. В тыловых районах имелась и некоторая специфика в этом вопросе. Так, школы закрывались из-за преследования «тайных» школ (в них продолжалось преподавание на немецком языке), из-за призыва учителей в армию либо их отъезда по обстоятельствам военного времени, отсутствия средств у общества на содержание школ. Власти в переселенческих районах (например, в Барнаульском, Омском уездах) отказывались открывать новые школы. Общества вступали в конфликт с властями по вопросу преобразования школ в русскоязычные (как это было в истории с Новоомской меннонитской школой).

В Поволжье в первую очередь прекращалось финансирование тех земских школ, в которых не было русских учителей. Яркий пример такой политики приводит Н. Вашкау. Довоенные планы строительства школы в Иозефстале на средства Камьшинского земства были пересмотрены уже в октябре 1914 г., а отказ мотивировался необходимостью этих средств на нужды других, вновь открытых школ. На заседании Саратовской земской управы в июне 1916 г. отмечалось, что начальное образование в немецких колониях поставлено весьма удовлетворительно, поэтому не требует особых забот по улучшению со стороны земства [69]. Я. Дитц сообщает о том, что саратовский губернатор князь А.А. Ширинский-Шихматов просто вычеркнул из сметы камьшинского земства на 1915 г. пособие в 15 500 руб. на немецкие школы как необязательную для земства повинность и тем фактически закрыл несколько немецких школ, оставленных без средств [70].

В Сибири особенно остро стоял вопрос об открытии меннонитских школ в Барнаульском уезде. Попечитель Западно-Сибирского округа отказал 27 августа 1914 г. П.П. Тевсу в открытии частной школы в Славгороде на том основании, что «меннониты могут учиться в правительственных учебных заведениях» [71]. Отказ получили и поселяне с. Николаевки Славгородской волости, принявшие решение об открытии школы 9 сентября 1915 г. [72]. Десятки меннонитских школ уезда оставались официально незарегистрированными. Томский директор народных училищ докладывал попечителю округа 30 марта 1915 г., что в отношении школ в Розенфельде, Шензе, Шельвизе, Шенау, Эбенфельде, Гальбштадте, Александрфельде, Александргейме отдано распоряжение приставу о закрытии и возбуждении уголовного преследования [73]. Только в 1915/16 учебном году в Барнаульском уезде были разрешены 16 меннонитских школ с шестилетним курсом обучения [74].

С принятием «ликвидационных» законов и расширением территории их применения вопрос о судьбе немецких школ приобрел более масштабные размеры. 16 июля 1915 г. МНП затребовало сведения об их количестве по всем учебным округам империи, и в течение лета–осени данные были собраны. Вероятно, министерство само не представляло размеров ущерба в случае проведения в жизнь этих законов. По неполным данным К.Э. Линдемана, в Одесском учебном округе и в области Войска Донского были бы закрыты 363 школы с 11 585 учениками [75]. Но по официальным данным, к 1 августа 1915 г. только в четырех губерниях Одесского округа было учтено 680 немецких школ [76]. Сравнивая сведения профессора Линдемана и официальные данные, можно говорить о действительных масштабах готовящейся катастрофы.

Благотворительность немецких школ. Немцы приняли самое горячее участие в помощи фронту. Особое слово следует сказать об участии в этих мероприятиях немецких школ. Эта помощь демонстрировала, прежде всего, патриотические чувства немецкого населения к своей родине. Несмотря на многочисленные обиды и унижения, которые нанесло и продолжало наносить государство, немцы не отделяли себя от россиян.

Интересные материалы об участии школьников и учителей немецких школ в благотворительных акциях дают Циркуляры по Одесскому и Киевскому учебным округам. Управления этих округов учредили благотворительные кассы для военных нужд. В Одессе «Комитет помощи борцам за Родину» возглавила супруга попечителя округа О.В. Смольянинова. Комитет регулярно, в течение 1914–1916 гг., публиковал месячные финансовые отчеты, в которых отмечались как коллективные взносы (отчисления с жалования учителей, как правило, составляли 2%), так и единовременные пожертвования учеников, учителей, всех желающих, сборы с патриотических вечеров. Обращает на себя внимание то, с какой последовательностью и регулярностью отдавали свои деньги немцы, особенно мennonиты, а также учителя центральных училищ, невзирая на все репрессивные меры, которые были приняты в отношении языка, школ, землепользования немцев. Патриотический подъем наблюдался осенью 1914 г., от желающих сделать взносы не было отбоя. Уже с лета 1915 г. размер единовременных взносов заметно сократился, но немецкие учителя вплоть до конца 1916 г. регулярно отчисляли часть своего жалования, неизменно участвовали в сборе денег и подарков для бойцов в связи с Рождеством и Пасхой. Так, только

в марте 1916 г. Таценакская хуторская школа И. Корниса перечислила 100 руб. (сбор с вечера), Александровское центральное училище передало 46 руб. 60 коп. на пасхальные подарки, служащие Пришибского центрального училища перевели 19 руб. [77].

20 апреля 1915 г. немецкие школы Перекопского уезда получили благодарность инспектора народных училищ за «горячее участие» в сборе пожертвований на военные нужды. К Пасхе ими было собрано 540 кисетов (сумок) с подарками (куличи, лакомства, папиросы, мыло и т. д.). Кроме того, было собрано 2 пуда табака, 167 кусков мыла, 100 коробок консервов, 35 пудов ветчины, сала, колбас, 8 ящичков подарков без указания их содержания общим весом 20 пудов, 458 предметов белья. В различные комитеты школы перечислили в течение января–марта 1915 г. 202 руб. 30 марта в 30 училищах были устроены патриотические вечера в пользу раненых. В поселке Джанкой, по разрешению властей, при земской больнице для раненых были устроены чтения с использованием «волшебного» фонаря [78].

Киевским учебным округом был учрежден «Комитет по оказанию помощи раненым и семьям запасных». Опубликованы только отчеты о сборах за период с 6 августа 1914 г. по 1 января 1915 г. Приведем сведения лишь по учебным заведениям, действовавшим при лютеранской церкви Св. Екатерины в Киеве: реальному мужскому училищу и женской гимназии. Ими было пожертвовано всего 1201 руб. 32 коп., из них процент отчислений от жалования составил 481 руб. 47 коп.; остальная сумма (719 руб. 85 коп.) была пожертвована дополнительно [79].

С начала войны и до апреля 1915 г. в с. Орлов Аулиеатинского уезда Сыр-Дарьинской области было собрано и передано на нужды войны более 185 руб., на формирование «Лазарета Туркестанского края» собрано 82 руб., пожертвования учащихся Орловского приходского училища составили 27 руб. [80].

Благотворительность в военное время проявлялась и в такой форме, как учреждение стипендий для училищ. 30 сентября 1914 г. МНП утвердило положение о «Романовской» стипендии в память 300-летия царствования дома Романовых, учрежденной почетным попечителем Екатеринославского 2-го им. А.С. Пушкина высшего начального училища коммерции советником И.И. Тиссенном. Стипендия для поддержки малоимущих выплачивалась в виде процента с капитала в размере 1000 руб. [81]. 16 января 1916 г. попечитель Казанского округа С. Любомудров утвердил положение о стипендии

бывшего ученика Саратовской 1-й гимназии Александра Ивановича Бендера. Родители пожертвовали капитал в 5000 руб., проценты с которого шли на оплату за учебу четырех нуждающихся детей [82].

III период (февраль — октябрь 1917 г.)

Немцы с радостью встретили свержение самодержавия. 11 марта 1917 г. Временное правительство приостановило действие «ликвидационных» законов, а вскоре отменило и некоторые ограничения, касавшиеся школьного и университетского образования. Правительственным постановлением от 20 марта 1917 г. «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» разрешалось употребление иных, кроме русского, языков и наречий в делопроизводстве частных обществ, при преподавании в частных учебных заведениях всякого рода и при ведении торговых книг [83]. Однако решение не коснулось языка преподавания в государственных школах [84]. Распоряжением МНП от 13 июня 1917 г. национальные и вероисповедные ограничения были сняты при поступлении в университеты. Новые правила приема распространялись, о чем особо отмечалось, и на Юрьевский университет [85]. В целом, политика нового правительства была нацелена на отмену устаревших правил и ограничений, но оно не торопилось проводить конструктивные преобразования в области образования, что оправдывалось ухудшающейся социально-экономической ситуацией в стране.

Весна-осень 1917 г. для немцев России стали периодом поисков приемлемых форм их национального самоопределения. Значительное место на съездах немцев отводилось вопросам культуры, главнейшим из них был вопрос школьного образования, его реформирования. Среди неотложных мер стояли задачи подготовки собственных учителей, введение при всех училищах родительских советов. Для решения всех этих вопросов формировались культурно-просветительские комиссии. В Поволжье она была избрана 14 апреля 1917 г., в ее состав вошли известные учителя и предприниматели. Уже через неделю председатель школьной комиссии пастор И. Эрбес докладывал о положении дел и подготовке реформы. Эти вопросы обсуждались на съездах немецких колонистов Поволжья (25–27 апреля и 19–22 сентября 1917 г.). Особое внимание было уделено состоянию Лесно-Карамышского училища и вопросам подготовки учителей на базе этого и Екатеринбургского училищ [86]. В Сибири подобная комиссия была создана на собрании немцев-коло-

нистов Западной Сибири, проходившем 1 июня 1917 г. в Славгороде. К этому времени был подготовлен проект открытия в Славгороде четырехклассного высшего начального училища с трехгодичными педагогическими курсами для подготовки учителей, а также меннонитских проповедников и лютеранских и католических кистеров. Собрание утвердило проект нового училища [87]. С нового учебного года в Сибири начали действовать две немецкие школы повышенного типа в Славгороде и Маргенау.

Провозгласив Декрет о мире, советское правительство заявило тем самым о выходе из войны. В истории немецкой школы закончился этап, связанный с гонениями в годы Первой мировой войны. За это время она была подвергнута насильственной русификации, принявшей невиданный размах. Власти понимали важную роль школы в воспитании гражданских, патриотических чувств. Однако немецких учителей подозревали в германофильстве, поэтому и школы рассматривали как угрозу национальной безопасности. Стремление некоторых политических сил вообще ликвидировать немецкую школу, полностью запретить немецкий язык не получили поддержки в обществе и в министерстве просвещения. Полный запрет школ затрагивал бы и конфессиональные интересы немцев. Министерские чиновники признавали роль немецкой школы в подготовке детей к конфирмации, поэтому не покушались на эту сторону жизни населения. Школа была лишена родного языка преподавания, но его оставили для уроков собственно немецкого языка и Закона Божьего. В этих условиях немецкое население проявило гибкость, согласилось на многие ограничения и запреты для того, чтобы сохранить возможность образования для своих детей. Это был тактический шаг, и как только были сняты национальные ограничения, немецкие школы с родным языком преподавания стали появляться повсюду в стране. Многие учителя пережили в годы войны личную трагедию: часть была сослана в Сибирь, часть была отстранена от работы, многие были эвакуированы из западных областей и лишились не только работы, но и крова. Но этот тонкий слой немецкой интеллигенции не был уничтожен, в первые годы советской власти эти учителя были востребованы.

Примечания

1. См., например: Циркуляр по Рижскому учебному округу. № 8. Август 1914. Рига, 1914. С. 508.

2. См.: Циркуляр по Киевскому учебному округу. № 8. 1914. Киев, 1914. С. 689; Циркуляр по Казанскому учебному округу. № 8. Август 1914. Казань, 1914. С. 554.
3. См.: Центральный исторический архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 459. Оп. 3. Д. 7521. Л. 3–4.
4. См.: Циркуляр по Киевскому... № 8. 1914. Киев, 1914. С. 691; Циркуляр по Казанскому... № 8. Август 1914. Казань. 1914. С. 556–557.
5. См.: Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. № 11/12. Томск. 1914. С. 488.
6. См.: Циркуляр по Киевскому... № 9. 1914. Киев, 1914. С. 822.
7. См.: Циркуляр по Виленскому учебному округу. № 6. 1915. Вильно, 1915. С. 476.
8. См.: Циркуляр по Харьковскому учебному округу. № 7. Июль 1915. Харьков, 1915. С. 8.
9. См.: Циркуляр по Кавказскому учебному округу. № 9. Сентябрь 1914. Тифлис, 1914. С. 220.
10. См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 1085. Л. 59.
11. См.: Там же. Л. 27.
12. См.: Там же. Л. 33 об.
13. См.: Там же. Л. 43.
14. См.: Там же. Л. 79, 88–89, 94.
15. См.: Там же. Л. 174, 174 об.
16. См.: Циркуляр по Петроградскому учебному округу. № 9. Сентябрь 1914. Пг., 1914. С. 701.
17. См.: ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7743. Л. 5.
18. См.: Там же. Л. 21.
19. См.: Там же. Л. 8.
20. См.: Циркуляр по Рижскому... № 12. Декабрь 1914. Рига, 1915. С. 745–746.
21. См.: Циркуляр по Казанскому... № 2. Февраль 1915. Казань, 1915. С. 60–61.
22. См.: ПСЗ. Т. XXVII. СПб., 1910. Ст. 28842, 29016.
23. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 2695а. Л. 16–17.
24. Там же. Л. 19.
25. См.: Циркуляр по Петроградскому... № 6. Июнь 1915. Пг., 1915. С. 454–455.
26. См.: Циркуляр по Одесскому учебному округу. № 2. Февраль 1916. Одесса. 1916. С. 301–302.
27. См.: Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 3219.
28. Протоколы заседания Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 75.
29. Догель Александр Станиславович (1852–1922) – ученый-гистолог, анатом. В 1879 г. окончил Казанский университет, в 1883 г. защитил докторскую диссертацию. В 1888 г. был направлен для организации кафедры гистологии во вновь открытый Томский университет. В 1894 г. Академия наук наградила его премией им. Бэра и избрала членом-корреспондентом по ряду биологических наук. С 1895 г. и до конца жизни занимал должность профессора по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии Петербургского университета // Санкт-Петербургский университет. 275 лет: Летопись 1724–1999. СПб., 1999. С. 255–256.
30. Протоколы заседания Совета... С. 79–80.
31. См.: Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй отечественной войны» // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 111.
32. См.: ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 7485. Л. 269, 270.
33. См.: Циркуляр по Киевскому... № 6. 1915. Киев, 1915. С. 608.
34. См.: Циркуляр по Западно-Сибирскому... № 11/12. Томск, 1914. С. 495.
35. См.: Циркуляр по Киевскому... № 11, 1914. Киев, 1914. С. 1020–1021.
36. См.: Ренников А. Золото Рейна. О немцах в России. Пг., 1915; Он же. В стране чудес. Правда о прибалтийских немцах. Пг.:Изд-во М.А. Суворина, 1915.
37. По иронии судьбы на экземпляре книги, с которым работал автор в библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, стоит штамп крейсера «Аврора». Не помогла книга Ренникова в укреплении верноподданнических настроений команды.
38. Шляпкин Илья Александрович (1858–1918) – литературовед, книговед, палеограф. Член-корр. Петербургской академии наук (1907), профессор honoris causa (1900). Ввел в научный оборот многие рукописи («Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» и др.), письма Н.И. Новикова, А.С. Пушкина и др. Собранные им материалы легли в основу рукописных коллекций библиотеки Саратовского университета // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 748.
39. См.: Гольдштейн И.М. Немецкое зло и освободительная война // Сб. статей. М., 1915.
40. См.: Сергеев И.И. Мирное завоевание России немцами. Пг., 1915.
41. См.: Сосунцов Е.В. Немецкое влияние в русской школе. Казань, 1915.
42. См.: Луппов П. Немецкие национальные школы в России. Пг., 1916.
43. См.: Дополнительные материалы к книгам: А. Ренникова «В стране чудес» и А. Тупица «Прибалтийский край и война». Голоса балтийских немцев и отзывы русской печати / Предисл. А.Ф. Мейендорфа. Венден, 1915.
44. Там же. С. 182.
45. Надо отдать должное справедливости: «Новое время» предоставляло свои страницы и для опровержений на собственные публикации.
46. Патрашкин С. «Близкая родня» // День. 1914. 15 окт.
47. См.: Циркуляр по Петроградскому... № 3. Март 1916. Пг., 1916. С. 128.
48. См.: Там же. С. 128–129.
49. См.: Цирульников А. Из тайных архивов русской школы. М., 1992. С. 45.
50. См.: Нелипович С.Г. Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны (1914 – 1917) // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 270.
51. См.: Дудниченко И.И. Граф Игнатъев и развал школы. Саратов, 1916.
52. См.: Там же. С. 5.
53. См.: Циркуляр по Казанскому... № 1. Январь 1915. Казань, 1915. С. 1.
54. См.: Дудниченко И.И. Указ. соч. С. 32.
55. См.: Циркуляр по Киевскому... № 8. 1915. Киев, 1915. С. 707; Циркуляр по Одесскому... № 7. Июль 1915. С. 910.
56. Например, в Казанский округ циркуляр был направлен 3 июня 1915 г., в Кавказский и Харьковский округа – 9 июня, в Виленский, Петроградский, Западно-Сибирский – 14 июня, в Рижский – 6 июля.
57. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 42.

58. См.: Там же. Л. 56.
 59. См.: Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 534.
 60. См.: Там же. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 36.
 61. См.: Там же. Л. 40–41.
 62. См.: Циркуляр по Одесскому... № 9. Сентябрь 1915. Одесса, 1915. С. 1313. Материалы ревизии округа летом–осенью 1915 г. свидетельствуют, что эти сведения были неполными. К 1 августа 1915 г. были поданы другие цифры – 680 школ, но и они не были окончательными.
 63. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 59 об.
 64. См.: Там же. Л. 83.
 65. См.: Циркуляр по Одесскому... № 1. Январь 1916. С. 13.
 66. См.: Ренников А. Золото Рейна. С. 89–92.
 67. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 13–15.
 68. См.: Там же. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1062. Л. 31.
 69. См.: Waschkau N.E. Das Kamysiner Kreis-Zemstvo und die deutschen Schulen 1864–1917 // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. 7. Jg. Klartext Verlag, Essen 1997. S. 104–105.
 70. См.: Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997. С. 372.
 71. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2467. Л. 208.
 72. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2328. Л. 12 и об.
 73. См.: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2467. Л. 320.
 74. См.: Там же. Л. 348.
 75. См.: Линдеман К.Э. Законы 2-го февраля и 13-го декабря 1915 г. и их влияние на экономическое состояние Южной России. М., 1916. С. 124.
 76. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 186. Д. 2324. Л. 82.
 77. См.: Циркуляр по Одесскому... № 5. Май 1916. Одесса, 1916. Неофициальный отдел. С. 1604, 1617, 1620.
 78. См.: Циркуляр по Одесскому... № 7. Июль 1915. Одесса, 1915. С. 981–983.
 79. Подсчитано автором по материалам Циркуляра по Киевскому учебному округу за 1914 год.
 80. См.: Кронгард Г.К. Немцы в Кыргызстане: 1880–1990 гг. Бишкек, 1997. С. 115.
 81. См.: Циркуляр по Одесскому... № 12. Декабрь 1914. Одесса, 1914. С. 1829.
 82. См.: Циркуляр по Казанскому... № 1/2. Январь–февраль 1916. Казань, 1916. С. 65.
 83. См.: Циркуляр по Одесскому... № 4/5. Апрель–май 1917. Одесса, 1917. С. 154–157.
 84. Только при советской власти постановлением Наркомпроса от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств» родные языки народов России были поставлены в рамках школы в одинаковые условия с государственным языком.
 85. См.: Циркуляр по Киевскому... № 6. 1917. Киев, 1917. С. 215–218.
 86. См.: Вашкау Н. Национальное движение немцев Поволжья в 1917 году // История российских немцев. Ч. 1. Саратов, 1996. С. 75–82.
 87. См.: Нам И.В. Сибирские немцы в условиях Первой мировой войны и революции // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 136–137, 152–153.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА И «ЛИКВИДАЦИОННЫЕ» ЗАКОНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮЖНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ)

С.И. Бобылева

Когда уходит в прошлое какая-либо историческая эпоха, с ней уходит и ощущение своего времени, присущее ее современникам. Позже очень трудно понять, что создавало и питало настроение, мысли и поступки людей, выделить ключевые для эпохи события – как это представлялось самим действующим лицам. Тем более, можно ли рассуждать о жизни давно ушедших людей, о том, что возбуждало их чувства и занимало их мысли?

Не уловив настроение начала века, периода войны, кануна революции, мы не сможем понять причину возникновения, развития и становления того «идеологического поля», по определению А.И. Солженицына, которое породило атмосферу страха, политических убийств 20–30-х гг. и существенно повлияло на развитие общества в дальнейшем.

История немецких колонистов, обосновавшихся в Российской империи, их судеб в последнее время стала объектом внимания ряда исследователей [1]. Большая часть их работ посвящена изучению вопросов социально-экономического, политического развития колоний. Гораздо меньше исследованы проблемы духовной жизни колонистского сообщества. Вместе с тем проблема «Немцы в годы Первой мировой войны», поднимаемая в трудах ряда авторов [2], нередко сводится к изучению последствий законодательства 1915, 1916 гг. в области землепользования, высылки населения из приграничных районов, судеб интернированных и военнопленных. Признавая всю степень принципиальной значимости вышеназванных

проблем, нельзя не заметить, что такой подход заведомо сужает спектр жизненно важных проблем, порожденных периодом войны и не позволяет получить более полную картину состояния колониетского сообщества в России.

Речь идет о проблемах немецкого образования тех лет, общественной жизни колонистов. Иными словами, вопросы культуры, тем более национальной, традиционно изучаются у нас по остаточному принципу. В определенной мере такая ситуация объясняется сложностью получения исторически достоверной информации. И если, по словам Ж. Мишле, «история — это воскрешение», то это «воскрешение» во многом зависит от источников, которыми располагают авторы, от степени разработки источниковой базы проблемы.

Дефицит источников (с высокой информационной отдачей), непосредственно содержащих «открытую» информацию по данной теме, естественно, предполагает синтезирование опосредованной информации, которая буквально по крупицам «добывается» исследователями. Особый интерес представляют источники, отражающие культурную жизнь колонистов, ее эмоциональную сторону. Нынешняя антропологически ориентированная история в центр своего внимания ставит человека во всех его жизненных проявлениях, в его отношениях с другими людьми. Актуальным становится изучение культурного «пограничья», «соприкосновения» различных менталитетов.

Цель данного сообщения — показать судьбу немецкого населения южных губерний царской России через призму системы образования на основе ранее не использованных источников или использованных фрагментарно.

Источниками, позволяющими это сделать, послужили материалы фондов Днепропетровского исторического музея, справочники на 1915, 1916 гг. об учебных заведениях Одесского учебного округа и ситуациях в них, фонды Канцелярии екатеринославского губернатора, материалы земства и земской прессы, документы фондов архивов Запорожья, Днепропетровска, Киева, памятные книги Екатеринослава за разные годы, губернская пресса, источники личного происхождения — мемуары государственных деятелей того периода. Степень информационной насыщенности материала в вышеперечисленных источниках неодинакова и достаточно разнопланова. Так, если справочники позволяют вычлениить из всей массы учебных заведений юга России виды и типы учебных заведений колонистов, их удельный вес в составе учреждений такого типа в регионе, сведения об учредителях, преподавательском составе, ма-

териальном обеспечении учителей в немецких и меннонитских учебных заведениях, годах основания и их эволюции и т. д., то материалы жандармских управлений большей частью касаются характера репрессивных мер в отношении как преподавательского состава, так и судеб учебных заведений, доносы на учителей и колонистов, действия против немецких просветительских организаций.

В целом используемый массив источников позволяет, с одной стороны, уяснить целостную систему колониетского образования с присущими только ей чертами, тенденции развития этой системы в начале века, понять масштаб, глубину происходивших событий периода Первой мировой войны; с другой — поставить ряд вопросов, а именно:

- 1) были ли региональные особенности в ходе реализации правительственных постановлений;
- 2) присутствовала ли синхронность в действиях центра и администрации на местах;
- 3) характер действий и степень их разнообразия;
- 4) психологическая атмосфера общества, в которой все это происходило, и как происходившее влияло на эту атмосферу.

Это далеко не полный перечень проблем, возникающих при изучении вопросов о судьбах немецко-меннонитских просветительских учреждений в годы Первой мировой войны.

Кроме того, каждая из означенных проблем способна делиться на подвопросы. Так, при рассмотрении успехов, достигнутых колонистами к началу века в области образования, возникает вопрос как об ассимиляции, так и об адаптации немцев и меннонитов. С одной стороны, для немцев и меннонитов в чужеродном мире коренного населения была характерна замкнутость как естественная защитная функция сберечь культурно-этническое ядро, с другой — стремление наиболее активных представителей немецкого этноса и меннонитов к преодолению «маргинального дискомфорта», стремление к общественно значимой в данном (коренном) социуме деятельности. Что касается немецкого и меннонитского населения юга страны, то языковые и национально-культурные отличия способствовали созданию и сохранению здесь к началу Первой мировой войны крупных немецко-меннонитских анклавов.

К началу XX в. немецкие и меннонитские колонии имели хорошо развитую систему начального и среднего образования. Пройдя трудный и долгий путь становления, они стали вместе с церковными учреждениями влиятельными центрами развития духовной жизни

ни колонистов. Практически каждая колония имела свою начальную школу. Если учесть, что к этому времени в южных регионах насчитывалось 835 колоний (Екатеринославская губерния — 233; Таврическая губерния — 329; Херсонская губерния — 182; Бессарабия — 89) [3], то вполне очевиден тот размах, который имела здесь система начального образования. Кроме того, к 1914 г. здесь имелось 21 центральное училище с общим числом обучавшихся 2219 человек. Помимо этого колонисты основали девять четырехклассных женских училищ, прогимназию, женскую гимназию, два коммерческих училища, две торговые школы, земледельческое шестиклассное училище, три училища для глухонемых [4]. Эти учебные заведения в основном содержались на средства самих колонистов [5]. Субсидии, выделяемые земствами, не имели определяющего значения.

Колонисты, будучи рачительными хозяевами, затрачивали большие средства на содержание и развитие своей системы образования. Это было обусловлено как «традицией всеобщего обязательного обучения, напрямую связанной с религиозными потребностями немецкого общества: школа должна была готовить детей к конфирмации» [6], так и потребностями быстро меняющейся социально-экономической ситуации в южных регионах России. Стремительно шедшие здесь процессы капитализации общества втягивали колонистов в сферу новых общественно-экономических отношений, требуя грамотных товаропроизводителей. Этот же факт являлся одним из побудительных в изучении русского языка.

Вопросы, связанные с языковой политикой, имели свою, порой парадоксальную историю. Постепенно колонисты сами начинали осознавать необходимость овладения языком общения с окружающим населением. Появлялись инициаторы, бравшие на свой страх и риск создание частных вечерних школ, где колонисты изучали русский язык. Одним из таких пионеров немецкой колонистской интеллигенции был Самуил Клюдт, ставший в начале 50-х гг. XIX в. вместе с Гергардом Бадером инициатором частного преподавания русского языка в немецких колониях и создавший для этой цели ряд частных вечерних школ в немецких колониях юга России. Люди, подобные ему, будучи культурными, широко эрудированными, не замыкались в рамках узкой национальной корпоративности и понимали значение взаимной интеграции культур.

В 1866 г. по желанию Попечительского комитета в программу сельских школ был внесен новый учебный предмет — русский язык [7]. Речь идет о том, что русский язык тогда был востребован

культурно-экономическими задачами. Со временем ситуация изменилась и постепенно переросла в правительственную политику русификации, практически совпавшую по времени с оживленной дискуссией в обществе по «немецкому вопросу». Инициаторы и наиболее активные участники ее руководствовались не интересами культуры, политики. В основе ее лежал чисто прагматический подход — стремление избавиться от конкурента на экономическом поприще. А колонисты действительно уже тогда представляли собой заметное явление в социально-экономической жизни общества.

Следующим этапом в судьбах языковой политики стала передача немецких церковно-приходских школ узаконениями от 22 ноября 1890 г. и 10 декабря 1892 г. в ведение Министерства народного просвещения. В школах вводилась должность учителя русского языка, оплачиваемая, как правило, земством. На этом этапе возникли трения между сельскими обществами и государственной администрацией. Первые желали сохранения ситуации полного контроля над школой и ее учительским коллективом, предусматривающего назначение учителя и оплату его труда за счет сельских обществ [8]. Государство же стало на путь языкового давления [9]. Плавный, естественный путь улучшения языковой ситуации был нарушен.

В 90-е гг. XIX в. хорошо просматривается корреляционная зависимость в действиях центральных органов власти и мерах губернских структур. Результаты не заставили себя долго ждать и уже в 1896 г. губернские чиновники сообщили о начавшемся «обрусении» меннонитских и немецких школ [10].

С этого года, благодаря стараниям местной администрации, во многих немецких и меннонитских начальных школах преподавание стало вестись с первого года обучения на русском языке [11]. Необходимость получения возможности дальнейшего образования требовала квалифицированных учителей. С этой целью в 1889 г. при Хортицком центральном училище были открыты двухгодичные педагогические курсы. Их слушателями могли быть лица, уже имевшие определенный образовательный уровень. Теперь им предстояло овладеть курсом педагогики и методикой преподавания различных учебных дисциплин, в том числе и русского языка. Результаты не замедлили сказаться. Губернские власти отметили, что благодаря Хортицкому училищу немецкие школы имеют «значительное число учителей, знакомых с русским языком» [12].

Давление вызывало ответную реакцию. Далеко не все колонисты соглашались с вмешательством органов власти в сферу своего тра-

диционного влияния — школу. После публикации Указа 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповеданий в ряде мест стали раздаваться голоса против преподавания русского языка. Такие факты имели место в Поволжье, Сибири [13]. В южных губерниях явных форм протеста в архивных материалах нами пока не обнаружено. Хотя появление целого ряда просветительских обществ, ставивших перед собой благотворительные и гуманитарные цели, позволяет утверждать, что одной из главных их целей было сдерживание политики русификации. Краткий перечень их дает представление о масштабах и содержании проводимых ими мероприятий. Называя их, отметим лишь те области их деятельности, которые соответствуют нашей проблеме. 19 сентября 1907 г. в Киеве было зарегистрировано Юго-Западное немецкое общество. Одной из его задач была культурная, нравственная и национальная поддержка немцев, проживавших в Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской областях путем создания учреждений, занимающихся поддержкой школ и образовательных курсов, где преподавание велось бы на немецком языке, не исключая обязательного изучения и преподавания на русском языке. С этой целью учреждались стипендии, распространялась печатная продукция, оказывалась поддержка развитию немецкой культуры и искусства.

16 мая 1907 г. было зарегистрировано Киевское немецкое общество, желавшее сохранять и поощрять немецкую культуру среди немецкого населения, систему образования, язык путем организации научно-популярных чтений, библиотек, читален, клубов, детских праздников.

Еще раньше — 18 сентября 1906 г. — был учрежден Южнорусский немецкий союз. Среди его программных положений было и содействие сохранению немецкого языка в устной и письменной речи среди немцев, живущих в России. Регион действия Союза включал: Херсонскую, Таврическую, Екатеринославскую, Бессарабскую губернии, область Войска Донского и Кавказ, города Одессу, Николаев, Севастополь, Керчь, Ростов-на-Дону. И вновь речь шла о создании школ, библиотек, лекционной работе и т. д.

5 февраля 1908 г. в Одессе было основано Южнорусское немецкое общество с аналогичными целями и механизмом их достижения — организация учебных заведений, читален, библиотек, распространение знаний о науке и литературе [14].

Менее масштабными, по отнюдь не менее эффективными являлись Эйгенфельдское училищное общество (1906 год основания),

Общество для содержания Хортицкого женского училища (1901 г.), Нейфрейденгальское образовательное общество, Меннонитское общество поощрения образования, Гальбштадтское общество женского училища, Орловское училищное общество, Орловское общество женского училища, Александровское училищное общество и ряд других организаций подобного типа. Здесь речь не идет о просветительских организациях, чья деятельность ограничивалась пределами городов.

В начале века наблюдался процесс укрупнения и реорганизации части колониетских школ, трансформации некоторых из них в крупные учебные заведения, создание новых центральных училищ, коммерческих школ, реформирование ряда учебных заведений в высшие начальные училища. Другими словами, несмотря на существование административно-правового давления, возможность для разнокультурного осуществления сохранялась, культуры не сливались, сохраняя черты национальной самобытности. Это был период, когда практически была решена проблема квалифицированных учительских кадров, существенно поднялся общеобразовательный уровень колонистов, шел процесс интеграции колониетской образовательной системы в общероссийскую.

Вместе с тем, касаясь языковой ситуации, трудно согласиться с заявлениями Я. Штаха о том, что все колонисты более или менее свободно владели русским языком [15], и утверждением К. Линдемана о стремлении колонистов превратить немецкую школу в русскую по духу и направлению [16]. Такова была ситуация в системе колониетского образования к началу Первой мировой войны.

Начавшиеся боевые действия на фронтах и в российской прессе (справедливо названной «рептильной» [17]), сопровождавшиеся антинемецким законотворчеством центральных органов власти, всей своей тяжестью обрушились на немецкое население России. Борьба с «германским засильем», подспудно давно шедшая в определенных кругах российского общества, вылилась в специфически шовинистическую истерию [18]. Российское общество оказалось психологически подготовленным к развернувшейся фантазмагории.

Одним из первых шагов правительства на поприще антинемецких действий были циркуляры министра внутренних дел Н.А. Маклакова о выявлении немецких названий сел с последующим их переименованием [19]. И хотя это нововведение не отличалось особой новизной, ибо в Екатеринославском губернском делопроизводстве русские переводы названий немецких и меннонитских колоний ис-

пользовались задолго до начала Первой мировой войны [20], тем не менее подобные шаги, предпринятые административными органами на фоне развернувшейся политической травли, имели негативные последствия в психологическом плане.

«Ликвидационные» законы, касавшиеся немецкого землевладения напрямую, были связаны с колониистой системой образования, так как последняя финансировалась в большей своей части самими колониями. Количественная сторона школ, подлежащих закрытию, достаточно подробно освещена Линдеманом [21]. Началось повсеместное наступление на немецкую школу. Из школ изгонялись дети, чьи родители являлись гражданами Германии и Австро-Венгрии. Языковой прессинг достиг своего апогея — до 1 июля 1915 г. предлагалось заменить всех учителей-немцев, плохо владеющих русским языком, на русских учителей. Это указание диссонировало с тем, что не только учителя, но и ученики, покидая центральные школы, хорошо знали русский язык [22], поскольку они сдавали экзамены на двух языках. Для тех учащихся, которые не выдерживали экзаменационных испытаний, как и для их учителей, — это было трагедией, как пишет меннонитский исследователь. Многие из учителей были выпускниками высших учебных заведений в Петербурге, Одессе, сдавали экзамены на право быть народными учителями, что предусматривало обязательное хорошее знание русского языка.

Постановления, подобные вышеприведенному, порождали массу проблем, в частности, не всегда было возможно сделать быструю замену и тогда возникали ситуации, подобные той, которая нашла отражение в архивном документе: «... Господин попечитель Одесского учебного округа предложением от 4 ноября с. г. за № 40360 разрешил временно допустить Адольфа Вендинга к преподаванию немецкого языка в Александровском реальном училище и предлагает для преподавания немецкого языка пригласить русскую учительницу» [23]. Подобные постановления были не одиночными [24].

Действия центра и местного чиновничьего аппарата не всегда были согласованными. Однако здесь отсутствовал принцип «исполнительного запаздывания». Напротив, создавалось ощущение, что на местах старались доказать свою большую «русскость», чем в столицах. Так, летом 1915 г. попечитель Одесского учебного округа предписал уволить из немецких школ юга России неблагонадежных учителей. Какой принцип был положен в основу определения степени благонадежности, не уточнялось. Однако был очевиден сугубо национальный подход. Одесский военный генерал-губернатор

М.И. Эбелов запретил проповеди на немецком языке в лютеранских церквях и молитвенных домах на подведомственной ему территории. Екатеринославский губернатор В.А. Колобов своим собственным распоряжением от 20 июня 1915 г. запретил населению губернии говорить по-немецки [25]. Возникла своеобразная соревновательность губерний по части запретительных мер. Руководствуясь распоряжениями губернских верхов, местные жандармские управления со своей стороны стремились всячески проявить инициативу: в Александровске было приостановлено издание газеты «Бюргер Цайтунг» [26], в Одессе — «Одессаер Цайтунг» и ряд других. Мотивировкой была обязательность выполнения постановления вышеупомянутого В.А. Колобова [27].

Подстегиваемый местными инициативами Центр становился на путь новой изобретательности и в 1916 г. одним из первых мероприятий правительства было учреждение «Особого комитета по борьбе с немецким засильем» под председательством члена Государственного совета, лидера правых Стишинского. Это новообразование призвано было стать центральной лабораторией различных мер, направленных против немцев [28]. События не заставили себя ждать, и уже 12 июля 1916 г. было принято положение Совета министров о запрещении преподавания во всех школах предметов на немецком языке, в школах колонистов — всех предметов, кроме Закона Божьего и родного языка [29]. «Немцеедство» стало модным и не только... Оно было выгодным для определенной части общества. Так, «Земская газета» Екатеринослава публиковала запросы ряда земских управ, ходатайствовавших о передаче им зданий, сооружений и оборудования немецких школ, в связи с их полной ликвидацией [30]. Там, где школы еще сохранялись, они были поставлены в крайне тяжелое финансовое положение. Так, в отчете Екатеринославской уездной земской управы был зафиксирован отказ на ходатайство ниже-хортицкого сельского старосты об ассигновании 360 руб. на содержание начального училища (8 января 1915 г.) [31]. Уничтожались школы, их библиотечный фонд, шло резкое сокращение финансирования оставшихся, педагогические коллективы подвергались гонениям, полицейским преследованиям [32].

Вместе с тем материалы архивов свидетельствуют, что и в это время частично осуществлялось финансирование немецких школ [33], выделялись деньги на отопление, ремонт школ, приобретение учебной литературы. Вышеперечисленные запретительно-репресс-

сивные меры были вполне осязаемы и их констатация создает общую картину жизни колонистов тех лет.

Гораздо сложнее воспроизвести морально-психологическую обстановку в обществе. И тем не менее архивные материалы позволяют в какой-то мере это сделать. Сохранилось значительное количество доносов на лиц, позволивших себе говорить на немецком языке [34], высказывать недовольство по поводу возможной высылки из России немцев [35]. Доносы создавали благодатную почву как для полицейского произвола (ибо урядники сами определяли меру наказания: просто административные меры, административные меры средней и высшей степени, вплоть до уголовной ответственности с арестом и ссылкой за разговор на «языке вражеской державы»), так и просто порождали систему доносительства, в основе которой лежали явно меркантильные интересы или ссоры на бытовой почве [36]. Встречались случаи вымогательства с угрозами в адрес колонистов. Этот рэкет имел национальную подкладку («довольно сосать русскую кровь» [37]).

Однако, пожалуй, гораздо красноречивее передает ситуацию в колониях рапорт уездного исправника на учителя, организовавшего в школе для детей и их родителей елку. В вину ему ставилось следующее: провел елку без письменного на то разрешения, тогда как другим немецким школам в этом было отказано; не утвердил программу-афишу елки; все песни, стихи, молитвы и проповеди были проведены на немецком языке. Приложенная к рапорту программа елки сама по себе говорит о многом: из 20-ти ее пунктов десять составляют исполнение рождественских песен, три — молитвы и проповедь, два — стихи, четыре — мизансцены из жизни школы и рассказы о жизни Христа. И, наконец, общая молитва «за царя, за отечество, о даровании нашему Государю большого ума, твердой воли, умных советников и победы над всеми врагами и даровании всему русскому войску бодрости, храбрости, сил и здоровья» [38]. Подобные документы являлись свидетельством высокой степени лояльности учительства. Вместе с тем власти относились к колонистам с большой подозрительностью — в колонию были направлены стражники для наблюдения за немецким и меннонитским населением, четко фиксировавшие все межличностные контакты [39].

Начало войны развязало инициативу далеко не лучшим силам в правительственных органах. Жандармскому контролю были подвергнуты практически все просветительские организации колонистов. Так, в 1914 г. были проведены перепроверки членов этих организаций. Уже тогда часть их членов была обвинена в членстве в

Центральном союзе германских обществ флота за границей и привлечена к уголовной ответственности по статье 124 Уголовного уложения [40]. Все арестованные имели германское подданство, и среди них не было ни одного учителя. В документах обвинения нет четких доказательств их участия в шпионской деятельности, даже в случае ареста и придания обвиняемых суду. Их обвинения так и остались бездоказательными и беспочвенными [41].

По распоряжению министра внутренних дел Николая Маклакова все немецкие общества, преследовавшие цели сохранения национальной самобытности, «рекомендовалось закрыть». Подлежали закрытию и учебные заведения, учредителями которых они являлись [42]. 1 августа 1915 г. было закрыто Южнорусское немецкое общество. Еще ранее, в 1910 г. было закрыто Немецкое общество образования южной России по немотивированным причинам [43].

Шла война, и общество в целом испытывало на себе все ее тяготы и издержки. Однако это время не только обнажило все невежественное и темное, что в нем было, но и стало периодом проявления лучших человеческих качеств. Так, немцы писали о том, что «славянские соседи не обращали внимания на (правительственную) травлю, и наши отношения оставались нормальными» [44]. Поселившиеся в изгнании (в Сибири), высланные колонисты из Волыни утверждали, что им было легче выжить, если они жили в семьях русских, монголов [45]. В воспоминаниях участников политических перипетий лихолетья Первой мировой войны встречаются замечания о том, что панславизм того времени исходил от «империализма и был в головах некоторой части высшего духовенства и чиновничества. У народа его не было, особенно среди украинских братьев» [46].

Таким образом, анализ источников и соответствующей литературы позволяет высказать следующие замечания:

- «ликвидационные» законы в области немецкого землевладения были явно детерминированы с мероприятиями в области колониальной системы просвещения;

- правительственные меры в отношении колонистов становились отправным моментом не только для реализации на местах, но и являлись побудительными для губернской, уездной администрации к проявлению собственной инициативы, которая по своим действиям нередко намного превосходила жестокость распоряжений центра;

- наиболее жесткие и антигуманные указания ряда губернаторов юга страны с молниеносной скоростью распространялись по всем губерниям и неукоснительно претворялись в жизнь;

• в области антиколониальной политики существовала своеобразная соревновательность между администрациями губернаторов южных земель;

• главным объектом антинемецкой политики в гуманитарной области явилось население сельских местностей;

• практически все действия правительственных и административных органов власти против колонистов носили реакционный характер и включали в себя: а) разрушение системы образования; б) мероприятия, направленные против немецкого языка и культуры; в) ликвидацию созданной инфраструктуры общественных организаций, отвечавших жизненным запросам колонистов.

Политика нарушения принципа частной собственности, ее незаконного отчуждения, передела; неуважение к правам личности, своему собственному прежнему законодательству; отсутствие равноправия языков, культур — все это, имевшее место в период Первой мировой войны и столь последовательно осуществлявшееся царизмом, имело для него катастрофические последствия, ибо вызвало к жизни те силы, которые его и уничтожили.

Примечания

1. См.: Плева И.Р. Немецкие колонии Поволжья в XVIII в. М., 1998; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941–1945). М., 1998; Плесская Э.Г. Одесские немцы. 1803–1820. Одесса, 1999; Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998; Осташева Н.В. На переломе эпох. Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. М., 1998.
2. См.: Karpcev I.V. Geiseln des Krieges: Zur Lage der deutschen und österreichisch-ungarischen Staatsangehörigen in Russland während der ersten Monate der Ersten Weltkrieges // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. 1998. № 8; Соболев И.Г. Крестьянский поземельный банк и борьба с «немецким засильем» в аграрной сфере (1915–1917) // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 2. 1992. Вып. 16. С. 24; Шлейхер И.И. Пленные Первой мировой войны и немцы-колонисты в Сибири // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998; Решетов Д.Г. Немецкие колонисты западных губерний России, депортированные в Поволжье в годы Первой мировой войны // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998.
3. См.: Линдеман К.Э. Законы 2-го февраля и 13-го декабря 1915 года (Об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России. М., 1916. С. 65–66.
4. См.: Там же. С. 105. Справочник на 1915 год об учебных заведениях Одесского учебного округа и ситуациях в них. Одесса, 1915. С. 407–414.
5. См.: Линдеман К.Э. Указ. соч. С. 105–107.

6. См.: Черказьянова И.В. Влияние переселенческих процессов на становление немецкой школы в Сибири // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 149.
7. См.: Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916. С. 201.
8. См.: Вашкау Н.Э. Фонды волостных и сельских правлений как массовый источник по истории народного образования немцев Поволжья (1870–1918) // Российские немцы. Историография и источниковедение. М., 1997. С. 194.
9. См.: Там же. С. 194–195.
10. См.: Обзор Екатеринославской губернии за 1897 год. Екатеринослав, 1898. С. 27.
11. См.: Берестень Ю.В. Политика русификации и система начального меннонитского образования в Екатеринославской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Рукопись.
12. Обзор Екатеринославской губернии за 1890 год. Екатеринослав, 1891.
13. См.: Вашкау Н.Э. Указ. соч. С. 196; Черказьянова И.В. Указ. соч. С. 153.
14. См.: Центральный государственный исторический архив Украины. Киев. Ф. 385. Оп. 1. Д. 63. Л. 79; Ф. 442. Оп. 639. Д. 220. Л. 30–51; Ф. 385. Оп. 8. Д. 2945. Л. 114–116.
15. См.: Штах Я. Указ. соч. С. 204. Памятная книга и адрес-календарь Екатеринославской губернии за 1903 год, давая обзор состояния дел в школах колоний, писала: «Почти все учащиеся в этих школах немцы, очень плохо, если не сказать больше, говорят по-русски. Среди учителей этих заведений есть и в настоящее время много лиц, не вполне усвоивших русский язык». Екатеринославская губерния. Вып. 3. Памятная книга и адрес-календарь. Екатеринослав.
16. См.: Линдеман К. Указ. соч. С. 171–172.
17. См.: Меленберг А.А. «Обида и горечь, долг и честь». Остзейские немцы и война с Германией 1914–1918 гг. Моральный аспект // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 291.
18. См.: Заботин Н.Д. Мирное завоевание немцами Южной Бессарабии. Аккерман, 1911; Шелухин С. Немецкая колонизация на Юге России. Одесса, 1915; «Последний со временем претерпел удивительную метаморфозу от русофоба к яркому защитнику украинского государства, в границы которого он включал даже часть Орловской губернии». См.: Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти: Воспоминания. М., 1995. С. 57.
19. См.: Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков // Немцы России. Омск, 1997.
20. См.: Берестень Ю.В. Немецкие колонисты в начальный период Первой мировой войны в Екатеринославской губернии // Наддніпрянський історико-краєзнавчий збірник. Дніпропетровськ, 1998. С. 128.
21. См.: Линдеман К. Указ. соч. С. 106, 119, 124, 165.
22. См.: Govz U. Die Molotschnaev Ansiedlung. Buch 7 // 1950–51 Manitoba, Canada. S. 152.
23. Государственный архив Днепропетровской области (далее — ГАДО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
24. См.: Там же. Л. 45.
25. См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1187.

26. См.: Берестень Ю.В. К вопросу издания газеты «Бюргер Цайтунг» // Украина-Германия: экономическое и интеллектуальное сотрудничество (XIX-XX вв.). Днепропетровск, 1999. Т. 1. С. 37-41.
27. См.: ГАДО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1187.
28. См.: Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешне-политического ведомства. 1914-1920. М., 1993. Кн. 1. С. 154.
29. См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1916 г. Отдел 1. Пг., 1916. С. 2342.
30. См.: Земская газета. 1917 г. 13 января; 1917 г. 31 января.
31. См.: Отчет Екатеринославской уездной земской управы за 1914 г. Екатеринослав, 1915. С. 198.
32. См.: ГАДО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 5. Л. 74.
33. См.: Государственный архив Запорожской области. Ф. 63. Оп. 1. Л. 7.
34. См.: ГАДО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1175. Л. 736. Эти запреты распространялись на внутрисемейные отношения.
35. См.: ГАДО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1313. Л. 609, 889-901.
36. См.: Там же. Д. 1319. Л. 1012-1017.
37. См.: Там же. Д. 1350. Л. 61-65. Л. 169.
38. Там же. Д. 1319. Л. 708 об., 713.
39. См.: Там же. Д. 1319. Л. 911, 911 об., 913.
40. См.: ЦГИАУ. Киев. Ф. 385. Оп. 2; Ф. 53. Л. 14, 18 об., 35, 876, 876 об., 87в об., 87г, 87г об., 87д, 87д об., 87е, 87е об.
41. См.: Шевелева Т. Общественные организации немецких колонистов на рубеже XIX-XX веков. Рукопись.
42. См.: Плесская-Зебольд Э.Г. Одесские немцы. 1803-1920. Одесса, 1999. С. 268.
43. Там же. С. 334.
44. Schnurr I. Siedlung, Hof und Haus des Russlanddeutschen. Eine geographisch-volkskundliche Betrachtung // Heimatbuch. 1967/68. S. 24.
45. Ibid. S. 24.
46. Stumpp K. Folgeschwere Auswirkungen der russpolitischen Entwicklung auf des Deutschtum in Russland // Heimatbuch. 1966. S. 52.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОЧАНСКОГО МЕННОНИТСКОГО УЧИЛИЩНОГО СОВЕТА (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕОПУБЛИКОВАННОГО МАНУСКРИПТА ПЕТЕРА БРАУНА)

В. Зюсс

Молочанский меннонитский училищный совет был образован 130 лет назад (5 ноября 1869 г.). К 50-летию со дня организации совета (1919) руководителем меннонитского училищного семинара и центрального училища в Гальбштадте (Бердянский уезд Таврической губернии) Петером Брауном был написан манускрипт [1]. Работу над ним автор начал 5 ноября 1918 г. и закончил 7 февраля 1920 г. Данный манускрипт является до сих пор единственной работой по истории Молочанского меннонитского училищного совета и, частично, меннонитского школьного образования.

Уже давно специалисты знали о существовании данного манускрипта. Несколько лет назад, просматривая акты фонда № 89 «Меннонитские общины Мелитопольского уезда Таврической губернии, 1803-1920», я обнаружил его в Государственном архиве Одесской области. Предполагаю, что найденный мною документ является черновым вариантом манускрипта. Во-первых, об этом указано на титульном листе работы. Во-вторых, подлинный экземпляр манускрипта был у Брауна в Германии (с 1924 г.) и готовился им к печати. В своей статье «Архивы, уничтоженные большевиками. Важные документы меннонитов уничтожены в России» [2], которая была напечатана в 1936 г. в Германии после его смерти, Браун писал, что данный манускрипт — это единственное, что удалось спасти из меннонитского архива. Документы, конфискованные советскими властями в 1929 г., исчезли из поля зрения научных исследований более чем на 60 лет. И все же они сохранились.

Обратимся к истории образования Молочанского меннонитского училищного совета. До 1896 г. меннонитские школы находились под руководством сельскохозяйственной комиссии (Landwirtschaftlicher Verein), которая была образована в 1831 г. по инициативе правительства и которая избрала Йогана Корниса своим пожизненным председателем. В 1843 г. Попечительным комитетом об иностранных поселенцах Южного края России под руководство данной комиссии было передано и школьное образование. В религиозном отношении школы остались под наблюдением меннонитского церковного конвента.

Деятельность сельскохозяйственной комиссии в области школьного образования можно разделить на два периода: период Й. Корниса — Ф. Вибе (1843–1855); период Д. Корниса (брат Й. Корниса) — П. Шмидта (1855–1869).

Остановимся кратко на основных реформах и постановлениях сельскохозяйственной комиссии в области школьного дела.

1. Был разработан «Первый устав учебных заведений для колоний Молочанского меннонитского округа» (утвержден в 1849 г.).

2. Образована постоянная комиссия, которая экзаменовала начинающих учителей и следила за тем, чтобы в меннонитские школы поступали квалифицированные учителя. В данную комиссию входили: представитель церковного конвента, два представителя от учительства (ассистенты), окружной учитель как экзаменатор. Экзамен состоял из истории Библии, чтения, правописания и счета.

3. Был создан орган контроля над школами. В инструкции для данного контроля (1855) были определены обязанности инспекторского института при инспектировании школ, а также их обязанности на общих и специальных учительских конференциях.

4. С 1850 г. по предписанию сельскохозяйственной комиссии, в целях повышения квалификации учителей, стали проводиться общие учительские конференции (три раза в год — 15 мая, 15 августа и 30 декабря).

5. В 1854 г. сельскохозяйственной комиссией были введены специальные месячные учительские конференции (последняя суббота каждого месяца).

6. Посещение школ учениками стало обязательным. В 1853 г. Ф. Вибе ввел уроки повторения в летние месяцы, посещение которых стало также обязательным (2 раза в неделю — в понедельник и пятницу).

Летом 1866 г. Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России по предписанию Министерства государственных имуществ организовал в Одессе совещание по обсужде-

нию различных вопросов жизни колоний, в том числе и об улучшении состояния школьного дела. Роль сельскохозяйственной комиссии была игнорирована [3]. Среди важных принятых решений данного собрания депутатов было следующее: немецкие колонии юга России разделены на 4 волости по местонахождению — 4 центральных училища (Сарата, Хортица, Гальбштадт и Пришиб).

Для центральных училищ были разработаны и приняты подробные уставы, на основе которых управление каждым из них было закреплено за училищными советами, которые должны были создаваться на местах. Предполагалось, что училищный совет будет состоять из двух кандидатов от общин, местного духовного лица и руководителя центрального училища. Права и обязанности данного училищного совета, его связи с Попечительным комитетом и с центральным училищем были также определены в данных уставах. На этом собрании и родилась идея училищного совета. В Молочанском округе данная идея пустила корни, в течение трех лет развивалась и немного в измененной форме приняла образ Молочанского меннонитского училищного совета.

Возникновение Молочанского меннонитского училищного совета П. М. Фризен приписывает частной инициативе. Вероятнее всего, он не знал об официальном заявлении Молочанского окружного приказа, которое явилось конкретным поводом для образования Молочанского меннонитского училищного совета. Думается, дело происходило так: инициатива исходила от группы учителей из Орлова, в общинах предложение нашло отклик и поддержку, а Молочанский меннонитский окружной приказ направил прошение Попечительному комитету об иностранных поселенцах Южного края России. Так же описывает и А. Герц в своей статье (Friedensbote. Nr. 45, vom 11. November 1906).

5 октября 1869 г. в присутствии председателя Попечительного комитета В. Эттингера в Гальбштадте Молочанский меннонитский училищный совет был утвержден в составе четырех человек: Филипп Вибе из Орлова (бывший председатель сельскохозяйственной комиссии), Франц Дюк из Блуменорта (учитель), Петр Исаак из Грозвайде (учитель) и Петр Шмидт из Штайнбаха. Единственным документом, определяющим права училищного совета, являлось регистрационное свидетельство (см. приложение).

Полномочия, данные училищному совету Попечительным комитетом, были незначительны и не соответствовали ожиданиям меннонитов. О руководстве всем школьным образованием, назначении

и увольнении учителей не могло быть и речи. В. Этгингер представлял себе совет, прежде всего, как попечительный совет Гальбштадтского центрального училища по проекту 1866 г., которому в дальнейшем передали также и наблюдение за другими меннонитскими школами. Таким образом, Молочанский училищный совет изначально не соответствовал статусу управляющего органа всего меннонитского школьного образования. На заседании совета 21 ноября 1869 г. Филипп Вибе был избран председателем Молочанского меннонитского училищного совета.

П. Браун, как и П. Фризен, подразделяет всю деятельность училищного совета на три периода: период А. Фотта, или основополагающий период (1869–1883); период Й. Клатта и П. Геезе, или период расцвета (1884–1897); период заката (у П. Брауна — «переходный период») (1897–1910).

С 1910 по 1918 г. школьными делами меннонитов управляет училищная комиссия Молочанского меннонитского церковного конвента.

Обратимся к периоду заката («переходному периоду») деятельности Молочанского меннонитского училищного совета. 15 октября 1897 г., после ухода со своего поста Й. Клатта, председателем Молочанского меннонитского училищного совета становится П. Эдигер [4] (Гальбштадт), который пробыл в данном качестве до 1909 г. Огромный авторитет, отличное знание проблем меннонитских школ и учителей, многолетний опыт работы помогли П. Эдигеру занимать одно из первых рейтинговых мест среди педагогических деятелей того времени. На него возлагались большие надежды. В нем видели личность, способную справиться с ролью посредника между школьной службой и меннонитским обществом. Эти надежды, к сожалению, не оправдались. Училищный совет не смог больше вернуться к энергичной деятельности. Он все больше и больше терял свое прежнее значение, свой прежний авторитет и впал в конце концов в летаргическое состояние.

Но нельзя одного Эдигера сделать ответственным за это. Распад училищного совета начался уже при П. Геезе и Й. Клатте. Он был тесно связан с реакцией 90-х гг., русификаторской политикой царского правительства. Инспектор народных училищ Соловьевич поначалу еще сдерживал натиск и работал с училищным советом рука об руку. Но после Соловьевича, в 1894 г., пришел новый инспектор училищ в Молочную, который пытался использовать училищный совет только как инструмент для своих планов по осуществлению русификации.

В 1893 г. директором народных училищ Таврической губернии стал доктор теологии С. Маргаритов. Меннониты, по его мнению, являлись опасными для государства не только с национальной, но и с религиозной точки зрения. Поэтому он всячески старался нейтрализовать влияние меннонитской культуры и традиций на формирование подрастающего поколения. Школы меннонитов систематически русифицировались, не только посредством изменения программ обучения, но и через личностный аспект: все больше на преподавательскую работу принималось русских учителей, в центральных училищах по возможности все руководящие должности также занимали русские по национальности. Что же касается деятельности училищного совета, то последний никакой помощи от директора народных училищ не получал. Мало того, Маргаритов игнорировал сам факт существования данного совета.

Земское руководство также особое внимание уделяло контролю учебно-воспитательного процесса в меннонитских школах. Оно вмешивалось в решение внутришкольных вопросов, касающихся уплаты школьных взносов, размера жалованья учителям, приема выпускных экзаменов в сельских школах и др.

При таких обстоятельствах даже самый лучший училищный совет не имел возможности проявить активность в своей деятельности. Его права все больше ограничивались, сферы его влияния ставились все уже и уже. Его сотрудничество с окружающей средой почти полностью было урезано, выражаясь только в контроле за уроками религии и немецкого языка, общим управлением учительским составом, а также в представлении школьных интересов в общинах. Но и в этой области его деятельность оставляла желать лучшего. Большая часть вины в этом падала на общины, которые оказывали настолько малую финансовую поддержку училищному совету, что он даже не имел возможности работать действительно продуктивно. Эдигер не был в состоянии, как Клатт и Геезе, предоставить свое время и силы и даже собственные деньги на службу школьного дела. Никто и не мог ожидать от него этого. Для Эдигера, который жил очень скромно и имел большую семью, это было невозможно. Все силы он прилагал к тому, чтобы прокормить свою семью. Поскольку при училищном совете Эдигер с 1902 г. получал, как и другие шесть членов совета, только 50 руб. в год, он должен был вести свое собственное дело. Подрабатывая в образованном в 1899 г. обществе по двусторонним кредитам, в 1901 г. он был выбран в его правление, а с 1902 г. стал председателем.

Огромная занятость Эдигера не позволяла ему решать вопросы меннонитских школ. Трудно давать оценку и тем более осуждать председателя Меннонитского училищного совета за то, что, например, за 12 лет своей «деятельности» в совете он так и не нашел времени для инспекции хотя бы в одной школе, что только на 10-м году своей службы впервые принял участие в проведении учительской конференции (и то по настоятельному требованию учительской обществу). Хотя, справедливости ради, хочется отметить и вопиющее безразличие самого совета, который столь длинные сроки позволял своему председателю бездействовать.

Без правильного, целеустремленного руководства, а также не проявляя и личностной инициативы, и другие члены училищного совета не могли многого достичь, хотя среди них были дельные люди. Правда, со временем совет приобрел совсем другой облик. В 1898 г. в него были избраны и духовные лица: П. Унру из Орлова, Г. Янцен из Гнаденфельда и И. Эсау из Лихтфельда. Кроме председателя остался только один гражданский член — Г. Нейфельд из Александрталя. Когда он в 1901 г. умер, на его место было выбрано духовное лицо. Так изначально гражданская организация стала церковной. Частичной причиной этого преобразования является то, что училищному совету оставался только контроль за уроками немецкого языка и религии.

Невзирая на то, что члены совета были людьми заинтересованными и деловыми, они не могли в корне повлиять на деятельность и учебный процесс меннонитских школ. Их вмешательство в школьную жизнь ограничивалось посещением учительских конференций и школьных экзаменов, в деятельности совета отсутствовал общий план действий, недоставало единого руководства и стимула. И, что самое главное, — не хватало инициативы, духовного приоритета над педагогическим коллективом.

В связи с деятельностью училищного совета все же хочется отметить удивительную личность. Это был староста Унру, который не только присутствовал на выпускных экзаменах школьников сельских школ и центральных училищ, но всячески старался сохранить старые традиции, был организатором ежегодных учительских конференций. Играя огромную роль в работе сельских общин, он участвовал в приеме учителей на работу, улаживал разногласия и конфликтные ситуации между учителями.

Канцелярия Молочанского меннонитского училищного совета оставалась в Орлове, в то время как председатель П. Эдигер жил в

Гальбштадте, что дополнительно осложняло работу. Заседания, которые согласно уставу должны были созываться три раза в год, проводились уже много лет только раз в год, случалось даже, что проходил целый год без единого заседания (1903 г.). Сначала представители филиалов (отделений) Молочанского меннонитского училищного совета (Крым, Шенфельд, Саградовка и Мемрик) еще принимали участие в заседаниях, но связь ослабевала все больше и больше и после 1901 г. прервалась совсем. Отделения стали с этого времени самостоятельными.

Работа общих учительских конференций желала лучшего. В 1898 г. школьная служба сообщила училищному совету, что тот не имеет права созывать учительские конференции. Впоследствии совет больше не делал этого. Чтобы не прекращать совсем проведение конференций, которые были очень популярны среди учителей, в 1899 г. было решено, что духовный член совета, как представитель церковного конвента, будет приглашать всех учителей религии из меннонитских школ в церковь на совещание по вопросам религии и немецкого языка. В этой форме конференции собирались вплоть до революции 1905 г. Руководил ими староста Унру, который и рассылал приглашения.

Из-за того, что училищный совет должен был все больше и больше концентрироваться на религиозной программе, он постепенно становился органом церковного конвента. Так, например, в 1898 г. он обратился в церковный конвент с просьбой, чтобы тот назначил человека, который бы контролировал уроки религии и немецкого языка и сообщал бы об этом совету, или совет просил церковный конвент уполномочить его принимать экзамены по религии и немецкому языку.

Много трудностей доставляли училищному совету выпускные экзамены в сельских школах. С 1898 г. окружной училищный совет выдавал выпускникам сельских школ свидетельство, сам же экзамен принимался инспектором училищ или по его поручению наместниками. Эти господа относились к присутствующим членам совета, которые по поручению церковного конвента принимали экзамен по религии и немецкому языку, с высокомерием или игнорировали их совсем. В конце концов, училищный совет проводил экзамены на немецком языке. Теперь инспектор народных училищ совсем не занимался экзаменами по религии и немецкому языку, он и не интересовался тем, принимали ли школьники участие в экзамене, сдали ли они его. Было ясно, что эти предметы просто игнорировались.

То же самое происходило и в центральных училищах (1905 г.). Для сельских школ это не имело дальнейших последствий, так как в свидетельстве отдельные предметы не перечислялись, но для центральных училищ было важно, так как в свидетельстве по каждому предмету выставлялась отдельная оценка. И поэтому отсутствие оценки по религии могло иметь плохие последствия. В отношении центральных училищ мнение училищного совета учитывалось, касательно сельских школ не так легко было достичь перемен; время от времени случалось, что то в Крыму, то в Мелитопольском уезде экзамен по религии и немецкому языку «забывался».

Принятие на работу учителей первое время происходило через посредничество училищного совета, позже это делал непосредственно инспектор; доходило даже до того, что рекомендованный советом кандидат как раз и не получал соответствующую должность. Училищный совет должен был быть постоянно начеку, чтобы учителя без свидетельства для преподавания религии и немецкого языка не принимались на работу. Если в таких случаях протеста совета было недостаточно, то вмешивался духовный член, как представитель церковного конвента.

В 1901 г. с участием учителей религии и немецкого языка из центральных училищ была разработана программа для проверки кандидатов на учительскую должность, которые не посещали педагогических классов. Обоснованием было то, что предыдущая программа «устарела и сильно объемная». Экзамен в педагогическом классе Гальштадтского центрального училища проводился в присутствии духовного члена училищного совета, причем духовный член, как староста, а не как член совета, выдавал соответствующее свидетельство.

В 1898 г. Молочанский меннонитский училищный совет по инициативе куратора предпринял слабую попытку добиться для меннонитских школ нормального оклада, а именно: для одноклассных школ — 350 руб., для двухклассных — 300 и 350 руб. в год. Так как средний оклад в то время был значительно выше, то общины решали сами, доплачивать ли к этому нормальному окладу еще какую-то сумму. К сожалению, ни малейшего положительного результата достигнуть не удалось.

От земства училищный совет так и продолжал получать положенные 25 руб. для каждой школы. Так что на большую поддержку земства рассчитывать не приходилось. Эти деньги использовались на приобретение, в основном, русских учебников и наглядных пособий. В 1897 и 1898 гг. часть этих денег была потрачена на организа-

цию русских ученических библиотек (55 томов). В целях пополнения книжного фонда школьных библиотек в 1905 г. земство сделало селам предложение закупать для каждой школы дополнительно на 50 руб. книги, если сельская община тоже пожертвует на эти цели 10 руб. Некоторые села дали согласие, другие желали приобрести на эти деньги немецкие книги, но большинство — отказали. Так это выгодное предложение земства не было использовано. Гнаденфельдское районное собрание, кстати, еще в 1904 г. выделило в одноразовом порядке по 25 руб. на каждую школу и по 10 руб. ежегодно для русско-немецких школьных библиотек. Идея исходила, однако, не от училищного совета, а от учителей. В Гальштадтской волости школы пришли позже (1911 г.) к немецким школьным библиотекам.

Здесь следует упомянуть еще две идеи, которые тоже принадлежали, к сожалению, не училищному совету. Первая — идея меннонитского церковного конвента, вторая — меннонитской всегосударственной конференции.

К началу 1898 г. церковный конвент направил в Петербург делегацию, которая вручила министру народного образования прошение, памятку о меннонитских школах и уставы училищного совета. Прошение содержало следующие три пункта:

- 1) просьба о санкционировании меннонитского церковного училищного совета согласно приложенным уставам;
- 2) меннонитские школы хотели бы оставить за собой характер церковной школы;
- 3) оставить за сельскими общинами право предлагать учителей для своих школ.

Существующий училищный совет не был упомянут ни одним словом.

В памятке была сделана ссылка на регламент сельских школ и центральных училищ немецких колонистов в России, который был разработан комиссией Министерства народного образования под председательством А. Баранова. Содержание проекта вызывало опасение о будущем меннонитской школы: время занятий должно было быть сокращено, для уроков религии и немецкого языка было предусмотрено только 5 часов в неделю (вместо 10 до этого), педагогический курс должен был стать одногодичным и т. д. Поэтому в прошении было изложено желание, чтобы:

- сельские школы сохранили 6–7 летний курс обучения, а педагогические курсы при центральных училищах остались двухгодичными;
- для религии и немецкого языка осталось 10 часов, и выпускники сдавали экзамены по этим предметам;

• учителя религии имели право преподавать и другие предметы, естественно, при наличии соответствующего образования, и были по окладу и пенсии поставлены наравне с другими учителями;

• за духовенством осталось право контролировать уроки религии и немецкого языка; оно имело право участвовать в разработке программ;

• религия, немецкий язык и церковное пение преподавались на немецком языке.

На меннонитской всегосударственной конференции в Мемрике (сентябрь 1905 г.) старосты Унру (Мунтау) и Дюк (Хортица) были уполномочены подать министру прошение, в котором ходатайствовалось о следующем:

• обществам, сельским и волостным общинам должно быть разрешено открывать путем регистрации начальные школы;

• выборы учительского состава должны быть предоставлены Schulträgern;

• все предметы, за исключением русского языка, истории и географии России, должны преподаваться на родном языке школьников;

• необходимо, чтобы в районах, где расположены большие колонистские селения, были созданы местные училищные советы из гражданских и духовных представителей общин для руководства и контроля школ;

• педагогическим советам начальных школ и центральных училищ должно быть предоставлено право совместно с представителями местных училищных советов выдавать выпускникам школ свидетельства; в экзаменационную комиссию входит по одному представителю от школьной службы, от местного училищного совета и от учителей школы;

• педагогические советы центральных училищ получают право совместно с педагогическими курсами и с представителями училищного совета выдавать выпускникам курсов учительские свидетельства;

• учителям меннонитских школ разрешается проводить общие и специальные конференции для консультаций по педагогическим вопросам.

Деятельность Молочанского меннонитского училищного совета была, в основном, сосредоточена на посещении школ, приеме экзаменов по религии и немецкому языку, на приобретении русских учебных пособий через земство, и никого не могла удовлетворить. В общинах авторитет училищного совета упал настолько, что Пнаденфельдский округ принял решение (от 30 декабря 1902 г.) сокра-

тить выделяемые до сих пор 500 руб. наполовину. Это решение было в той же мере неправильным, в какой оно не способствовало повышению работоспособности совета; но оно отражало отношение общества того времени к совету, его деятельности.

Волны освободительного движения 1905 года докатились и до Молочной. В среде меннонитского учительства оно также начинало проявляться. На общей учительской конференции 18 августа 1905 г. всеобщая потребность в преобразовании организации вылилась в пожелание, чтобы училищный совет был основательно реформирован. Если до сих пор члены совета выбирались церковными и сельскими старостами совместно с действительными членами совета, то в будущем выборы должны были быть предоставлены учителям, проповедникам и районным собраниям, причем каждая группа выбирала бы по три человека и не пожизненно, а на определенное время.

16 декабря 1905 г. на районном собрании в Гальбштадте училищному совету было высказано порицание по поводу его бездействия. 21 декабря председатель совета пригласил учителей из трех центральных училищ к себе, чтобы обсудить с ними вопрос о том, как весь училищный совет мог бы подать в отставку, не вызывая мнения, что эта отставка является вынужденной. Упомянутое предложение учителей было изменено таким образом, что в реорганизованном совете проповедники были представлены двумя, оба районных собрания — четырьмя и учителя — тремя голосами.

2 февраля 1906 г. по этому поводу состоялась всеобщая учительская конференция, первая, созванная училищным советом за долгое время, первая, на которой присутствовал председатель совета. В своей речи к учителям П. Эдигер упомянул, что наступило время, когда училищный совет должен выйти из своего пассивного состояния. Возникла необходимость включения в состав совета консультативных членов из учительской среды. Об отставке действительных членов совета вопрос не поднимался. Это вступление дало повод к довольно-таки острому спору между членами училищного совета и учителями, в котором совет подвергся сильным нападкам из-за своей продолжительной бездеятельности. На конференции было выбрано три члена совета из числа учителей, которые по единогласному требованию учителей должны были иметь не только консультативное право, но и решающее право голоса. Выбор пал на И. Бройля (Орлов), И. Рагера (Клефельд) и А. Исаака (Гамберг).

Учителя питали надежды, что обновление состава совета найдет свое продолжение. На заседании 14 марта 1906 г. совет решил, вслед-

стве требования части меннонитского общества, подать в отставку в полном составе, но, из практических соображений, подождать с этим до конца учебного года. Новые выборы должны были состояться по старой модели, с одним отличием, что и учителя примут в них участие. На заседании училищного совета 23 сентября новые выборы были назначены на 9 октября. За этот период, 5 октября, в Рюкенау состоялась всеобщая учительская конференция, где учителя единогласно пожелали, чтобы только четыре присутствующих члена совета остались, остальные были нежелательны. Как получилось, что на выборном собрании 9 октября новые выборы так и не состоялись, об этом история умалчивает. Более того, училищный совет сохранил свой прежний состав.

На такое стечение обстоятельств благоприятно подействовала наступившая вскоре после революции 1905 г. реакция. Манифест от 17 октября 1905 г. разрешал свободу объединений, поэтому учителя без промедления приступили к созданию учительского общества. Уже 5 января 1906 г. состоялось организационное собрание. Когда общество было утверждено (это произошло только 28 июня 1907 г.), оно взяло в свои руки различные функции учительского совета: организацию учительских конференций, обсуждение педагогических и методических вопросов, разработку программ и расписания уроков, сбор школьных пособий и вспомогательных средств. Совет вообще не играл ведущей роли в решении школьных вопросов. Создавались школьные общества, открывались новые школы, но при этом к совету даже не обращались за его мнением, и в создании средней меннонитской школы он не принимал никакого участия.

Правительство относилось к немецким школам в этот период значительно дружелюбнее, чем раньше. В 1907 г. были санкционированы решения министерства о допуске немецкого языка в качестве языка преподавания в немецких школах по всем предметам, кроме русского языка, истории и географии России; и в управлении школами было предоставлено больше прав. Это вселяло надежду вернуть качество преподавания на прежний уровень.

В конце апреля 1907 г. по этому поводу в Петербург отправилась делегация, которая просила министра народного просвещения о восстановлении Молочанского меннонитского училищного совета в его прежних правах и передала ему в форме прошения следующие пожелания меннонитов:

- Молочанскому меннонитскому училищному совету, как представителю сельских общин Гальбштадтской и Гнаденфельдской волостей,

предоставляется непосредственное управление и контроль школ этого региона;

- содержателям школ разрешается предлагать через училищный совет учительский персонал для принятия на работу и увольнения;
- за педагогическими советами центральных училищ признается право совместно с училищным советом принимать выпускные экзамены и выдавать соответствующие свидетельства;

- педагогическому совету Гальбштадтского центрального училища предоставляется право совместно с училищным советом выдавать выпускникам педагогических классов свидетельства учителей сельской школы;

- для обсуждения школьных вопросов разрешаются как общие, так и специальные конференции меннонитских учителей, ведение которых возлагается на училищный совет.

Делегаты вернулись из Петербурга, полные надежд, и принялись за разработку соответствующих предложений к правительству. Однако прошение прошло весь путь по инстанциям вниз и попало потом, наверное, в дальний угол рабочего стола. Тогда комиссия решила попытаться счастья в Государственной Думе. Состоялось множество совещаний, последнее 8 декабря 1907 г. в Гальбштадте, в котором приняли участие представители разных меннонитских общин России. Обсуждаемые там вопросы, в основном, совпадали с пожеланиями всеобщей учительской конференции 1905 г.:

- преподавание арифметики вести на родном языке (по крайней мере, три первых школьных года);

- курс начальной школы должен быть продолжительностью 6-7 лет и обязательным для всех детей школьного возраста.

Кроме того, собрание требовало единого и совместного образа действия с другими немецкими колонистами. В январе 1908 г. та же делегация опять отправилась в Петербург, но это не увенчалось успехом.

В июне 1907 г. директор народных училищ Таврии Маргаритов созвал учительскую конференцию в Симферополе для разработки статуса и единой программы немецких центральных училищ и педагогических курсов, на которую были приглашены и представители училищного совета и церковного конвента. Разработанный там проект, в целом, был не плох и для общин вполне приемлем, но, к сожалению, не был утвержден.

Представителю педагогической общественности из Екатеринослава Й. Тиссену в Петербурге было сказано, что статус центральных

училищ будет утвержден только при условии его единства для всех немецких центральных училищ. По инициативе Тиссена в Шенвизе было созвано собрание представителей немецких центральных училищ Одесского учебного округа по разработке программы и по выработке единого статуса училищ. До этого в Симферополе уже был разработан проект, в котором были предусмотрены трех- и четырехклассные центральные училища, программа их деятельности. И хотя в основу обсуждений в Шенвизе и был положен этот проект, но была принята только четырехклассная система центральных училищ.

Деятельность П. Эдигера в Молочанском меннонитском училищном совете сопровождалась различными внешнесоциальными трудностями. В то время когда он ее начинал, отмечалось усиление наступления реакции, вся его деятельность совпала с пасмурным и мрачным временем в стране. Но, невзирая на трудности школьной политики, игнорирование немецких школ, собственную занятость и вялую инициативу, перед вышестоящим руководством он горячо отстаивал интересы меннонитских школ. По выше перечисленным нами причинам, а также из-за финансовых проблем, в начале 1909 г. П. Эдигер вынужден был подать в отставку. Выборное собрание, состоявшееся 4 апреля 1909 г., высказало П. Эдигеру искреннюю благодарность за его долголетнюю службу в качестве председателя училищного совета.

То же собрание единогласно выбрало Давыда Клаассена [5] (Фельзенталь) на место Эдигера. Непосредственно после выборов Д. Клаассен был представлен куратору Одесского учебного округа на утверждение, но в утверждении его кандидатуры было отказано. Это было почти равносильно роспуску совета. Церковный конвент побудил обе волостные общины Гальбштадт и Гнаденфельд сделать Клаассена своим уполномоченным по школьным делам, и в этой роли он проработал почти все время.

По сравнению с прошлым деятельность училищного совета была очень ограничена и потеряла не только свое бывшее значение, но и свое влияние, как в обществе, так и среди учительского состава. Авторитет училищного совета упал. Клаассен, который все время жил на Кубани и чувствовал себя в Молочной несколько новичком и неуверенно, был в своих действиях очень мягок и снисходителен, чему способствовал и его мягкий, спокойный характер. Другие члены совета также чувствовали себя неуверенно и в связи с отношением школьной службы к их деятельности были очень сдержанными в проявлении творческой инициативы. Когда, например, из це-

лого ряда учителей, не сдавших экзамен по религии и немецкому языку, в день повторного экзамена явился только один, совет решил посетить упомянутых учителей в их школах и выдать им соответствующее свидетельство, если их работа по религии и немецкому языку будет признана удовлетворительной. Это был крайне упрощенный метод! И это происходило, хотя несколько лет назад требования к сдаче экзамена экстерном были снижены. Училищный совет совсем не учел при этом, что многое у учителя зависит не только от методических навыков, но и от его общего образования.

В 1909 г. в Государственной Думе был разработан новый закон о школах, по которому в России было введено обязательное школьное образование. Для этой цели страна должна была иметь соответствующую сеть школ. Но новый закон не был применим в таком состоянии для меннонитских школ, и так как в любом случае хотелось сохранить национальные и религиозные особенности меннонитской школы, то и не произошло присоединение меннонитских школ к общей школьной сети, хотя этот вопрос обсуждался на училищном совете и в меннонитском обществе.

В феврале 1910 г. председатель училищного совета и его духовный член еще раз предприняли поездку в Петербург по поводу педагогических классов. Они надеялись, что министерство предоставит педагогическим классам право выдавать учительские свидетельства. Однако добиться разрешения не удалось.

26 апреля 1910 г. директор народных училищ Таврии направил инспекторам письмо за № 2001 следующего содержания: «До моего сведения дошло, что среди немецкого населения имеются лица, которые желают посетить немецкие школы с целью контроля уроков религии и немецкого языка. Ввиду этого, я прошу Вас предупредить учителей всех немецких школ, чтобы они не разрешали присутствовать на уроках лицам, которые не имеют на это право. На случай, если кто-либо из учителей позволит себе в этом отношении непослушание, я прошу Вас сообщить мне об этом незамедлительно для принятия соответствующих мер».

Это предписание было, естественно, направлено против училищного совета, хотя он и не упоминался. Совет и так принял это замечание на свой счет и даже не пытался продолжать свой курс. Может, это было бы и безнадежно? Церковный совет летом 1910 г. подал прошение директору народных училищ, в котором указывалось на то, что меннонитскому духовенству, которое в Молочной представляло церковный конвент, издавна принадлежало право контролировать уро-

ки религии в школах. Это право было также упомянуто в Указе от 2 мая 1881 г., по которому меннонитские школы перешли в ведение Министерства народного образования. Раньше духовный член совета выполнял обязанность церковного конвента, теперь же церковный конвент выбрал 8 компетентных лиц из своей среды, которые должны были контролировать уроки религии и немецкого языка. Новый председатель училищного совета, кстати, тоже был проповедником. Училищный совет стал называться «Училищная комиссия Молочанского меннонитского церковного конвента».

Обратимся к деятельности училищной комиссии Молочанского меннонитского церковного конвента (1910–1918). Так училищный совет и по своему названию стал тем, чем он по своему существу уже долгое время был: органом церковного конвента. В письме от 1 июля 1910 г. под № 3197 школьная служба потребовала пояснения о том, даются ли в меннонитских школах уроки религии согласно меннонитской вере, и если это так, то на какой основе и по каким программам и учебным пособиям. Затребованное пояснение было дано старостой А. Герцем в полной форме.

Но школьная служба на этом не успокоилась. Вероятно, она еще не была убеждена в том, что училищный совет действительно «мертв», в любом случае она не ожидала, что это удастся так легко, так как 22 января 1911 г. инспектора получили от директора народных училищ предписание под № 483, что училищный совет не должен вести никакой деятельности по школьным делам и что экзамены на право преподавания уроков религии проводиться советом не могут. Таким образом, училищный совет был парализован в своих действиях. Официально он уже не существовал, хотя не был распущен и, соответственно, в любое время мог опять стать активным. «Училищная комиссия» же сообщила школьной службе, что не совет, а училищная комиссия церковного конвента контролирует уроки религии и немецкого языка, принимает экзамены у школьников по этим предметам и у кандидатов в учителя. Этим дело было улажено.

Комиссия работала не интенсивнее, чем училищный совет в последние годы: она один или два раза в год посещала школы, принимала у выпускников экзамены по религии и немецкому языку, выдавала по этим предметам специальные свидетельства, доставала наглядные пособия для школ и помогала при организации школьных библиотек.

Поддержка от земства в размере 1500 руб. выплачивалась с 1911 г. ежегодно и использовалась теперь исключительно для приобрете-

ния наглядных пособий, чему способствовал председатель училищной комиссии. С 1913 г. земство выплачивало деньги непосредственно председателю, который потом распределял их, в то время как раньше все заказывалось земством. Этим дело намного упростилось. В 1913 г. председатель обратился в земство с прошением дать возможность или облегчить меннонитским учителям подключение к государственной пенсионной кассе, что, к сожалению, не нашло поддержки у земства.

В 1912 г. был принят закон о высшей начальной школе (бывшие городские школы). Этот закон считался в то время либеральным, давал общинам далеко идущие права, а центральным училищам некоторые льготы. Училищная комиссия и учителя, а также общины раздумывали — не выгоднее ли преобразовать центральные училища в высшие начальные школы? Но из министерства пришло сообщение, что оно не намеревается преобразовывать немецкие центральные училища в высшие начальные школы, а хочет создать на их основе особый тип школ, соответствующий высшим начальным школам. Но это намерение не было осуществлено, и меннонитские центральные училища, шаг за шагом, перенимали программу высших начальных школ, для чего в трехклассных школах и был открыт четвертый класс. Однако они не пользовались теми же правами.

Наряду с комиссией развернуло бурную деятельность учительское общество. Натянутые раньше отношения между ним и советом уступили место дружеским отношениям. В августе 1913 г. председатель училищной комиссии направил в правление учительского общества следующие строки по поводу организованной учительским обществом выставки учебных пособий: «Общество через свою разностороннюю деятельность увеличило и закрепило педагогические навыки и умения учителей во всех областях школьной практики, и, что самое важное, общество поддерживает любовь к работе и считает преданность своей учительской специальности высшим достоинством».

Эти строки характеризуют отношение председателя училищной комиссии к учителям и к их конференциям. По возможности, он сам принимал участие в них и вообще стремился наладить с учителями тесный контакт, особенно после того, как он сменил свое местожительство в Фельзентале на Гальбштадт. Своей деятельностью учительское общество обратило на себя внимание школьной службы. Она же, вероятно, чувствовала себя «призванной» везде, где пульсировала настоящая жизнь, сковывать и мешать, и это выражалось в ее уничтожающей деятельности в отношении учительского общества.

В 1910 г. реакция опять вступила в полную силу и представляла для немецких школ серьезную опасность. В 1913 г. куратор Одесского учебного округа получил указание, чтобы на все свободные учительские должности принимались предпочтительно православные лица русского происхождения. Это побудило директора народных училищ Таврического округа издать 19 ноября 1913 г. предписание за № 7036 о допуске в будущем на должность второго учителя в немецких школах только лиц русской национальности и православного вероисповедания. По языковому вопросу также вернулись к прежнему уровню, несмотря на утвержденное 23 марта 1907 г. постановление Совета министров.

В 1914 г. разразилась война с Германией, что способствовало травле всех немцев в неукротимой России, от которой тяжело пострадали немецкий язык и культура. 4 июня 1915 г. инспектор народных училищ разослал во все сельские общины предписание за № 842, в котором было указано, чтобы до 20 июня избрать во всех немецких школах учителями по всем предметам, кроме религии и немецкого языка, лиц русского происхождения. Подчеркивалось, что если до 1 июля не будут найдены соответствующие кандидатуры, то школы будут закрыты. Они были найдены. Это были в основном русские девушки, которые только что закончили гимназии, имели небольшой опыт в преподавании.

23 октября 1915 г. указанием № 5453 директор народных училищ запретил школьникам русского происхождения, которые ходили в немецкие школы, посещать уроки немецкого языка, другими словами, изучать немецкий язык, «чтобы защитить простой русский люд от онемечивания». (По требованию родителей этот запрет позже был снят.) 15 декабря 1915 г. директор народных училищ издал распоряжение за № 6683, чтобы на уроках пения (два урока в неделю) пелись только русские песни; немецкие мирские песни были совсем запрещены в школе. Хоралами можно было заниматься на уроках религии и немецкого языка. В школах ежедневно после утренней молитвы должен был исполняться русский национальный гимн. Так продолжалось до революции 1917 г.

Реорганизация Молочанского меннонитского училищного совета. Уже на конференции 28 октября 1917 г. со стороны учителей последовал протест против состава училищной комиссии и было изъявлено желание, чтобы и представители учителей были ее членами и имели право голоса. Присутствующий член комиссии сообщил, что этот вопрос уже обсуждался на заседании конференции 27 октября и что комиссия готова принять представителей учительства в свой

состав, но только она не может принять от своего имени окончательное решение, не получив согласия церковного конвента. Конференция решила по этому поводу выбрать своих представителей в комиссию, а именно — по два из каждого округа, и просит церковный конвент рассматривать их как полноправных членов комиссии. Результаты выборов были следующие: К. Винс (Гальбштадт), Ф. Корнис (Розенорт), Й. Тевс (Александрталь) и Й. Касдорф (Гнаденфельд) — все учителя начальных школ.

В этом расширенном составе училищная комиссия работала до весны 1918 г. Однако, особенно среди учителей, все больше бродило желание восстановить бывший Молочанский меннонитский училищный совет со всеми его правами, только на новой основе. 17 июня 1918 г. состоялось расширенное заседание училищной комиссии, в которой принимали участие церковный конвент и представители мирских общин и учителей. На этом заседании подробно обсуждался вопрос, а также было принято решение опять организовать Молочанский меннонитский училищный совет, который перенял бы наследство бывшего училищного совета со всеми его правилами. Для этого нужно было разработать новый устав, и только когда будет получено одобрение церковного конвента, мирских общин и учителей, возможно на основе этого устава собирать училищный совет. До тех пор предусматривалась деятельность временного школьного совета (состоящего из пяти представителей церковного конвента и пяти представителей мирских общин и учителей), принявшего на себя функции училищной комиссии и незамедлительно организовавшего выборы своих членов.

Так как в училищной комиссии состояло шесть членов из церковного конвента (старосты Г. Плетт, Д. Никкель и проповедники Я. Раймер, К. Ретцель, И. Дюрксен и А. Левен), то все они должны были остаться и во временном училищном совете. О выборе состава нового училищного совета были приняты следующие решения:

1. Прежний председатель комиссии Д. Клаассен, в выборах которого в свое время принимали участие и мирские представители, должен был остаться председателем и нового училищного совета; остальные четыре представителя мирских общин должны были быть избраны окружными общинами, по два из каждого округа.

2. Так как учителя уже в 1917 г. выбрали по два представителя из Гальбштадтского и Гнаденфельдского округов в училищную комиссию, то пятым членом с согласия конференции должен был стать председатель правления учительского общества.

Данный состав училищного совета (16 человек) считался временным и должен был работать до окончательного утверждения нового устава церковным конвентом, мирскими общинами и учителями или до официального утверждения, но сроком не более одного года (июль 1919).

Летом 1918 г. были разработаны новые Уставы Молочанского меннонитского училищного совета, которые уполномочивали деятельность совета по всем пунктам управления школ и были приняты новым училищным советом 8 июля с небольшими поправками. Затем они были рассмотрены церковным конвентом, окружным собранием и учителями, частично изменены, дополнены и, в конце концов, 16 января 1919 г. приняты согласительной комиссией в окончательной редакции, которая затем была утверждена всеми тремя органами. На основе этих Уставов летом 1919 г. были предприняты новые выборы, которые дали следующие результаты:

- от церковного конвента были выбраны: староста Г. Плят и проповедники Я. Раймер и Д. Клаассен;
- от мирских общин: Г. Бартель (Орлов), П. Левен (Фюрстенау) из Гальбштадтского округа и И. Дюрксен (Хиршау), Д. Янцен (Порденау) из Гнаденфельдского округа;
- от учителей: Д. Эмс, К. Винс (Гальбштадт) и Й. Тевс (Александргаль).

Эти 10 человек составляли училищный совет. Председателем Молочанского меннонитского училищного совета на его первом заседании 21 ноября 1919 г. был выбран прежний председатель Д.Й. Клаассен. Знаменательно, что выборы состоялись ровно в день 50-летнего юбилея — первого заседания училищного совета. При этом исходили из соображения, что Клаассен обладает высшей квалификацией для этой должности и благодаря своему десятилетнему опыту больше всего подходит для нее. К этому времени Клаассен оставил должность председателя лесничества, так что теперь ему ничто не мешало посвятить себя всецело школьному делу.

Анархистские отношения в стране оказали, однако, разрушающее влияние на школьную жизнь и мешали спокойной и углубленной работе. К счастью, начальные школы меньше всего страдали от этого. Если училищный совет теперь не мог думать о какой-либо внешней деятельности, то для внутришкольной работы ему была предоставлена полная свобода действий, так как не существовало официальной школьной службы, которая бы занималась школами. Училищный совет мог теперь действовать по своему усмотрению, не взирая на авторитетные службы. Появилась возможность достичь того же про-

фессионального уровня, авторитета и влияния, которые он имел в годы расцвета своей деятельности (1884–1897 гг.).

Новые уставы давали училищному совету далеко идущие права: они передавали ему все функции по управлению, контролю и попечению школ; кроме этого, совет являлся промежуточной инстанцией, которая выполняла посредническую роль между учителями и сельскими общинами при принятии на работу учителей, при решении разногласий и недоразумений, а также между школьной службой и меннонитским обществом.

Приложение

*Министерство государственных
имуществ*

*Молочанскому меннонитскому
окружному приказу*

*Председательствующий Попечительного комитета
об иностранных поселенцах Южного края России
5 ноября 1896 г.
кол. Гальбштадт*

№ 29

Регистрационное свидетельство

Признавая нужным для улучшения учебной и хозяйственной части Гальбштадтского центрального училища, равно сельских и частных училищ Молочанского меннонитского округа, учредить училищный совет с возложением на него:

- 1) представительства перед Попечительным комитетом о всех интересах и нуждах училищ, как центрального, так и сельских;
- 2) местного надзора за учителями, т. е. за точным исполнением ими училищных правил, программ и расписания уроков;
- 3) приема и выпуска воспитанников Гальбштадтского центрального училища совокупно с учителями данного училища, выдачи родителям или опекунам месячных и полугодовых аттестатов о поведении, прилежаний и успехах учеников;
- 4) выбора лиц для заведования хозяйственной частью Гальбштадтского центрального училища для заготовления топлива и освещения, найма прислуги и проч.

Я предложил меннонитам Филиппу Вибе, Петру Шмидту, Францу Дюку и Петру Исааку принять на себя обязанности членов училищного совета Молочанского меннонитского округа и об этом даю знать окружному при-

казу, предписывая исполнять все законные требования и постановления членов училищного совета.

Председательствующий В. Эттингер.

Примечания

1. См.: Peter J. Braun: Der Molotschnaer Mennoniten-Schulrat, 1869–1919. Zum Gedenktage seines 50jährigen Bestehens.
2. См.: Braun, P.: Archive von Bolschewisten zerstört. Wichtige Urkunden der Mennoniten in Russland vernichtet // Mennonitische Geschichtsblätter. 1936.1.36.
3. В конце 60-х гг. XIX в. деятельность сельскохозяйственной комиссии пошла на спад. Несмотря на то, что школьным образованием меннонитов руководила данная комиссия, важные вопросы школьной жизни обсуждались и принимались без ее участия.
4. П. Эдигер – ученик И. Франца и П. Фризена, окончив Гальбштадтское центральное училище и получив квалифицированную гимназическую подготовку в Бердянске, успешно сдал экзамен на специализацию учителя математики. Проработав три года в Орловском центральном училище, он, после подавшего в отставку П. Фризена (1886 г.), занимает пост старшего учителя Гальбштадтского центрального училища. Пробыв в этой должности 10 лет (с 1886 по 1896 г.), он, разочаровавшись в педагогической деятельности, становится бизнесменом. Но, даже попросившись с учительской профессией, П. Эдигер пользуется огромным авторитетом. Об этом свидетельствует тот факт, что впервые за весь период существования училищного совета он был избран его членом единогласно.
5. Давид Йоганн Клаассен был школьником Гальбштадтского центрального училища, сдал впоследствии экзамен и получил квалификацию учителя немецкого языка. 25 лет проработал он ведущим учителем престижной, впоследствии пятиклассной народной школы в Вольдёмфюрсте на Кубани. В 1906 г. Д. Клаассен был приглашен в Гальбштадтское центральное училище на преподавательскую деятельность в качестве учителя немецкого языка и после двухлетнего преподавания обосновался на своем хуторе Фельзенталь. Он владел богатым опытом, часто имел возможность общаться с высоким руководством. Это оправдывало мнение, что он не только мог представлять школы во внешних кругах, но и как опытный и бывалый педагог мог быть консультантом учителей, особенно молодых. К сожалению, Клаассен еще в этом же году был выбран президентом по казарменным делам. Это порочная меннонитская традиция – так нагружать всякими постами людей, которые могут и желают работать, что они потом не могут справиться со своими обязанностями. Так как этот второй пост требовал полной ставки и соответственно оплачивался, чего нельзя было сказать об училищном совете, то, естественно, совет стал побочным постом, вызывая меньший интерес.

ВКЛАД НЕМЕЦКИХ АРХИТЕКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИЕ «РУССКОГО» СТИЛЯ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Г. Гейдебрект

Пути к национальному стилю в Германии и России

Начиная с Петровских реформ и, как минимум, вплоть до кончины императора Павла, работавшие в России иностранные зодчие редко черпали свое вдохновение из непосредственного окружения. В своем творчестве они обращались преимущественно к европейским образцам и подстраивали их под нужды местных заказчиков. Применительно к названному периоду, т. е. всему XVIII в., было бы ошибочно переоценивать влияние духовной среды России на произведения западно-европейских архитекторов-иммигрантов.

Ситуация меняется в первой четверти XIX столетия. После освобождения России от наполеоновских войск и возросшего в стране национального самосознания готовность к подражанию всему чужому уступила место потребности в своем «национальном» стиле.

Развитию этой тенденции благоприятствовали аналогичные настроения в Германии. Первыми в Европе немские философы-идеалисты предприняли попытку выработать альтернативу интернациональному духу ренессанса и классицизма. Лидер классического идеализма Йоганн Готлиб Фихте (1762–1814), призывавший немцев к моральному возрождению и объединению, или проповедник «абсолютного идеализма» Георг Вильгельм Гегель (1770–1831), рассматривавший историю как «прогресс духа в сознании свободы», последовательно реализуемый через «дух» отдельных народов, — эти философы добились в короткий срок признания во всей Европе. Основатель не-

мецкого романтизма Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803), проповедовавший национальную самобытность искусства и распознавший высокое значение отдельных этнических культур, а также ученик Фихте Фридрих Вильгельм Шеллинг (1775–1854), превозносивший первоначальное значение природы и искусства, приобрели в России широкую известность. Немецкая философская мысль решительно повлияла на возрождение национальной культуры не только в германских странах, но и у славянских народов Европы. По мнению архитектурного критика Евгении Кириченко, русский романтизм «в 20–40-е годы проходит под знаком обращения к немецкой философии и эстетике, к опыту немецкой архитектурной теории и практики» [1]. Его логичное завершение в программной стилизации древнерусского зодчества немислимо без философской базы немецкого идеализма.

Ведущие мастера этого нового национально-романтического направления в архитектуре России были в большинстве своем немецкого происхождения. Упомянутые ниже архитекторы — профессора и академики архитектуры — составляли элиту столичного зодчества. Влияние немецкого меньшинства на формирование в XIX в. так называемого русского стиля остается одним из интереснейших феноменов немецкой диаспоры в России.

А. Витберг

Яркой фигурой русского романтизма был Александр Витберг (1787–1855). Его проекты особенно наглядно характеризуют трансформацию неоготики и классицизма конца XVIII столетия в национально-романтические течения XIX в. Герцен остроумно называет этот переходный стиль «византийско-тевтонским» [2].

Александр Витберг происходил из семьи бывшего шведского подданного, «лакировального техника» и учителя немецкого языка Лоренца Витберга и балтийской немки Анны-Елизаветы Шпеттер-Карл-Магнус Витберг (так звучало его имя до принятия в 20-летнем возрасте православия) получил первоначальное образование в пансионе при немецкой лютеранской церкви Св. Анны в Петербурге, затем учился в Академии художеств по классу живописи. Архитектуру он изучил самостоятельно. Витберг был автором грандиозного памятника-ансамбля в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Не исключено, что сама идея создания гигантского, проникнутого духом романтизма храма, была заимствована у берлинского архитектора Шинкеля, опубликовавшего в 1811 г. свой проект готического собора

в Берлине в память об «освободительных войнах» против Наполеона. Однако ни тот ни другой проект реализованы не были.

Задуманный Витбергом храм, по размерам превосходивший собор св. Петра в Риме, должен был по замыслу автора, кроме церковного назначения, соединить в себе неизвестные ранее функции национального музея и памятника. Выраженная таким образом идея общности государства и христианства, народности и национальности как нельзя более импонировала императору Александру I, усмотревшему в талантливом и глубоко религиозном Витберге единственно верного ее исполнителя. Уступив желанию императора, протестант Карл-Магнус Витберг принял православное вероисповедание, получив при крещении в честь царя имя Александр [3].

Собор Александра Невского в Вятке.
Архитектор А. Витберг

Храм был заложен в 1817 г. на Воробьевых горах в Москве, но строительство его было вскоре приостановлено. Витберг, о котором даже энциклопедические справочники отзываются как о человеке «редкой, высокой честности» [4], был обвинен в растрате государственных денег и сослан в Вятку, где ему удалось создать собор Александра Невского, являвшийся своего рода реализацией в миниатюре задуманного им московского храма. Уже большим и

состарившимся Витберг был реабилитирован и возвращен в Петербург. Его вятский собор был уничтожен в 30-х гг. нашего столетия.

К. Тон

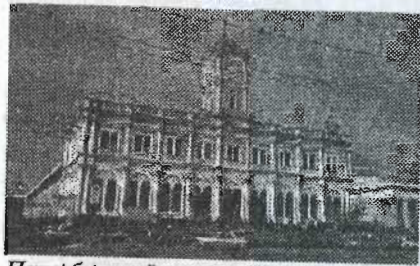
Отстранение Витберга от строительства храма Христа Спасителя не случайно совпало со сменой власти при императорском дворе. Заказ был передан петербургскому архитектору Константину Тону (1794–1881), создавшему в 1832 г. свой проект храма. Тоновский проект ознаменовал совершенно новый подход к проблеме возрождения национального стиля и стал для многих эталоном для дальнейшего экспериментирования в этой области. Храм Христа Спасителя сооружался почти столетия — с 1839 по 1883 г. Два поко-

ления лучших российских зодчих, скульпторов и художников трудились на этой стройке века. Среди них немало мастеров немецкого происхождения, например автор части фасадных рельефов — скульптор Петр Якоб Клодт фон Юргенбург (1805–1867); создатель 31 полотна главного иконостаса — художник Тимелеон Карл фон Нефф (1805–1876); архитекторы Федор Клагес (1812–1900), Лев Даль (1834–1878), ученик Тона — Карл Рахау (1830–1880).

*Храм Христа Спасителя в Москве.
Архитектор К. Тон*

Тон остается одним из продуктивнейших зодчих России. С момента получения заказа на строительство храма Христа Спасителя проектирование крупнейших построек в русском стиле стало его монополией. Кроме церкви св. Екатерины на Петергофском проспекте (1831–1837) он создал ряд проектов петербургских «полковых» церквей: церковь в Семеновском полку (1837–1842), Благовещенскую церковь в Конном полку (1844–1849), церковь св. Миронии в Егерском полку (1849–1855). В конце 1830-х гг. Тон составил так называемые нормальные, т. е. типовые, проекты церквей на 1000, 500 и 200 человек и «нормальные» же чертежи для постройки крестьянских домов. Несомненно, здесь сказались идея и опыт построек типовых церквей в прусских провинциях, разработанных Шинкелем по указу короля Фридриха Вильгельма III от 1825 г. [5]. В Германии эти стандартные постройки получили название Normalkirchen, откуда по всей вероятности и был заимствован российский термин «нормальные» проекты.

*Петербургский вокзал в Москве.
Архитектор К. Тон*

Тон — автор Кремлевского дворца (1838–1849) и Оружейной палаты в Кремле (1844–1850); в 1844–1851 гг. он осуществил постройку железнодорожных вокзалов в Петербурге и Москве (со зданием таможни при последнем). В оконных проемах обоих чрезвычайно схожих между собой зданий использован

мотив двойной арки — позднеготический прием, введенный на Руси в XV в. Аристотелем Фьорованти и используемый Тоном, как «сложный и тонкий намек на «русский стиль» Москвы» [6].

Среди множества реставрационных работ Тона следует выделить такие, как проект восстановления колокольни Ивана Великого после пожара 1812 г., реставрация Псковского кремля, Ипатьевского монастыря в Костроме, ряда древних построек в Московском Кремле. По проекту Тона был сооружен дворец военного губернатора в Казанском кремле.

Константина Тона относят к категории ассимилировавшихся петербургских немцев, большей частью уже при рождении получавших православное вероисповедание и, по-видимому, считавших себя русскими. В современной ему России Тон тем не менее оставался немцем. Так, критикуя некоторую эклектичность тоновского наследия, петербургское издание энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона объясняет это отсутствием «проникнутости чисто русским духом» и «горячей любви к отечественной старине». «Немец по происхождению, развившийся под эклектической ферулой СПб. академии и в чужих краях, Тон, при всей своей талантливости, не был в состоянии удовлетворительно решить смело взятую на себя задачу — восстановить в новом блеске наше древнее зодчество...» [7]. Опала, которой наследие Тона было подвергнуто и при советской власти, имело трагичные последствия: из пяти церквей, построенных Тоном в одном лишь Петербурге, четыре были снесены в 1920–1930-х гг. и сохранилась (в перестроенном виде) лишь одна — церковь Преображения на Аптекарском острове (1839–1845).

К.-Ф. Шинкель

Почти одновременно с закладкой тоновского храма Христа Спасителя августейшая супруга Николая I — Александра Федоровна (она же — принцесса Прусская Шарлотта, 1798–1860) поручает своему знаменитому земляку — берлинскому архитектору Карлу Фридриху Шинкелю (1781–1841) разработать проект дворца в крымской Ореанде. Примечательно, что первый из двух подготовленных на рассмотрение проектов носил название «московитский» (Moskowitzscher Epitwurf) [8] и был задуман в формах, духовно близких, по мнению зодчего, российским заказчикам. Круглые остроконечные башни выразительного крепостеподобного ансамбля напоминают знакомый всем силуэт Московского Кремля. Идеалист Шинкель не упускает слу-

Московитский проект Шинкеля для Ореанды (Kühn, M. Karl Friedrich Schinkel, Lebenswerk. Ausland, Bauten und Entwürfe. München/ Berlin, 1989)

проекта Шинкеля служит, как ни странно, продукция итальянских зодчих, т. е. башни Московского Кремля эпохи позднего ренессанса. Вряд ли можно упрекнуть заслуженного берлинского мастера в историческом дилетантизме. Свободный от идеологических рамок программного в России стиля, Шинкель дал волю своему стилизаторству и, опережая современников, продемонстрировал своим «московитским» проектом эклектичную общность между национальной романтикой и грядущим за ней космополитическим историзмом.

Ф. Рихтер

Многолетним сотрудником и соавтором Константина Тона при строительстве Большого Кремлевского дворца был Фридрих (порусски: Федор) Рихтер (1808–1868) — прибалтийский немец, родом из курляндского местечка Гольдинген (ныне город Кулдига). Рихтер многое сделал для охраны российского архитектурного наследия. В 1851–1856 гг. он выпустил, в качестве возможного пособия для проектирования в «русском стиле», пять тетрадей «Памятников древне-

Дом бояр Романовых на Варварке в Москве. Архитектор Ф. Рихтер

русского зодчества России. Однако, если Константин Тон использует в своих сооружениях архитектурный вокабуляр так называемого русского средневековья, т. е. Новгорода, Суздаля и Владимира XII и XIII столетий, то эталоном для «московитского» про-

екта Шинкеля служит, как ни странно, продукция итальянских зодчих, т. е. башни Московского Кремля эпохи позднего ренессанса. Вряд ли можно упрекнуть заслуженного берлинского мастера в историческом дилетантизме. Свободный от идеологических рамок программного в России стиля, Шинкель дал волю своему стилизаторству и, опережая современников, продемонстрировал своим «московитским» проектом эклектичную общность между национальной романтикой и грядущим за ней космополитическим историзмом.

русского зодчества». В Московском дворцовом архитектурном училище, директором которого Рихтер был 25 лет, впервые, как пишет Евгения Кириченко, началось «целестремленное и систематическое» изучение всеобщей и русской архитектуры [9]. Рихтер реставрировал стены кремлей в Москве и Пскове. Ипатьевский монастырь в Костроме (вместе с Тоном) и цер-

ковь в селе Дубровицы, церковь Спаса на Бору и Благовещенский собор в Москве. В 1858–1859 гг. он реконструировал или, вернее, заново отстроил разрушенный дом бояр Романовых на Варварке. В 1860-х гг. Рихтеру было поручено проектирование Московской городской думы, смерть, однако, помешала архитектору закончить проект этого здания на Красной площади.

А. Штакеншнейдер

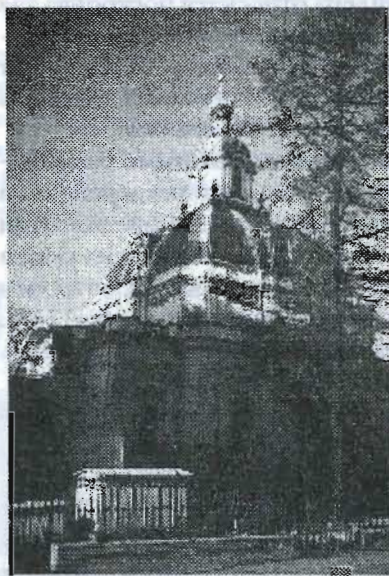
Активизация изучения памятников русского зодчества оживила интерес к древней столице — Москве. Для изучения старомосковских построек и проектирования на их основе нового Коломенского дворца в 1837 г. из Петербурга в Москву был специально командирован архитектор Императорского двора Андрей (Генрих-Густав-Магнус) Штакеншнейдер (1802–1865). Хотя Штакеншнейдера, являвшегося одним из престижных архитекторов петербургской аристократии и охотно пользовавшегося опытом своего берлинского коллеги Шинкеля [10], никак нельзя отнести к типичным представителям «русского стиля», увлечение новым течением не обошло и его [11]. К ранним работам Штакеншнейдера относится постройка так называемого Никольского домика для супруги императора в Петергофе (1835). Там же, в Петергофе, Штакеншнейдер через 19 лет (1854) возводит, по повелению императора Николая I, церковь св. мученицы и царицы Александры в «византийском вкусе».

Другие проекты Штакеншнейдера наряду с эскизными разработками Тона послужили, например, основой для застройки деревень на Бабигоновских высотах близ Петербурга [12]. Подобные попытки введения типового строительства в России известны еще из указов Петра I, который предписывал в новой столице строительство «мазанок прусскою манерою» (т. е. способом немецкого фахверка) [13]. Разработка же типового жилья Штакеншнейдером и Тоном велась впервые с учетом именно национальных строительных традиций.

Д. Гримм

Неординарной фигурой русского архитектурного стиля являлся придворный архитектор Давид Гримм (1823–1898). Еще его дед находился на службе российского императора, а отец архитектора — Иоганн Гримм — был инспектором придворных дворцов царской семьи. Давид Гримм представлял, таким образом, третье, однако не последнее по-

коление знаменитой петербургской династии. В отличие от предшествующих ему коллег-архитекторов, таких как Александр Витберг, объединивший средневековую готику с греческой античностью, или Константин Тон с его усилиями оживить строительное искусство Суадаля и Владимира, Grimm искал источники архитектурных традиций России в ее новых южных провинциях. В 1849 г. он отправляется на три года на Кавказ, когда-то являвшийся северо-восточным рубежом Византийской империи. Результатом кропотливых изысканий явилась опубликованная в 1864 г. работа архитектора «Архитектурные памятники в Грузии и Армении» [14]. Далекие и мнимые прообразы давно исчезнувшей Византийской империи вдруг «уступили место реальным образцам, доступным для обозрения и изучения» [15]. Следствием этой новой «археологической» ветви «византийского» стиля явился целый ряд строительных объектов, особенно в южных и западных провинциях Российской империи. Показательным образцом является спроектированная Grimмом церковь святого Владимира в крымском Херсонесе (1861–1879). Местом ее строительства были выбраны руины античного храма, откуда в 988 г. с креплением киевского Великого князя Владимира началась христианизация России.

Княжеская усыпальница
в Петропавловской крепости.
Архитектор Д. Гримм

Тип церкви, разработанный Grimмом на основе поздних византийских образцов, был не раз применен для других объектов, в частности, самим архитектором в конкурсном проекте храма Кавказской армии в Тифлисе в 1866 г. Для участия в конкурсе было допущено всего 14 работ. Авторами всех премированных работ явились столичные немцы: первое призовое место поделили между собой Виктор Шретер (1839–1901) и Андрей (Генрих) Гун, второе — Давид Гримм и Роберт Гедике, третье досталось Льву Далю — сыну известного лингвиста Владимира Даля. Разумеется, все проекты характеризовало единое «византийское» направление. Реализацию в 70-х гг. получил удостоенный второй пре-

ми наиболее экономичный проект Давида Гримма и его младшего сотрудника Роберта Гедике (1829–1910) — урожденного петербуржца с бывшим прусским подданством, принявшим в возрасте 23 лет российское гражданство.

Последней крупной работой Давида Гримма был проект княжеской усыпальницы (1887) рядом с Петропавловским собором, сооружение которой было закончено уже после смерти архитектора. Умело пропорционированное здание отличается зрелой, профессиональной архитектурой; из классических атрибутов русского стиля архитектор здесь использовал лишь одну луковичную башенку с традиционной позолотой.

В.-Э. Гартман

Фольклоризированный вариант русского стиля представляли в XIX веке в первую очередь Иван Ропет и его еще более продуктивный старший коллега Виктор-Эдуард Гартман (1834–1873). Бывший ученик Петербургской академии художеств, Гартман завершил свое образование в мастерской своего дяди Александра Гемелиана; в соавторстве они разработали, например, проект необарочного дворца Мясниковского в Петербурге. В 60-х гг. Гартман объездил, с ознакомительной целью, Западную Европу, в том числе Германию.

В Москве Гартман возвел ряд доходных домов; известность получила также построенная им в 1872 г. типография А.И. Мамонтова. В том же году на Всероссийской политехнической выставке в Москве Гартман возводит павильон военного отдела и Народный театр на Варваринской площади. Особое новаторство отличало архитектуру Народного театра. Открытые деревянные конструкции, соединявшие в себе эстетику и функциональность, были в таком виде впервые применены для этого типа здания. Экспериментальное сооружение Гартмана, имевшее подчеркнуто «павильонный» характер, послужило прототипом для целого ряда аналогичных деревянных театров [16].

Будучи искусным рисовальщиком, Гартман создал декорации различных петербургских и московских театров. Ряд его работ демонстрировался на Венской всемирной выставке в 1873 г., для которой им был выполнен проект входа в русский морской отдел. В это же время Гартман спроектировал «Мастерскую» (художников) в Абрамцево, стилизованную под традиционную русскую избу.

Архитектор Гартман представлял течение, целью которого было возродить национальную архитектуру, применяя орнамент древне-

русского прикладного искусства. Критика находит такой вариант «наиболее демократичным по своей сущности» [17]. Однако если противники официальной архитектуры Тона вменяют ее автору слишком блеклую интерпретацию исторического наследия, то «демократ» Гартмана следует упрекнуть в чересчур вольном обращении с общепризнанными архитектурными канонами. При попытке применить традиции деревянного зодчества и в каменной отделке, ему не удалось преодолеть границ фольклорности и эклектичности, что дало повод архитектурному критику Льву Далю назвать его произведения «до дикости оригинальными» [18]. Бесспорной заслугой Гартмана, однако, явилось создание нового направления внутри русского стиля.

Л. Даль

Одним из крупнейших российских теоретиков и историков архитектуры своего времени являлся Лев Даль (1834–1878). Немецкие корни архитектора со стороны отца ведут в голштинский Претц, откуда происходит дед Даля — евангелический врач, женившийся в России на дочери писательницы и переводчицы Марии Фрейтаг [19]. После шестилетнего пребывания за границей и путешествий по российским губерниям Лев Даль начал в 1866 г. свою работу в Нижнем Новгороде, где построил колокольню церкви Иоанна Предтечи и второй ярмарочный собор. В 1873 г. Даль был назначен в Москву младшим помощником Константина Тона при постройке храма Христа Спасителя, он же явился и автором росписей в «русском стиле» в храме. В журнале «Зодчий» — ведущем архитектурном органе страны — Даль заведовал русским отделом, формируя в 70-х гг. своими многочисленными публикациями теоретическую основу российской архитектуры и оказывая на ее современное состояние немалое влияние.

Проявляя, как и Гартман, особый интерес к декоративной детали, Даль много занимался обмерами крестьянских изб. При этом он пришел к интересному заключению, что русский орнамент дохристианского (т. е. довизантийского) периода аналогичен орнаментике северных европейцев перед распространением в Европе античного искусства западного Рима [20]. Е. Кириченко называет Даля «главой научного «археологического» направления», видя в архитектурном теоретике антипод публицисту Стасову и характеризуя его как «академичного, сдержанного в своих писаниях, оценках и выво-

дах, предпочитавшего концепциям достоверность точного факта и далекого от политики» человека [21]. В другом месте Даль оценивается ею как «либерал и позитивист, сторонник прогресса на европейский манер» [22]. В отличие от радикальных апологетов нового течения, для которых национальная идея являлась самоцелью, Даль принадлежал к числу архитекторов, видящих «в возрождении «русского» стиля средство преодоления академизма и подражательности» в архитектуре [23]. Не погоня за показной самобытностью, а поиск общих знаменателей в древних культурах Европы отличает исследователя Даля от многих других историков российской архитектуры.

А. Парланд

Если для большинства москвичей олицетворением русского стиля являлся тоновский храм Христа Спасителя, то в Петербурге с национальной архитектурой связывают прежде всего собор Воскресения Христова (Спаса-на-Крови), закладка которого в 1883 г. совпала с окончанием строительства и освящением московского храма Христа, строительство которого, как уже отмечалось, было начато в 1839 г. Поводом для постройки петербургского храма-памятника явилось трагическое покушение на императора Александра II в 1881 г. Это кровавое событие определило и место закладки здания. По замыслу Александра III — сына погибшего императора — новый собор надлежало выдержать в «чисто русском вкусе XVII столетия» [24]. Победителем двухэтапного конкурса стал петербургский архитектор Альфред (Эдвард-Альфред) Парланд (1842–1919) — сын шотландца и немки, получивший часть своего образования в штутгартской политехнической школе.

Работать в «национальном» стиле Парланд начал очень рано: после окончания курса Академии художеств по его проекту строилась церковь Воскресения Христова в Троицко-Сергиевой пустыни (1872–1884), выполненная автором в византийском вкусе. В стилистике собора Спаса-на-Крови Парланд построил Успенскую церковь в Опочке Псковской губернии (1891–1895); по его проектам были возведены полковые церкви в Петергофе и в Царском Селе, а также в Новгородской и Смоленской губерниях.

На строительство храма Спаса-на-Крови было потрачено более четырех миллионов рублей: специальный глазурованный гранит для фасадов собора был изготовлен на Зигерсдорфских заводах в Герма-

Храм Спаса на Крови в Петербурге.
Архитектор А. Парланд

нии, облицовка стен эстляндским мрамором производилась фирмой «Кос и Дюрр», а заказ на выполнение мозаичных икон в боковых приделах получила берлинская фирма «Пауль и Вагнер». Фасады величественного храма украшали барельефы с изображением святых работы петербургского скульптора Роберта Баха (1859–1933). Храм по сей день обрамляет кованая ограда, составляющая часть архитектурно-художественного ансамбля. Изготовлена она была по рисункам Парланда в мастерской известного в Петербурге кузнечно-го мастера Карла Винклера (1845–1900). Постройка храма Воскресения Христова особенно наглядно характеризует очередной этап развития русского стиля, являясь, по мнению

Е. Кириченко, «знаменательным фактом возрождения былого единства изобразительных и пространственных искусств» [25].

А. Гун

Второй премии в конкурсе на постройку храма Воскресения Христова был удостоен проект академиков Иеронима Китнера (1839–1930) и Андрея (Генриха) Гуна (1841 — после 1920). Их работа оказалась настолько убедительной, что даже по прошествии десяти лет (1891) ее представляли на интернациональной выставке искусств в Берлине. Если Иеронима Китнера, как лидера «кирпичного» стиля, следует отнести к приверженцам западных течений в архитектуре, то Гун в своем творчестве оставался верен русскому стилю. Он участвовал в строительстве дворца великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной, построил ряд доходных домов в Петербурге, а также особняки в Киеве и в Москве.

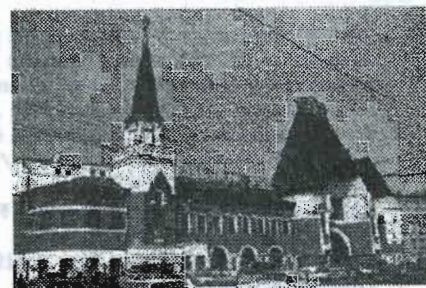
Гун — автор первого в Москве деревянного особняка (Пороховщикова) в «русском стиле» (1872). Бревенчатое здание было во многом схоже с павильонами Политехнической выставки, среди которых — Народный театр архитектора Гартмана, построенный в это

же время. Также по заказу купца Пороховщикова — активного сторонника фольклорного варианта русского стиля — Гун вскоре сооружает концертный зал гостиницы «Славянский базар», выстроенной в 1875 г. венским архитектором Августом Вебером (1836–1903). Примечательно, что второй зал, непосредственно соседствующий с концертным и расписанный гербами нескольких русских губерний, был, как пишет Лев Даль, «недурно» оформлен «в немецком вкусе» [26]. Концертный зал Андрея Гуна вместе с Народным театром Виктора Гартмана положили начало новой традиции проектирования театров в русском стиле; в этих традициях выдержан Ф. Шехтелем, например, театр «Парадиз» — ныне им. Маяковского — в Москве (1888) [27].

Специфика национальных архитектурных течений

Список немецких архитекторов, творивших в русском стиле, можно было бы без труда продолжить. Нами не затронута здесь поздняя фаза национальных архитектурных течений, называемая также «неорусским» стилем и нередко перекликавшаяся с модерном. Яркие фигуры этого художественного периода: автор музея Суворова Александр фон Юген (1856–1914), сын Давида Гримма Герман Гримм (1865–1942) — строитель Воскресенской церкви на Обводном канале и, конечно же, Франц Альберт (по-русски: Федор Осипович) Шехтель, выходец из поволжских немцев, известный, в частности, постройкой Ярославского вокзала в Москве с совершенно новой, «шехтелевской» трактовкой русского стиля.

Внутренние противоречия и определенная незрелость русского национального стиля были очевидны его современникам. Лев Даль писал: «Хотя русский стиль, в силу уже исторических условий, и не мог выработать столь целесообразных и совершенных форм, как, например, готический или романский, но тем не менее в формы его перешли основные начала целесообразности и осмысленности византийской архитектуры, послужившей фундаментом нашему зодчеству» [28]. Толчком к осо-

Ярославский вокзал в Москве.
Архитектор Ф. Шехтель

знанному восприятию этой преемственности явилось, впрочем, не само византийское искусство, которое уже 500 лет тому назад (после падения Константинополя) остановилось в своем развитии, а всплеск национально-романтических настроений в зодчестве Западной Европы, прежде всего в освободившейся от французской оккупации и стремящейся к воссоединению Германии. Лев Даль, сам активно участвовавший в сооружении московского храма Христа Спасителя, вовсе не склонен был к переоценке собственно русского компонента в новом архитектурном течении: «Если и можно порадоваться за то, что русский стиль обещает получить преобладающее значение, то не должно тем не менее забывать, что и это новое направление в архитектуре вызвано отчасти привычкой подражать Западу» [29]. При таком положении вещей не должно удивлять, что течение, имевшее свои истоки в западной или, точнее, в центральной части европейского континента, было в России подхвачено прежде всего зодчими немецкого происхождения, т. е. в кругах, наиболее тесно связанных с Европой. А то, что эта связь с исторической родиной никогда не прекращалась, убеждает уже поверхностное ознакомление с их биографиями. Обучение в немецкоязычных школах и сохранение большей частью неправославного вероисповедания, пенсионные поездки, а иногда и профессиональное образование в германских высших учебных заведениях не могли не отразиться на духовном развитии этих личностей. Благоприятнейшие предпосылки для подобного развития создавали образцовые межгосударственные отношения со страной, являвшейся на протяжении всего XIX века наиболее верным союзником и добрым соседом Российской империи.

Примечания:

1. См.: Кириченко Е.И. Из истории русско-немецких связей в области архитектуры (20–40-е годы XIX века) // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М. 1980. С. 320.
2. См.: Славина Т.А. Константин Тон. Л., 1989. С. 218.
3. См.: Кириченко Е.И. Храм Христа Спасителя в Москве. М., 1992. С. 31.
4. См.: Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В XLI т. СПб., 1890–1904.
5. См.: Kania H., Möller H.H. Karl Friedrich Schinkel. Lebenswerk. Mark Brandenburg. Berlin, 1960. S. 114.
6. Славина Т.А. Константин Тон. Л., 1989. С. 99.
7. Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: В XLI т. СПб., 1890–1904.

8. См.: Kühn M. Karl Friedrich Schinkel, Lebenswerk. Ausland, Bauten und Entwürfe. München/Berlin 1989. S. 72–76.
9. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986. С. 149.
10. См.: Heidebrecht H. Einflüsse der deutschen Romantik auf die russische Baukunst // Die alte Stadt. 1999. 1. Stuttgart 1999. S. 37, 38.
11. См.: Петрова Т.А. Андрей Штакеншнейдер. Л., 1978. С.19–22.
12. См.: Славина Т.А. Константин Тон. Л., 1989. С. 85.
13. См.: Грабарь И.Э. История русского искусства: В 6 т. М., 1909–1916. Т. 3. С. 32, 34.
14. См.: Grimm D. Monuments d'Architecture en Georgie et en Armenie. St. Petersburg, 1864.
15. Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979. С. 119.
16. Там же. С. 203.
17. Там же. С. 224.
18. Даль Л. Строительная деятельность Москвы // Зодчий. СПб., 1876. № 4. С. 40.
19. См.: Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich. Stuttgart, 1986. S. 209.
20. См.: Даль Л. Обзор русского орнамента // Зодчий. СПб., 1876. № 7. С. 77, 78.
21. См.: Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1982. С. 142.
22. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986. С. 224.
23. См.: Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830–1910-х годов. М., 1982. С. 153.
24. Кириков Б.М. Храм Воскресения Христова (К истории «русского стиля» в Петербурге) // Невский архив. М.; СПб., 1993. С. 215.
25. Кириченко Е.И. Русский стиль. М., 1997. С. 221.
26. Даль Л. Строительная деятельность Москвы // Зодчий. СПб. 1876. № 4. С. 40.
27. См.: Кириченко Е.И. Русский стиль. М., 1997. С. 169.
28. Даль Л. Историческое исследование памятников русского зодчества // Зодчий. СПб., 1872. № 2. С. 10.
29. Там же. С. 10.

НЕМЕЦКИЕ МУЗЫКАНТЫ В РОССИИ И СССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

А. Шваб

Связи России с Западной Европой — торговые, общественные, культурные — существовали практически со времени образования Русского государства, причем территориальное положение России «между» Европой и Азией в какой-то мере вынуждало правителей России стремиться к хозяйственному, научному и в конечном счете и культурному обмену с европейскими народами и государствами. С приходом на русский престол царя Петра I ориентация русского общества на Западную Европу заметно усилилась.

Русский советский музыковед Александр Вячеславович Оссовский писал в 1948 г.: «Новый этап европеизации русской культуры, ознаменованный преобразованиями Петра I, поставил перед музыкальным искусством новые задачи, придал ему новое значение в государственной, общественной и личной жизни» [1]. Далее Оссовский пишет: «В великом деле, совершенном Петром, надлежит различать ближайшие, непосредственные культурные (музыкальные) следствия и их дальнейшие исторические результаты. Если первые с поверхностного взгляда кажутся в музыке как будто незначительными, то последние — неисчислимы, необозримы, ибо существенно изменился весь путь развития русской музыкальной культуры, и музыке была придана новая роль в обществе и государстве. Искусство призвано служить государству, нести общественную функцию, служить даже политическим оружием и выполнять агитационную роль. Отныне упрочивается, в противоположность старому, «домостроевскому» церковническому пониманию, — гуманистическое по-

нимание музыки, как светского «ренессансного» искусства, полного большого жизненного смысла. Корни богатой русской национальной культуры XIX века упираются в конечном итоге в преобразования Петра» [2].

Россия приобрела для иностранных специалистов во всех областях общественной жизни огромную притягательную силу. Иначе говоря, Петровские времена создали базу для введения и развития европейской цивилизации в России. И если после смерти Петра один из его вернейших соратников, Меншиков, и говорил о том, что Петр оставил России «недостроенную хоромину», то фундамент этой хоромины оказался достаточно прочным, чтобы Россия после петровского времени продолжала во всех областях жизни — в развитии промышленности, науки, культуры и т. д. — ориентироваться на европейскую цивилизацию и уже в начале XIX в., после разгрома наполеоновской армии, практически стала в Европе играть роль Великой Державы.

Однако если в области «точных наук» — математики, физики и других — или в области инженерного дела, архитектуры иностранные специалисты стремились прежде всего внести свои знания и опыт, обретенные в западноевропейских странах, в развитие Российского государства, то в области культуры, особенно музыкальной, эти знания были бы абсолютно бесполезны и неплодотворны, если специалисты не пытались бы вникнуть в культуру того народа и населения, в чьей среде они хотели трудиться.

Развитие музыкальной культуры России и прежде всего теоретической мысли о музыке в XVIII в. Оссовский подразделяет на три «явственно отмеченных периода. В первом периоде, начиная от Петра I и кончая царствованием Анны Иоанновны, она находится преимущественно под германским воздействием. Во втором периоде, простирающемся от воцарения Елизаветы (1741) до конца 60-х годов, она попадает под мощное влияние французской культуры в ее придворно-дворянском обличье» [3].

«Наконец, в последнюю треть XVIII века, при сохраняющемся, даже углубляющемся французском влиянии, приобретающем, однако, иную, прогрессивную, демократическую направленность, намечается выход русской мысли о музыке на путь самостоятельного развития, определяемый растущим русским национальным самосознанием в политике, общественности, литературе, искусстве. Однако ни во втором, ни в третьем периоде не снимаются связи русской художественной мысли также с немецкой и английской философи-

ей искусства (Готшельд, Зульцер, Винкельман, Броун, последний — во французском и немецком переводах)» [4].

На рубеже XIX–XX вв. музыкальная культура России уже завоевала прочные позиции на мировой арене. Наряду с произведениями выдающихся композиторов Германии, таких как Моцарт, Бетховен, Вагнер или итальянского композитора Верди, французских композиторов Дебюсси и Равеля, и других, прежде всего произведения Чайковского, а позднее и Скрябина прочно вошли в репертуар западноевропейской концертной жизни.

Консерватории Москвы и Петербурга, основанные братьями Антоном и Николаем Рубинштейнами, пользовались и в Западной Европе уже такой популярностью, что музыканты из Франции, Германии и других стран ехали в эти российские метрополии, чтобы повысить свою квалификацию.

Большую роль в музыкальной жизни России продолжали играть музыканты и композиторы немецкого происхождения. Так, Карл Францевич Альбрехт и Карл Гедике, поселившиеся в России уже в начале XIX в., стали основателями целых династий музыкантов и композиторов, которые в течение нескольких поколений поставили свои способности и энергию на службу российской музыкальной культуре. И если деятельность династии Альбрехтов ограничивается XIX в., то следы династии Гедике прослеживаются до второй половины XX в. Так, сын Карла Гедике, Федор Карлович, родился в 1839 г. в Москве и прожил там до смерти в 1916 г. Он был пианистом и органистом в Москве и с 1880 по 1916 г. — преподавателем Московской консерватории. Его сын — Александр Федорович Гедике, родившийся в 1877 г. в Москве и умерший там в 1957 г., также был пианистом и органистом в Москве, с 1907 г. — преподавателем и с 1909 г. — профессором Московской консерватории.

Первая мировая война и депортация немцев из тогдашней юго-западной России, прежде всего из Галиции и Волыни, естественно нанесла удар и по их культуре. Однако немцы, работавшие в крупных городах России и Украины, как правило, могли продолжать свою деятельность. Так, родившийся в 1861 г. Альфред Федорович Бенш переселился в 1885 г. в Харьков, где преподавал в училище Русского музыкального общества. В 1888 г. он основал собственную музыкальную школу, завоевавшую в музыкальной жизни Харькова популярность. Он умер в 1914 г. в Харькове. Его сочинения пользовались сравнительно большим успехом, особенно его «Украинская рапсодия».

Революция 1917 г. и Гражданская война в России катастрофически повлияли на все области жизни, в том числе и культуры. Большая часть интеллигенции эмигрировала за границу, прежде всего в Западную Европу. Из немецких музыкантов покинули Россию композиторы и пианисты Николай Карлович Метнер (1879/1880–1951) [5] и Георгий Давыдович Альбрехт (1891–1976), не имеющий, однако, родственных связей с вышеназванной династией Альбрехтов. В произведениях обоих композиторов русская музыка до конца их жизни продолжала играть большую роль.

Ряд музыкантов и композиторов немецкого происхождения продолжили свою деятельность и после революции 1917 г. в России. Так, музыковед и писатель Николай Федорович Финдейзен, родившийся в 1868 г. в Петербурге, остался верен своему городу до самой смерти в 1928 г. (в Ленинграде). Он окончил Петербургскую консерваторию и посвятил свою жизнь музыкально-исследовательской и писательской деятельности. В 1894 г. он основал «Русскую музыкальную газету», которая просуществовала до 1918 г. Финдейзен написал ряд важных статей и работ о русской музыкальной жизни своего времени, которые сегодня являются ценными источниками для исследователей истории русской музыки конца XIX — начала XX столетия. Большую часть своих работ он написал на немецком языке и опубликовал их в Германии.

Очень важной была работа Якова, или Жака, Хандшина. Он родился в 1886 г. в Москве, работал с 1907 по 1920 г. органистом и преподавателем органа в Петербургской консерватории. В 1921 г. он переселился в Швейцарию, с 1931 г. работал органистом и профессором университета в Цюрихе, где в 1955 г. умер. Исключительный интерес представляют его работы о русском музыкальном фольклоре. Его книги о Мусоргском, Стравинском, Сен-Сансе переведены на многие языки мира.

Большое значение для немцев России того времени имели исследования их языка и фольклора, проводимые такими учеными, как Георгий Дингес, Виктор Жирмунский, и их сотрудниками. Благодаря их труду и современные исследователи в состоянии глубже познать быт, язык и культуру, а в конечном итоге, и историю немцев России первой трети XX столетия.

Виктор Максимович Жирмунский (родился в 1891 г. в Петербурге, умер в 1971 г. в Ленинграде) вошел в советскую и российскую науку как литературовед, фольклорист, переводчик, член Академии наук СССР [6]. На большое значение деятельности этого ученого для

исследования языка, фольклора и в целом быта немцев послевоенной России указывает и автор «Истории музыки немцев России» Эрнст Штекль: «Когда в 20-е годы советская германистика, руководимая Виктором Жирмунским, начала заниматься не только немецкими диалектами, но и записью, классификацией и изучением немецкой народной песни в Советском Союзе, исследовательская работа в области немецкой песенности приняла огромные масштабы. По примеру Архива немецкой народной песни в г. Фрайбург Жирмунский организовал в 1927 г. при Государственном институте истории искусств в Ленинграде архив немецкой народной песни, который послужил восточной опорой в сети немецких архивов культуры. Уже в 1930 г. он насчитывал около 2000 текстовых и 1000 мелодических записей. При реализации своей широкомасштабной исследовательской программы на Украине Жирмунский всегда мог полагаться на своих помощников Германа Бахмана и Альфреда Штрема. Его ассистентка, балтийская немка Эллинор Еханнсон записывала песни немцев Крыма, Сибири и Казахстана» [7].

Среди большого количества публикаций Жирмунского вопросы музыкального фольклора немцев довоенного Советского Союза занимают обширное место. В конце 30-х гг. Жирмунскому пришлось прекратить свою деятельность по собиранию и исследованию немецкого песенного фольклора. Отрадно отметить, что спустя более половины столетия вновь пробудился интерес исследователей к наследию Жирмунского. В этой связи следует прежде всего назвать статью С.В. Смирницкой «Архивные материалы академика В.М. Жирмунского по изучению немецких поселений в России» [8]. В частности, автор пишет: «Фольклорная часть архива – самая объемная (ок. 7000 машинописных страниц) – содержит обширное собрание народных песен. Представлены как различные регионы (Украина, Закавказье, Крым, Ленинградская и Новгородская области), так и различные жанры (старая и новая баллады, любовная лирика, обрядовые, застольные, солдатские, детские, шуточные песни и др.).

...Задача в области фольклора, по мнению В.М. Жирмунского, должна состоять в создании сборников немецких народных песен по регионам, куда вошли бы как старые (происходящие из Германии), так и новые песни в возможно большем числе вариантов, дифференцированных по областям. К сожалению, собранная В.М. Жирмунским и его учениками богатейшая коллекция немецких народных песен до сих пор не только не увидела свет, но практически забыта» [9].

Трудность публикации таких старых собраний народных песен заключается не в последнюю очередь и в том, что часть этих песен, или по крайней мере их варианты, уже опубликованы в собраниях послевоенных исследователей, когда такие публикации опять стали возможны. Это требует от исследователей, изучающих в настоящее время наследие В.М. Жирмунского, большой осторожности и внимания, прежде всего, чтобы спасти от забвения сокровища устного народного творчества немцев России, еще не опубликованные в других сборниках.

Одним из коллег и соратников В.М. Жирмунского, также работавшего над исследованием диалектов и фольклора немцев России, был Георгий Дингес, ограничивший, однако, поле своей деятельности почти исключительно Волжским регионом.

Георгий Дингес родился 13 декабря 1891 г. в селе Блюменфельд Палласовского района на Волге. С 1903 по 1912 г. он учился в гимназии в Саратове. По окончании гимназии он поступил в Московский университет им. Ломоносова на физико-математический факультет, но уже в ноябре 1912 г. перешел на историко-филологический факультет. В 1917 г. он с большим успехом защитил диссертацию на тему «Влияние русского языка на диалекты немецких колонистов в Самаре и Саратове» и был приглашен работать профессором исторического факультета университета.

Революция застала его в родном селе Блюменфельд. Один год он проработал учителем начальных классов в селе Моргенту, затем стал лектором немецкого языка при Саратовском университете. С 1921 г. он получил в университете ставку доцента, а с 1923 г. – профессора по западноевропейским языкам и литературе. Там он и познакомился с Виктором Жирмунским. В последующие годы Георгий Дингес проводит совместно со своей супругой, Эммой Дингес, диалектологические и этнографические исследования, в том числе и записи народных песен.

В 1929 г. в городе Покровске был основан немецкий педагогический институт, и Г. Дингес стал его профессором, продолжая, однако, вести занятия и в Саратове. В 1930 г. он был арестован и обвинен в «шпионской деятельности». После двух лет заключения и постоянных допросов в одной из московских тюрем его сослали в Сибирь. Там он в июне 1932 г. в больнице заразился брюшным тифом и через три дня умер.

Его наследию принадлежит большое количество публикаций в области диалектологии и этнографии. В 1932 г. в Лейпциге вышел

в свет его сборник песен волжских немцев [10]. В Государственном архиве Саратовской области в городе Энгельсе хранится еще более 500 образцов народных песен российских немцев, записанных Г. Дингесом, его женой, Эммой Дингес, и их сотрудниками.

Благодаря внимательному и компетентному отношению к архиву Дингеса со стороны сотрудников Энгельсского филиала Саратовского госархива, и особенно в последние годы — со стороны директора архива Елизаветы Моисеевны Ериной, материалы хорошо сохранились и готовятся к изданию.

Интересна и показательна судьба пианиста, музыкального деятеля и композитора Георгия Давыдовича Альбрехта, известного в Германии под именем Георг фон Альбрехт. Он родился в 1891 г. в Казани, вырос в Петербурге, где получил свое первое серьезное музыкальное образование. С 1911 по 1914 г. учился в Штутгарте, с 1915 по 1918 г. — в Петербурге и Москве. С 1919 по 1922 г. Альбрехт жил и работал в Ялте. Революция и Гражданская война имели для него трагические последствия: он потерял не только все свое имущество, но и большую часть своих друзей и родственников. С помощью коллег и друзей ему в 1919 г. удалось в Ялте основать консерваторию, которая просуществовала еще долгое время после революции. С 1922 по 1923 г. он работал в одном из филиалов Московской консерватории, переселился в 1923 г. с матерью на юг Германии, в Штутгарт, где до 1945 г. проработал доцентом, а с 1945 по 1955 г. — профессором в Высшей музыкальной школе [11].

В 1955 г. он официально ушел на пенсию, переехал в город Зандхаузен, близ Гейдельберга, где продолжил работу над своими произведениями до смерти в 1976 г., причем до 1968 г. еще преподавал в музыкальном вузе в Гейдельберге.

Г. Альбрехт работал в самых различных музыкальных жанрах, начиная со средневековой пассакальи до современных сонатных и вокальных циклов, концертов, камерных и оркестровых произведений, применял такие композиционные средства, как «древняя» пентатоника, «средневековые» натуральные мажорно-минорные лады — до современной додекафонии и политональной системы. Его музыка всегда отличалась «русской» напевностью и тонкой музыкальной выразительностью.

Интересна и его концепция мультикультурного общества. Еще в конце 1945 г. он написал квартет в форме «четырёхкратной фуги», т. е. полифонического произведения с четырьмя самостоятельными темами, как композитор их сам охарактеризовал — с чертами рус-

ской, французской, немецкой и итальянской мелодики, причем каждая тема имеет свою тональность. Несмотря на одновременное звучание четырех разных тональностей, созвучие этих четырех тем не только не создает «какофонии», но — естественно, в понятии политональности — еще очень гармонично. Композитор объяснял свою концепцию произведения тем, что стремился символически показать, что эти народы, несмотря на различные языки и культуры, в состоянии жить в гармоничном согласии, как разнохарактерные мелодии в состоянии в политональном произведении создать гармоничное звучание.

Среди немцев, еще до революции 1917 г. работавших в России, надо назвать и музыкального издателя Петра Юргенсона (1836–1904 гг., в Москве), Павла Юона, Ивана Кноппа, работавшего несколько лет в Харькове, московского пианиста и композитора Павла Августовича Пабста и др. Характерной чертой деятельности «русских композиторов немецкого происхождения» было их стремление в первую очередь изучать и развивать музыку тех народностей, среди которых они жили. Так, композитор и музыковед Гэс де Кальве еще в XVIII в., живя на Украине, написал ряд фортепианных произведений на темы украинских народных песен. Композиторы Герман Раупах, Штабингер и др., работая в Москве, писали в XVIII в. «русские оперы» с использованием русского музыкального фольклора. Как правило, эти композиторы и ментально пытались полностью «перестроиться на русский лад» и по своим убеждениям были «русскими патриотами». Известно, например, что один из ведущих профессоров Московской консерватории — Александр Гедике — мог прийти в ярость, если кто-либо в его присутствии утверждал, что немецкие музыканты сыграли решающую роль в развитии русской музыкальной культуры, и подчеркивал, что музыканты немецкого происхождения могли играть какую-либо роль в русской музыкальной культуре только тогда, когда они сами полностью вставали на «русские позиции». По его мнению, эти специалисты сами были обязаны русской музыкальной культуре своим положением, т. е. только благодаря возможности участвовать в развитии русской музыки они и сами смогли достичь высокого уровня собственного развития [13].

В этой связи интересна история жизни и деятельности пианиста и композитора Николая Метнера. Его мать, урожденная Гедике, принадлежала к знаменитой династии Гедике, в течение нескольких поколений верой и правдой служившей русской музыкальной

культуре. Она же была и первой учительницей своего сына, будущего знаменитого пианиста и композитора. Н. Метнер обучался не только у лучших профессоров России, но и в Германии и Франции. Концертные поездки его приводили во Францию, в Германию, США и Англию, где он в начале 30-х гг. окончательно обосновался и прожил в Лондоне до своей смерти в 1951 г. Несмотря на то, что Метнер уже в 1921 г. окончательно покинул Россию, он всю оставшуюся жизнь искал контакта с Россией, и прежде всего — с ее музыкальной культурой. Вполне правомочно утверждать, что и все творчество Метнера проникнуто этой культурой. Уже будучи тяжело больным, за несколько лет до своей кончины Метнер подводит своеобразную черту под своими творческими и национально-религиозными убеждениями и склоняется в сторону православия.

Большинство беженцев из России за границу из числа творческой интеллигенции смогли совершить свой «акт переселения» после провозглашения новой экономической политики (нэп), когда Советское государство ввело в области международных отношений некоторую либерализацию. Среди музыкантов это были не только немцы, как Николай Метнер или Георгий Альбрехт, но и Сергей Рахманинов, Игорь Стравинский и многие другие выдающиеся деятели русской музыки. С другой стороны, именно в 20-е гг. в Москву и Ленинград приглашаются талантливые композиторы и музыканты из других районов России и ее окраин, прежде всего с Украины. Так, в 1922 г. в Московскую консерваторию был приглашен Генрих Густавович Нейгауз, который с 1919 по 1922 г. был профессором Киевской консерватории. Современное музыковедение считает Нейгауза «отцом» советской пианистики.

Судьба Генриха Нейгауза уникальна. Его дед основал и успешно управлял фортепианной фабрикой в Германии, в г. Калькар Рейнской области, недалеко от Кельна. Отец Генриха Нейгауза переселился в конце XIX в. в Елизаветград по приглашению одного польского князя и вскоре основал свою музыкальную школу. В 1888 г. родился Генрих Нейгауз. Его мать, урожденная Блуменфельд, выросла в Польше, и семья Нейгаузов часто проводила время в этой стране.

Бабушка Нейгауза по материнской линии была урожденная Шимановская; польский композитор и пианист Кароль Шимановский доводился двоюродным братом Генриху Нейгаузу, и они очень много времени проводили вместе. Когда Нейгауз с сестрой в 1902–1903 гг. учились в Венской музыкальной академии, он в опросной анкете в графе «родной язык» написал «польский».

Как один из выдающихся пианистов современности Нейгауз до 1922 г. был, как уже упоминалось, профессором Киевской, а с 1922 г. — Московской консерваторий. Период коллективизации и «ликвидации кулачества как класса», т. е. «красного террора в деревне», имевший для советской деревни и прежде всего для десятков тысяч крестьян трагические последствия, на деятельность выдающихся музыкантов непосредственного влияния не оказал, так как они, как правило, жили в больших городах. Нейгауз мог продолжить свою работу в Московской консерватории до начала 1942 г., когда он был арестован, так как «по паспорту» был немцем.

Тяжелым ударом как для всей страны, так и для российских немцев, были «сталинские чистки» 1937–1939 гг. Одним из трагических примеров была и судьба семьи Святослава Рихтера. Его отец был в 1938 г. арестован и обвинен в шпионаже в пользу Германии. Несмотря на то, что никаких доказательств практически не было, его в том же году в тюрьме расстреляли. Святославу Рихтеру удалось пробиться в Москву и поступить в консерваторию в класс Нейгауза, который его вскоре пригласил жить в свою квартиру, и Рихтер был практически членом семьи Нейгауза.

Расстрел отца в тюрьме нанес Святославу Рихтеру тяжелую душевную травму, последствием которой были продолжительные фазы депрессий, преследовавшие великого пианиста в течение всей его жизни. Даже когда он уже стал знаменитой личностью и выступал с концертами как за рубежом, так и во многих городах Советского Союза, в том числе в Киеве, Одессе и других городах Украины, он никогда не приезжал в Кировоград, бывший Елизаветград, где он жил когда-то и где был убит его отец.

В предвоенные годы немцев России постепенно начали поголовно подозревать во враждебном отношении к Советскому Союзу. Даже таких интернационалистически настроенных личностей, как Генрих Нейгауз и Святослав Рихтер (оба имели по несколько «этнических корней»), подозревали в «антисоветской деятельности» и симпатиях к Германии, и это только потому, что в их паспортах стояло: национальность — немец. Большинству из них не оставалось ничего другого, как уйти в так называемую внутреннюю эмиграцию, т. е. «кивать головой, не выражая своих мыслей вслух».

Нейгаузу, между прочим, до конца его жизни не было позволено выехать с концертами на Запад. Одной из важнейших причин было, видимо, то, что большинство его родственников, как и родная сестра, жили в Германии.

Но и в годы войны некоторым музыкантам немецкого происхождения удалось продолжить образование в Московской консерватории, некоторые из них уже после войны даже работали там профессорами. Это были в первую очередь пианисты Святослав Теофилович Рихтер, родившийся в 1915 г. в Житомире, Рудольф Рихардович Керер, родившийся в 1923 г. в Тбилиси (проживающий в настоящее время в Швейцарии), музыковед и композитор Теодор Теофилович (Федор Федорович) Мюллер, родившийся в 1912 г. в городе Федоровске Запорожской области и проживающий сейчас в Германии.

Исключительную жизнеспособность проявила немецкая церковная песня, особенно у таких конфессий, как меннониты и баптисты. Уйдя уже после революции 1917 г. в подполье, церковная песня во многих случаях переняла функции народной песни, сопровождавшей людей при преодолении повседневных трудностей, поддерживая их морально и духовно. Даже в современном репертуаре церкви российских немцев в Германии духовные песни послереволюционного и довоенного времени пользуются большой популярностью.

В целом же предвоенные годы и особенно начало войны для музыкальной культуры российских немцев были катастрофой. С ликвидацией районов компактного немецкого поселения были ликвидированы и очаги национальной культуры. После окончания войны и с образованием ГДР и в Советском Союзе немецкое население получило возможность участия в немецкой культуре. Однако это участие протекало на совершенно ином уровне, в полном отрыве от традиций культуры немцев России, выработанных за столетие до Второй мировой войны. Интерес к исследованию именно этой части наследия, особенно выросший в последнее десятилетие XX в. (как в Германии, так и в странах СНГ, особенно в России), вполне дает основание надеяться, что удастся спасти еще многое из него, передать современникам и этим обогатить их духовный мир.

Примечания

1. Оссовский А.В. Воспоминания. Исследования. Л., 1968. С. 128.
2. Там же.
3. Там же. С. 129. Оссовский в сноске указывает на то, что «тем не менее уже в первом и втором периодах намечаются черты национального своеобразия мысли, и с течением времени они выявляются все больше и больше».
4. Там же. То, что Оссовский уже в 1948 г., когда все «немецкое» еще воспринималось скорее враждебно и мало кто (прежде всего в научном мире) хотел говорить о немцах (если и в прошлом) как учителях русского общества, — то, что этот ученый уже тогда «осмелился» так высоко оценить

влияние немецкой культуры на развитие русского общества, свидетельствует не только о его научной принципиальности, но и о его большом мужестве. Однако тот факт, что работа была опубликована лишь двадцать лет спустя, свидетельствует, с другой стороны, о «верности» режима своим принципам.

5. Н.К. Метнер (Nicolaus Medtner) родился в Москве 24 декабря 1879 г. по старому стилю, т. е. 5 января 1880 г. по новому.
6. Российская еврейская энциклопедия. М.: Эпос, 1994. Т. 1. С. 462.
7. Stöckl E. Musikgeschichte der Rußlanddeutschen. Dülmen: Laumann-Verlag, 1993. S. 164–165.
8. Статья С.В. Смирницкой опубликована в сборнике: Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы международного науч. конф. в Анапе 20–25 сент. 1995 г. М.: Готика, 1996. С. 55–60.
9. Смирницкая С.В. Указ. соч. С. 57.
10. См.: Wolgadeutsche Lieder mit Bildern und Weisen. Leipzig, 1932.
11. В Германии консерватория является средним музыкальным учебным заведением. Музыкальный вуз называется Высшей музыкальной школой (Musikhochschule).
12. Устное сообщение профессора М. Сапонова, Московская консерватория.

РЕМЦЫ
СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ
1917–1941

НЕМЦЫ
В СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ
(1917–1941)

А.А. Герман

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО ФУНКЦИОНЕРА РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

В. Хердт

РАЗНОГЛАСИЯ И ПРОТИВОБОРСТВО
В РУКОВОДСТВЕ НЕМЕЦКОЙ АВТОНОМИИ В ПЕРИОД ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ
(1918–1921 гг.)

И.И. Шульга

«ВОЕНИЗАЦИЯ» НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1921–1941 гг.

Н.А. Малова

ВЫСЕЛЕНИЕ «БЫВШИХ ПОМЕЩИКОВ» ИЗ АССР НП В 1920-е гг.

Е.А. Арндт

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НЕМЕЦКИХ СЕЛАХ
ПОВОЛЖЬЯ В 1920–1930-х гг.

Е.М. Ерина

ВОЗВРАЩЕННОЕ ИМЯ: Г.Г. ШМИДЕР (1902–1965)

Т.Н. Плохотнюк

ГЕРМАНСКИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОНЦЕССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(1920–1930-е гг.)

В. Бруль

НЕМЦЫ В СИБИРИ В 1920–1930 гг.

Т.П. Волкова

НЕМЕЦКИЕ КОЛХОЗЫ В КАЗАХСТАНЕ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
(КОНЕЦ 1920-х — НАЧАЛО 1930-х гг.)

Шевчук Н.А.

ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В ОДЕССКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг.

Н.В. Осташева

ВЛАСТЬ БЕЗ ВЛАСТИ: ОРГАНИЗАТОРСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕРОССИЙСКОГО МЕННОНИТСКОГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СОЮЗА (1923–1928 гг.)

М.Э. Козырева

НЕМЕЦКИЕ РАЙОНЫ ЮГА УКРАИНЫ 1920–1930-х гг. КАК НАЦИОНАЛЬНЫЕ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ

В.В. Ченцов, Д.В. Архирейский

ОБЩНОСТЬ СУДЕБ НЕМЦЕВ УКРАИНЫ И РОССИИ В КОНЦЕ 1920-х–1930-е гг.

В.К. Клец

НЕМЕЦКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ИХ ЛИКВИДАЦИИ

А.И. Безносос

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА УКРАИНЫ И ПОЛИТИКА
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1920–1928 гг.)

Н.С. Рублева

ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ
В УССР (1920–1930-е гг.)

В.В. Солодова

ОДЕССКИЙ НЕМЕЦКИЙ РАБОЧЕ-КОЛХОЗНЫЙ ТЕАТР: ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОГО ФУНКЦИОНЕРА РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

А.А. Герман

Приход к власти в России партии большевиков, исповедующей социалистические идеи и радикальные пути перехода к новому общественному строю, привел к величайшему нарушению преемственности в плане перестройки социополитического порядка, изменения политической легитимности элит и структуры социальной иерархии. Процесс установления новой системы властных отношений сопровождался устранением и почти полным истреблением правившей в царской России элитной группы. Ей на смену пришла элита большевистской партии. Она представляла собой совершенно уникальную разновидность правящего класса, ядром которого являлись представители высшей партийной бюрократии, почти целиком состоявшей из непролетарских элементов старого общества.

Политическая элита большевиков была организована в соответствии с новыми принципами иерархии. Основой ее успешного функционирования стала практически полная утрата основными слоями населения собственной экономической базы, частной собственности, а потому — полная зависимость от государства и его органов, находившихся в руках этой элиты. Чтобы удержаться у власти в условиях перманентного утопического эксперимента, большевистская элита вынуждена была широко применять радикальные насильственные методы и использовать для этой цели армию и тайную полицию, причем не только по отношению к народу, но и к собственным членам, действия которых, как представлялось, могли нанести вред

новой системе власти. Иного способа обеспечить функционирование своего режима большевистские вожди придумать не смогли.

Отмеченное выше в полной мере относится и к партийно-советской номенклатуре Республики немцев Поволжья. Первые руководители немецкой автономии на Волге, созданной в 1918 г. (не считая присланных из Москвы иностранцев Э. Рейтера и К. Пегина), прошли типичный для большевистских руководителей того времени путь. Подавляющее их большинство было интеллигентами, еще до революции увлекшимися марксизмом и фанатично верившими в возможность реализации его идей в России. Наиболее типичные фигуры: Густав Клингер, Адам Эмих, Александр Моор.

Г. Клингер получил экономическое образование. До Февральской революции являлся членом правления такой крупной акционерной компании, как «Коломенский машиностроительный завод» в Петербурге, затем товарищества «Грингоф» в Саратове. В 1917 г. он один из создателей и активных деятелей Союза немцев-социалистов Поволжья, член пробольшевистского Саратовского комитета этой организации [1]. Школьными учителями были А. Моор и А. Эмих. А. Моор прославился тем, что еще в 1913 г., будучи делегатом I-го Всероссийского съезда по вопросам просвещения в Санкт-Петербурге от Новоузенского уезда, выступил со смелой речью, затронув вопросы демократизации школьного образования и обучения детей немцев-колонистов, за что был уволен с запретом в дальнейшем занимать учительские должности. Революционной деятельностью начал заниматься в годы войны на Кавказском фронте. В 1917–1918 гг. занимал четкую большевистскую позицию [2]. Особо следует сказать об А.Г. Эмихе. Он уже до революции был хорошо известен в Поволжье не только как учитель, но и как писатель. В 1917 г. стал издателем и редактором газеты «Колонист» в Екатериненштадте. Один из основателей и руководителей Союза немцев-социалистов Поволжья, член его ЦК. В отличие от Г. Клингера и А. Моора занимал более умеренные позиции, активно выступал за возрождение самоуправления и культуры поволжских немцев. Его позиция позднее была расценена как меньшевистская и националистическая [3].

Как известно, Г. Клингер, А. Моор и А. Эмих стали членами Поволжского комиссариата по немецким делам, непосредственно участвовали в создании Области немцев Поволжья в 1918 г.

Вместе с большевиками-интеллигентами, число которых было достаточно ограниченным, к руководству областью постепенно приходят руководители «пролетарского» происхождения или «из бедня-

ков». Их отличает малограмотность, весьма узкий кругозор, которые с лихвой компенсируются агрессивной напористостью и беспредельным большевистским фанатизмом, готовностью слепо выполнять все распоряжения центрального большевистского руководства, не задумываясь над их последствиями, неприязнь к «образованным». На первых порах эти две группы функционеров работают вместе, но по мере углубления противоречий политики «военного коммунизма» между ними все более назревает раскол, прежде всего в отношении к мероприятиям, проводимым центральной властью.

Как известно, в 1919–1920 гг. Область немцев Поволжья испытала жесточайший «продовольственный нажим», в ходе которого безжалостно изымалось практически все продовольствие. По отношению к этим мерам Центра и разделилось мнение членов областного руководства. Четко обозначились «умеренные» и «радикалы». Позицию «умеренных» характеризует приводимый ниже фрагмент выступления председателя облисполкома А. Рейхерта 2 декабря 1919 г. на областном межведомственном совещании: «Крестьяне не могут дать тот наряд, который на них возложен облпродколлекцией и Центром..., на месте уже брать нечего. Мы должны обсудить здесь этот вопрос всесторонне и должны сказать свое слово. Мы будем работать изо всех сил, будем работать честно, справедливо, как коммунисты, и дадим голодающему Центру все, что только сможем, сделаем все. Что в наших силах. Там же, где мы бессильны помочь, мы скажем Центру ясно и определенно, что этого выполнить мы не в состоянии» [4]. А. Рейхерта на совещании и позднее активно поддержали А. Эмих, В. Штромберггер, Г. Кёниг, Э. Гросс и др. Все они — «из интеллигентов».

Оппоненты обвиняют их в «защите кулацких интересов», в «гнилом либерализме», требуют «приложить все усилия для выполнения продразверстки». Кто же в рядах «радикалов»? Это руководитель областной организации РКП(б) П. Чагин, председатель областной ЧК А. Дотц, военком области Г. Шауфлер, облпродкомиссар В. Каль и другие «пролетарские» руководители [5].

Чем больше усложнялась ситуация в деревне, тем глубже становились разногласия в руководстве Области немцев Поволжья, они перерастают в открытый раскол, парализующий деятельность областного руководства. Весьма любопытен и примечателен путь разрешения конфликта, которым пошли «радикалы». Собрав втайне совещание своих сторонников (и назвав его совещанием «активных работников Трудовой коммуны»), они принимают решение об аресте

«умеренных». 21 февраля 1920 г. областная ЧК осуществила этот арест. Всем арестованным было предъявлено обвинение в «срыве продовольственной работы» и «защите кулацких интересов». Аналогичные аресты «умеренных» были произведены и в уездных органах власти. В частности, в Ровенском уезде под арест попал председатель местного исполкома И. Шваб, будущий Председатель ЦИК АССР НП. Заодно «радикалы» арестовали и тех своих сторонников, кто выступал против ареста «умеренных» [6].

Массовые аресты партийных работников не могли не вызвать жалоб в ЦК. Его действия по разрешению конфликта тоже заслуживают внимания. Арестованные были выпущены на свободу, а 4 октября 1920 г. Оргбюро ЦК принимает решение «о плановой переброске партийных работников области» в другие регионы. Взамен в область на руководящие посты были присланы «добросовестные партийцы» русской, польской, украинской национальностей, которые еще ревностней, чем местные «радикалы», продолжали «выколачивать» продовольствие из немецких крестьян [7].

Политика «военного коммунизма» отрезвляюще подействовала на некоторых функционеров, прежде всего тех, кто и раньше критически относился к некоторым программным установкам большевиков. В частности, после выхода на свободу, осенью 1920 г., А. Эмих вышел из партии и отошел от политической деятельности. Однако большинство «интеллигентов» осталось в партии и продолжало участвовать в выполнении мероприятий власти, хотя очень часто подвергали те или иные решения центральных властей критике. Как могли, они пытались сгладить негативные воздействия решений центральных органов на местное население. В частности, большую полезную работу по преодолению последствий голода 1921–1922 гг. провел А. Моор, занимавший в течение 1921–1922 гг. пост председателя облисполкома [8].

Функционерам-интеллигентам благоприятствовала новая экономическая политика, в условиях которой находилось место для самостоятельности и творчества. Именно по этой причине в 1920-х гг. они занимали практически все ведущие посты в партийном и советском руководстве Республики немцев Поволжья. Благодаря, не в последнюю очередь, их усилиям, шел быстрый процесс возрождения экономики, повышался уровень жизни населения, АССР НП проводила достаточно самостоятельную политику экономического и культурного сотрудничества с Германией и некоторыми другими зарубежными странами.

В то же время марксистские догмы и партийные установки довели над руководителями АССР НП. Подчиняясь им, И. Шваб, В. Курц, Г. Кениг, Я. Суппес, И. Шенфельд и многие другие тем самым приближали конец нэпа, а заодно и конец своего властвования. В то время в затылок им уже дышали и готовили серьезную конкуренцию функционеры «из пролетариев». Свои самые уязвимые качества — безграмотность и низкую общую культуру — они «подправили», закончив всевозможные курсы и совпартшколы. Это придало им еще больше уверенности в себе. Почти десять лет они, как им казалось, незаслуженно находились в тени «интеллигентов», а потому испытывали к ним не только старую неприязнь, но и ненависть, жаждали их падения и их крови. Последнее отмечено не случайно.

Вышедшие «из низов» функционеры еще в годы Гражданской войны приобрели богатый опыт расправ с неудобными, будь то открытый враг большевизма или крестьянин, не сдающий зерно по продразверстке, либо товарищ по партии, вставший на путь «оппортунизма». Их позицию как нельзя точнее выразил еще в 1919 г. на II облпартконференции П. Чагин, бывший тогда руководителем парторганизации Области немцев Поволжья: «... несмотря ни на что, по горам мертвых тел, через кровь, слезы и мучения, по горам дымищихся развалин мы идем к новому миру трудового братства» [9]. При анализе действий и поступков этих функционеров все больше убеждаешься, что в 1930-е гг. для них важнее всего были уже не интересы эфемерного «трудового братства», а личные карьерные соображения.

С конца 1920-х гг., с началом «развернутого наступления социализма по всему фронту», наступило время вторых статей первыми. К функционерам этой волны мы относим В. Вегнера, Х. Горста, А. Глейма, Е. Фрешера и многих других. Среди них особенно злобещей и одиозной выглядит фигура Адама Вельша. В 1929 г. он стал самым главным и ярким «коллективизатором» в Республике немцев Поволжья. Являясь заведующим отделом по работе в деревне обкома ВКП(б) Республики немцев Поволжья, А. Вельш в декабре 1929 г. на I-м съезде колхозников спровоцировал принятие решений, которые накаляли и без того напряженную обстановку в деревнях. Съезд постановил коллективизировать все имущество крестьян, включая мелкий скот, птицу, домашнюю утварь. В постановлении «О наступлении на религию» съезд провозгласил одной из важнейших задач колхозного движения «ликвидацию» религии и закрытие церквей. Решения съезда колхозников даже в условиях начавшейся гонки за тем

пами коллективизации выглядели настолько экстремистскими, что несколько позднее обком партии вынужден был отмежеваться от них, признав их «левым загибом» [10].

В 1930 г. в самый разгар коллективизации и раскулачивания А. Вельш написал в ЦК КПСС пространный донос на «старых» руководителей АССР НП — И. Шваба, Г. Кенига, В. Курца и др. В доносе, собрав в кучу многочисленные факты и примеры за несколько лет, он пытался обосновать свой вывод о том, что «старые кадры» давно уже встали на антипартийный и антисоветский путь, развели «семейственность». Для создания видимости объективности, А. Вельш в заключительной части доноса говорил и о некоторых собственных ошибках, допущенных в конце коллективизации, однако они выглядели невинной шалостью по сравнению с тяжелыми политическими обвинениями в адрес своих коллег по работе [11]. Донос был достаточно абсурден. В Москве это понимали, однако частично использовали его для «обновления» кадров в АССР НП. В течение 1929–1930 гг. постепенно «старые» кадры были вытеснены из руководства АССР НП. Они вроде бы пошли на повышение — в крайком или же даже в Москву, но оказались там далеко не на первых ролях.

Самого А. Вельша тоже не оставили в Немреспублике и отправили на два года в Москву, учиться на очередных курсах марксизма-ленинизма. После их окончания в 1932 г. он вернулся в АССР НП и быстро сделал карьеру. С 1935 г. — он уже одновременно председатель ЦИК и Совнаркома АССР НП, с февраля 1936 г. — первый секретарь обкома ВКП(б), то есть высшее лицо партноменклатуры в Немреспублике. Здесь он смог уже развернуться в полную силу. Именно при его активной деятельности в партийной организации АССР НП и в среде ее руководства создалась смрадная атмосфера взаимной подозрительности, недоверия и страха друг перед другом. Всюду мерещились враги. Считалось доблестью «разоблачить» работавшего рядом с тобой коллегу. Широкое распространение получила практика взаимных доносов друг на друга. Пример показывал А. Вельш. В 1936 г. он направил в различные инстанции за пределы Немреспублики свыше 30 писем, информируя о «пробравшихся» туда «врагах народа» из АССР НП. Вот одно из таких писем.

«10.08.1936 г.

В МК ВКП(б)

Немобком ВКП(б) считает необходимым сообщить о члене ВКП(б) Пауль А.Г., которая работает в настоящее время в редакции газеты «За коммунистическое просвещение». Будучи директором Немпединститута, она

ездила в 1932 г. в Германию, как бы в научную командировку, а привезла оттуда контрреволюционную литературу и фашистов-студентов и преподавателей, которые вскоре были арестованы, а Пауль выбыла на работу в Москву.

Секретарь Немобкома ВКП(б) А. Вельш» [12].

Следует отметить, что Анна Пауль, жена одного из первых секретарей обкома ВКП(б) того времени Х. Горста, сама была функционером того же типа, что и Вельш. Являясь в 1930 г. директором пединститута, она «обнаружила», «разоблачила» и разгромила «контрреволюционную группу» профессоров, в число которых попали такие замечательные ученые, как Г. Дингес, А. Сынопалов, П. Рау и др. [13].

К сожалению, сегодня нам не дано узнать, понимали ли в то время люди типа А. Вельша, что неся другим горе и смерть, они тем самым приближают и свой конец. Пожирающие друг друга твари рано или поздно исчезают.

Конец карьеры и жизни Вельша пришелся на 1937 год. Но наступил он не сразу. В феврале он был снят с должности первого секретаря за проявления «национализма», суть которых состояла в том, что А. Вельш пытался вывести парторганизацию Немреспублики из подчинения соседнего Саратовского обкома ВКП(б) и подчинить ее непосредственно ЦК ВКП(б) [14]. Всего лишь с февраля по август А. Вельшу удалось быть Председателем ЦИК АССР НП. С конца июля в АССР НП начались массовые аресты партийных, советских, хозяйственных и других функционеров по делу о «подпольной фашистской националистической организации». Аресты практически дезорганизовали всю жизнедеятельность Немреспублики и ее партийной организации. Арестованы были все члены бюро обкома партии во главе с первым секретарем Е. Фрешером. Исключение составил лишь В. Далингер, который, являясь работником НКВД, сам организовывал и проводил эти аресты. Арестовали председателя Совнаркома Г. Люфта и почти весь состав правительства, председателя ЦИК А. Вельша и большинство членов ЦИК, прокурора АССР НП А. Скудру, многих директоров заводов и фабрик, председателей колхозов, директоров совхозов и МТС [15].

Таким образом, в АССР НП пришел конец и «старой» партноменклатуре из «низов». Немногие, кто уцелел и занял руководящие посты (вроде уже упоминавшегося В. Далингера, ставшего председателем Совнаркома АССР НП), были сметены второй волной массовых арестов 1938 г. В 1936–1938 гг. были репрессированы и функ-

ционеры-«интеллигенты», работавшие в это время уже за пределами АССР немцев Поволжья.

После этих арестов создавался вакуум местной власти, который стали заполнять, «смело выдвигая» на высокие должности людей «из низов». Так рождалась новая номенклатура. Ее отличительной особенностью была относительная молодость (как правило, все функционеры новой волны родились уже в начале XX в.), все та же малограмотность и слепая преданность режиму (она еще усиливалась благодарностью за «оказанное доверие»). Вместе с тем среди них были люди, получившие образование при советской власти, т. е. представители новой советской интеллигенции со всеми присущими ей чертами. Всем этим людям уже не пришлось пачкать в крови руки. Главной сферой их деятельности стало все же созидание. Функционерами новой волны в АССР немцев Поволжья были, в частности, К.Г. Гофман — председатель Верховного Совета АССР НП, человек без школьного образования, железнодорожник, А. Гекман — председатель Совнаркома, 1908 г. рождения, в 1935 г. получил высшее образование (инженер), Д. Корбмахер — третий секретарь обкома ВКП(б), 1904 г. рождения, образование среднее и др. [16]. Этим людям не пришлось развернуться и показать свои способности и возможности. Осенью 1941 г. все они на общих основаниях были депортированы в Сибирь и Казахстан.

Интересно, что у этих людей, как только они разделили участь соплеменников, очень быстро выветрились их идеологические убеждения и вера в правильность политики сталинского режима. Практически все высшие руководители АССР НП последней волны в годы войны проходили по сводкам НКВД как допустившие антисоветские высказывания и «демонстрации». Последнее, в частности, относится к Д. Корбмахеру и Г. Гекману. Они были исключены из партии за то, что перед отъездом в Сибирь устроили на местном рынке в г. Энгельсе «демонстративную распродажу» своего имущества. К. Гофман уже в местах депортации в узком кругу заявлял, что Сталин «сделал глупость», ликвидировав Немреспублику и переселив поволжских немцев [17]. Некоторые из бывших партийно-советских функционеров шли еще дальше, заявляя, например, что в 1921 г. восставшие в Области немцев Поволжья крестьяне «были не бандиты, а национальные герои» [18].

Но именно эти функционеры, вместе с теми из «старых кадров», кто не был расстрелян в 1930-е гг. и уцелел после 20 и более лет отсидки в лагерях (например, Кельн, арестованный в 1935 г., накануне

не «большого террора» и потому уцелевший), — составили ядро первых делегаций 1965 г. в Москву за восстановление автономии [19].

Таким образом, с определенной долей условности всю партийно-советскую номенклатуру АССР немцев Поволжья можно разделить на три категории. Обозначим их так:

- «старые кадры» из интеллигенции;
- «старые кадры» из «низов»;
- «новые кадры».

Это в целом соответствует общесоветским тенденциям тех лет (с 1918 по 1941 г.). Деятельность партийно-советских функционеров Немреспублики по своему характеру также мало чем отличалась от деятельности их коллег-номенклатурщиков в других административно-территориальных образованиях СССР (республиках, краях, областях, округах и т. д.), несмотря на то, что они работали в национальной республике. Они были лишь проводниками политики высшего руководства страны, а их «немецкость» проявлялась, пожалуй, лишь в одном: в особом педантизме, точности и жесткости при проведении мероприятий, предписанных свыше: будь то продразверстка, коренизация, коллективизация, поиск «врагов народа» и т. п. Все это приносило народу лишь дополнительные страдания.

Примечания

1. См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее — ЦДНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 9; Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее — ЭФ ГАСО). Ф. 730. Оп. 1 д/п. Д. 23. Л. 187.
2. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 730. Оп. 1 д/п. Д. 23. Л. 187; Fitz A., Sidorkin W. Der wiedergewonnene Name // Neues Leben. 1988. 22 Juni.
3. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 730. Оп. 1 д/п. Д. 23. Л. 187.
4. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100. Л. 85.
5. См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. Ч. 1. Автономная область. 1918—1924. Саратов, 1992. С. 58.
6. См.: Там же. С. 59—60, 62—64.
7. См.: Там же. С. 64.
8. См.: Там же. С. 95—97, 116—119, 123—125, 140—141, 155, 160—161.
9. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 55.
10. См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. Ч. 2. Автономная республика. 1924—1941. Саратов, 1994. С. 102.
11. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1573. С. 11—29.
12. Там же. Д. 2744. Л. 66.
13. См.: Там же. Д. 1670. Л. 252; Д. 1744. Л. 49—59; Д. 1802. Л. 65—72, 73—75.
14. См.: Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М., 1996. С. 111.

15. См.: Там же. С. 114, 115.
16. См.: Герман А.А. Немецкая автономия... Ч. 2... С. 240–241.
17. См.: Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 61. Л. 6.
18. Цит. по: Герман А.А. Немецкая автономия... Ч. 2... С. 317.
19. См.: Браун В., Иларионова Т. Российские немцы: право на надежду. М., 1995. С. 40–61.

РАЗНОГЛАСИЯ И ПРОТИВОБОРСТВО В РУКОВОДСТВЕ НЕМЕЦКОЙ АВТОНОМИИ В ПЕРИОД ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ (1918–1921 гг.)

В. Херфт

Каждый, кто занимается изучением периода становления немецкой автономии на Волге, должен задать себе вопрос, а почему, собственно, немецкое национальное движение с его яркими этапами в апреле 1917 года в Саратове, где был образован Центральный комитет поволжских немцев-колонистов и приняты основополагающие документы по вопросам культурно-национальной автономии немцев Поволжья [1], дополненные в сентябре 1917 г. в Шиллинге благодаря сближению позиций ЦК поволжских немцев-колонистов и противостоявшего ему Союза немцев-социалистов Поволжья [2] и основательно переработанные в феврале 1918 г. в Варенбурге, где в ответ на разгон большевиками законно избранных органов местного земского управления были заложены программные основы развития территориальной автономии немцев Поволжья [3], почему же оно, это движение, вынуждено было в апреле 1918 г. довольствоваться Поволжским комиссариатом по немецким делам с его прямо-таки противоположными, по сравнению с решениями Варенбургского совещания немцев-депутатов земских собраний, функциями претворения в жизнь декретов советской власти [4]? Ведь этого, по сути, не хотел никто, даже социалисты, если верить документам их августовской 1917 г. конференции [5] и предложенным ими на конгрессе в Шиллинге тезисам по вопросу об автономии [6]. И хотя они позже, особенно саратовская группа, в большинстве своем попав под влияние интернационалистов из числа австро-венгерских и немецких военнопленных, отошли от своих про-

граммных установок по этому вопросу, а в Москву, кроме разве что Эмиха, поехали, чтобы предупредить о коварных замыслах бывших «земцев» или же перехватить инициативу, если «варенбургцам» в автономии не откажут [7]. Наконец, нелишне спросить себя, а могли этот комиссариат, в котором уже с самого начала и еще больше впоследствии оказались представители всех политических и общественных течений и самых различных воззрений в немецком национальном движении, сплотить столь разрозненные ряды и слаженно работать во благо немецких крестьян на Волге? Как показало время, не мог, а руководство его, в силу ряда причин, зачастую не очень этого и хотело; более того, нередко оно и вовсе способствовало возникновению противоборствующих группировок, сыгравших позже незавидную роль в судьбе немецкой автономии советского типа на Волге.

Следует отметить, что рассматриваемый мною период в научной литературе освещен не только крайне скудно, но и весьма схематично и даже во многом неверно. Особенно это касается Поволжского комиссариата по немецким делам и образования РКП(б) в области немцев Поволжья, история которой с 1923 г. не раз искажалась.

Между тем борьба различных течений и воззрений началась, как об этом уже было вскользь упомянуто, именно в Поволжском комиссариате по немецким делам, что было, кстати, предопределено. На первых порах в его состав входили пять руководящих работников, из которых двое — Эрнст Рейтер и Карл Петин — были «испытанными товарищами» из центра, а на самом деле оставшимися не у дел в Комитете по делам германских и австро-венгерских военнопленных социал-демократов-интернационалистов в связи с требованиями Германии и Австро-Венгрии о его ликвидации в соответствии со статьей II Брест-Литовского мирного договора [8], двое социалистов — Эмих и Клингер (причем последний был кооптирован в руководство Союза немцев-социалистов Поволжья буквально в начале апреля 1918 г., т. е. за несколько дней до отъезда «автономистской» делегации в Москву) и Моор — бывший депутат Новоузенского уездного земского собрания и участник известного Варенбургского совещания, у которого, надо полагать, были свои взгляды на немецкую автономию. Заметим в этой связи, что ни он, ни Клингер не были ярко выраженными лидерами своих движений, а Эмих зачастую занимал особую позицию среди социалистов, что отличало его от саратовских товарищей по партии. Ну а если вспомнить, что во втором сообщении о составе комиссариата вместо Александра Моора и вовсе значился Георг

Дингес, имевший, кстати сказать, мандат и от своих сограждан и от саратовского комитета Союза немцев-социалистов Поволжья [9], то можно сделать вывод, что с назначением были свои проблемы, а может быть, имел место и тонкий расчет «испытанных товарищей». Не исключено, что все дело было в исключительно большом авторитете Георга Дингеса среди населения и лидеров всех течений поволжских немцев, стоявшего в период между революциями 1917 г. целиком и полностью на платформе Центрального комитета поволжских немцев-колонистов и бывшего даже его рупором в преддверии апрельского 1917 г. съезда волостных уполномоченных поволжских колоний [10]. А может Рейтеру не понравилась позиция Дингеса, которого поддерживал и Август Лонзингер, по вопросам перевыборов местных советов, когда те двое на майском совещании 1918 г. активных работников из немцев Поволжья, отвергли предложение Рейтера о допуске к выборам только тех крестьян, которые лично обрабатывают свою землю, как несостоятельное и кроющееся в незнании условий производства в крестьянском хозяйстве [11].

Знаюки быта и характера поволжских немцев Дингес и Лонзингер были полными антиподами Рейтеру и большинству «пришлых» товарищей, относившихся к интеллигенции и к колонистам крайне предвзято и недоверчиво [12]. На этой почве у них не раз бы возникли конфликты, если бы Дингес был комиссаром у Рейтера. Поэтому не исключено, что назначение беспартийного бывшего земца Моора вместо Дингеса было не столь продиктовано желанием отдать дань уважения «варенбургцам», с тем чтобы и они имели своего представителя в комиссариате, сколько стремлением уменьшить в руководстве комиссариата влияние местных авторитетов. Обратим внимание, что ни Кениг, ни Мюллер, ни Штротмберггер из высшего руководства Союза немцев-социалистов Поволжья, ни Кизнер, ни Гросс, ни Тиссен из Зельманского Центрального совета федерации немцев на Волге, сформированного совещанием в Варенбурге, не вошли в главное руководство комиссариата. Вообще, когда стоял вопрос о том, кто будет работать в Саратове на руководящих постах, то Рейтер сам назвал свою команду — он сам, Петин, Эбенгольц, Ирма Гельрих-Петрова, Щютц старший и младший, Шнайдер (последние трое — крайне левые), беспартийные Моор и Вуккерт, а из социалистов только Клингер и Мюллер [13] (даже Эмиха не хотел и спихнул его при первой же возможности, взяв взамен Чагина из Зельмана). Однако в аппарате численно весьма разросшегося комиссариата, а затем и облысполкома, как уже выше упомянуто, были со-

браны все силы от социалистов, составлявших его костяк, и бывших новоузенских земцев — кроме Моора там были Шлегель, Тиссен, Кизнер, Ойрих [14], до беспартийных — Вуккерта и даже людей из бывшего Центрального бюро (агроном Клинг и юрист Юстус [15]). Заметим попутно, что Сергей Караханьянц, бывший второй редактор саратовской немецкой народной газеты, органа ЦК поволжских немцев-колонистов, на первых порах сидел в редакции «Нахрихтен», хотя и был вскоре оттуда уволен по ходатайству руководства газеты [16]. Все дело, скорее всего, было в острой нехватке квалифицированных кадров, если приходилось прибегать к мобилизации беспартийных, вроде Христиана Эльберга, сбежавшего оттуда при первой же возможности [17], так как он не в силах был видеть, как подавляются немецкие колонисты, которых он несколько позже с редкостной любовью и тонким знанием их психологии мастерски изобразит в своих рассказах и новеллах. Попутно заметим, что состоявший в финансовом подотделе комиссариата Вальтер Мюллер также предпочел заниматься партийным просвещением и преподавательской деятельностью, нежели облагать крестьян непосильными налогами, и не вернулся из московской командировки [18]. Первые же разногласия между «испытанными товарищами» из центра и руководством Союза немцев-социалистов Поволжья обнаружились уже через несколько дней после прибытия Рейтера и Петина в Саратов. Ввиду отсутствия у немцев Поволжья другой партии, с которой можно было сотрудничать при строительстве автономии на советских началах, они прямо-таки горели желанием направлять деятельность Союза. Однако предложение об их кооптации в его президиум было отклонено большинством голосов из-за якобы их перегрузки, хотя на самом деле за всем этим крылось весьма дерзкое обоснование, что де Союз не должен растворяться в управленческой сфере, как это делают максималисты, под которыми подразумевали большевиков [19]. Итак, мы видим, с одной стороны, руководство комиссариата в лице Рейтера и Петина, не имеющих возможности вполне опираться на партию социалистов, а с другой — весь цвет социалистов, да часть бывших земцев, занимавших в аппарате комиссариата (и позже — облисполкома) второстепенные должности. Так, Кениг и Мюллер состояли в подотделе финансов, Штромберггер — в земотделе, Эмих, хотя и стал одним из первых комиссаров и членом первого исполкома, вынужден был в качестве комиссара юстиции карать земляков, затем был направлен в Каменку и стал в итоге председателем Ровненского (Зельманского) уездного

исполкома, где постоянно подвергался нападкам комиссара Эбенгольца, верного помощника Рейтера еще со времен Комитета по делам военнопленных, да и самого Рейтера за то, что иногда пытался защитить колонистов от произвола властей [20]. Самые сложные и натянутые отношения у Эмиха были и с Петиним, проводившем в Ровно ревизию и обвинявшем Эмиха в защите кулацких элементов [21]. Эбенголец открыто конфликтовал в комиссариате, причем неоднократно, и, правда, в отсутствие Рейтера, с беспартийным Вуккертом [22], протезе Рейтера в период организации комиссариата, заставив его, как беспартийного, покинуть свой пост начальника отдела и сделавший все для его замены партийным товарищем. Эбенголец конфликтовал и с тогда еще не состоявшим в партии Моором и чуть было не заставил его уйти с поста комиссара отдела администрации [23].

Что касается самого Союза немцев-социалистов, в котором состояли весьма разношерстные группы от большевиков (по собственным меркам) до поистине правых социалистов-революционеров, он являлся эдаким нонсенсом на политической сцене, где были разрешены лишь две партии — большевики да левые эсеры. Поэтому вовсе не удивительно, что Рейтер и Петин, не попавшие официально в руководство Союза и не имевшие возможности сделать его изнутри немецким подразделением РКП(б), уже через какой-то месяц после прибытия на Волгу вплотную занялись сколачиванием новой партии. В июне 1918 г., в преддверии I съезда совдепов немецких колоний Поволжья, Рейтер упорно пропагандирует идею роспуска Союза и принятия в создаваемую немецкую организацию РКП(б) только левых социалистов и считающих себя большевиками. Ему, по свидетельству очевидцев, возражали и Эмих, и Кениг. Первый в качестве конструктора приводил специфичность местных условий, выражающихся в малочисленности социалистических сил, а второй в принципе якобы был хотя и за роспуск Союза, но требовал для тех, кто не захочет вступить в РКП(б) или кого туда не возьмут, гарантий, что те смогут продолжать свою политическую деятельность в своих движениях. Рейтера якобы уже тогда поддержали «леваки» из провинции, жаждавшие власти в Саратове — Шауфлер, Ледерер, Дотт, Вормсбахер и Цицер [24]. Однако тогда осуществить свою идею Рейтер не смог, и все дружно взялись за окончательную ликвидацию и без того уже парализованного Центрального бюро поволжских немцев-колонистов. Чуть позже, 5 июля 1918 г., Саратовский Совет издал под их давлением соответствующее постановление, назначив ликвидационную комиссию, в которую входил и Петин, и это

при том, что сам Совет и в дальнейшем, к неудовольствию комиссариата, нет-нет да и прибегал в колониях к сотрудничеству с людьми из бывшего Центрального бюро [25].

Вторую попытку, очевидно, при поддержке самого особоуполномоченного центра в Саратове Смирнова, Рейтер предпринял на так называемом частном совещании немцев-коммунистов 22 сентября 1918 г., на которое были приглашены опять-таки приспешники Рейтера из провинции, о которых речь шла чуть выше. Необходимость создания коммунистической организации немцев Поволжья Рейтер аргументировал следующим образом: «Сейчас, как никогда, наступило подходящее время, как никогда, необходимо привлечь для работы в колониях надежные и открыто стоящие на позициях советской власти силы и оттеснить таким образом колеблющиеся элементы в сторону. Кроме того, тем самым можно завоевать признание русских товарищей и установить с ними хорошие отношения» [26].

Заметим в этой связи, что время и в самом деле было подходящим, ведь деньги-то — 25 тысяч рублей — на эти цели у него были, видимо, опять-таки от Смирнова [27].

Тогда же Рейтер и его товарищи-интернационалисты вышли из состава партийной ячейки иностранных коммунистов [28] и создали костяк немецкой организации РКП(б) в Области немцев Поволжья, создавая одновременно партийные ячейки в уездах, где также опирались на «леваков» вроде Дотца и Шауфлера. Союз же социалистов продолжал существовать, но будущего у него не было, так как Рейтер в качестве первого председателя немецкой организации РКП(б) в области старался разрушить его постепенным и осторожным приемом в партию его членов. Даже руководителям Союза путь туда был открыт вовсе не сразу. Так, Клиндер и Мюллер были приняты только 30 октября [29], а Кениг даже в ноябре 1918 г. в списках членов партии не значился. 21 ноября Союз еще существовал, но левых там, видимо, уже не было, а Раушенбах пишет в этот день заявление в немецкую организацию РКП(б), что выходит из Союза в связи с невозможностью пребывания в нем вместе с засевшими там правыми элементами [30]. Таким образом, Союз был окончательно дискредитирован и дни его, видимо, были сочтены. Был ли он на самом деле распущен или он самораспустился, установить сейчас трудно из-за отсутствия его протоколов за этот период (попутно заметим, что и протоколы-оригиналы более раннего периода не сохранились, хотя и были сданы якобы поздней осенью Щютцу-младшему, состоявшему тогда уже в РКП(б) [31], но все, кто занимается

историей создания этой партии, знают, что это неслучайно, в связи с многочисленными попытками переписывания истории партии в угоду сиюминутно актуальной официальной политике).

Что же касается налаживания хороших деловых отношений с Саратовским Советом, то Рейтер этому и в самом деле отдавал много сил и проявлял завидное долготерпение, не раз успокаивая нетерпеливых, вроде Эмиха и других местных товарищей, ссылавшихся на декрет от 19 октября 1918 г. [32]. Конечно, это, с одной стороны, была разумная тактика, но с другой — Саратовский Совет, еще 12 августа принявший решение о признании комиссариата своим подразделением [33], не думал давать немцам полную самостоятельность. Рейтер и тогда не потерял голову и действовал осторожно, но все же в направлении достижения относительной независимости от Саратова, используя для этого все возможные возможности, в том числе встречи с Антоновым и представителями центра во время совместного пребывания в Москве.

У социалистов и Саратовского Совета, между прочим, были и свои весьма старые взаимные счеты. Представители социалистов в Совете в апреле открыто, и даже стоя на стульях и топя ногами, голосовали против предложения большевиков, а в начале июня 1918 г. были полны решимости отозвать своих представителей из комиссариата в связи с арестом Губчека Клиндера [34].

После отъезда Рейтера в Германию и долгого отсутствия Петины саратовские власти усилили свое вмешательство в дела области, и теперь уже провинция обвиняла комиссаров из исполкома, что они пресмыкаются перед Саратовом, а из Голого Карамыша вообще поступило письмо, что комиссариат недопустимо долго разбирается в своих отношениях с Саратовом, Камышином и Аткарском, не дает работать уездному исполкому, вносит дезорганизацию в его работу, выкачивая из уезда все и взамен ничего не давая. Пригрозив, что если положение не изменится, то будет собран крестьянский съезд и вынесено решение за присоединение к Саратовской губернии [35], уездный исполком два с половиной года спустя вновь со всей решимостью вернулся к данной идее, поставив тем самым существование немецкой автономии под вопрос. Во всяком случае и партийная организация области и тем более облизполком обсуждали этот вопрос, хотя центр настойчиво предлагал им снять его с повестки дня [36].

Вообще комиссары во время существования Поволжского комиссариата, как, например Эбенгольд, а затем и облизполком не раз

арестовывали представителей уездных исполкомов, а в феврале 1919 г. и весь Зельманский уисполком — за срыв продовольственных кампаний. Работал комиссариат, а затем и облисполком, как говорится, в экстремальных условиях, но о дружной работе говорить не приходится. Слишком уж разными были интересы Москвы, Саратова, Маркштадта и немецких крестьян, слишком странными были понятия об автономии и о подлинных интересах немецкого населения на Волге у «пришлых» товарищей и тем более у интернационалистов. Вообще создается впечатление, что крестьяне, и тем самым подавляющее большинство немецкого населения в Поволжье, являются их врагами, настолько эти горе-руководители перестарались в интерпретации известного ленинского тезиса о мелкобуржуазной стихии крестьянства. Уже в ходе подготовки к перевыборам Советов, в преддверии июньского 1918 года съезда совделов, в Поволжском комиссариате все больше ломали голову над тем, чтобы рабочие и артельщики Саратова получили достойное представительство на съезде. И это не на каком-то съезде, а на съезде, подчеркнем еще раз, делегатов немецких колоний [37]. Бесконечные дебаты в обкоме и облисполкоме о насущных задачах во времена засилия присланных в область товарищей наводят на мысль, что руководство вовсе не обеспокоено судьбой разоренного им крестьянства, а все их устремления направлены в будущее и во имя счастья каких-то призрачных рабочих, с которыми они в повседневной жизни дела не имели. И это не удивительно, если даже один из членов комиссии ВЦИК, в общем-то много сделавшей, чтобы наладить работу в области после известного инцидента, когда одна враждующая группировка в руководстве области арестовала другую, говорит буквально следующее: «Здесь указывалось на то, что советская власть не пользуется симпатиями крестьянства, и это понятно, и иначе быть не может, крестьянство не идет в первых рядах революции, а в последних, вполне понятно, если крестьянство нам никогда не сочувствует, это мелкобуржуазная стихия, которую мы должны победить» [38]. И, конечно же, они делали все, чтобы победить. А руководителей из местного населения в большинстве своем нет-нет да и мучила совесть от того, что оказались втянутыми в подобные эксперименты, во всяком случае такое ощущение создается после просмотра многих и многих документов. Наверное, поэтому они в свою очередь не очень любили присланных из центра русских, евреев и других товарищей, а немцев из Германии и австрийцев — и того меньше. Александр Моор так определил эту разницу, когда предсе-

датель комиссии ВЦИК Вильгельм Курц заметил, что присланным в область коммунистам-интернационалистам ходу не дают: «Местное население в 77 раз хуже относится к иностранцам, чем к товарищам русским. Из этих соображений нет возможности дать хода этим товарищам» [39].

Постоянные разногласия в руководстве области возникали, наконец, из-за постоянного требования центра все более увеличивать поставки продовольствия, причем не считаясь с возможностями области и используя в своих целях существующие группировки, о которых центр был всегда детально информирован. В результате — противоречия на местах усугублялись, а раскол начала 1920 г. в области, о котором так хорошо написал Аркадий Герман в первой части своей книги «Немецкая автономия на Волге», был своего рода апогеем.

Подводя итоги, можно сказать следующее.

Разногласия, междоусобица и даже открытая борьба группировок в руководстве немецкой автономии после октябрьского переворота в первые три-четыре года становления Области немцев Поволжья не могли не быть, с одной стороны, как бы отражением борьбы того времени в руководстве РКП(б) и Советов по всей России (вспомним левачество, противоречия между интересами центра и местными интересами, противоречия внутри самой партии, вызванные строгой иерархией в ее строительстве на принципах так называемого демократического централизма, и требования железной партийной дисциплины, противоречия между членами партии и беспартийными в руководстве и еще более в низовых аппаратах Советов, нередко перераставшие во взаимное неприятие). С другой стороны, эти противоречия и эта борьба имеют свои корни в общественных и политических движениях поволжских немцев в межреволюционный период 1917 г., в особом положении Области немцев Поволжья в 1918–1922 гг. — из-за нерешенности вопроса как об административном, так и территориальном выделении области, когда в ее дела в той или иной степени вмешивались сразу две губернии и даже уездные органы власти названных территорий. Своеобразным в положении области было и то, что туда довольно часто направлялись из центра как русские, украинцы или евреи, не знавшие немецкого языка и обычаев местного населения, так и немцы и австрийцы, бывшие в российском плену и не успевшие или не пожелавшие вернуться на родину, также не знавшие обычаев поволжских немцев и рассматривавшие вверенное им население как сплошь аполитичное и стремящееся любой ценой отгородиться от большевиков и от русского пролетариа-

та. И, наконец, свою печать на развитие немецкой автономии советского типа в период ее становления наложили отношения между Советской Россией и Германией.

Примечания:

1. См.: Verhandlungen der Kreisbevollmächtigten der Wolgakolonien in Saratow am 25.–27. April 1917. Saratow, 1917.
2. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 187–212 об.
3. См.: ЭФ ГАСО. Ф. Р-1348. Оп. 2. Д. 56. Л. 80–81.
4. См.: Alfred Eisfeld. Deutsche Kolonien an der Wolga 1917–1919 und das Deutsche Reich. Wiesbaden 1985. S. 135.
5. См.: Zur Sozialistenkonferenz in Katharinenstadt // Der Kolonist. 1917. Nr. 52 vom 1. September. S. 2; Nr. 53 vom 3. September. S. 2.
6. ЭФ ГАСО. Ф. Р-1348. Оп. 2. Д. 56. Л. 80–81; ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 187–212 об.
7. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–10 об.
8. См.: Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917 bis 1920. Herausgegeben von einem deutsch-russischen Redaktionskollegium unter der Leitung von Inge Pardon und Waleri W. Shurawljow. Band 1. Dokumente 1917 bis 1919. München–New Providence–London–Paris, 1994. Dok. 54, 76 und 77.
9. Георг Дингес, окончивший в 1917 г. Московский университет, был уполномоченным Моргентгауской волости на Конгрессе волостных уполномоченных немецких колоний на Волге в апреле 1917 г. в Саратове и представителем колонии Блюменфельд на Конгрессе представителей немецких колоний в Шиллинге в сентябре 1917 г. На конгрессе в Шиллинге он был выдвинут кандидатом в Учредительное собрание. В Поволжский комисариат его делегировал Саратовский комитет Союза немцев-социалистов Поволжья в апреле 1918 г. См.: Verhandlungen der Kreisbevollmächtigten der Wolgakolonien in Saratow am 25.–27. April 1917. Saratow, 1917; ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 187–212 об.; Д. 2. Л. 24–24 об.
10. См.: ЭФ ГАСО. Ф. Р-1348. Оп. 2. Д. 56. Л. 52–52 об.
11. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–26 об.
12. Там же. Д. 1. Л. 25; Д. 4. Л. 163.
13. См.: ЭФ ГАСО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
14. Там же. Д. 9. Л. 29, 41, 69.
15. Там же. Д. 10. Л. 208; Д. 6. Л. 12 об.
16. Там же. Д. 9. Л. 28.
17. Там же. Л. 10, 69.
18. Там же. Д. 10. Л. 190–190 об.
19. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 21–21 об.
20. Там же. Д. 1. Л. 34; ЭФ ГАСО. Ф. Р-730. Оп. 1; Д. 5. Л. 9 об.–10; Д. 8. Л. 16 об.
21. См.: ЭФ ГАСО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 5. Л. 54.
22. Там же. Д. 6. Л. 46 об.
23. Там же. Л. 37–37 об.
24. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2745.
25. См.: ЭФ ГАСО. Ф. Р-728. Оп. 1. Д. 5. Л. 23; Оп. 1 л/с. Д. 2. Л. 60; Д. 169; Оп. 1. Д. 169. Л. 41–41 об.
26. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

27. Там же.
28. Там же. Л. 5.
29. Там же. Л. 11.
30. ЭФ ГАСО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.
31. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2745.
32. См.: ЭФ ГАСО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 5. Л. 9 об.; Ф. Р-728. Оп. 1. Д. 9. Л. 34–34 об.
33. Там же. Ф. Р-728. Оп. 1. Д. 116. Л. 68–69.
34. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2745; Д. 2. Л. 40.
35. ЭФ ГАСО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 10. Л. 161–162.
36. Там же. Д. 38. Л. 48–48 об.
37. ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 25–26.
38. ЭФ ГАСО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 38. Л. 53 об.
39. Там же. Л. 40 об.

«ВОЕНИЗАЦИЯ» НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ АССР НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1921–1941 гг.

И.И. Шульга

После окончания Гражданской войны молодое Советское государство приступило к реформированию Красной Армии. Военное строительство было немыслимо без решения национального вопроса в армии.

Повсеместное обучение военному делу затронуло и население АССР НП. В межвоенный период на территории Автономной Республики немцев Поволжья широко использовался термин «военизация населения». Этим термином обозначался процесс обучения военному делу военнообязанного контингента.

Данный процесс на территории республики можно разделить на два периода, разграничительной чертой которых стал 1938 г. Это обусловливается, во-первых, изменением принципа комплектования армии и, во-вторых, изменением политики советского руководства в отношении советских немцев.

Начало первого периода совпадает с проведением военной реформы 1920-х гг. В контексте реформы была проведена реорганизация органов военного управления Автономной Республики.

Важную роль в «военизации» немецкого населения сыграла III сессия 2-го созыва Центрального Исполнительного Комитета АССР НП. На сессии был рассмотрен вопрос «О [военном] территориальном строительстве в АССР НП». В процессе обсуждения вопроса были обозначены: функции партийных и советских органов республики. Участники сессии признали, что «работа по развитию территориальной системы должна проводиться военными органа-

ми при активном содействии всех без исключения советских учреждений и организаций» [1]. Постановление сессии на многие годы стало программным документом для партийного и советского аппарата в деле «военизации населения» АССР НП.

Первым шагом на пути военного обучения являлась допризывная подготовка, к которой привлекались все юноши, достигшие девятнадцатилетнего возраста к 1 января. На сборах допризывников изучались: политическая грамота, уставы, материальная часть оружия, действия солдата в бою, выполнялись первые практические стрелковые упражнения. Обучение длилось в течение двух лет.

В первые годы допризывной подготовки были случаи, когда местные органы не оказывали помощи в проведении занятий с допризывниками. В одном из донесений отмечалось: «На Красноярском учебном пункте местные власти [к допризывной подготовке] относятся отрицательно, разграничиваясь на “мы” и “вы”, навстречу не идут ни в каком отношении, особенно КИК и КК РКП(б)» [2]. По докладам такое же пассивное отношение отмечалось и на Маркштадтском учебном пункте.

Несмотря на отрицательные эпизоды, случавшиеся во время проведения допризывной подготовки, было немало и положительных ситуаций, когда местные органы оказывали посильную помощь в проведении занятий с допризывниками. В этом отношении отмечались учебные пункты, находящиеся в населенных пунктах: Липов Кут, Мариенталь, Розенфельд, Цюрих, Рязановка. Как отмечалось инспектирующими лицами, «нужно признать, что здесь больше было правильного подхода, чем в других местах» [3].

В целом, как отмечали политруки учебных пунктов, настроение и отношение допризывников к делу было «...серьезное и хорошее. Особых ярких уклонов не было. Также отмечалась небывалая активность и величайшая тяга к занятиям, и этому как бы подчиняется все остальное» [4].

По достижении юношами к 1 января двадцати одного года происходило зачисление их на действительную военную службу.

Вторым и основным шагом «военизации» являлась служба в кадровых и территориальных частях.

Советское руководство избрало два способа работы с национальными меньшинствами, оба они были использованы при «военизации» немцев Поволжья. В первом случае создавались национальные территориальные воинские формирования, одним из них стал 96-й Ленинградский стрелковый полк им. АССР НП. Второй

способ — служба немногочисленных групп «националов» в общевойсковых частях Красной Армии. Такими частями для немцев Поволжья стали: 31-й Белореченский кавалерийский полк и 77-й Новгородский стрелковый полк.

96-й Ленинградский стрелковый полк им. АССР НП был сформирован на основании приказов № 178/34 и № 103 от 19 октября 1925 г. по войскам 32-й Саратовской стрелковой дивизии и располагался в Саратове в военной городке им. 1 Мая. В первом приказе командир полка Брынзов и комиссар Кеслер отмечали: «Товарищи командиры и политработники, на нашу долю выпало формирование 96-го стрелкового полка — первой немецкой национальной части. Выражаю свою глубокую уверенность, что дружной и совместной работой, соблюдением строжайшей военной дисциплины, проявлением максимума энергии, старания и любви к делу возложенное на нас задание выполнено будет с полным успехом» [5].

Формирование шло форсированными темпами и уже в ноябре 1925 г. полк в полном объеме приступил к выполнению поставленных задач. Основная работа с терармейцами (так тогда называли военнослужащих переменного состава территориальных частей. — *И. Ш.*) возлагалась на строевые батальоны. Каждый батальон имел свой несменяемый район комплектования. Постоянство районов позволяло командованию полка поддерживать неразрывный контакт с руководством кантонов, шефствующими организациями, а также качественно изучать призывной контингент.

Военное обучение красноармейцев производилось по общеустановленным программам и отличалось только языком обучения. Особо следует отметить четкое разграничение использования русского и немецкого языка в процессе службы. В полку на немецком языке проводилось военное обучение, полит- и партработа, школьные и внешкольные занятия [6]. Таким образом, терармейцы не испытывали трудностей в процессе общения. Хотя следует отметить, что в первые годы остро стоял вопрос об обеспеченности военной литературой на немецком языке и командирах, владеющих национальным языком. К примеру, в одном из донесений отмечалось: «Если касаться вопроса обеспечения соответствующей литературой, то необходимо отметить, что она отсутствует и разыскивать ее весьма трудно. Основной материал для повседневной работы черпается из русской [литературы]. Вопрос обучения в немецких районах наталкивается еще на то обстоятельство, что больше половины ком[андного] состава не владеет немецким языком. Несмотря на это,

товарищи приспособляются к условиям, и этот вопрос особо не выпячивается, т. е. отклонений и недоразумений на этой почве нигде не отмечается» [7].

Особое место в полку отводилось полковой школе. Это была единственная школа, которая готовила младших командиров для немецкого полка. Благодаря школе, спустя год после создания полка удалось решить проблему некомплекта младших командиров-немцев. Увеличение числа младшего начальствующего состава и накопление опыта обучения и воспитания военнослужащих вело к качественному изменению военной выучки красноармейцев-немцев.

Важное место в полку уделялось культурно-политической работе, которая проводилась в тесном взаимодействии с партийными и советскими органами АССР НП.

Такое сотрудничество было вызвано тем, что по замыслу партийного и советского руководства отслужившие терармейцы должны были пополнить ряды «молодых строителей социалистического будущего». Вот как писала полковая газета «Красноармеец немецкого Поволжья» за 1929 год: «Товарищ красноармеец! Когда ты вернешься в свою деревню или свой город, то перед тобой станет безотлагательная задача — участие в осуществлении пятилетнего плана строительства и реорганизации нашего народного хозяйства. Поэтому после прибытия ты тоже должен принимать участие в проведении всех мероприятий Рабоче-крестьянского правительства и Коммунистической партии. Помогай в городе освобождать советскую систему от всех старых чиновников, бюрократов и прочих вредителей, помогай в деревне вести борьбу против кулаков и их прихвостней. Собирай и организуй вокруг себя бедных крестьян и середняков» [8].

Умелое сочетание военно-организационной и политико-воспитательной работы позволило полку уже в конце 1920-х — начале 1930-х гг. занять достойное место в рядах Красной Армии. Подтверждением этого являются его достижения. Например, «летом 1932 г. на химических учениях с боевыми отравляющими веществами полк показал образцы работы в масштабе РККА. Осенью этого же года на инспекторских смотрах [полк] занял первое место в дивизии и второе в округе, за что получил переходящее знамя ЦИК АССР НП. На инспекторских смотрах по всем видам боевой и политической подготовки осенью 1933 г. полк показал исключительно отличные результаты, являясь лучшим полком в дивизии, занял одно из передовых мест в масштабе РККА» [9].

1934 год стал важным годом в истории полка. В связи с передислокацией 32-й Саратовской стрелковой дивизии на Дальний Восток, 96-й стрелковый полк был выведен из ее состава и переведен в г. Энгельс.

На протяжении 13 лет с 1925 по 1937 г. ежегодно воинскую службу в немецком стрелковом полку проходило от 4,5 до 5 тыс. военнослужащих, что в общей численности составило 55–60 тыс. человек. В 1939 г. национальный немецкий стрелковый полк расформируется и на его материальной базе создается 496-й стрелковый полк.

Как уже отмечалось, одним из способ «военизации» Республики немцев Поволжья была служба в кадровых частях Красной Армии.

77-й Новгородский стрелковый полк после окончания Гражданской войны был переведен в г. Спасск Дальневосточного края Владивостокского округа. Сразу после передислокации полка командование РККА попыталось создать из него национальную кадровую часть. По данным на 1 февраля 1927 г., ее численность составляла 1280 чел., из которых 1156 чел. были немцы [10], что составляло более 90% от общего количества личного состава (для сравнения, красноармейцы-немцы в 96-м Ленинградском стрелковом полку им. АССР НП составляли не более 70%. — *И. Ш.*). Наряду с немцами Поволжья, которые составляли основной костяк полка, служили немцы с Украины, Белоруссии, Кавказа, Сибири и других регионов России. В декабре 1927 г., после проведения очередного призыва, ситуация резко меняется. В составе полка остался только 3-й стрелковый батальон, укомплектованный на 100% красноармейцами-немцами. В остальных подразделениях полка количество немцев было ничтожно мало или они отсутствовали совсем [11]. Вероятней всего, командование РККА посчитало с экономической точки зрения невыгодным создание национального полка вдали от основных районов комплектования. К этому времени в Красной Армии уже установилась тенденция к созданию национальных подразделений вблизи районов компактного проживания призывного контингента.

1-й (немецкий) эскадрон 31-го Белореченского кавалерийского полка 6-й Чонгарской кавалерийской дивизии дислоцировался в Гомеле Белорусской ССР. Отсутствие сохранившихся архивных документов не позволяет в полной мере восстановить историческую судьбу немецкого эскадрона. Лишь по немногочисленной переписке между республикой и полком можно утверждать, что командование было довольно военнослужащими, призванными из

АССР НП. В 1930-х гг. эскадрон комплектовался из бойцов Бальцерского, Франковского и Каменского кантонов.

В 1934 г. эскадрон, участвуя на маневрах, показал образцы тактической выучки в новых, сложных условиях боя, поддержав тем самым честь и славные традиции Чонгарской дивизии. Часть, в составе которой действовал немецкий эскадрон, получила хорошую оценку со стороны наркома обороны К. Ворошилова. Эскадрон же от командования части получил благодарность за отличную работу [12].

Несмотря на принадлежность к различным родам войск, кадровые части испытывали одинаковые трудности в культурно-политической работе. Неоднократно командиры полков обращались к руководству республики с просьбой оказать помощь в приобретении книг на немецком языке, высылке газет и журналов, издававшихся на территории АССР НП. В свою очередь руководство республики старалось по возможности обеспечить полки литературой.

За каждым отдельным подразделением кадровой части был закреплен шефствующий кантон. Направляемые от руководства республики делегации на местах знакомились с состоянием дел в полку, его трудностями и запросами. Для повышения качества политической работы с военнослужащими-немцами республика посылала своих партийных работников в качестве политработников.

Изменения военно-политической обстановки в мире, развитие военной техники к середине 1930-х гг. потребовали новых преобразований в армии. Советскому государству была необходима массовая армия, построенная по кадровому принципу и комплектуемая экстерриториальным способом. Такой переход повлек за собой ряд существенных перемен. В первую очередь это касалось национальных формирований, они уже не соответствовали общегосударственной системе строительства единых Вооруженных Сил. Второй период «военизации населения» АССР НП начинается с момента ликвидации национальных формирований.

В ноябре 1938 г. на заседании Главного Военного Совета Красной Армии заместитель народного комиссара обороны СССР Л.З. Мехлис сообщил, что «ликвидация национальных формирований прошла хорошо» [13].

Надвигающаяся военная угроза со стороны германского нацизма заронила в душе Сталина и его соратников зерно сомнения в верноподданнических чувствах советских немцев. По решению Главного Военного Совета Красной Армии из Белорусского Особого военного округа к 1 июля 1938 г. было уволено в запас 870 чел., пред-

ставлено к увольнению 980 чел. и переведено во внутренние округа 304 чел. командно-начальствующего состава «западных» национальностей [14].

В течение 1938 г. постепенно предаются забвению основы национального строительства в армии. В этом же году в Вооруженных Силах было уволено в запас 4800 чел. командно-начальствующего состава следующих национальностей: немцев, поляков, латышей, эстонцев, корейцев, финнов, литовцев, турок, румын, венгров и болгар [15].

В ходе подготовки к принятию Закона о всеобщей воинской обязанности была предпринята попытка не призывать поволжских немцев в Красную Армию. На совещании Комитета Оборона при Совете Народных Комиссаров СССР в 1939 г. окончательно был решен вопрос в отношении *неблагонадежных* наций. В постановлении совещания указывалось: «Призывников по национальности: немцев (уроженцев АССР НП) и карел призвать на общем основании». Тогда же было принято решение «призывников немцев (кроме уроженцев АССР НП. — *И. Ш.*), проживающих в приграничных районах и областях Союза ССР, в РККА не призывать, а брать на особый учет» [16].

С начала призыва немцев Поволжья на основании Закона о всеобщей воинской обязанности от 1939 г. командирам частей пришлось столкнуться с определенными сложностями в связи со слабым знанием русского языка. Еще в ноябре 1938 г. заместитель народного комиссара обороны СССР Л.З. Мехлис на заседании Главного Военного Совета РККА обращал внимание на то, что «националы требуют помощи в изучении русского языка» [17]. Но командование Красной Армии обратило серьезное внимание на недостатки в работе с военнослужащими нерусской национальности лишь спустя год после начала Великой Отечественной войны.

Несмотря на возникшие трудности, красноармейцы-немцы Поволжья с честью и достоинством выполняли воинский долг перед Родиной. Не ощущая притеснений на национальной основе, многие из них служили на ответственных должностях и были командирами отделений и помощниками политруков.

Немцы Поволжья совершенно не чувствовали какое-либо национальное родство с немцами третьего Рейха. Как отмечал начальник отдела политпропаганды 88-й стрелковой дивизии, на политинформации красноармеец 269-го отдельного артиллерийского дивизиона Рейтер заявил: «Моя Родина — это Советский Союз. Мой дед и мой отец жили здесь. Я другой Родины не знаю». И таких настрое-

ний и высказываний [было] очень много» [18]. Во время инспекторской проверки 611-го стрелкового полка было отмечено, что «красноармейцы — немцы [Поволжья] показали исключительную политическую активность, глубокое знание политики нашей партии и правительства, приказов НКО Союза ССР» [19].

Подводя итог, можно утверждать, что программа «военизации» немцев Поволжья достигла намеченной цели. Их боевая выучка была не ниже, чем у солдат русской национальности. В этот период немецкие воинские подразделения стали одним из проводников большевистских идей в массы немецкого населения. Проводимая политическая работа была направлена не только на повышение качества боевой подготовки, но и на формирование «молодых борцов социалистического строительства».

Как известно, несмотря на высокую воинскую выучку, основная масса военнотружеников-немцев в годы Великой Отечественной была вынуждена ковать победу не на полях сражений, а в «Трудовой армии».

Примечания

1. Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее — ЭФ ГАСО). Ф. 482. Оп. 1. Д. 26.
2. Там же. Ф. 888. Оп. 2. Д. 3. Л. 16.
3. Там же. Л. 4.
4. Там же.
5. Там же. Оп. 3. Д. 45. Л. 2.
6. См.: Захаров М. Национальное строительство в Красной Армии. М.: Изд-во военной типографии управления делами НКВД и РВС СССР, 1927. С. 75.
7. ЭФ ГАСО. Ф. 888. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.
8. Там же. Ф. 849. Оп. 1. Д. 741. Л. 35.
9. Там же. Д. 961. Л. 52.
10. См.: Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 3253. Оп. 1. Д. 87. Л. 33—44.
11. См.: Там же. Д. 84. Л. 433—463.
12. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 849. Оп. 1. Д. 285. Л. 99.
13. РГВА. Ф. 4. Оп. 14с. Д. 2030. Л. 6.
14. См.: Там же. Д. 2739. Л. 9.
15. См.: Там же. Л. 23.
16. См.: Там же. Оп. 14. Д. 2318. Л. 22.
17. Там же. Оп. 14с. Д. 2030. Л. 6.
18. Центральный архив Министерства обороны. Ф. 23-й гв. сд. Оп. 1. Д. 228. Л. 32.
19. Там же. Д. 229. Л. 38.

ВЫСЕЛЕНИЕ «БЫВШИХ ПОМЕЩИКОВ» ИЗ АССР НП В 1920-е гг.

Н.А. Малова

С первых дней Советской власти политика большевиков была направлена на ограничение прав и уничтожение «эксплуататорских классов» в России. В сельском хозяйстве с первой задачей, ограничением прав и уничтожением экономической основы жизнедеятельности помещичьих хозяйств большевики успешно справились в 1918 г. Но в середине 1920-х гг. часть бывших помещиков, оставшихся в России, продолжала проживать в своих усадьбах. И в 1925 г. на первый план большевистской аграрной политики выходит выселение бывших помещиков.

20 марта 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли Декрет «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах». На территории Немреспублики проведение этой политики приобрело несколько иной характер, чем в других регионах страны. В результате особенностей землеведения немцев-колонистов, на Волге сложилась ситуация, при которой в селе отсутствовал класс помещиков. Это подтверждают данные экономического обзора Немреспублики за 1924 г., которые приводятся в сравнении с данными за 1910, 1916 гг. Во-первых, в этом обзоре нет такой категории, как бывший помещик, а это особенно актуально для 1924 г. Во-вторых, сопоставляя данные о крестьянских хозяйствах за разные годы, можно представить объективную картину немецкого крестьянского хозяйства на Волге.

Так, до революции крестьяне Немреспублики владели 2 млн. десятин наделной земли [1]. Посевные площади в 1910 г. составляли

954 тыс. десятин, в годы Первой мировой войны они несколько уменьшились (к 1916 г. на 80,6 тыс. десятин) [2]. В 1916 г. на одно крестьянское хозяйство приходилось в среднем 9,9 десятин посева [3]. Но необходимо учитывать, что крестьяне разных национальностей традиционно имели разное количество земли. Эти различия сохраняются и после революции. Сведения о среднем земельном владении крестьян разных национальностей в Саратовском Поволжье имеются только за 1920 г.: меннониты — 6,73 дес.; русские — 2,91; татары — 4,57; немцы — 2,82; эстонцы — 2,91 дес. [4].

Увеличению крестьянских наделов в начале XX века способствовала столыпинская аграрная политика. Именно зажиточные крестьяне, которые купили земли в начале XX века, попали в 1926 г. под выселение. В документах архивов с середины 1920-х гг. они проходят как кулаки. Интересно, что уже постановление правительства АССР НП от 29 июля 1926 г., принятое на основе мартовского 1925 г. Декрета ЦИК и СНК СССР, содержало дополнение к категории «бывший помещик». Выселению из Немреспублики подлежали «бывшие помещики и крупные землевладельцы».

Для проведения выселения при Совнарком АССР НП была создана Центральная комиссия в составе заместителя председателя ЦИК АССР НП В. Персидского, членов Наркомзема Боргер и Курганова «при участии» прокурора республики Я. Суппеса. Она приступила к работе 20 октября 1925 г. Через два дня Центральная комиссия распорядилась создать на местах кантонные комиссии и в месячный срок представить анкеты на бывших помещиков и крупных землевладельцев. Представление анкет однако затянулось. Оказалось, что некоторые кантонные комиссии не справились с возложенными на них обязанностями и позволили себе «произвольно-расширительное» толкование постановления ВЦИК и СНК СССР. Например, 27 февраля 1926 г. на заседании Центральной комиссии рассматривались 83 анкеты, представленные Федоровской кантонной комиссией, из которых, по мнению местной комиссии, подлежало выселению 28 семейств [5]. У большинства из них имущество в 1918 г. из-за скромных размеров не было национализировано, были и такие «крупные землевладельцы», которых включили в списки за то, что они по душевому наделу в середине 1920-х гг. имели земли больше, чем до революции. Эта же комиссия включила в число выселяемых и арендаторов, не имевших своей собственной земли. Подобные ошибки не были редкостью, и они стали возможны из-за отсутствия четкого определения категории «бывший помещик» и в Дек-

рете ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г., и в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 22 июля 1925 г., и в инструкции ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля 1925 г. «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации ими имущественных отношений», из-за некомпетентности, подчас малообразованности рядовых чиновников, а также их неистребимого желания выслужиться, но главное, из-за отсутствия самих помещиков.

Центральная комиссия, рассмотрев анкеты на бывших помещиков и крупных землевладельцев, постановила выселить из Федоровского кантона лишь три семьи. Правительство Немецкой республики в процессе работы над выселением помещиков было вынуждено уточнить саму категорию «бывших помещиков», чтобы избежать повторения вышеназванных ошибок. Постановление СНК АССР НП от 29 июля 1926 г. № 27 определило, что выселению подлежат все дворяне, независимо от количества земли, которой они владели, все те, кто имел право голоса на собраниях и кто мог быть избранным до революции, землевладельцы, не имеющие имущественного ценза (необходимого количества земли), но в сознании масс считавшиеся помещиками. На мой взгляд, именно третье определение помещика и давало возможность чиновникам совершать многочисленные злоупотребления и подчас сводить личные счета. В конце концов помещиком в АССР немцев Поволжья стал считаться тот, кто до революции имел более 200 десятин на нагорной стороне и более 300 десятин на луговой стороне [6]. В результате работы кантонных и Центральной комиссий были взяты на учет 105 семей, проживавших в 9 кантонах. В других 5 кантонах АССР НП помещиков не нашли. Из 105 семей подлежали выселению 12 [7]. 29 июля 1926 г. на заседании Центральной комиссии их выселение было утверждено [8]. Общая площадь земель, находившихся в пользовании этих семей до революции, составила 19 509 десятин [9].

Первоначально дату выселения наметили на 1 августа 1926 г., но вскоре ее перенесли на 1 октября [10], чтобы дать крестьянам собрать урожай. Одной семье было разрешено остаться до весны, так как из-за сильных дождей они не успели собрать выращенный урожай до 1 октября [11]. Помещики выселялись из принадлежавших им усадеб, но могли проживать вне их, если бы перестали заниматься сельским хозяйством. Это подчеркивалось в циркулярном письме ЦИК АССР НП от 10 августа 1926 г. № 120/8/5 [12]. Однако ни один из выселяемых этим предложением не воспользовался. Еще летом 1926 г. Народный комиссариат земледелия АССР НП выде-

лил для выселяемых помещиков участок земли площадью 1203,39 гектара, расположенный между реками Торгун и Солянкой в южной части Старо-Полтавского кантона [13]. Отказ выселяемых от ведения сельского хозяйства на предоставленной им засушливой степной территории был предусмотрен Циркуляром ЦИК АССР НП от 10 августа. В этом случае они подлежали принудительному выселению из пределов кантона с правом запрещения занятия сельским хозяйством в любом кантоне республики. Однако в циркуляре имелись и незначительные уступки выселяемым. До весны 1927 г. им было разрешено проживать в близлежащих от места выселения селах Беляевке и Михайловке Старо-Полтавского кантона и селах Моргентау, Штрассбурге, Шамбовке, Франкрейхе и Альт-Веймаре, а затем переехать на отведенный им неосвоенный участок.

29 июля 1926 г. на экстренном заседании СНК АССР НП работа комиссии была одобрена и выселение бывших помещиков и крупных землевладельцев утверждено [14]. Выселению подлежали крестьяне из пяти левобережных кантонов Немреспублики: Краснокутского, Федоровского, Покровского, Старо-Полтавского, Мариентальского, и это не случайно, поскольку левобережные крестьянские хозяйства имели земли больше, чем правобережные. Но количество малопродуктивной земли засушливых левобережных кантонов не дает оснований судить об экономическом богатстве крестьянского хозяйства.

Из Немреспублики выселялись Финк Иван Карлович и Финк Иван Фридрихович из хутора Яблоня, Финк Давид Данилович из с. Ней-Цюрих, Миллер Давид, Иван и Карл из хутора Штразенфельд Федоровского кантона. У них было изъято построек на сумму 19 005 руб. и инвентаря на сумму 3925 руб. По Краснокутскому кантону выселению подлежали Головки Алексей Васильевич из с. Воскресенка, Рейх Иван Карлович из с. Шенталь. Их имущество на сумму 5775 руб. было передано для обустройства ветеринарной лаборатории. Из Краснокутского кантона выселялись братья Пшеничные Егор, Иван и Александр. Из Мариентальского кантона были выселены Деграф Христиан Андреевич из с. Урбах и Герстнер Мартин Иванович из с. Мариенталь. Изъятый у них инвентарь и скот (три лошади и три коровы) были переданы совхозу № 3, а остальное имущество оставлено в Наркомземе «для устройства агро- и ветпунктов в республике». В Старо-Полтавском кантоне был выселен житель с. Франкрейх Рейсх Генрих Александрович. Его постройки на сумму 1085 руб. были переданы Блюменфельдскому ветери-

нарному пункту, инвентарь же продан с торгов. В Покровском кантоне был выселен Либих Федор Богданович. Его имущество на сумму 3150 руб. передано в совхозы, а часть продана с торгов. В результате проведения этой акции совхозы получили построек на сумму 5280 руб. На устройство ветеринарных пунктов было израсходовано 10 420 руб., агропунктов — 6840 руб. С торгов были проданы постройки на сумму 3920 руб., инвентарь на сумму 4143 руб. 50 коп. [15]. Всего же в ноябре 1926 г. стоимость изъятого имущества оценивалась так: построек — около 36,5 тыс. руб., инвентаря — около 9,5 тыс. руб., три лошади и три коровы — без оценки [16]. Комитетам крестьянской взаимопомощи было передано 250 десятин земли, в государственный земельный фонд отошли 200 десятин и 250 десятин отдано местным земельным обществам [17].

Планы использования земель и изъятого имущества были утверждены на заседании правительства АССР НП 8 ноября 1926 г. План использования земель, представленный Наркомземом, был утвержден без изменений. План распределения национализированного имущества, составленный Госпланом, несколько изменен. Из имущества Финка Д.Д. один амбар передавался Наркомздраву на постройку медамбулатории в Федоровском кантоне, а остальные средства передавались для «усиления основного капитала совхозов» [18]. Для создаваемых в селе коллективных хозяйств требовались дополнительные денежные средства. Их нашли традиционным для большевиков способом — изъяли у имущих крестьян.

На насильственное выселение из собственных домов «крупные землевладельцы» ответили потоком жалоб в вышестоящие инстанции. Естественно, что все они были отклонены, но, изучая ходатайства и жалобы, можно составить образ крестьянина, попавшего под выселение, который явно не увязывается с образом эксплуататора-кровопийцы. Приведу лишь наиболее яркие, с моей точки зрения, примеры. Рейх Иван Иванович из с. Шенталь писал в своем ходатайстве в Президиум ЦИК АССР НП: «Прежде всего гражданин Иван Егорович Рейх, непосредственный землевладелец, умер в июле 1922 г. ...Хотя мой отец и владел с 1906 г. во времена Столыпина земельным участком из общественных душевых наделов, купленных им, в числе до 500 десятин, но никогда его отношение к местному рабоче-крестьянскому населению не имело кабального характера» [19]. В 1917 г. после неурожая Рейх Иван Егорович дал крестьянам окрестных сел Ягодное, Шенталь, Михайловка, Шенфельд, Шендорф, Розенталь, Гоффен-

таль ссуду до 8 тыс. пудов зерна сроком на один год. Но ни он, ни его сыновья не потребовали возвращения этой ссуды в дальнейшем, понимая, какой неисправимый ущерб принесли гражданская война, голод крестьянам. В октябре 1917 г. Иван Егорович Рейх передал 500 пудов пшеницы для центрального общества помощи беженцам войны и 100 пудов пшеницы он подарил местному земельному фонду для беженцев. В 1918 г. его сын, подлежащий выселению в 1926 г., был избран в состав сельского совета с. Шенталь. В 1926 г. Иван Иванович Рейх — председатель кредитного сельскохозяйственного товарищества. Не помог ему и приговор граждан с. Шенталь, приложенный к ходатайству, где записано, что «семья Рейх происходит из поселян-колонистов и от последних ничем не отличается, работает как простые рабочие, не имея ни управляющего, ни конторского персонала» [20]. 4 августа Рейха И.И. впервые известили о предстоящем выселении, которое было проведено 1 октября 1926 г.

Еще несколько примеров. До июля 1921 г. сражался в Красной Армии Федор Богданович Либих. Его отец в конце XIX в. владел 500 десятинами земли [21].

9 августа 1926 г. Урбахский сельский совет выдал удостоверение Христиану Андреевичу Деграфу в том, что его семья состоит из 10 человек. Происходил Деграф из крестьян с. Звонаревки Красноярского кантона. Вместе с братьями владел 320 десятинами земли, которую обрабатывал наравне с наемными рабочими. В 1926 г. Деграф Х. А. имел девять голов рабочего скота и 82 десятины посева. Имущество его в 1918 г. не было ни национализировано, ни муниципализировано [22].

Нередко крестьяне представляли вместе с ходатайствами и приговоры местных сельских обществ, как вышеупомянутый Рейх И.И., с записью «считать нежелательным выселение». 13 июля 1926 г. по поручению председателя комиссии по выселению бывших помещиков В. Персидского в Федоровский кантон выехал Г. Штрекк — член ЦИК и заведующий организационным отделом ЦИК АССР НП. Он должен был разобраться с трудностями, возникшими в процессе выселения бывших помещиков, связанными с отрицательным отношением к происходящему со стороны сельских обществ. В своем отчете Г. Штрекк писал: «Разобраться во всем трудно, местные жители молчат» [23]. Мнение о выселяемых ему удалось узнать только у жителей соседних сел. На этом основании он просил членов комиссии при принятии решений опираться на мнение местных ру-

ководителей. Так, собственно, и было, с мнением сельских обществ уже тогда руководство республики не считалось.

Пункт 14 Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 22 июля 1925 г. оставлял выселяемым все имущество, приобретенное ими после 19 февраля 1918 г. «собственным трудом и средствами». Именно на этом основании Деграф Х.А. требовал возврата амбара, тарантаса, распросной веялки, веялки, плуга, фуры, а также трех лошадей и трех коров [24]. Однако его заявление осталось нерассмотренным, и все описанное ранее имущество было изъято.

Выселение из Немреспублики 12 семей бывших помещиков и крупных землевладельцев в 1926 г., может быть, незначительный по масштабам факт, но, несомненно, это было началом новой политики в отношении крестьянства, ее «первыми шагами». «Гуманное» отношение к выселяемым со стороны местных руководителей и членов Центральной комиссии в г. Покровске — полная противоположность тому, что будет через несколько лет. В документах этого периода еще не встречается установочных цифр количества выселяемых. Уже с середины 1920-х гг. мы можем говорить о появлении в СССР новой политики — «ликвидации кулачества как класса», которая будет в полной мере реализована четыре года спустя.

Примечания

1. См.: Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее — ЭФ ГАСО). Ф. 998. Оп. 10/д. Д. 62. Л. 28.
2. См.: Там же.
3. См.: Там же. Л. 29.
4. См.: Там же.
5. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 849. Оп. 30/д. Д. 27. Л. 17.
6. См.: Там же.
7. См.: Там же.
8. См.: Там же.
9. См.: Там же.
10. См.: Там же. Д. 59. Л. 147.
11. См.: Там же. Л. 79.
12. См.: Там же. Л. 147.
13. См.: Там же.
14. См.: Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее — ЦДНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1175. Л. 69.
15. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 849. Оп. 30/д. Д. 58. Л. 92–93.
16. См.: Там же. Д. 59. Л. 79 об.
17. См.: Там же.
18. См.: ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1175. Л. 128 об.
19. ЭФ ГАСО. Ф. 849. Оп. 30/д. Д. 58. Л. 19.

20. Там же. Д. 59. Л. 14.
21. См.: Там же. Д. 58. Л. 47.
22. См.: Там же. Л. 74.
23. Там же. Д. 27. Л. 73.
24. Там же. Д. 58. Л. 24.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НЕМЕЦКИХ СЕЛАХ ПОВОЛЖЬЯ В 1920–1930-х гг.

Е.А. Ардт

1920–1930-е гг. по праву считались периодом наивысшего расцвета краеведения в Нижнем Поволжье. В этот период создаются музеи, научно-исследовательские общества, институты. Проводятся многочисленные экспедиции. Ни одна из составляющих краеведческие науки — палеонтология или геология, археология или этнография, лингвистика или история — не остается без пристального внимания ученых. Особенно интенсивно в это время проводятся историко-этнографические исследования в немецких селах Саратовского Поволжья.

Успехи, достигнутые в проведении историко-этнографических исследований в 1920-е гг., были научно подготовлены. У их истоков стояла Саратовская ученая архивная комиссия. К началу 1920-х гг. профессор Б.М. Соколов фактически закончил составление самой первой и самой подробной библиографии по истории и этнографии немцев Поволжья. Под давлением профессора С.Н. Чернова в 1918 г. заканчивает свои воспоминания о быте колонистов колонии Экгейм в 1860-е гг. П.К. Галлер. Под редакцией Г.Г. Дингеса этот труд увидел свет лишь в 1927 г. благодаря финансовой поддержке Совнаркома АССР НП, оказанной преемнику СУАК* — Нижне-Волжскому областному научному обществу краеведения [1].

В 1914 г. в целях обследования немецких колоний для издания Меморандума к 150-летию появления немцев-колонистов на Волге

* Саратовская ученая архивная комиссия.

комиссией Саратовского немецкого общества были изданы опросные листы. В настоящее время неизвестно, сколько всего их было издано, сохранилось лишь несколько экземпляров, заполненных в июне 1914 г. на села Верхнюю Кулалинку, Водяной Буерак, Нижнюю Добринку, Усть-Кулалинку, Щербаковку. Дата заполнения последней анкеты-опросника на колонию Франк — 1922 г. На последних чистых страницах брошюры от руки дописаны несколько вопросов. Следует предположить, что подобные опросники использовались и в 1919–1921 гг. Э.Г. Дингес, и позднее — в деятельности Центрального музея АССР НП. Указанный опросник включает в себя довольно широкий перечень вопросов, что предусматривало длительный период сбора и обобщения материалов в каждом селе. На титульном листе фиксировались: название колонии, округ, губерния, уезд, численность населения. Основная часть опросника делилась на 10 разделов.

Раздел I — «История колонии» — состоял из семи вопросов: год основания колонии, кем была основана, какие об этом существуют документы, где они находятся и т. п. Для получения ответов необходимо было проводить исследовательскую работу не только в самом селе, но и в различных государственных учреждениях и ведомствах. Не случайно в заполненных анкетах на эти вопросы даны очень краткие ответы.

Раздел II — «Хозяйство и земледелие» — состоял из 30 вопросов, подробно раскрывающих и систему севооборота, и перечень возделываемых культур, и приемы агротехники, и орудия труда, и многое другое. Частично поставленные вопросы затрагивали и такую тему, как промыслы и занятия.

25 вопросов раздела III освещали все аспекты деятельности школы и образования в данном селе.

Самым большим был раздел IV, 127 вопросов которого подробнейшим образом охватывали религиозную и церковную жизнь колонии.

Раздел V — «Общественная жизнь» — включал в себя лишь 8 вопросов, поскольку многие вопросы общественной жизни так или иначе нашли отражение в других разделах опросника.

Раздел VI — «Промыслы и ремесла» — ограничивался 7 вопросами.

Раздел VII — «Медицина» — состоял из 8 вопросов.

Раздел VIII, состоящий из 6 вопросов, отражал такой интересный момент в жизни колоний, как переселение в другие места, и позволял проследить основные направления миграционных процессов в конце XIX — начале XX в.

Разделы IX и X были полностью этнографическими. Первый состоял из нескольких небольших частей: «Обычай и обряды», «Костюм» (4 вопроса), «Семейные отношения» (9 вопросов), «Праздники» (11 вопросов), «Праздники» (11 вопросов), «Игры» (4 вопроса), «Народные песни» и т. д. Раздел X — «Быт» (10 вопросов) [2].

Как ответы на вопросы, так и сами вопросы, являются бесценным источником информации, позволяющим изучить все стороны жизни колонии, которые до сегодняшнего дня очень слабо отражены в литературе.

В 1925 г. заканчивает большую исследовательскую работу по немецким колониям А. Лозингер. Ее результатом стала рукопись по предметной этнографии [3]. Автор досконально описывает домашнюю утварь, сопровождая каждый предмет наиболее распространенными диалектными названиями. Наряду с этим, А. Лозингер дает исчерпывающую характеристику различным типам крестьянских жилищ и в целом поселений, отдельным частям дома и хозяйственных построек. По замыслу автора, предполагалось снабдить каждый предмет рисунком или фотографией. По-видимому, сделать это ему не удалось.

Выходу в свет книги Я. Дитца «История поволжских немцев-колонистов» помешала сначала Первая мировая война, затем смерть самого автора. Рукопись книги, приобретенная у вдовы автора Наркомпросом АССР НП в 1929 г. для Центрального музея [4], была опубликована только в 1997 г. [5].

25 апреля 1920 г. профессор Б.М. Соколов при помощи студентов, участников этнографического семинара, устраивает в здании общества «Истархэт»* небольшую этнографическую выставку, положившую начало Саратовскому этнографическому музею. Из старых книг поступления немецкого отдела следует, что его заведующая Э.Г. Дингес в 1919–1921 гг. собрала в немецких селах более 500 предметов. За два с лишним года ею были обследованы села Блюменфельд, Штрассбург, Ней-Галка, Фриденберг, Сосновка, Куккус, Ней-Веймар, Баронск, Бальцер, Зельман. Помимо сбора вещевого материала она сделала многочисленные записи обычаев, традиций, песен и поговорок на местных диалектах [6]. Экспедиционные записи до сих пор обнаружить не удалось. Сохранились лишь так называемые легенды и добросовестно сделанные описания предметов в старых книгах поступления Саратовского этнографического музея.

* Общество историков, археологов и этнографов.

Еще задолго до создания Г.Г. Дингесом Центрального музея АССР НП ученым была прослежена тесная связь между лингвистикой и этнографией. Изучая различные диалекты во время своих студенческих и аспирантских экспедиций, он тщательно фиксировал названия жилищ, отдельных частей дома, предметов быта, одежды и т. п. Центральный музей изначально создавался как научно-исследовательское учреждение. Подготовленная предшествующими исследованиями Г.Г. и Э.Г. Дингес научная база и методика проведения экспедиций и проведения устных опросов позволили ученым впоследствии проделать за короткий промежуток времени колоссальную работу. Главной целью работы музея был не только сбор материалов, но и всестороннее, детальное обследование каждого села, включающее записи устной истории, анкетирование, фотофиксацию, зарисовки и затем публикацию всего имеющегося материала [7].

В первую очередь, внимание было уделено материнским колониям и тем дочерним колониям, которые были широко известны своими особенностями. В 1925–1926 гг. было осуществлено пять экспедиций под руководством Э.Г. Дингес. Первоначально были обследованы села Палассовского кантона: Ней-Галка, Штрассбург, Блюменфельд. Дочерняя колония Ней-Галка была выбрана не случайно. Ее выгодное положение на крупной железнодорожной ветке привело к тому, что она не пострадала столь сильно от голода 1921–1923 гг. Здесь сохранилась основная часть населения и старинные предметы быта. Э.Г. Дингес удалось собрать архаичные предметы одежды, свадебные украшения, мебель, сделать редкие снимки, записать рассказы старожилов.

В 1926 г. научные исследования проводились в селах Блюменфельде, Зельмане, Графе, Мариентале, а также в Каменском кантоне. Всего было обследовано 30 сел [8].

25 сел Маркшадтского кантона обследовались не только этнографически, но и лингвистически. Для работы использовали специально разработанные и напечатанные опросники: «Wagen» и «Pflug». В них первоначально фиксировались: название села, округ, распространенный диалект. Затем в первом опроснике, состоящем из 54 вопросов, давались штриховой рисунок, название и короткое описание на литературном немецком языке различных перевозочных средств и их деталей. Во втором, состоящем из 25 вопросов — разновидности крестьянских плугов и их составных частей [9].

В перспективном плане работы музея предполагалась разработка специальных опросников по истории и этнографии, с помощью

которых можно было бы работать и во время специальных выездов, и отдавать их заранее для заполнения студентам и краеведам на местах [10].

В 1926–1927 гг. в селах Бальцерского, Франкского, Мариентальского и Палассовского кантонов производятся историко-этнографические исследования по следующим направлениям: история сел, типы селений, постройки, крестьянская мебель, кухонные принадлежности, сельскохозяйственные орудия, обычаи и т. п. Сделано около 800 полевых записей. Так, например, в записях июля 1927 г., сделанных в колониях Антон, Бальцер, Кутгер, Денгоф, наряду с типами жилищ, венцовых перекрытий домов, особенностей соломенных крыш, присутствуют сведения и зарисовки слуховых окошек, дверных засовов, рам и наличников. Сравнивая жилища Бальцерского и Франкского кантонов, Г.Г. Дингес отмечает особенности Франкского кантона в способах соломенных перекрытий и оформления коньков крыши [11]. Профессор, кандидат наук, не чурается изучения таких специфических вопросов этнографии, как орнамент на чулках, покрой женских головных уборов «Haube», типажи людей, устройство печей, формы коромысел, устройство церковной жизни [12].

В 1926–1927 гг. в экспедициях сделано 57 фотоснимков, в том числе и сценок из жизни. В 1927 г. предварительное обследование материнских колоний было завершено. В результате обработки полученных данных были выявлены некоторые различия в этнографической области между селами нагорной стороны и селами Тарлицкого округа, с одной стороны, и селами, расположенными на луговой стороне выше Покровска, — с другой [13].

Подробные записи дополнял неплохой вещественный материал. Это костюм крестьянина из Куккуса, крестьянская мебель из Мариентала (сундук, детские люльки, стулья и др.), детские люльки и домашняя утварь из с. Блюменфельд, самопрялки из Антона и Мюллера, Глиняная пахталка из с. Куккус, примитивные приборы для отливки свечей, старинный немецкий плуг из с. Крафт, мужская и женская обувь из с. Антон и Блюменфельд, некоторые предметы быта меннонитов. Только во Франкском кантоне удалось обнаружить особой формы мотвила «Haspel» с механическим счетчиком. Гончар Беккер из Куккуса пожертвовал различные глиняные изделия. Из села Брабандер поступило рукописное собрание народных песен, собранных К. Оберт, и т. д. [14].

Научные исследования, проводимые кустарным отделом Центрального музея, возглавляемого тем же Дингесом, прямо дополняли

работу исторического и этнографического отделов. В 1926 г. в Маркштадте была собрана коллекция соломенных изделий и деревянных гребенок. Коллекция трубок значительно пополнилась за счет поступления самых разнообразных трубок из села Гримм. Их стало 30 [15]. Дингесом была проделана кропотливая работа по зарисовке форм и атрибуции разновидностей курительных трубок [16]. Было также приобретено 76 предметов гончарного производства, в основном из Куккуса, позволившие представить всю технологию процесса. В этом же году был приобретен ткацкий стан и все принадлежности ткацкого производства, также иллюстрирующие весь процесс производства сарпинки. Коллекция исторического отдела пополнилась фотоснимками общественно-политической жизни АССР НП, полученными в дар от ЦИК и Совнаркома АССР НП.

1928 год — последние экспедиции Г.Г. Дингеса. В этот период им обследуются совместно со студентами Саратовского университета села на реке Караман: Краснойя, Розенхайм, Андерс, Шталь, Швед, Райнвальд, Шульц, Райнхард, Урбах. Проводимые научные исследования преследовали две цели: сбор новых сведений и предметов музейного значения и привлечение студентов немецкого отделения Саратовского государственного университета к проведению опросов и анкетирования. При этом студенты, знающие немецкий язык, приобретали навыки историко-этнографических исследований, овладевали методикой анкетирования. Практически готовились кадры для более всеобъемлющих исследований в дальнейшем. Во время работы экспедиции исследовательская работа проходила по следующим направлениям: крестьянское жилище, одежда, средства передвижения, обычаи и обряды, детские песни и игры. Апробирование проходили различного рода опросники [17]. К этому времени их было разработано несколько. В частности, опросник Дульзона, состоявший из более чем 170 вопросов по свадебному обряду. Перечень предлагаемых вопросов включал в себя все, начиная от знакомства и юношеских ухаживаний, установки на Троицу майского деревца понравившейся девушке и заканчивался последним днем свадебного торжества. Заполненные им анкеты по селам Гримм, Ягодная Поляна, Розенталь представляют собой сегодня уникальный источник по этнографии немцев Поволжья [18]. Материалы Е.Г. Кагарова по свадебному обряду, записанные им со слов жителей сел Антон, Сосновка и Куккус, дают возможность не только представить это великолепное действо на поволжских диалектах, но и определить те традиции, которые поволжские немцы привезли и сохранили со своей истори-

ческой родины. Описывая свадебный обряд, ученый постоянно сравнивает его отдельные моменты с подобными обрядами той или иной местности Германии, убедительно доказывает, как и откуда пришел на Волгу тот или иной обычай [19].

Для членов историко-этнографических кружков Саратовского землячества существовал специальный опросник, состоявший из шести разделов. Он был рассчитан на длительную работу в селе.

Первый раздел состоял из нескольких вопросов и заданий, в результате выполнения которых должен был быть нарисован точный план поселения с нанесением всех улиц, перулков, площадей, кварталов с их диалектными названиями. К плану должны были прилагаться план и рисунок церкви со всеми известными сведениями о ней: дата постройки и т. п. На план также наносился план классической крестьянской усадьбы со всеми хозяйственными постройками. Во втором разделе сосредоточивались вопросы и задания, направленные на детальное описание различных типов крестьянских жилищ, отдельных помещений. Предусматривалась обязательная фотофиксация сохранившихся домов XVIII в., так называемых «Kronhäuser». Необходимо было также изобразить и описать все составные части жилища, летней кухни, схемы расположения печей и труб, способы формирования кровли и т. д. Большая часть вопросов посвящалась интерьеру крестьянского жилища, уточнению названий мебели, в частности, типичной немецкой кровати «Himmelbett». Третий раздел целиком посвящался народному костюму. Учитывались такие тонкости, как орнамент различных составных частей вязаного чулка. Постановка тех или иных вопросов свидетельствовала о наличии тех или иных особенностей в костюме поволжских немцев. Например: «Носили ли в вашем селе мужчины раньше шапки цилиндрической формы?» «С какого времени они носят короткополые пиджаки?» «Есть ли в вашем селе мужчины, которые до сих пор носят длиннополые сюртуки и наглухо застегнутые жилеты?» «Как называли в вашем селе "Westen", "Brusttücher"?» и т. д. Четвертый раздел включал множество вопросов по праздникам и обычаям. В пятом ставилась цель запечатлеть внешний облик жителей села, их характерные особенности: цвет волос, тип лица и т. п. В шестом разделе конкретно спрашивалось: «Были ли особенности в исполнении какой-нибудь распространенной песни?» [20]. Иногда такой опросник дополнялся разделом «Верования» [21].

В фонде Дингеса-Дульзона сохранились заполненные этнографические опросники из сел Палассовского кантона, датированные 1931 г.

Они состоят почти из 1000 вопросов. Среди респондентов преобладают старожилы сел в возрасте 65–67 лет [22].

К историко-этнографическим исследованиям следует также отнести большую работу, сделанную в 1928 г. по сбору материалов к книге «Наш кантон». Сбор сведений осуществлялся по следующей схеме: раздел первый — «Окружающая природа», второй — «История села», третий — «Население», четвертый — «Жизнь села, обряды и обычаи», пятый — «Промыслы, ремесла, занятия, колхозы», шестой — «Культура», седьмой — «Управление и общественные организации». В архиве отложились заполненные материалы по Бальцерскому, Зельманскому, Марксштадтскому, Мариентальскому, Франкскому и Палассовскому кантонам [23].

В 1924 г. постановлением Главнауки при Саратовском государственном университете был создан Южно-Волжский исследовательский институт краеведения. В задачи института входило изучение Южного Поволжья в естественно-историческом, экономическом и культурно-историческом отношении. По экономической и культурно-исторической секциям разрабатывались направления, которые касались изучения всех народов, проживающих в регионе. В 1925–1926 гг. секцию этнографии возглавлял профессор Я. Буш, в 1927–1928 — Г. Дингес.

Результатом изучения немецких колоний стали работы П.Г. Любмирова «Die wirtschaftliche Lage der deutschen Kolonien des Saratower und Woisker Bezirks im Jahr 1791» [24], работы Е.И. Шлифштейна по ремесленно-кустарной промышленности, в том числе и немцев Поволжья, и доклады и публикации Г.Г. Дингеса «Опыт географического изучения детских песен поволжских немцев», «Проект изучения перевозочных средств немцев Поволжья» и др.

12 февраля 1928 г. было создано «Общество научного изучения республики немцев Поволжья». Целью общества было объединить все усилия лиц, работающих в области научного изучения республики немцев Поволжья, а также усилить научную разработку относящихся к этой области вопросов. Был принят Устав общества, разработана перспективная программа [25]. Однако наступили другие времена, воплотить в жизнь эту программу Г.Г. Дингесу не удалось. Его арест, бегство Э.Г. Дингес на Украину, трагическая смерть П. Рау поставили последнюю точку в научно-исследовательской деятельности Центрального музея по историко-этнографическому изучению немецких поселений. В 1930 г. проводится ряд экспедиций Саратовского областного музея краеведения в русские, украинские и немец-

кие села, во время которых собирается фотодокументальный и вещевой материал, характеризующий победу колхозного строя над индивидуальным крестьянским хозяйством, появление черт новой жизни. Главным направлением научной жизни в Саратовском Поволжье на долгие годы становятся изучение и претворение в жизнь марксистско-ленинской идеологии.

Примечания

1. См.: Воспоминания П.К. Галера (Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX ст.). Саратов, 1927.
2. См.: Энгельсский филиал Государственного архива Саратовской области (далее - ЭФ ГАСО). Ф. 1821. Оп. 1. Д. 35.
3. См.: Там же. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 242-243.
4. См.: Там же. Ф. 1348. Д. 5. Л. 4.
5. См.: Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997.
6. См.: Саратовский этнографический сборник. Вып. 1. Саратов, 1922. С. 23.
7. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 1348. Д. 10. Л. 18.
8. См.: Dinges G. Auf der Fahrt nach volkskundlichen und historischen Exponaten für das Zentralmuseum // Unsere Wirtschaft. Pokrowsk, 1926. № 45.
9. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 35.
10. См.: Там же. Ф. 1348. Д. 3. Л. 5.
11. См.: Nachrichten. 02.08. 1928.
12. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 36.
13. См.: Nachrichten. 02.08. 1927.
14. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 36.
15. См.: Nachrichten. 02.08. 1928.
16. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 1348. Д. 3. Л. 7.
17. См.: Nachrichten. 02.08.1928.
18. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 22.
19. См.: Кагаров Е.Г. Свадебный обряд немцев Поволжья, записанный в с. Антон АССР НП // Доклады Академии наук СССР. 1929. Т. 3.
20. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 22.
21. См.: Там же. Д. 36. Л. 1-11.
22. См.: Там же. Д. 35.
23. См.: Там же. Ф. 1831. Оп. 2. Д. 80, 101, 167, 168, 169, 170.
24. См.: Unsere Wirtschaft. Pokrowsk, 1925. № 2.
25. См.: ЭФ ГАСО. Ф. 1348. Д. 5. Л. 1.

ВОЗВРАЩЕННОЕ ИМЯ: Г.Г. ШМИДЕР (1902-1965)

Е.М. Ерина

*С каждым ушедшим в иной мир
уходят навсегда и наши песни [1]*

Работая над созданием объединенного архивного фонда личных документов профессоров Г. Дингеса и А. Дульзона, мы обратили внимание на справку, датированную 20 мая 1939 г. В ней указывалось, что в Центральном музее АССР НП хранится 696 песен, записанных Готфридом Шмидером в 1928-1929 гг. в бывших немецких колониях Поволжья [2].

Исследование всех томов сохранившихся народных песен лишь частично подтвердило указанные сведения. Тот факт, что Г. Шмидер принимал активное участие в фольклорно-этнографических экспедициях, организованных Георгом Дингесом в конце 1920-х гг., не вызывал сомнения. Во всех сохранившихся документах Центрального бюро по изучению диалектов немцев Поволжья, в отчетах упоминался Г. Шмидер наряду с Э. Дингес (женой Г. Дингеса), А. и В. Дульзон, Х. Грасмюк, П. Гунгером, Ф. Лихтнером, Н. Касандровой [3]. Ими был собран богатейший материал по этнографии и диалектологии не только в немецких колониях. 27 февраля 1941 г. Г. Шмидер писал на обратной стороне нот к песне «Развяжите вы мне крылья»: «Собраны песни в Золотовском кантоне в 1929 г. Тексты хранятся в краеведческом музее г. Саратова» [4].

Многие карточки, на которых велись записи в ходе экспедиционной работы, также указывали на Г. Шмидера как одного из собирателей материалов. Весьма сомнительным представляется лишь то, что все 696 песен записаны именно им. Во-первых, на каждой карточке указана фамилия собирателя и информанта. Во-вторых, на пес-

нях, нотированных Г. Шмидером, имеется отметка на поле поперек карточки: «Нотировано Г. Шмидером». И далее следует его роспись.

Как же объяснить появление такого рода документа? После репрессий 30-х гг. долгие годы экспедиций не было. Только в 1940 г., благодаря инициативе Союза советских писателей АССР НП и деятельности Дома народного творчества (ДНТ), была пробита брешь и получено разрешение на проведение экспедиций по сбору материалов по этнографии и фольклору. В плане работы ДНТ на 1940 г. было записано: «Послать бригаду по сбору фольклора в кантоны Немреспублики» [5]. Руководителем фольклорной экспедиции стал председатель Союза советских писателей Немреспублики Андреас Закс, в состав вошли писатель Виктор Кляйн, а также музыкант, композитор Готфрид Шмидер. «Урожай», собранный ими, оказался весьма скромным: 93 народные песни с нотами, 9 инструментальных произведений, среди них — две партитуры для четырех инструментов и одна сказка. Тексты были записаны В. Кляйном и А. Заком, ноты — Г. Шмидером [6].

Мог ли итог экспедиции быть иным? Она была немногочисленной и краткосрочной. Не могли не сказаться на сборе материала и годы раскулачивания, в результате чего тысячи зажиточных и среднего достатка крестьян, истинных носителей народной культуры, были выселены и рассеяны по всей стране. Кроме того, установка руководства на сбор прежде всего «советского фольклора» также негативным образом сказалась на результатах экспедиции. Частушки, меткие выражения и песни, направленные против религии, против «кулаков», прославляющие «счастливую колхозную советскую жизнь», еще практически не были созданы... Потому творческая бригада решила издать все материалы, собранные в свое время Г. Дингесом и его командой. Но из-за упоминания репрессированных «врагов народа» Г. Дингеса, А. Лонзингера, П. Зиннера, да и А. Дульзона, хотя и освобожденного в 1935 г. из-под стражи, но находящегося под неуспешным оком КГБ, могло быть наложено вето на издание. Поэтому решено было преподнести все песни как собранные Г. Шмидером. Нотирование всех этих песен безусловно явилось бы прерогативой композитора. После получения материалов экспедиции ДНТ решил обработать весь собранный в республике фольклор, а это ни много ни мало — около 1200 произведений народного творчества. Сборник песен предполагалось выпустить уже к октябрю 1940 г. Для претворения в жизнь этих планов было создано две редакционные комиссии:

одна под руководством Андреаса Закса для работы «исключительно над сказками, рассказами, стихами, пословицами», вторая — под руководством Г. Шмидера, для обработки песенного материала [7]. В отчете ДНТ за 1-е полугодие 1940 г. отмечалось, что до сего времени в Немреспублике нет ни одной обработанной фольклорной песни. «Это положение не нормальное. Надо обрабатывать фольклор и выпустить сборник. Сейчас создана комиссия из 5 человек» [8].

Фамилия Г. Шмидера неоднократно встречалась нам при работе с документами Немгостеатра, Немгосфилармонии, музея, редакции радиовещания, в печати, но долгое время не удавалось соединить все эти отрывочные сведения и воссоздать образ талантливого композитора, написать его биографию.

Толчок к дальнейшей исследовательской работе дал звонок из Москвы кандидата искусствоведения Ивана Павловича Виндгольца, ныне проживающего в Германии. Еще несколько лет тому назад он загорелся идеей переиздать «Народные песни немцев Поволжья с мелодиями и рисунками». Автором-составителем сборника, издание которого было осуществлено в Берлине и Лейпциге в 1932 г., был Г. Дингес. Иллюстрирована книга П. Рау, археологом, художником, писателем, другом и соратником ученого, сменившим Г. Дингеса на посту директора Центрального музея АССР НП. Нотировал песни, вошедшие в сборник, безусловно, Г. Шмидер. По какой причине композитор не указан на титульном листе сборника — доподлинно неизвестно. Возможно лишь предположить следующее. В момент его издания Г. Дингес был не только осужден и сослан в Западную Сибирь как враг народа, но, возможно, уже и умер в ссылке. Пауль Рау еще летом 1930 г., не выдержав травли и вызовов в ОГПУ, покончил жизнь самоубийством. Неизвестно, когда и каким путем сборник был передан за границу. Возможно, имя молодого композитора не было упомянуто специально. В 1929 г. Г. Шмидер после окончания Саратовского музыкального училища выехал на работу в г. Бальцер. До 1934 г. он не был в столице АССР НП, к этому времени надуманный политический процесс по делу Г. Дингеса, А. Сынопалова, П. Зиннера и других был закончен, но отголоски его слышались еще долгие годы. Ясно одно, что отсутствие имени Г. Шмидера в сборнике спасло его от репрессий и дало возможность композитору продолжить дело своего учителя...

В 1996 г. в издательстве «Готика» Международный союз немецкой культуры при поддержке посольства Германии осуществил мечту И. Виндгольца — издал сборник.

Анализ вошедших в сборник песен дал возможность установить, что 17 из них были записаны четой Дингес в родном селе Георга Дингеса Цветочное (Blumenfeld), 5 — в родном селе Г. Шмидера Ней-Галка (Neu-Galka) и одна — в селе Усть-Кулалинка (Galka), где Г. Шмидеру довелось жить и работать. Другие песни были собраны в целом ряде колоний: Ровное (Seelman), Красный Яр (Krasnyj Jar), Верхняя Грязнуха (Kraft), Советское (Mariental), Любомировка (Liebental), Краснополье (Preis), Старица (Reinwald), Раскаты (Roleder), Подстепное (Rosenheim), Семеновка, Лауб (Tarlyk), Липов Кут (Urbach), Подлесное (Unterswalden), Липовка (Schafer), Сосновка (Schilling), Луговая Грязнуха (Schulz), Зоркино (Zurich).

Автор предисловия к переизданному сборнику сделал попытку представить нам биографию композитора. Из-за скудости информации ему это сделать не удалось. Поэтому захотелось пополнить сведения, почерпнутые И. Виндгольцем из различных источников, некоторыми архивными данными.

Родился герой нашего повествования не в Саратове, а в колонии Ней-Галка (Neu-Galka), ныне Палласовка Волгоградской области, в 1902 г. в семье Готфрида Шмидера, машиниста буксирного парохода «Крупчатник». Мальчика нарекли именем отца. Пятеро детей в семье требовали внимания и заботы. Мать, как и большая часть женщин до революции, занималась воспитанием детей. Семья не знала нужды, заработная плата отца была высокой. Но счастье оказалось недолгим. Едва мальчику исполнилось два года, как на семью обрушилось непоправимое горе — отца раздавило машиной. Выхлопотав пенсию на детей за трагически погибшего мужа, вдова переехала в Саратов. Пенсии не хватало, пришлось подрабатывать поденной работой, в основном стиркой белья у богатых. Мать делала все, чтобы дать детям образование. В 1913 г. старший сын выехал в Южную Америку (Аргентину) на заработки. Четверо младших остались с матерью. Здесь, в Саратове, Готфрид в 1908 г. пошел в четырехклассную немецкую школу. В 1912 г., после окончания школы, опекуны мальчика настояли на продолжении обучения его в торговой школе. Позднее в своей биографии Готфрид признавался, что душа его совершенно не лежала к счетной работе. Не закончив последнего, четвертого курса, бросил учебу, чтобы заняться любимым делом — музыкой. Этому решению в немалой степени способствовал тот факт, что Готфрид стал брать уроки у великого мастера скрипичной игры — профессора Саратовской консерватории чеха Я.Я. Гаска. В 1916 г. профессор принял одаренного юношу стипендиатом в кон-

серваторию по классу скрипки. Казалось, счастье вновь вошло в семью, но внезапная смерть талантливого педагога в 1918 г., революционные потрясения, Гражданская война не оставили надежд на окончание консерватории. Семья вынуждена была покинуть Саратов и возвратиться в родное село, дабы пережить годы смуты и голода. Там шестнадцатилетний юноша начал трудовую биографию, не связанную с его призванием и талантом: делопроизводитель райвоенкомата, завхоз больницы села Верхняя Кулалинка (Holstein), учитель школы села Крестовый Буерак (Muller). Грамотный серьезный юноша был востребован, и это помогло выжить семье в тех непростых условиях.

Однако мечта о музыкальном образовании не оставляла. В 1925 г. Г. Шмидер женился на односельчанке, «дочери середняка», как писал он позднее в биографии. Указание на принадлежность к классу диктовалось политикой государства. Молодая семья переехала в Саратов, где Готфрид поступил в музыкальный техникум. Здесь в годы учебы и произошла его встреча с Г. Дингесом, началась работа в экспедициях, сбор фольклора, записи народных песен с нотами в бывших немецких колониях, в украинских и русских селах.

После окончания техникума в 1929 г. дипломированный скрипач выехал в г. Красноармейск (Balzer). Здесь в школе II ступени разносторонне развитый специалист преподавал не только свой основной ожаемый предмет — музыку, но и географию, физику.

В 1934 г. Г. Шмидер был приглашен на работу в оркестр Немгостеатра. Семья переехала в г. Энгельс, столицу Немреспублики, и поселилась в домике № 7 по Малому переулку. В тот же год в Энгельсе была открыта Немгосфилармония. Игра первой скрипки оркестра Немгостеатра привлекла внимание главного дирижера А.И. Климова, и он пригласил Г. Шмидера к себе в оркестр. Так скрипач связал свою жизнь с Немгостеатром и Немгосфилармонией, с музыкальной культурой республики. Он пишет музыку, обрабатывает народные песни, возглавляет Бюро композиторов Немреспублики, в состав которого входили музыканты М.С. Попов, Г. Давид, Рейхенбах и А.И. Климов [9].

Но в 1937 г. Немгосфилармония была закрыта, А. Климов был вынужден покинуть г. Энгельс, Немреспублику. Г. Давида, главного дирижера Немгосхора, арестовали органы НКВД и выдворили из страны. Музыкальному активу Немреспублики был нанесен непоправимый урон. В связи с этими событиями колоссальная ответственность ложилась на Г. Шмидера.

Композитор после ликвидации Немгосфилармонии 22 сентября 1937 г. возвратился в оркестр Немгостеатра «скрипачом — помощником директора», став чуть позже «1-й скрипкой и помощником дирижера оркестра» [10].

Однако, когда в 1938 г. Немгосфилармония обрела второе дыхание, Г. Шмидер возвратился в свой коллектив, продолжая работу в оркестре Немгостеатра по совместительству. Как композитор, он продолжал писать музыку, обрабатывал народные песни. В репертуаре самостоятельных коллективов появились его работы: «Колхозный Шлайфер», музыка Г. Шмидера, и «Я — музыкант», в обработке Г. Шмидера [11]. Г. Шмидер работал много и плодотворно. Он преподавал на заочных курсах для музработников кантонов, организованных ДНТ, участвовал в работе семинаров для руководителей кружков художественной самодеятельности Немреспублики. Читал им курс лекций по истории музыкальной культуры и немецкой фольклорной песни [12], участвовал в подготовке и проведении смотров самодеятельного искусства в 1935–1941 гг., не отказывался от музыкального сопровождения «последних известий на радио, участвовал в подготовке и проведении юбилея П.И. Чайковского» [13].

26 мая 1940 г. Управление по делам искусств при Совнарком РСФСР направило Г. Шмидера на конференцию композиторов национальных республик страны в Казань. Сохранилось командировочное удостоверение Г.Г. Шмидера, композитора, скрипача симфонического оркестра Немгосфилармонии.

При Немгосфилармонии был создан немецкий национальный ансамбль, но его работа не отвечала требованиям времени, поскольку в его репертуаре были в основном русские и украинские песни и танцы, а немецкий репертуар был незначителен, что отмечалось на IV сессии Верховного Совета АССР НПИ 20 мая 1941 г. Было решено: «Создать немецкий национальный ансамбль песни и пляски, чтобы громадный материал народного творчества популяризировать в Немреспублике, в художественной обработке довести его до трудящихся. Создать новые песни и танцы, отражающие счастливую жизнь в республике» [14].

В том же году Г. Шмидер начал работать с ансамблем, а 5 апреля 1941 г. он официально был назначен его художественным руководителем. Хормейстером и дирижером стал Василий Федорович Васильев [15].

Творческий рост, любимая работа, благополучная семья, в которой уже росла дочь Ирма, помощь мамы Готфрида по хозяйству

и в воспитании дочери давали возможность полностью отдаваться работе, готовить к изданию сборник народных песен... Рядом в городе жила и трудилась в Республиканском центральном музее сестра и единомышленник — Лидия Готфридовна Шмидер. Это ли не счастье! Конечно, не могла не угнетать композитора невозможность упоминания своего первого учителя, привившего ему любовь к народному творчеству, Г. Дингеса. Но продолжить начатое им дело удавалось.

Все планы талантливого музыканта прервала война. Август 1941 г. явился последним месяцем его творческой биографии на волжской земле. Еще 29 августа Г. Шмидер значился в ведомости на зарплату как художественный руководитель ансамбля. Указ от 28 августа о выселении немцев Поволжья он прочитал буквально через день — 30 августа 1941 г.

Семья Г. Шмидера была выселена, как и тысячи других немецких семей. Начались годы скитаний на чужбине. Как пишет И. Виндгольц, со слов дочери композитора — Ирмы Готфридовны Шмидер-Бенке, отцу еще повезло. Он не был на лесоповале, не спускался в шахту. С 1941 г. и до конца войны работал в театре г. Минусинска, затем по 1948 г. — в Ачинском театре. В 1948–1952 гг. преподавал в педучилище, а с 1953 г. и вплоть до ухода на пенсию в 1962 г. работал в пединституте и детской музыкальной школе. Последние годы провел в Усть-Лабинске Краснодарского края, где жила дочь Ирма.

Наверное, его тонкая музыкальная натура тяжело переживала боль, трагедию своего народа. 8 октября 1965 г. композитор покинул эту грешную землю, так и не дождавшись реабилитации российских немцев, не дожив до покаяния властей перед одним из своих народов.

Примечания

1. Народные песни немцев Поволжья с мелодиями и рисунками. М., 1996. С. 6.
2. См.: Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Энгельсе (ЭФ ГАСО). Ф. Р-1348. Оп. 1. Д. 36. Л. 72.
3. См.: Ерина Е.М. Очерки истории и культуры немецкой автономии на Волге. Саратов, 1995. С. 83.
4. ЭФ ГАСО. Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 141. Л. 209.
5. Там же. Ф. Р-1039. Оп. 1. Д. 11а. Л. 28.
6. См.: Народные песни немцев Поволжья с мелодиями и рисунками. М., 1996. С. 19.
7. См.: ЭФ ГАСО. Ф. Р-1039. Оп. 1. Д. 11а. Л. 28.
8. Там же.
9. Там же. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 20. Л. 47.

10. Там же. Ф. Р-991. Оп. 1. Д. 297. Л. 1.
11. См.: Там же. Ф. Р-1039. Оп. 1. Д. 11а. Л. 21.
12. См.: Там же. Д. 14. Л. 95.
13. См.: Там же. Ф. Р-900. Оп. 1 л/с. Д. 7.
14. Там же. Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 215. Л. 94, 96.
15. См.: Там же. Ф. Р-1044. Оп. 1. Д. 79. Л. 12, 22.

ГЕРМАНСКИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОНЦЕССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1920–1930-е гг.)

Т.Н. Плохотнюк

Политика российского, а позднее и советского государства по отношению к своим гражданам немецкой национальности всегда определялась и проводилась с оглядкой на исторические корни этого народа. Отсюда межгосударственные отношения России (СССР) и Германии всегда являлись чувствительным фактором, влиявшим на судьбу и благополучие российских («советских») немцев. Таким образом, проблема развития взаимоотношений этих двух государств представляется весьма значимой для объективного исследования истории российских немцев. Материалы фондов Переселенческого управления Наркомата земледелия, Концессионного комитета Российского государственного архива экономики (РГАЭ, Москва), Концессионных комиссий торгпредства СССР Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва), Северо-Кавказского крайисполкома Государственного архива Ростовской области (ГАРО, Ростов-на-Дону), Армавирского окрисполкома Государственного архива Краснодарского края (ТАКК, Краснодар) позволили реконструировать один из интересных сюжетов этой большой и важной проблемы. Речь идет о предпринятой в данной статье попытке выяснить и проанализировать причины и условия возникновения германских сельскохозяйственных концессий, характер их деятельности.

Период относительной стабилизации дружественных и взаимовыгодных отношений между Россией и Германией приходится на 1920-е гг. Недавние противники оказались заинтересованы в уста-

новлении дипломатических, хозяйственных, торговых и других контактов. Эта заинтересованность была продиктована внешнеполитическими и демографическими обстоятельствами.

По Версальскому договору Германия лишилась обширных сельскохозяйственных областей — Западной Пруссии, части Восточной Пруссии, Познани, Шлезвиг-Гольштейна. В результате этого промышленные центры Германии испытывали недостаток сельскохозяйственной продукции и не могли обеспечить занятости сельскохозяйственного населения. Эмиграция и получение сельскохозяйственной концессии — вот два способа решения этих острых проблем для Германии в тот период. Организации типа «Союз германских сельских хозяев» (Deutscher Bauernbund), «Товарищество для переселения внутри страны и за границу» (In-und Auslands-Siedlung Genossenschaft) и другие развернули активную деятельность по переселению немцев в Россию, а затем в СССР [1]. Со своей стороны советское государство определило колонизацию и концессию важным условием восстановления разрушенной экономики в кратчайшие сроки. Колонизация как система переселенческих мероприятий позволяла исправить демографическую ситуацию в случае иммиграции и реиммиграции. Так называемая колонизационная концессия создавала условия для привлечения иностранного капитала в производство, что могло существенно ускорить его восстановление и обеспечить его интенсификацию.

Советское правительство в своей миграционной политике отдавало предпочтение так называемой сельскохозяйственной иммиграции, т. е. организации въезда агрокультурных сельскохозяйственных групп. Переселение трудовых объединений (коммун, товариществ и т. д.) рассматривалось как средство внедрения в среду коренного земледельческого населения более совершенных навыков в области хозяйствования, методов рациональной постановки хозяйства и т. д. С этой точки зрения предпочтение отдавалось оформленным группам въезжавших, а не отдельным семьям.

Въезжавшие не могли рассчитывать на финансовую поддержку правительства. В постановлении СТО «О сельскохозяйственной иммиграции», принятом 2 февраля 1923 г., были определены условия, на которых разрешался и осуществлялся въезд. В этом документе четко классифицировалась такая категория въезжавших, как реиммигранты. Таковыми считались российские граждане, эмигрировавшие из России до 7 ноября 1917 г. в поисках заработка, не перешедшие в иное гражданство и возвратившиеся в СССР. Эта категория

переселенцев могла получить землю в постоянное пользование. Иммигрантам земля предоставлялась в пользование в соответствии с общими правилами на арендных началах.

Переселявшиеся группы освобождались от таможенных, акцизных и канцелярских сборов с ввозимого инвентаря и личного багажа. Иммигранты и реиммигранты пользовались льготным тарифом ($\frac{1}{4}$ стоимости обыкновенного пассажирского билета) при переезде на место поселения, начиная от союзной границы, но только если они согласны на переселенческое передвижение, т. е. малой скоростью в товарно-пассажирских составах. Имущество иммигрантов перевозилось от союзной границы до места поселения по льготному переселенческому тарифу (1/80 копейки золотом с пуда и с версты) малой скоростью прямого сообщения. Этой льготой иммигранты могли воспользоваться только при получении соответствующего удостоверения от Комиссии СТО, т. е. заручившись разрешением заранее [2]. С начала 1920-х гг. в Советской России (затем СССР) была создана разветвленная сеть органов, занимающаяся вопросами переселения (Переселенческий комитет, Переселенческое управление, Переселенческий отдел при НКЗ, Постоянная комиссия СТО по сельскохозяйственной и промышленной иммиграции) и вопросами концессий (Концессионный комитет и Концессионные отделы) [3]. Концессионный комитет при НКЗ, преследуя цель интенсивного развития всех регионов и использования их естественных богатств, утвердил комплексную программу привлечения иностранного капитала. Эта программа предполагала организацию около 13 специализаций для концессии. Среди них — концессия на звероловные и дичеловные промыслы, концессия по организации рыбных промыслов, по организации орошения и осушения, по разработке ископаемых, по устройству железных дорог и водных путей сообщения, по приведению земель в колонизационную пригодность, а также скотоводческие и зерновые концессии [4]. В это же время шло оформление государственного колонизационного фонда. 6 июля 1920 г. были утверждены «Правила об образовании колонизационного фонда» [5]. Значительная часть территории Северного Кавказа входила в так называемый Юго-Восточный государственный колонизационный фонд. Он предназначался для регулирования переселенческих процессов. Наличие свободных земель этого фонда должно было снять напряжение в экстренных случаях, обусловленных активизацией миграции как в пределах региона, так и в центральных гу-

берниях России. В соответствии со статьей 3 «Правил об образовании Государственного колониального фонда», а также постановлениями Юго-Восточного краевого и Всероссийских землеустроительных съездов в колониальный фонд Юго-Востока вошли:

- 1 700 000 дес. — в Донской области;
- 500 000 дес. — в Ставропольской губернии;
- 300 000 дес. — в Кубано-Черноморской области;
- 330 000 дес. — в Терской области [6].

Эти земли были разделены на две категории:

категория А — земли, наиболее обследованные и представляющие наибольшую ценность для сельскохозяйственного освоения по своим естественным качествам с учетом водоснабжения и близости железных дорог;

категория Б — земли, менее исследованные, трудные для освоения, требующие крупных работ по регулированию и устройству земельных отношений среди населения.

К районам категории Б были отнесены часть Ставропольской губернии, примыкающая к проектируемому Манычскому каналу, часть Терской области в дельте Терека и Кубанской области в дельте Кубани [7].

Все свободные земли, составляющие Государственный колониальный фонд, могли служить объектом концессии. На территории Северного Кавказа существовали две крупные германские сельскохозяйственные концессии «Маныч» акционерного общества Фридриха Круппа (Эссен) и ДРУЗАГ (Берлин).

В середине марта 1922 г. в г. Ростов-на-Дону прибыл представитель акционерного общества Фридриха Круппа г-н Клетте для обследования участка, предоставляемого концессии. В.И. Ленин проявил особое внимание к делу создания этой концессии, подчеркнув политическое значение этого мероприятия. Он прислал телеграмму в облисполком в Ростов-на-Дону с требованием безотлагательно и неукоснительного выполнения всех условий для создания концессии. Вопрос о предоставлении германским концессионерам земельных участков в Сальском округе обсуждался в Ростове-на-Дону. Кроме того, члены германской делегации осмотрели участки на месте и дали согласие на окончательное определение общего массива [8].

В него вошли, в основном, земли Восточного коннозаводства. Одним из существенных недостатков отводимого массива из двенадцати земельных участков было состояние водных источников. Пру-

ды, колодцы необходимо было привести в порядок — укрепить плотины, устроить срубы колодцев [9].

Поездка делегации под руководством Клетте завершилась 24 марта, а днем раньше — 23 марта 1922 г. — в Германии был заключен концессионный договор между правительством РСФСР и акционерным обществом Фридриха Круппа. По этому договору концессионер приобретал право непосредственной эксплуатации земли, организации промышленной переработки производимой продукции. За предоставленную этим договором концессию концессионер должен был уплатить правительству в течение первых трех лет 10%, в течение следующих трех лет — 15%, а начиная с седьмого года — 17,5% общего валового урожая. Долевые отчисления должны были производиться соответствующими продуктами, право замены одного продукта другим оставалось за правительством. Оно получало преимущественное право приобретать произведенные концессионером продукты по ценам мирового рынка [10].

Концессионер обязан был за свой счет обеспечить концессионное хозяйство всем необходимым инвентарем, материальными строениями. Правительство оговорило для себя право свободного доступа к финансовой документации концессии. Во всех областях своей деятельности концессионер подчинялся законам РСФСР, пребывание в России служащих у концессионера лиц иностранного подданства регламентировалось законами РСФСР об иностранцах. Все существующие законы относительно охраны труда и социального обеспечения были обязательны для концессионера [11].

По истечении срока договора концессионер должен был сдать правительству все предприятия в полном порядке, а также в том качественном и количественном состоянии, в котором оно было в среднем между 12-м и 18-м годами после начала договора. Все споры, которые могли возникнуть, окончательно разрешались третейским судом. Каждая из сторон назначала по одному третейскому судье, который был специалистом в области сельского хозяйства или юристом. Суперарбитр назначался лицом, пользующимся международной известностью, относительно которого договаривающиеся стороны соглашались между собой. Суперарбитр тоже был либо юристом, либо специалистом в области сельского хозяйства [12]. Заключение концессии с акционерным обществом Ф. Круппа имело не только экономическое, но и политическое значение. Оно состоялось незадолго до Рапалло. Можно предположить, что этот договор позволил продемонстрировать заинтересованность немецких пред-

принимателей в разносторонних контактах и связях с Россией. Это обстоятельство должно было влиять на позицию германского государства по отношению к советскому государству. Российская сторона, проявляя заинтересованность в быстрейшем решении вопроса, заявило о своей готовности облегчить выполнение принятых концессионером обязательств.

Так, правительство РСФСР в конфиденциальном письме обязалось снабжать концессионное хозяйство бензином подходящего качества для моторных плугов и для автомобилей по самым низким ценам из тех, по которым бензин отпускается другим частным крупным потребителям; предоставить двух опытных, знакомых с местными условиями специалистов по сельскому хозяйству, обеспечивая их содержание; осуществлять доставку ввозимого концессионером оборудования от портов Новороссийска, Азова, Таганрога до ближайшей к концессии железнодорожной станции; снабдить концессию в течение первого года семенами для посева (концессионер возмещал только себестоимость). Чтобы облегчить концессионеру привлечение из Германии специалистов, правительство обещало всем лицам, командированным с этой целью в Россию, широкую защиту, личную безопасность, свободу передвижений и др. [13].

Правление акционерного общества Фридриха Круппа долгое время не приступало к выполнению этого договора, мотивируя это отсутствием необходимых средств. В декабре 1922 г. правление акционерного общества привлекло к участию в этой концессии англичанина Уркардта, который вложил недостающие средства. Но и после этого письмом от 4 декабря 1922 г. на имя торгпреда РСФСР в Германии Стомоньякова было сообщено, что правление общества согласно приступить к выполнению договора только в случае признания советской стороной следующих изменений в нем:

- сокращения площади концессии с 50 тыс. десятин до 25 тыс. десятин;
- продления концессионного срока с 24 до 36 лет;
- продления срока введения всей площади под культуру до 6,5 лет;
- уменьшения ежегодных процентных отчислений в пользу правительства. Это изменение оговаривалось детально, двумя примечаниями: а) если урожай с десятины составит 20 пудов, то сперва отбираются семена, а потом делаются процентные отчисления; б) валовой урожай определяется по книгам концессионера;
- по истечении срока концессии правительство должно выкупить весь живой инвентарь, оплатив 80% себестоимости концессионеру.

хотя по договору все хозяйство концессионера должно было передаваться безвозмездно [14].

Концессионная Коллегия Торгпредства РСФСР в Германии приняла эти изменения. Но НКЗ опротестовал все пункты, в чем его поддержал Главный Концессионный Комитет. Вопрос о сельскохозяйственной концессии акционерного общества Ф. Круппа был рассмотрен в Политбюро ЦК РКП без приглашения представителя Коллегии НКЗ. После этого Главконцеском получил директиву — принять все изменения, предложенные обществом. Такая позиция Политбюро убеждает в том, что концессия была необходима прежде всего как политическое мероприятие [15].

Реальная деятельность концессии началась с 1924 г. Это было зерновое производство (пшеница, рожь, ячмень). Концессия существовала в соответствии с действующим законодательством РСФСР. Прием на работу в концессионное хозяйство оформлялся при участии местного отдела Наркомтруда. Число иностранцев на службе у концессионера не превышало 70% для служащих и 50% для рабочих. Машинно-тракторный фонд насчитывал 17 тракторов и более 100 различных сельскохозяйственных машин. В концессии «Маньч» была создана опытная станция и заложен питомник. Результаты систематических правительственных инспекций в концессии свидетельствовали о том, что концессионер стремился к выполнению принятых на себя обязательств. Организация условий труда была признана образцовой, она исключала всякую возможность прогула, простоя, давала высокую производительность. Выплата заработной платы, оказание медицинского обслуживания, обеспечение жильем — эти пункты договора тоже выполнялись удовлетворительно. Все страховые взносы вносились исправно [16].

Опыт заключения концессионного договора, существования концессии, взаимодействия с ней убеждал в том, что создание концессии без взаимной выгоды есть экономическая нецелесообразность. Достижение взаимной выгоды, результативности было возможно только в случае готовности к компромиссу. Это положение подкрепляется опытом существования концессии ДРУЗАГ.

ДРУЗАГ (Deutsche-Russische Saatbau Aktiengesellschaft — Германско-Российское семеноводческое акционерное общество) — аграрное концессионное хозяйство, организованное в соответствии с концессионным договором от 24 октября 1922 г. между Наркомземом России и Германским обществом семеноводов — Deutsche-Saatbau-gesellschaft (DSG). Срок действия договора был оговорен с 1 января

1923 г. по 1 декабря 1954 г. По условиям договора концессионер ежегодно уплачивал правительству СССР 20% валового сбора продуктов земледельческого хозяйства отчетного года. Число иностранных служащих и рабочих не превышало 25% общего количества рабочих и служащих хозяйства. Во время действия договора правительство предоставляло концессионеру преимущественное право перед другими лицами устраивать новые семеноводческие хозяйства при прочих равных условиях и давало право выхода на внешний рынок. Концессия должна была обеспечить семеноводческое зерновое направление производству, механизировав его, и вовлечь в хозяйственный оборот все земельные площади [17].

В соответствии с условиями договора в пользование концессионера передавались земли в Подмосковье и на Северном Кавказе. Дирекция DSG отказалась принять в концессию совхозы «Черемушки», «Красная Горка», «Якунчиково», «Ананьино» в Подмосковье из-за задолженности перед государством, которую автоматически переносили на концессионера. ДРУЗАГ оставил за собой хозяйства «Красный хутор» и «Кубань» Кропоткинского района Армавирского округа и совхоз № 8 Мечетинского района Донского округа. Окончательное землеустройство ДРУЗАГ завершилось осенью 1925 г. [18].

В ходе организации этого концессионного хозяйства также вносились изменения в условия договора. Кроме того, в данном случае было совершено отступление от основ концессиональной политики, а именно: нарушено определяющее положение — создание концессии с целью привлечения иностранного капитала для организации и подъема хозяйства. Германская семеноводческая концессия получила кредиты на сумму свыше 575 тыс. руб., что составило 164% всего капитала, вложенного концессионером в хозяйство [19].

Концессии возникали в период, когда хозяйственная система была подорвана. В этой ситуации концессии были средством скорейшего достижения стабилизации. Опыт производства, связи с мировым рынком и т. д. позволяли это сделать. Концессионеры осваивали земли, которые считались малопригодными и до этого не использовались в производстве. Они создавали высоко rentабельные хозяйства в зонах сложных климатических условий (засушливость, соленые почвы и т. д.).

По методам организации концессии были капиталистическими хозяйствами. Поэтому для советской системы они оказались чужеродными учреждениями. Концессия с ее крупными масштабами способов обработки земли не могла быть показательным хозяйством для

единоличных крестьянских хозяйств. Для создаваемых колхозов концессия была даже вредна со своей системой вознаграждения труда. Назревавшее неизбежное отторжение, изгнание концессии было ускорено развитием внешнеполитических событий.

Примечания

1. См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 926. Л. 117–118 об.; Д. 905, Л. 19–20.
2. См.: Там же. Л. 127–129.
3. См.: Там же. Л. 127, 127 об.; Оп. 7. Д. 200, Л. 4, 4 об., 5.
4. См.: Там же. Оп. 7. Д. 760. Л. 35–38 об.
5. См.: Там же. Д. 201. Л. 2.
6. См.: Там же.
7. См.: Там же.
8. См.: ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 411. Л. 14–20.
9. См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 843. Л. 262–264; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 411. Л. 11–15.
10. См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 832. Л. 43 об., 45 об.
11. См.: Там же. Л. 44, 44 об.
12. См.: Там же. Л. 47, 48.
13. См.: Там же. Л. 60.
14. См.: Там же. Д. 842. Л. 114–116.
15. См.: Там же. Л. 53, 53 об., 112, 112 об., 157, 157 об.
16. См.: Там же. Д. 1084. Л. 17, 17 об., 18, 19, 63, 64, 65, 106, 106 об., 107, 108–111 об.; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 64. Л. 75–75 об.
17. См.: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 841. Л. 15, 15 об., 36–40 об.; Д. 1080. Л. 111–112; Д. 1082. Л. 350, 350 об.
18. См.: Там же. Ф. 478. Оп. 2. Д. 940. Л. 75, 75 об., 76; Д. 1080. Л. 157; ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–3.
19. См.: РГАЭ. Ф. 47. Оп. 2. Д. 1080. Л. 40–42, 55–59.

НЕМЦЫ В СИБИРИ В 1920–1930 гг.

В. Бруль

В 1967 г. Л.В. Малиновский защищал в Томском университете кандидатскую диссертацию по теме «Немецкая деревня в Сибири в период социалистического строительства (1925–1936 гг.)». Вильгельм Фаст [1] задал Льву Викторовичу вопрос, почему соискатель так много времени и внимания уделил описанию невероятных трудностей, которые испытывали партийные и советские органы при проведении социалистических преобразований среди немцев Сибири, и почему не было сказано ни слова о том, какие лишения и террор перенесли немцы от советской власти? На этот вопрос ответа не последовало (это было небезопасно). В. Фаста выпроводили тогда из зала. Однако проблема до сегодняшнего дня не потеряла свою актуальность и еще недостаточно исследована. Размер публикации не позволяет нам осветить вопрос во всех мельчайших подробностях. Поэтому остановимся на некоторых основных проблемах с условным соблюдением хронологии.

Согласно переписи населения 1920 г., в Сибири проживало 84 141 человек немецкой национальности [2]. По переписи населения 1926 г. в регионе жило 86 469 немцев. Они составляли 1% от всего населения Сибири и проживали в 16 округах на огромной территории от Томска до Иркутска. Однако более 65 из 86 тысяч немцев жили компактно в Славгородском и Омском округах [3]. В середине 20-х гг., по данным Сибкрайкома ВКП(б), в Сибири имелось 220 немецких населенных пунктов и 109 смешанных, в которых немцы составляли более 45% населения. Меннонитских поселений было 102 [4].

В 1934 г., по данным НКВД, в Западно-Сибирском крае проживало 58 997 немцев [5]. Хотя накануне и в 1934 г. переписей населения не проводилось, в НКВД имелись списки на всех немцев, так как они уже тогда находились под особым и постоянным контролем. Такой «честь» удостаивались немногие народы. Накануне войны, летом 1941 г., в Сибири жило, опять же по данным НКВД, 103 400 человек немецкой национальности [6]. Немцы, таким образом, не были в Сибири каким-то абстрактным явлением. Они существовали в реальной жизни и о их наличии было известно не только во властных структурах или службе безопасности. Немцы жили по соседству или вместе с представителями других национальностей, вступали с ними в контакты, производя определенное впечатление.

В работе с немецким населением советская власть с самого начала была обречена на многолетнюю конфронтацию и тяжелую кропотливую работу. Во-первых, потому что немцы Сибири в силу своего уклада жизни в абсолютном большинстве не могли принять идей большевиков. Во-вторых, немцы не знали русского языка. В 1921 г., по сведениям Славгородского уездного комитета партии, 60% немцев не понимало русского языка [7], в Рубцовском уезде таковых было 73% [8]. Говорить, а тем более писать по-русски не могла еще большая часть немецкого населения.

Такое положение само по себе приводило к изоляции значительной части немцев от окружающей жизни, способствовало недоразумениям и конфликтным ситуациям. В отчете немсекции Омского губкома ВКП(б) за 1924 г. приводился случай, когда во время партийной конференции немцы стали разговаривать на родном языке. Однако один из русских делегатов стал кричать: «Если они хотят говорить по-немецки, пусть едут в Германию, там их место» [9].

В немецких селах языком межличностного общения по-прежнему оставался родной язык. Отсутствие адаптированных программ и учебной литературы, учителей русского языка как из числа немцев, так и русских, откладывало проблему овладения немцами русского языка на неопределенный срок. Изолированность немецких сел также не способствовала приобретению знаний русского языка. Хозяйственные же связи с русскими селами были редкими и осуществлялись лишь отдельными немцами из числа мужчин.

Изолированность немцев от русских, украинских, казахских поселков не следует рассматривать как что-то из ряда вон выходящее. Немцы жили изолированно и замкнуто и друг от друга. Лютеране, католики и меннониты жили своей обособленной жизнью и строго

сlediли за тем, чтобы не допустить в свои общины иноверцев, под которыми они понимали не только людей другой национальности, но и представителей других конфессий. Такому положению способствовал и запрет на межконфессиональные браки. Особенно характерно это было для меннонитов, считавших себя более высоким социальным сословием. Поскольку меннониты составляли значительную часть немецкого населения региона, это наложило свой отпечаток на развитие событий. Так, членами Всероссийского сельскохозяйственного меннонитского общества могли быть лишь меннониты [10]. Меннонит Д. Тиссен выразил свое отношение к смешанным бракам с учетом опыта прожитых лет так: «С медицинской точки зрения смешанные браки можно рекомендовать, поскольку раньше часто заключались браки между родственниками, что вредно действовало на потомков. Однако практика показывает, что в смешанных браках возникает больше затруднений между супругами. Для влюбленности раса и нация не имеют никакого значения, но потом, в практике жизни надо много мудрости и терпения для создания настоящей семьи» [11].

Окружавшее население и советская власть считали, что немецкие (особенно меннонитские) села и хозяйства в меньшей степени пострадали от Первой мировой и гражданской войн. 19 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление, в котором говорилось: «Предложить Наркомзему обратить особое внимание на культурные хозяйства меннонитов и принять меры к их поддержке» [12]. Однако декларации властей расходились с реальной жизнью.

В основанном в 1908 г. поселке Новополюский Омской губернии меннониты купили 680 га земли и создали образцовое хозяйство с племенным животноводством. Осенью 1921 г. жители окрестных русских деревень во главе с несколькими коммунистами, воспользовавшись отсутствием мужчин-меннонитов, пришли в Новополюское. Они заявили, что все меннониты занимаются наживой и объявили их имущество захваченным. При этом они вели беспорядочную стрельбу из ружей, запугивали женщин и детей. Губернский земельный отдел выдал «новым хозяевам» документы на владение меннонитской землей. Несколько раз повторялась процедура запугивания меннонитов, стрельба поверх голов из ружей и обрывов. Меннониты вынуждены были оставить свое село со всем живым и мертвым инвентарем и поселиться у своих собратьев в других селах. В их прежние добротные дома поселились жители окрестных русских сел. Свою артель они назвали «Красное эхо». Попытки упомо-

номоченного по делам меннонитских колоний Восточной России и Сибири добиться восстановления справедливости через высшие органы власти в Москве и Омске ни к чему не привели. Местные власти предложили меннонитам примириться со своими экспроприаторами. «Красное эхо» вскоре распалось. Имущество, которое «новые хозяева» не успели продать или пропить, было передано соседней коммуне «Красный труд». За этой историей внимательно наблюдали немцы всего сибирского региона и сделали для себя соответствующие выводы. В одном из обращений уполномоченного по делам меннонитов к властям говорилось: «Если возврат имущества и построек окажется невозможен, то прошу удовлетворить просьбу товарищества о поддержке его ходатайства о выезде за границу» [13].

Места компактного поселения немцев в регионе (Славгородский и частично Омский округ) были поражены жестокой засухой и неурожаем в 1922–1924 гг. Многих тогда удалось спасти от голодной смерти благодаря помощи меннонитов Канады, поставивших хлеб через АМР (Amerikan Mennonite Relief). Однако значение этой помощи было партийными органами преуменьшено. Немецкая секция Сибкрайкома ВКП(б) преувеличивала свою собственную роль в вопросах борьбы с голодом в немецких селениях, а также роль комитетов крестьянской взаимопомощи [14].

Для получения объективной картины немсекция Славгородского окружкома ВКП(б) провела обследование, которое показало, что мощность немецких хозяйств в 1924 г. составила лишь 60% от уровня 1914 г. [15]. Славгородский же уездный исполком давал в 1925 г. немецким хозяйствам следующую оценку: «Мощность хозяйств их, в связи с постигшими неурожаями ряда лет, слаба, хотя по формам ведения хозяйства они и стоят на первом месте» [16].

Земельная реформа, проводившаяся в регионе с начала 20-х гг., практически не затронула немецкие колонии. Вплоть до 1928 г. в большинстве немецких сел, включая и Немецкий район, немцы владели своей землей, как и до революции, нанимая порой для сезонных работ в качестве батраков жителей окрестных украинских и русских сел. Сибирские власти все еще называли немецкие колонии Омского округа в середине 20-х г. раем для кулаков и землевладельцев, где сохранялась не только отрубная система землепользования в большинстве немецких сел, но и нелегальная покупка и продажа земли [17].

Добровольное кооперирование тоже шло, прежде всего, по национальному и конфессиональному признаку. Русские и украинские

крестьяне вели обычное сельское хозяйство. Меннониты же в первую очередь занимались производством семенного зерна и племенного скота, которые они продавали вновь создаваемым совхозам, государству, а также окружающему населению. Многие меннонитские хозяйства имели удостоверения крестьян-культурников. Неподулял определенную свободу, инициативу, самостоятельность в экономической сфере, что благотворно сказалося и на немецких хозяйствах.

В 1925 г. у меннонитов Омского округа посевная площадь составляла в среднем 10,6 десятины, у русских же — 3,2; крупного рогатого скота — на одно хозяйство было соответственно 7,3 и 4,1 головы [18]. За 1924–1926 гг. площади под семеноводство выросли у меннонитов в 13,5 раза, производство продукции — в 11,5 раза [19]. Сибирский крайисполком также отмечал, что и в целом по Сибири немцы имели «самое культурное хозяйство... Посев производили чистосортными семенами. Лучше качество скота. Все это вело к повышению продуктивности скота и повышению урожайности» [20]. Оснащенность техникой в немецких хозяйствах была в 2 раза выше, чем у окружающего населения. Семена и племенной скот приносили доход в 2–3 раза выше обычного, что приводило к лучшему материальному состоянию и позволяло развивать социальную сферу. Такое положение создавало в глазах партийно-советского актива и части окружающего населения впечатление, что все немецкое население (или значительная его часть) является кулацким и зажиточным, стремится отгородиться от своих соседей — не немцев. Однако в условиях нэпа допускалась известная экономическая самостоятельность, и конфликт в первые годы не принял крайний характер.

Совершенно другая ситуация сложилась в духовной сфере жизни немецких колонистов. Советское правительство издало 20 января 1918 г. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах (Об отделении церкви от государства и школы от церкви)». Именно в вопросах религии и школьного образования наиболее остро проявлялся все годы конфликт советской власти с немцами. 3 марта 1920 г. Наркомпрос издал постановление о недопущении духовенства к занятиям в школе. Коллегия подотдела нацменьшинств Славгородского уездного отдела народного образования (уоно) приняла 10 августа 1920 г. постановление о «Строгом преследовании конфессионального характера немецких школ». Духовенству предлагалось выбрать «между учительством и поповщиной и предоставить об этом документ» [21]. В немецких селах проповед-

ник и учитель были одним и тем же лицом. Церковь и школа, как правило, также находились под одной крышей. Кроме того, учитель-проповедник являлся еще и писарем в селе. Он был в курсе всех сельских событий, на его глазах проходила вся жизнь односельчан. Он регистрировал новорожденных и отпевал умерших. Проповедники обладали и большим духовным влиянием на людей. Был и еще один момент, который делал немцев полностью зависимыми от служителей культа. Для желающих выехать за границу требовалось удостоверение, в котором давалась характеристика на поведение семьи. Это были своего рода заключения о политической благонадежности, чистоте от большевистской заразы и т. д. В условиях нарастающего конфликта с советской властью и сообщений о фактах массовой эмиграции немцев из СССР, такие характеристики пасторов становились для многих немцев вопросом жизни и смерти.

Заведующий немецкой секцией Славгородского уоно так характеризовал в октябре 1920 г. настроения немецкого населения: «Благодаря почти исключительно меннонитскому населению, упорно придерживающемуся своего вероучения, работа подотдела особо трудна. Проведение в немецкой школе принципов советской власти до сего времени мечта неосуществимая. ...Немецкая секция не может сказать, чтобы хоть в одной школе все обстояло благополучно. Обеспечиваемое до максимума населением учительство покорно идет на поводу населения и выполняет все его требования, включительно до применения в школе давно запрещенных наказаний и преподавания Закона Божьего. Не подчинившиеся этому учителя оставались голодными и вынуждены были уходить. Немецкое учительство отличается несравненно большим политическим невежеством, чем русское, крайне косно и духовно бедно. Немецкую школу можно без риска назвать антисоветской» [22]. По оценке Славгородской немецкой секции уездного комитета РКП(б), 95% немецких учителей Сибири были заражены религиозной тенденцией, на 100% не имели понятия о советских трудовых школах и новых принципах воспитания [23].

Перед проведением летом 1923 г. в Омске губернских курсов учителей нацменьшинств немецкая секция при Сиббюро ЦК РКП(б) давала следующую установку: «Учителям на конференции надо дать понять, что они в школе только учителя, а не проповедники. Если они и дальше будут вести пропаганду в урочное время, то их можно передать в руки закона как врагов советской власти, которые идут против декретов советского правительства» [24]. О том, что это была и партийно-правительственная позиция, однозначно следует из вы-

ступления В. Ленина 12 июня 1920 г.: «Чтобы каждый учитель... работал непременно в советском духе, чтобы он знал, что это его обязанность, чтобы он помнил, что если он не будет этого выполнять, то он не останется на месте» [25].

Противостояние не знало границ ни с той, ни с другой стороны. Немцы массово не пускали своих детей в школу. Партийные же органы, исчерпав лимит лояльных учителей, попадали в смешные ситуации. Рубцовский уоно назначил в с. Переменовка учителя, который сам был безграмотным [26].

Партийная позиция по отношению к учителю была выражена на 5-м Всесоюзном совещании немсекций в ноябре 1924 г.: «Бороться не только за полную антирелигиозность преподавания в школе, но и за полный личный отрыв учителя от религии и с религиозной общиной. Каждый учитель должен быть активным антирелигиозником» [27].

Диаметрально противоположной была позиция самих немцев. Они негативно относились к назначаемым отделами образования учителям, считая, что те отчуждают детей от родителей, заставляют петь «Интернационал». Родители не покупали советские учебники, так как там был напечатан «Интернационал» и антирелигиозные стихотворения или рассказы. Если же такие учебники покупались, то из них вырывались соответствующие страницы. В Шумановке члены сельсовета были согласны уйти с работы, лишь бы не допустить создания советской школы в селе [28]. Выход был найден немцами в создании нелегальных школ (они создавались скрытно от властей), не зараженных атеизмом и коммунизмом. Меннониты могли себе позволить содержать учителей из числа своих односельчан. Католики же и лютеране в силу недостатка свободных средств такую возможность имели не всегда и часто вынуждены были просто оставлять детей дома без образования, считая, что это лучше, чем атеистическая школа.

Об отношении к образовательным проблемам нацменьшинств достаточно откровенно заявил в 1925 г. заведующий отделом агитации и пропаганды Сибкрайкома ВКП(б) Ансон: «Внимание к работе просвещения среди нацменьшинств со стороны отделов народного образования, не говоря о других отделах, весьма и весьма скверное. Мы в первую очередь удовлетворяем всегда и всюду требования русских учреждений на открытие и развитие сети и снабжение преподавателей и только во вторую, а иногда и в третью очередь оказываем помощь учреждениям национальных меньшинств» [29].

В январе 1925 г. в Москве состоялся Всесоюзный съезд меннонитских общин. В меморандуме, направленном в ЦИК СССР, предлагалось признать школу «нейтральной территорией, где изучаются науки без пропаганды за или против религии» [30]. Весной 1926 г. в Славгородском округе Сибири школу посещали лишь 27% немецких детей. На съезде меннонитских общин Славгородского округа в августе 1926 г. меннониты вновь предложили придерживаться меморандума о нейтральности школы. Однако власти были неумолимы [31].

Нараставшее в эти годы противостояние показало и полярность во взглядах на существовавшее положение вещей. Так, в Уставе ВМСХО было записано, что оно «имеет целью содействовать восстановлению, развитию и усовершенствованию меннонитского сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, а также поднятию общего культурного уровня и благосостояния меннонитских сельскохозяйственных обществ и в связи с этим сельского хозяйства России вообще» [32]. То есть, сами меннониты считали, что могут служить образцом в восстановлении и дальнейшем развитии сельского хозяйства России. Секретарь же немецкой секции Славгородского окружкома партии Ф. Штегер в 1925 г. утверждал, что «меннонитское общество является школой обмана... Мы только тогда можем их поддержать, если они прекратят агитацию по расколу существующих кооперативов из меннонитов и колонистов» [33]. Дело в том, что меннообщества оказывали адресную помощь крестьянам, умевшим хозяйствовать грамотно, знавшим, как работать с землей и скотом. Батракам и беднякам они кредитов и ссуд не давали, считая это бессмысленным растранижением средств, так как те не имели соответствующих навыков самостоятельного ведения хозяйства. Партийные же органы делали ставку именно на бедняков и батраков.

Проводившаяся в эти годы кампания по созданию национальных сельских советов и районов еще раз высветила стремление немецких колонистов к самоизоляции, стремлению отгородиться от внешнего влияния. В период создания Немецкого района (1924–1927 гг.) инструктор ВЦИК Моравский в своем докладе в Москву отмечал, что «будущее немецкого района далеко жизнеспособнее всех других районов Славгородского округа. Немецкий крестьянин стоит и сегодня еще на большей хозяйственной высоте, чем русский крестьянин» [34]. В то же время Моравский отмечал, что немцы католики, лютеране и меннониты об объединении в один район не хотят даже

и слышать. Они опасались попасть под влияние одной конфессиональной группы. Другой причиной являлся страх перед некоторыми немецкими коммунистами-иностранцами, проводившими в свое время продразверстку. Еще одной причиной было опасение, что власть в районе окажется в руках «чужих» — не из числа немцев. За примерами далеко ходить было не нужно. Так, на состоявшемся в Славгороде в октябре 1925 г. окружном съезде Советов из 104 делегатов было 48 русских, 42 украинца, 4 казаха и всего 3 немца (2,8%), хотя последние составляли 8% от населения округа [35].

Все 1920-е годы представительство немцев в партии было в регионе в три-четыре раза ниже, чем у русских и украинцев. В 1925 г. по всей Сибири числилось 214 коммунистов из числа немцев, значительную часть которых составляли бывшие военнопленные германской и австрийской армии. Только 34 являлись местными жителями [36]. По признанию немсекции Сибкрайкома ВКП(б), в меннонитском обществе партия никакого влияния не имела [37]. В немецком районе на 13 тысяч человек немецкой национальности в 1927 г. приходилось 6 коммунистов (0,04% от населения района), все они работали в аппарате райкома партии и райисполкома [38]. В Москаленском районе Омского округа на 183 члена партии приходилось 8 немцев (2,8%). В Сосновской районной партийной организации из 81 коммуниста только 12 (14,8%) были немцами, а то время как они составляли в обоих вышеназванных районах 42% населения [39]. Забегая вперед, следует отметить, что и в конце 1930-х гг. картина существенно не изменилась. В Сибири властным органам не удалось еще к предвоенным годам подготовить из подрастающего немецкого поколения опору и резерв. Изменяющиеся у автора архивные материалы подтверждают очень низкий процент представительства немцев в партии и комсомоле. Постановление ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1927 г. «О сектантстве» запрещало общинам иметь хозяйственные или культурные организации, владеть собственностью, обсуждать на собраниях экономические, политические и культурные вопросы, проповедники имели право проводить работу только в молитвенном доме. В письме от 10 августа 1927 г. Наркомпрос оценивал рост «подпольных» (то, что выше мы назвали *нелегальными школами*) религиозных школ как «двоякое усиление борьбы с советской властью» [40]. 8 апреля 1929 г. ЦК ВКП(б) и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях». В ноябре 1928 г. Центральный совет Союза безбожников СССР обратился с призывом усилить антирелигиозную пропаганду среди на-

меньшинств, чтобы ее масштабы достигли уровня этой работы среди русских уже в 1928–1929 гг. [41].

Антирелигиозная борьба принимала все более разнузданный и тотальный характер. Председатель Центрального Совета Союза безбожников Е. Ярославский (работавший ранее секретарем Сибкрайкома партии) заявил, что «мы организуем колхозы, это значит, что мы должны покончить с церковью, разоблачить священников как поповиков и защитников кулака» [42]. Весной 1929 г. вступило в действие решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР о системе наказаний за преследование вероучений детям и подросткам, за религиозную и антисоветскую пропаганду. Среди мер наказания предусматривались принудительные работы, высылка, тюрьма и смертная казнь [43]. По немецким селам прокатилась волна антирелигиозных мероприятий. Секретарь Исиль-Кульского райкома партии писал в своем отчете после посещения немецкого села Моргенау: «Крепко сидит в головах бог. Когда я в своем докладе довольно основательно лягал богов, то один пожилой немец отчаянным голосом сказал “пошалуста, не трогайте бога, не надо трогать бога”, видимо, действительно стало невтерпёж» [44]. За религиозный уклон в преподавании только из школ немецкого района в 1928–1929 гг. было уволено 15 учителей. В поселке Мирном общее родительское собрание решило закрыть школу и отправить учительницу в распоряжение райисполкома, так как им антирелигиозная школа была не нужна. Подобные решения были приняты еще в 8 немецких селах района [45].

Были закрыты религиозные журналы меннонитов (*Unser Blatt*) и евангелических лютеран (*Unser Kirche*). Многие проповедники были брошены в тюрьмы, нескольких расстреляли. Надругательство над религиозными чувствами привело к серьезному усилению религиозного фанатизма, спайке различных слоев крестьянства. Власть сама себе осложнила работу по классовому расслоению немецкой деревни, особенно меннонитской. Непонимание религиозных особенностей привело к массовому незаконному лишению избирательных прав середняков и бедняков, выбранных общинами к исполнению обязанностей проповедников. Хотя последние таковыми не являлись и к этой категории не могли быть причислены. Перегибы и головотяпство уполномоченных на религиозной почве в отношении немцев стали одной из главных причин эмиграционного движения сибирских немцев. Славгородский окружком партии отменил осенью 1927 г.: «Стремление немцев-меннонитов эмигрировать за границу вызвано двумя желаниями: избавить секту от не-

минуемого развала и оберечь капиталистический уклад немецкого хозяйства от перехода его на социалистические рельсы» [46].

Каковы же были последствия такого противостояния? В вопросах образования это проявилось следующим образом. В Омском округе к 1928 г. число неграмотных немцев среди католиков и лютеран достигло 60–70% [47]. Как точно подметил Д. Брандес, «10 лет советской школьной политики привели к тому, что почти 50% немцев не могли ни писать, ни читать» [48]. Секретариат ЦК ВКП(б) также вынужден был признать в своем постановлении «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» от 12 апреля 1929 г., что «культурная работа в немколониях была поставлена неудовлетворительно. Охват детей школьного возраста был ниже довоенного уровня. В сравнении с довоенным уровнем повысился процент неграмотных немцев» [49].

Сложился стереотип, что большинство немцев являются кулаками, могут без государственной поддержки справиться с любыми налогами, задачами хозяйственного и культурного строительства, а это приводило к ошибочным решениям и программировало нарастание конфронтации. В 1928 г. бюро Сибкрайкома партии приняло постановление «О предварительном учете кулацких хозяйств, подлежащих обложению в индивидуальном порядке». Исходя из экономических предпосылок и степени расслоения деревни, бюро предложило в 1928–1929 гг. привлечь к индивидуальному обложению 5% кулацких хозяйств, а по Славгородскому округу, где значительную часть составляли немцы, — 9%, или 6500 дворов [50].

Что особенно бросается в глаза при анализе документов? В отчетах обязательно должны были присутствовать материалы о степени имущественного и социального расслоения крестьян. Они и присутствовали. Но относительно русских и украинских деревень. В справках о положении в немецких селах таких материалов не было. Партийные органы направляли одни и те же комиссии во второй, третий и четвертый раз, с прямой установкой выявить степень расслоения в немецкой деревне. Но каждый раз члены комиссий вынуждены были отмечать, что ими не установлено четкой границы между бедняками, середняками и кулаками. Батраков же в том понимании, как в русской деревне, в немецких селах не было вообще. Тем не менее, чтобы хоть как-то обосновать необходимость насильственной коллективизации в немецкой деревне и создать иллюзию опоры, к «батракам» были «отнесены» 2945 немцев региона, среди немецкого населения было создано 30 групп бедноты [51].

По данным Сибкрайисполкома, кулаки составляли среди всего населения региона в 1929 г. 4,7% крестьянских хозяйств [52]. В немецких же колониях Омского округа к кулацким было отнесено 9% хозяйств. В Немецком районе к кулацким было отнесено 18% хозяйств [53]. При рассмотрении плана кооперативного строительства на 1929 г. Бюро Славгородского окружкома ВКП(б) приняло следующее решение: «Учитывая большой процент кооперирования Немецкого района, с одной стороны, и возможность снабжения сортовым зерном колхозов, с другой, считать возможным охватить коллективизацией и производственным кооперированием хозяйства Немецкого района на 100%, решительно не допуская при этом проникновения кулацких элементов в коллективные объединения» [54].

В данном случае партийные функционеры не увидели огромной разницы между добровольной немецкой кооперацией и теми колхозами, которые они начали насильственно насаждать. Трафаретное перенесение методов работы в русских и украинских селах на немецкие привело к серьезным негативным последствиям. Власти не учли, что расслоение в немецкой деревне было крайне незначительным. Но главное, они не смогли или не захотели вникнуть в особенности уклада и традиций немецкой общины, не увидели тесного переплетения религии с хозяйственным бытом, семейной и общественной жизнью, крепких родственных связей.

В Сосновке Омского округа из 200 дворов 153 имели родственные связи. В Николаевке Минусинского округа проживали 800 немцев. За все годы существования поселка немцы «ни в какие родственные связи с окружающим русским населением не вошли. В результате вся деревня в буквальном смысле слова переродилась, переплелась плотной сетью родственных и бытовых отношений» [55]. Власти не сумели использовать в немецкой деревне свой излюбленный прием — натравить одних крестьян на других. Немецкое крестьянство консолидировалось и выступило единым фронтом.

Практическая реализация мероприятий советской власти не оставляет сомнений в целенаправленной дискриминации немецкого населения. Если в целом по Славгородскому округу сельхозналог для населения в 1929 г. вырос по сравнению с 1928 г. на 65,8%, то по Немецкому району — на 77%, для кулаков же — на 139% и середняков — на 146%. В Москаленском районе Омского округа сельхозналог был увеличен на 10%, а в 4 немецких селах — на 58,5% [56]. Во время хлебозаготовительной кампании 1929 г. власти применили 5-кратное обложение кулаков Немецкого района, что привело к

полному разорению их хозяйств. Индивидуально было обложено 152 хозяйства, более 500 платили добавленный сельхозналог [57].

Еще одной формой давления на крестьян было лишение избирательных прав. И здесь немцы оказались в неравном положении. Если в районах края число лишенных избирательных прав не должно было превышать по указанию Сибкрайкома партии 10%, то в Немецком районе права голосовать было лишено в 1929 г. 705 хозяйств, что составило более 22% от всех хозяйств района. В селе Дегтярка бывший батрак был лишен права голоса только за то, что после демобилизации из армии некоторое время жил на квартире брата-лишенца» [58]. Среди лишенных избирательных прав в Немецком районе 56,2% были наказаны как служители религиозных культов, 8% из них были осуждены к тюремному заключению [59].

Секретарь Славгородского окружкома ВКП(б) В. Конончук в отчете Западно-Сибирскому крайкому партии так характеризовал национальные особенности Немецкого района: «Она в том, что немецкий кулак имел и имеет колоссальную силу влияния на бедноту, середняка. Используя такую могучую силу, как религия, на службе которой стоят хорошие организаторы и агитаторы, хорошие массовики, чуткие по-своему политики. Нет людей, которые умели бы ненавидеть классовую ненавистью кулака, способных повести за собой на строительство колхозов». Тем не менее он предлагал: «Надо бросить философию относительно якобы природной несоциалистичности немецкого бедняка и середняка... Надо организовать колхозы так, чтобы к 14-й годовщине Октября показать социалистическую Америку на нашей советской земле» [60].

Уже сам состав комиссий, непрерывно работавших в немецких колониях, показывает, какое важное значение придавалось положению в немецкой деревне и особенно в Немецком районе. Как правило, их возглавляли ответственные работники ЦК ВКП(б), ВЦИК, отдельных комиссариатов. Почти 10 лет куратором Немецкого района являлся 2-й секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Сергеев. Он часто бывал в районе и близлежащих немецких селах и лично информировал секретаря крайкома Эйхе о происходивших в них процессах. Такой «чести» не удаивались районы, не имевшие немецкого населения. Многочисленные комиссии вынуждены были признать, что в немецких деревнях отсутствуют социальные условия для обострения классовой борьбы, что у немцев жизнь организована и протекает совершенно иначе, чем в русской и украинской деревне.

Центральное бюро немецкой секции при ЦК ВКП(б) также отмечало, что «немецкое крестьянство с трудом поддается вовлечению в общую сельскохозяйственную кооперацию, в то время как в свои национальные и религиозные кооперативные объединения оно входит почти поголовно» [61].

Усиливавшееся сопротивление немецкого населения и нарастание эмиграционных настроений вызывали серьезную озабоченность высшего руководства страны. Проблема обострялась тем, что в это движение все больше втягивались русские крестьяне, а также представители ряда других народов. В Генеральное консульство Германии в Новосибирске все чаще обращались русские и украинские крестьяне с просьбой помочь им эмигрировать из СССР. Латыши и эстонцы также зондировали почву на предмет выезда целыми селами на свою историческую родину. В такой обстановке пример немцев становился раздражительным и власти отдавали себе в этом отчет. 12 апреля 1929 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе среди немецкого населения». Секретариат признал повышение хозяйственно-культурной самостоятельности основной массы немецких крестьян и значительные достижения в деле подъема сельского хозяйства колоний. Наряду с тем, ЦК ВКП(б) отметил ряд недочетов, связанных в первую очередь с недостаточным вниманием к работе среди немецкого населения со стороны руководящих партийных и советских органов. Политическая и организационная работа среди основной массы немецкого крестьянства была признана совершенно неудовлетворительной. Особенно подчеркивалось отсутствие работы с беднотой и батрачеством, почти полное отсутствие роста партийных и комсомольских рядов из числа немцев. ЦК предлагал добиться решительного перелома в состоянии прежде всего идеологической и партийно-организационной работы в немецких колониях. С учетом хозяйственной самостоятельности немецкого крестьянства предлагалось охватить системой сельскохозяйственной кооперации уже к 1930 г. все массы немецкого батрачества и бедноты и большинства середняков, построить в районах немецких колоний ряд колхозов-гигантов и машинно-тракторных станций, а также развивать и укреплять специальные виды сельскохозяйственной кооперации [62]. И хотя постановление касалось немцев всего СССР, в нем особенно подчеркивалось тревожное положение среди сибирских немцев. И это соответствовало действительности, поскольку в этот период именно сибирские колонии доставляли руководству страны наибольшую головную боль.

Однако ужесточение курса коллективизации и сопутствующих ей идеологических мероприятий только укрепляло желание немцев вырваться из СССР за границу. Анализ материалов, собранных партийными работниками и спецслужбами в разгар эмиграционного движения в Сибири, позволяет назвать его главные причины:

1. Разрушение привычного хозяйственного уклада жизни немцев, базировавшегося на владении землей, индивидуальном семейном ведении хозяйства с сезонным применением наемных работников. Характерным был лозунг: «Лучше смерть, чем коллективы!» Нежелание объединяться в одних колхозах с русскими крестьянами, которые, по мнению в первую очередь меннонитов, не имели достаточной дисциплины, старательности и навыков ведения сельского хозяйства. Боязнь оказаться в подчинении русских начальников.
2. Протест против притеснения религии, запрета преподавания Закона Божьего в школе.
3. Уверенность, что коллективизация и советские преобразования приведут к уничтожению традиционной патриархальной немецкой семьи.
4. Все более отчетливое понимание многими немцами, что у них нет никакого национального будущего в СССР, протест против насильственного внедрения русского языка в школах. Очень часто встречались высказывания типа: «Особенно советская власть притесняет нас, немцев, мы в России пасынки и поэтому хотим уехать к нашим братьям за границу».

Секретарь Славгородского окружкома партии Конончук следующим образом оценивал роль немецких кулаков в эмиграционном движении: «Он дал нам такую политическую пощечину, куда сильнее по своему действию, чем тяжелая утрата отдельных активистов деревни от кулацкого обреза. Кулацкий террор чепуха по сравнению с тем, какую политическую агитацию провел немецкий кулак, имеющий не только идейную, но и организационно-политическую помощь от американского капитализма. Организовать и повести за собой в Америку на 13-м году советской власти батрацкие и бедняцко-средняцкие массы куда сложнее, чем подстрелить темной ночью одиночку активиста» [63]. В этой оценке удивляет полное отсутствие заботы о людях и их судьбах. Присутствует лишь голая идеология.

Какие представления о немцах существовали среди руководства и населения, правильно подметил представитель ВЦИК, зам. наркома просвещения РСФСР В. Курц, совершивший ранней весной 1930 г. инспекционную поездку по немколониям. В своих впечатлениях в Сибири он среди прочего отмечал: «Обычной меркой для под-

хода к немецкому крестьянству служит установка, что все немецкие крестьяне являются кулаками. Не умеют отличить культурный уровень немецкого крестьянства от русского крестьянства и в соответствии с этим дифференцировать свою работу. Существует также предрассудок, что немецкое крестьянство сплошь контрреволюционно». В отношении школы В. Курц писал в своих отчетах: «Если в Славгородском округе мы встречаем немецкую школу, то уже в Омском округе немецкой школы, как таковой, нет. Школы в немецких селах являются по существу русскими школами с преподаванием немецкого языка как предмета» [64].

Исчерпав все легальные методы борьбы за право эмигрировать, немцы организовали в Гальбштадте 2 июля 1930 г. восстание. Немцы пытались вовлечь в него население окрестных русских и украинских сел, послав в них гонцов за помощью. Выступление против органов власти было подавлено вооруженным отрядом ОГПУ. Большое число участников этих событий было приговорено к различным срокам тюремного заключения, 5 человек были расстреляны 22 октября 1930 г. в Славгородской тюрьме. Среди них три немца, один русский и один украинец. В 1937–1938 гг. абсолютное большинство участников Гальбштадтского восстания (списки хранились в НКВД) были репрессированы [65].

В условиях проводившейся коренизации в немецких селах и особенно Немецком районе оказалось достаточно много русских «назначенцев» с семьями. Между ними и местным населением возникали порой недоразумения, вокруг которых раздувался ажиотаж. В Немецком районе партийная контрольная комиссия постановила в ноябре 1931 г. «вести жестокую борьбу против проявления национального шовинизма к работающим русским специалистам» [66].

Необычайно упорное и отчаянное сопротивление немцев политике советских преобразований, эмиграционное движение, апеллирование к Западу усилили к ним антипатию со стороны правящего режима и части окружавшего населения, как к нелояльной части населения. Обострение же отношений СССР с Германией только укрепляло предубеждения против немцев страны и Сибири. В 1933 г. в СССР были закрыты все концессии с участием германского капитала. Их персонал в основном состоял из немцев СССР, потерявших таким образом работу. В 1934 г. был составлен список оборонных предприятий, куда запрещалось принимать лиц «нежелательных» национальностей, к которым относились и российские немцы. За принятыми ранее был установлен особый контроль [67].

Репрессии против немецкого населения и немецкой школы в целом по стране и в Сибири в период 1933–1939 гг. лучше понятны, когда их рассматриваешь через призму шифровки ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1934 г. «О работе среди немецкого населения» [68]. Она была прямой реакцией руководства СССР на приход в Германии к власти нацистов в январе 1933 года. В документе говорилось о том, «что в районах, населенных немцами, за последнее время антисоветские элементы активизировались и открыто ведут контрреволюционную работу». Немецкое население обвинялось в нарушении элементарной лояльности к советской власти. ЦК ВКП(б) считал также совершенно недопустимым тот факт, что «в немецких районах не только не изучается язык той союзной республики, в пределах которой находятся немецкие районы, но игнорируются указания ЦК ВКП(б)», и требовал, чтобы этот недостаток был устранен. О том, как этого следовало добиться, было сказано предельно четко: «Принять по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу». Выдвигалось требование прекратить любые контакты с границей, в том числе и с родственниками. Немцам угрожали также запретом проживать в СССР и изгнанием за пределы страны. Последнее заявление было особенно циничным и ложным, поскольку сотни тысяч немцев пытались вырваться из СССР и их силой удерживали в стране.

13 ноября 1934 г. Западно-Сибирский крайком партии продублировал это решение и составил подробнейший план мероприятий, согласно которому проверке на лояльность были подвергнуты все взрослое население региона и школьники. Особый удар, по традиции, был нанесен по Немецкому району. Эта кампания совпала с другой — нараставшей борьбы с «гитлеровской помощью». Одним из последствий коллективизации было обнищание немецких крестьян Сибири и существование их на грани голода. Родственники и благотворительные организации Германии слали деньги, посылки с продуктами, вещами. Немцы, по наивности, считали, что деньги они и есть деньги, а шоколад или печенье тоже таковыми являются и имеют только один характер — благотворительный. Власти же все это называли «гитлеровской и контрреволюционной буржуазной помощью», направленной на дискредитацию и подрыв социалистического строя и подвергали ее получателей жестоким преследованиям.

Для проверки работы советов Немецкого района приехал инструктор Президиума ВЦИК Селиванов. С конца 1934 г. одни крайвые и московские комиссии сменяли другие. В августе 1935 г. Президиум ВЦИК заслушал вопрос о хозяйственном и культурном строительстве в Немецком районе. В немецкой колонистской деревне обнаруживается уже в 1934 г. гораздо больше «классовых врагов, вредителей, саботажников и контрреволюционеров», чем в окружающих русских, украинских или белорусских селах [69].

Как и прежде, особое внимание уделялось школе. По традиции педдалировались идеологические проблемы и вопросы обучения русскому языку. Согласно справке крайоно, в немецком районе вопросы образования находились вне партийного контроля, в школах открыто проповедовались религиозные настроения и национализм, русский язык преподавался неудовлетворительно. Среди детей имели место «антисоветские настроения», что проявлялось в пении контрреволюционных песен, искажении пролетарского гимна, выкальвании глаз на портретах руководителей партии и государства, 26% учителей были отнесены к выходцам из «социально-чуждой» среды. То, что функционеры называли контрреволюционными песнями, на самом деле являлось немецкими народными или религиозными песнями. К примеру, «О Таненбаум». Так это расценивали и сами немцы.

Чистки в Немецком районе еще раз убедительно показали, как можно перевернуть с ног на голову любую проблему. Из 28 учителей русского языка 27 были немцами, которые очень плохо знали русский язык, но вынуждены были его преподавать, так как обученных учителей русского языка массово не хватало в русских населенных пунктах, и органы народного образования не в состоянии были решить вопрос о направлении таковых еще и в немецкие села. Таким образом, общие для всей страны проблемы и недоработки органов народного образования в отношении немцев искусственно наполнялись «профашистским содержанием» только из-за того, что немцы Сибири идентифицировались с фашистским режимом Германии. К концу 1934 г. в Немецкий район было прислано 11 русских комсомольцев для преподавания русского языка. Однако обученными учителями русского языка из них являлись лишь 3, но в данном случае важно было лишь то, что они относились к титульной нации и были комсомольцами, лояльными режиму [70].

С начала 1935/36 учебного года во всех немецких школах Сибири были введены штатные ставки учителей русского языка из числа русских, они же должны были в обязательном порядке назначать

ся заведующими по воспитательной работе при директорах школ — немцах. В их функции, помимо учебных, входило информировать органы власти и спецслужбы обо всем, что происходило в немецких школах. О степени доверия к немецким кадрам в данном случае говорить не приходится [71].

27 марта 1935 г. Немецкий райком партии обсуждал вопрос «О фактах проявления шовинизма в Гальбштадтской неполной средней школе»; 20 декабря 1935 г. — «О гонении на пионеров в с. Красный Дол». В районном центре Гальбштадт проживали русские, которые были направлены в 30-е гг. на руководящие посты в Немецком районе. Их дети посещали школу вместе с детьми немцев. По мнению этих руководителей района (одновременно являвшихся родителями своих детей), «шовинизм» проявлялся в том, что русские и немецкие дети не играли друг с другом, русские дразнили немцев, говорили, что все немцы плохие, с ними нельзя играть, те в свою очередь начинали драться. Русские якобы получали завтраки в последнюю очередь, говорили, что кушают обедки немцев. Одна из пионервожатых не знала немецкого языка, работала только с русскими детьми. Руководству школы было приписано проявление к пионервожатой «шовинистического отношения». Оно «проявилось» в том, что ей на несколько дней задержали выдачу денег (зарплату не получали все по 2–3 месяца из-за отсутствия денег. — В. Б.), составили неудобное расписание, вследствие чего она не имела времени на внеклассную работу. За эти «преступления» директор школы Битнер был снят с работы, его вывели из состава пленума Немецкого райисполкома, в школу послали бригаду проверяющих. В селе Красный Дол родители сняли с сына пионерский галстук и запретили его впредь носить. Такой поступок родителей был расценен как «антисоветская вылазка», в селе работала комиссия, во всех селах сельского совета были проведены обсуждения данного «инцидента» [72].

События 1937–1938 гг., касающиеся немецкого населения Сибири, нельзя рассматривать как случайное стечение обстоятельств. Если в русской или украинской деревне нужно было придумывать повод для арестов, фантазировать насчет «иностранных агентов», то в немецкой деревне все было заранее ясно. Кто не знал здесь «зарубежного языка», да еще и немецкого? Кто не имел родственников за границей, да еще и в Германии, Канаде или США, не получал оттуда посылки, писем или денег? Кто не участвовал в эмиграционном движении? Кто не жил выше среднего российского уровня, не имел сельскохозяйственных машин или наемных работников

и не мог быть привлечен как кулацкий, фашистский, буржуазный или какой там еще негодный элемент [73].

Поэтому вполне закономерно, что размах репрессий против немцев был именно в Сибири необычайно большим, а доля репрессированных немцев была необычайно высока. Автору этой статьи, а также Л. Белковец, О. Гербер, И. Шелленбергу уже приходилось и ранее писать об этом на основе документов. Кроме того, я не раз утверждал, что в репрессивной практике широко использовалась и проводилась «немецкая линия» [74]. К сожалению, это вызывает до сих пор непонимание и недоверие у многих исследователей, занимающихся «немецкой темой». Такая ситуация может быть вызвана следующими причинами.

Размах репрессий против немцев в Сибири был настолько чудовищным, что в это действительно трудно поверить. Многие деревни прекратили свое существование, потому как мужчины были все репрессированы, а женщины, собрав детей, уехали от ужаса в другие районы страны. В других регионах, имевших немецкие колонии, исследователи в силу разных причин не изучили архивы бывшего КГБ (НКВД), из которых только и можно узнать данные о репрессиях. (Лишь в книге В. Ченцова [75] приводятся обобщающие данные по репрессированному немецкому населению Украины, но, к великому сожалению, без сравнительных элементов.) Кроме того, они не учли, что даже в таком тоталитарно-центристском режиме было много особенностей, обусловленных объективными и субъективными причинами. В соседних Новосибирской и Омской областях, Алтайском крае репрессии против немцев имели совершенно разный характер и интенсивность. Так, в Новосибирской области число немцев было незначительно (около 8000) и в несколько раз меньше, чем в Омской области (около 40 000). Тем не менее число осужденных в Новосибирской области оказалось более чем в 5 раз выше, а число расстрелянных — более чем в 20 раз выше, чем в Омской области. По еще не полным данным, в 1937–1938 гг. в Омской области было «осуждено» 539 немцев, в том числе к высшей мере наказания — 128. В Новосибирской же области соответственно 2645 и 2548. В Алтайском крае проживало около 30 000 немцев. «Осуждено» было 3171 немец, в том числе 2412 к высшей мере наказания. Думаю, наш спор завершит публикация Н. Охотина и А. Рогинского [76]. Она полностью подтверждает наши (Л. Белковец, О. Гербер, И. Шелленберг, В. Бруль) данные и, что особенно важно, наши гипотезы и выводы. Об этом же говорится и в издающемся на Алтае многотомнике с поименным

перечислением всех репрессированных, с основными биографическими данными и указанием национальности [77].

Набиравшая темпы унификация и русификация всех сторон жизни привела к ликвидации национальных районов и сельских советов, фактическому запрету на получение образования на родном языке (в отношении немцев исключением оставалась до августа 1941 г. АССР НП). В Алтайском крае запрет на национальные школы был в 1938 г. распространен на немецкие (87 школ, 5933 ученика), эстонские (2 школы, 156 учеников), корейские (1 школа, 25 учеников). Это были народы, имевшие еще и так называемую «буржуазную родину» за границей. В названных школах работало 169 учителей, из них 42 было в дальнейшем запрещено работать в школе [78]. В пользу тезиса о преследовании народов с так называемыми «двумя родинами» говорит и то, что в том же Алтайском крае в конце 1939 г. продолжали работать 42 казахские школы, 6 татарских, 5 мордовских, 1 телеутская, 1 чувашская, 7 алтайских. Эти народы тоже имели две родины, однако в пределах СССР [79].

24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О реорганизации национальных школ», в котором говорилось, что национальные школы превратились в «очаги буржуазно-националистического влияния на детей», наносят огромный вред делу *правильного* (выделено мною. — В. Б.) обучения и воспитания. Постановление предписывало реорганизовать национальные школы в школы обычного типа с преподаванием на русском языке. Во исполнение данного решения Оргбюро ЦК ВКП(б) по Алтайскому краю приняло 13 февраля 1938 г. постановление «О реорганизации национальных школ». В нем говорилось: «Враги народа из троцкистско-бухаринского лагеря и националистические элементы, извращая единственно правильную национальную политику нашей партии, искусственно насаждая национальные школы, распространяли в них вражеское влияние. Малочисленные национальные школы нашего края (немецкие, эстонские, корейские и др.), огражденные от контроля и руководства со стороны партийных и советских организаций, наносили огромный вред делу обучения и воспитания советской молодежи. Существовавшая система воспитания и обучения в национальных школах края создавала неизбежные затруднения для молодежи к дальнейшему повышению своего политического общеобразовательного уровня, преграждала путь к более активному участию в социалистическом строительстве, затрудняя дальнейшее продвижение на руководящую государственную и другую работу» [80].

Все руководящие работники школ немецкой национальности были заменены на русских. В очередном постановлении «О подготовке школ к новому учебному году» Алтайский крайком партии назвал своей боевой задачей «ликвидацию последствий вредительства фашистских мракобесов в области преподавания русского языка» в национальных школах [81]. То, что в первую очередь имелись в виду немецкие школы, не требует доказательства.

Автор книги «История села Подсосново» И. Шелленберг является очевидцем истории немецких сел Славгородского округа с конца 20-х годов. Он родился и вырос в Немецком районе. Работал учителем в немецких школах, был исключен из комсомола, чудом избежал ареста, прятался неделями у родственников в соседних селах, пока прошла очередная волна арестов. Он рассказывает, что после принятия решения о закрытии немецких школ и перевода их на русский язык по немецким селам ездили работники Алтайского крайоно и проводили работу с учителями школ. Во время одного из таких собраний был задан вопрос, в чем же истинный смысл запрета преподавания немецкого как родного. Работниками крайоно был дан ответ, что есть твердое мнение, что чем меньше немецкое население будет знать родной язык, тем меньше шансов у Гитлера внедрять и расширять свою шпионско-разведывательную сеть в среде немецкого населения Сибири.

Плохое знание немцами русского языка не следовало особо выпячивать и ставить им в вину при том уровне общей грамотности, который имелся в стране в целом и в Сибири в особенности. В Алтайском крае в 1938 г. среди секретарей райкомов партии 82% имели низшее образование, среди инструкторов же — 97%. Орган райкома партии газета «Сталинский путь» в одном только номере от 3 марта 1938 г. допустила 134 грамматические ошибки [82].

В результате волевых решений по немедленному и быстрому переводу немецких школ на обучение на русском языке проиграли все. Проверки в Алтайском крае в октябре 1939 г. показали, что не хватало учебной литературы, учителей, имевшиеся были перегружены работой. Большинство детей совершенно не знали русского языка и нуждались в предварительной подготовке, однако с первого дня обучения велось лишь на русском языке. В Локтевской школе в диктантах из 110 слов немецкие дети делали до 123 ошибок. Неудивительно, что многие немецкие школьники теряли интерес к учебе и бросали школу. Только из Гальбштадтской школы по этой причине в течение 1939 учебного года выбыло 25 школьников [83].

При решении проблем немецкого населения партийно-советские органы постоянно оказывались в двойственном положении. Немцы ставили в пример как трудолюбивых и культурных работников, добивавшихся хороших результатов в сельском хозяйстве. И в этом смысле было заманчиво привлечь их на сторону советской власти и использовать в целях пропаганды как образец для других народов. Однако методы ведения немцами хозяйства расходились с идеологическими догмами большевиков, рассматривались ими как капиталистические. К концу 20-х гг. политические догматы большевиков взяли верх над экономической разумностью и целесообразностью. В масштабах всей страны это выразилось в свертывании нэпа. В отношении немцев с различной степенью интенсивности и изощренности стали проводиться мероприятия по их нивелировке, «выравниванию» с другими народами. Более высокий (по российским меркам) уровень жизни немецких колоний, определенная их самоизоляция, стремление быть независимыми, сохранить свой экономический, религиозный и национальный уклад жизни, постоянная готовность эмигрировать, прочные связи с родственниками за границей только осложняли положение немцев и создавали им имидж нелояльной и даже реакционной части населения, настроенной против советской власти. На растание же конфликта с гитлеровской Германией довело такое настроение до крайней формы. Глубинные и истинные нужды и запросы немцев властным структурам были непонятны, а зачастую и враждебны, рассматривались как узконационалистические и реакционные. В этом смысле нельзя рассматривать случившееся с немецким населением, как цепь роковых случайностей. Их жизнь проходила в русле тех закономерностей, которые были предписаны центральными и региональными органами власти.

Примечания

1. Фаст Вильгельм Генрихович, из семьи репрессированных немцев. В 1990 гг. — председатель комиссии по реабилитации жертв политических репрессий в администрации Томской области.
2. См.: Советская Сибирь. Новосибирск. 1921. 23 апреля.
3. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 5. Л. 19–20.
4. См.: Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее — ЦХАФАК). Ф. П-38. Оп. 2. Д. 180. Л. 34–40.
5. См.: Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 595. Л. 1. (Особая папка).
6. См.: Alfred Eisfeld, Victor Herdt. (HRSG): Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Köln 1996. S. 45–46.

7. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 37. Оп. 2. Д. 144. Л. 18.
8. См.: Там же. Ф. п. 2. Оп. 4. Д. 398. Л. 51.
9. ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2-1. Д. 2429. Л. 4.
10. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 2. Д. 180. Л. 79.
11. ГАНО. Ф. 537. Оп. 1. Д. 3. Л. 27. Коллекция воспоминаний немцев-крестьян о жизни до революции в Сибири, гражданской войне, коллективизации и колхозном строительстве. Собрана Л.В. Малиновским.
12. Государственный архив Омской обл. (далее — ГАОО). Ф. 209. Оп. 1. Д. 701. Л. 48.
13. Там же. Л. 48–50, 64–66.
14. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 1. Д. 338. Л. 6.
15. См.: Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 269. Л. 49.
16. Обзор деятельности Славгородского уездного исполнительного комитета Советов и окружной комиссии по районированию. Славгород, 1925. С. 7.
17. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2. Д. 1643. Л. 49.
18. См.: Малиновский Л. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. С. 116.
19. См.: Соколов А. Красный немецкий скот в Омской губернии. Омск, 1926. С. 67.
20. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 96. Л. 161.
21. ЦХАФАК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. Л. 155 об.; Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири (конец XIX в. — 1938 г.). Дис... канд. ист. наук. Омск, 1998. С. 127.
22. См. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 110; ГАОО. Ф. 318. Оп. 1. Д. 517, Л. 16–16 об.
23. См.: ГАНО. Ф. п. 1. Оп. 1. Д. 1712. Л. 3; А. И. Савин. Борьба за будущее. Немецкие школы Сибири и политика советизации колоний в 1920-е годы // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М. 1996. С. 411.
24. Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 114; ГАНО. Ф. п. 1. Оп. 1. Д. 1622. Л. 8.
25. В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 150.
26. См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 129.
27. ЦХАФАК. Ф. 2. Оп. 4. Д. 213. Л. 4.
28. См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 130.
29. Гербер О.А. Материальная база школьного образования сибирских немцев (1920–1935 гг.) // Российские немцы. Проблемы культуры и образования. Новосибирск, 1996. С. 108.
30. Рейнмарус А., Фризен Г. Меннониты. М. 1930. С. 83.
31. См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 132.
32. ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 2. Д. 180. Л. 78.
33. Там же. Д. 2. Л. 31, 36.
34. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 269. Л. 56.
35. См.: Славгородский окружной съезд Советов 1-го созыва (28–31.10.1925 г.). Резолюции и постановления съезда. Славгород, 1925. С. 18.
36. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 2. Д. 2. Л. 31, 36.
37. См.: Там же. Ф. п. 47. Оп. 1. Д. 358. Л. 57, 58.
38. См.: Там же. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 75. Л. 6.
39. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2. Д. 470. Л. 11.
40. См.: Черказьянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 132, 133.
41. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2. Д. 3262. Л. 47.
42. Антирелигиозник. 1929. № 6. С. 112.

43. Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. М. 1929. № 353.
44. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). М. 1995. С. 35, 36.
45. См.: ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 96. Л. 159.
46. ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 75. Л. 13.
47. См.: Центр документации новейшей истории Омской области (далее – ЦДНННО). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1. Л. 32.
48. Brandes D. Ein «Kulakenaufstand» im sibirischen Halbstadt? // *Forschungen zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen*. 1994. N. 4. Essen. S. 99.
49. Из истории немцев Казахстана 1921–1975: Сборник документов. Алматы. Москва. 1997. С. 27.
50. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 5. Д. 10 а. Л. 249, 250.
51. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2. Д. 2430. Л. 24, 25.
52. См.: Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1167. Л. 30.
53. См.: ЦДНННО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 53. Л. 511; ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 75. Л. 44.
54. ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 5. Д. 10 а. Л. 49.
55. См. Белковец Л.П. «Большой террор»... С. 129; ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1164. Л. 79.
56. См.: ГАНО. Ф. п. 2. Оп. 2-2. Д. 470. Л. 30, 32-34.
57. См.: Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1164. Л. 211 об.
58. См.: Там же. Л. 114.
59. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 56. Л. 175.
60. Там же. Д. 75. Л. 7.
61. Малиновский Л.В. На волне революции // *Алтайская правда*. Барнаул. 1988. 14 сент.
62. См.: Из истории немцев Казахстана... С. 26-27.
63. ЦХАФАК. Ф. п. 38. Оп. 4. Д. 75. Л. 2.
64. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 846. Л. 309-310; ГАОО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 384. Л. 40-41.
65. См.: Центр хранения специальной документации Алтайского края. Ф. р. 2. Оп. 1с. Д. 18479. Л. 1-599.
66. ЦХАФАК. Ф. 1892. Оп. 1. Д. 6. Л. 78.
67. См.: Хаустов В. Репрессии против советских немцев до начала массовой операции 1937 г. // *Наказанный народ*. М. 1999. С. 75-83.
68. См.: ГАНО. Ф. п. 3. Оп. 2. Д. 595. Л. 14, 14а. (Особая папка).
69. Белковец Л.П. «Большой террор»... С. 204.
70. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 1892. Оп. 1. Д. 16. Л. 14; Д. 20. Л. 45.
71. См.: ГАНО. Ф. п. 61. Оп. 1. Д. 1323. Л. 56.
72. См.: Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. Топчиха 1995. С. 162; Черказянова И.В. Немецкая национальная школа в Сибири... С. 145.
73. См.: Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. С. 134-135.
74. См.: Белковец Л.П. «Большой террор»...; Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1; Он же. Из исторического наследия и этнического прошлого алтайских немцев // *Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения*. М. 1996; Он же. Материалы архивов Западной Сибири о судьбе немецкого населения региона в 1920-1950 гг. // *Российские немцы. Историография и источниковедение*. М. 1997.; Гербер О.А. Этническая чистка в Сибири (1934-1935 гг.) // *Из прошлого Сибири*. Вып. 2. Ч. 2. Новосибирск, 1996; Шелленберг И.И. История села Орлово. М. 1996.
75. См.: Ченцов В.В. Трагические судьбы. М. 1998; Он же. Проблема политических репрессий против немцев Украины в свете документов НКВД //

- Вопросы германской истории. Немцы в Украине. Днепропетровск, 1996. С. 164; См. также: Мамед Джафарли. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Баку, 1998. Приводятся данные о репрессированных в немецких колониях Азербайджана.
76. См.: ГАНО. Ф. п. 3. Оп. 2. Д. 595. Л. 1 (Особая папка); Alfred Eisfeld, Victor Herdt. (HRSG): *Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee*. S. 45; Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // *Наказанный народ*. М. 1999. С. 35-74. Численность немцев в названных регионах дается оценочно на основании данных НКВД за 1934 и 1941 гг., так как более точные данные о немцах в этих административных единицах по состоянию на 1937/38 год до настоящего времени неизвестны.
77. См.: Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 1. Барнаул, 1998; Т. 2. Барнаул, 1999.
78. См.: ЦХАФАК. Ф. п. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 7, 8.
79. См.: Там же. Д. 303. Л. 98.
80. См.: Там же. Д. 23. Л. 175.
81. См.: Там же. Л. 407 об.
82. См.: Там же. Д. 98. Л. 52, 90; Д. 97. Л. 125, 139.
83. См.: Там же. Д. 303. Л. 88-91.

НЕМЕЦКИЕ КОЛХОЗЫ В КАЗАХСТАНЕ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ (КОНЕЦ 1920-х — НАЧАЛО 1930-х гг.)

Т.П. Волкова

История немецких колхозов в Казахстане практически не изучена, хотя в историографии республики тема коллективизации представлена довольно широко, особенно в последние годы [1]. В различной степени тема коллективизации немецкого села представлена в исторической литературе о немецком населении сопредельных с Казахстаном территорий — Кыргызстана, Сибири, Алтая, Поволжья [2]. Но в условиях Казахстана этот процесс имел свои особенности и, естественно, свою историю, заслуживающую изучения.

По переписи 1926–1927 гг. в Казахстане проживало 51 102 немца. В преобладающей массе (48 735 чел.) это были сельские жители [3]. Сами они или их предки мигрировали в конце XIX — начале XX в. в Степной край из Европейской России и отчасти из Сибири и Урала. Сравнительно немногочисленное немецкое население было дисперсно рассеяно на обширных пространствах в основном Северного и Центрального Казахстана. В силу исторических условий немцы Казахстана представляли этническую общность, весьма пеструю в социокультурном и экономическом отношениях. Однако, несмотря на подобную разнородность, практически все немецкие переселенцы через какие-нибудь 20–30 лет сумели адаптировать свои традиционные способы ведения хозяйства к новым условиям или же перешли к совершенно иным, более рентабельным отраслям, например, переработке сельскохозяйственного сырья или скотоводству. В итоге немецкие колонии представляли очевидный контраст

по сравнению с соседними деревнями и аулами. Даже после катаклизмов революции, гражданской войны и голода 1920-х гг. немецкие хозяйства, более мобильные экономически и склонные к рыночной ориентации, поднимались и развивались несколько быстрее, чем, например, русские и украинские села. В официальных документах отмечено, что в целом по республике в хозяйственной жизни немецкое население резко отличается от окружающего русского крестьянского населения Казахстана. При наличии предприимчивости, организованности и сравнительно высоком общем развитии немцев, их хозяйства являются наиболее культурными, мощными и наиболее доходными [4].

Столь явное обстоятельство и сыграло решающую роль в судьбе немецких колоний, когда в стране с 1929 г. был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства. В Казахстане создание колхозов осложнялось тем, что основная часть коренного казахского населения вела кочевой образ жизни. По мнению ученых-экономистов от партии, традиционное функционирование кочевничества вело к непроизводительному использованию земельных площадей, которые можно было бы засеять зерновыми, за которые можно было бы, в свою очередь, выручить валюту, крайне необходимую государству для продолжения политики индустриализации [5]. Решение проблемы было предпринято в духе командно-административной системы: насильственное оседание казахов с последующей насильственной же коллективизацией. В зависимости от района проживания, власти запланировали для кочевников либо стационарное животноводство, либо земледелие. И то и другое было отчасти знакомо казахам в сочетании с кочевым или полукочевым скотоводством, но в чистом виде явилось новацией для казахского аула. В качестве реального примера партийно-государственные органы республики планировали создать образцово-показательные колхозы на базе немецких сел.

О подобных методах коллективизации в республике свидетельствует обнаруженный в ЦГА Республики Казахстан документ с грифом «Не подлежит оглашению» под названием «План основных мероприятий по кооперированию и коллективизации немцев-колонистов в Казахстане», принятый, очевидно, во второй половине апреля 1929 г. [6]. Из текста следует, что эта директива разработана республиканскими властями соответственно постановлению секретариата ЦК ВКП(б) «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» от 12 апреля 1929 г., которое отме-

чало отсутствие массовой коллективизации со сплошным охватом в немецких колониях в масштабах всего Союза [7]. В связи с этим ЦК партии обязал местные органы к 1930 г. кооперировать всю массу немецкого батрачества и бедноту, а также большинство середняков, построить в районах немецких колоний ряд колхозов-гигантов и машинно-тракторных станций. Применительно к условиям Казахстана план основных мероприятий намечал закончить сплошную коллективизацию немецких сел к исходу 1930 г., причем в данном случае под сплошной коллективизацией имелся в виду 100%-ный охват немецких крестьян. Чтобы оценить явную поспешность республиканских властей в ретивом выполнении директив Центра, стоит отметить, что по решениям декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1930 г. в зерновых районах второй группы, куда относился Казахстан, только в 1931 г. предполагалось коллективизировать 50% хозяйств. Тогда же критерием сплошной коллективизации был определен 80%-ный рубеж [8]. По «Плану основных мероприятий» предусматривалось всемерное обеспечение немецких колхозов техникой, денежными средствами, кадрами и пр., в том числе намечалось капитальное строительство объектов по переработке сельхозпродукции. Для колхозного строительства в немецких селах на 1929 г. выделялись специальные фонды, как материально-технические, так и финансовые, что являлось реальным доказательством особой заинтересованности властей в создании немецких колхозов.

Характерно, что этот конкретизированный до деталей документ практически не упоминает об экономических целях или же перспективах от коллективизации немецких хозяйств. Зато ясно вырисовываются две сверхзадачи социального плана, переведенные в плоскость идеологического воздействия. Во-первых, такие сугубо производственные (а значит, имеющие материально-финансовые фонды) организации, как Сельхозкооперация и Колхозсоюз республики, должны были добиться изоляции немецкого кулачества путем усиленного наступления бедняцко-батрацких слоев из немцев-колхозников при поддержке середняков, вплоть до полной ликвидации кулачества на основе сплошной коллективизации. Помещенные тут же более подробные рекомендации к действию (организация групп бедноты, созыв собраний для агитации, улучшение торгового обслуживания и снабжения, финансовая помощь и т. п.) наглядно показывают, что партийно-государственные органы ставили целью взломать изнутри немецкую общину, национально-религиозная автаркичность и социальная однородность которой мешали начавшейся по-

литике борьбы с кулачеством. Наконец, во-вторых, как было сказано выше, по замыслу партийной верхушки, немецким колохозам в Казахстане отводилась особая роль. Директива предписывала местным органам принять меры к изучению постановки работ немецких хозяйств, их производственных процессов и т. д., с тем чтобы их опыт хозяйствования, особенно коллективного, можно было перенести в отсталые окружающие хозяйства, в том числе и коренного населения [9].

Надо сказать, что еще до начала сплошной коллективизации среди беднейших слоев немецкой деревни стали возникать первые колхозы, что, в общем, было характерно для всей страны. Они представляли из себя мелкие маломощные кооперативные объединения, чаще в форме артелей, ТОЗов, СОЗов и т. п. Так, например, колхоз «Трудовой колонист» пос. Розовка Коряковского района Павлодарского округа, созданный в 1928 г., состоял из 16 хозяйств, 13 из которых были бедняцкими и середняцкими. Колхоз постепенно развивался и по его примеру в соседних немецких селах в 1929 г. стали образовываться сельхозартели [10].

Однако ряд репрессивных мер по отношению к крестьянству со стороны государства — грабительские хлебозаготовки 1928–1929 гг., раскулачивание, насильственная коллективизация — прервали этот, возможно, естественный процесс, вызревавший среди части немецкой бедноты. Основная же масса немецкого крестьянства к запланированной свыше 100%-й коллективизации не была готова ни экономически, ни психологически. К тому же партийно-советские органы были практически не инкорпорированы в немецкую среду и не имели реальных рычагов влияния, особенно в сельских массах. Более того, силовые методы создания колхозов оттолкнули лояльные ранее слои немецкого населения от самой идеи коллективизации, а вместе с ней и от ее проводников — органов власти.

Немцы, как и крестьяне других национальностей, выступили против колхозов, заявляя: «Нам колхозов не надо, мы умеем хозяйствовать и так», «Мы были с хлебом и без колхозов» [11]. Другой формой протеста властям стала попытка массовой эмиграции за рубеж. Вслед за Сибирью и Поволжьем, немцы Казахстана с лета 1929 г. стали готовиться к выезду. Именно к этому периоду относится распад почти всех немецких колхозов в Казахстане. В возможности эмигрировать немцы увидели, в частности, альтернативу колхозам, а в целом — насильственному вторжению в их жизнь. Однако из Казахстана выехать удалось лишь небольшому количеству семей, боль-

шинству же немцев не удалось преодолеть заградительных мер властей, и они вернулись с полдороги, не имея теперь ни домов, ни хозяйств, подавленные морально. Таким образом, в республике, как и по всей стране, эмиграционное движение немцев усилиями властей было прекращено [12]. Но до лета 1930 г. в немецких селах ходили слухи, что выезд все-таки будет разрешен.

В подобных условиях немецкое население зачастую вступало в колхозы с единственной целью, чтобы отвлечь внимание властей от своих эмиграционных настроений [13]. Этот процесс нарастал по мере того, как становилось ясно, что эмигрировать не удастся. Так, коллективизация в Цюруповском районе Павлодарского округа шла следующими темпами: на 01.01.1929 г. коллективизировано 8% всех немецких хозяйств, на 01.10.1929 г. — 9,5%, на 01.05.1930 г. — 61%, на 15.11.1930 г. — 67,8% [14]. Эти сухие цифры могут быть оживлены словами агронома Яворского, который в мае 1930 г. по официальному заданию республиканских органов обследовал немецкие поселки соседнего с Цюруповским Коряковского района и, заметив, что население готовится не к посевной, а к отъезду, взял на себя ответственность по вопросу эмиграции и указал, что ни самих паспортов на выезд за границу выдаваться не будет, а также и выезда не предвидится. После этого, по словам Яворского, немнаселение, обсудив этот вопрос, в пос. Акимовка организовало вновь сельхозартель, в которую вошли все хозяйства этого поселка [15]. Видно, что причиной массового вступления немцев в колхозы стало сознание безысходности, и назвать подобное явление добровольным вряд ли возможно. Во многих районах крестьяне занимали выжидательную позицию, что отразилось в низком проценте коллективизации в селах с немецким населением. Подобная картина вырисовывалась, например, по сводкам из Красноармейского района Петропавловского округа, где к октябрю 1930 г., на фоне общей 53%-ной коллективизации по району, в Келлеровском сельсовете был коллективизирован 31% всех немецких хозяйств, в Линевском — 27%, а в Новодворском сельсовете — 0%. Составители сводки прямо отмечали особенно низкий процент коллективизации в сельсоветах с немецким населением [16].

На фоне удручающих сводок партийно-советские органы всячески усилили агитационную работу по вовлечению немцев в колхозы. Показательна история колхоза «Новый путь» Цюрупинского района Павлодарского округа, созданного из сел Наташино, Олытино и Борисовки. Со времени образования в 1929 г. колхоз (а точнее, ар-

тель) держался на энтузиазме его руководителя. Однако в период эмиграционного движения, говоря языком служебного доклада, «под влиянием агитации религиозно-кулачески настроенной верхушки артель начала распадаться и от окончательного развала удерживалась только благодаря героическим усилиям Предправления, но в момент распада лежащей вблизи Равнопольской артели, давшей как бы сигнал, развалился окончательно и «Новый путь» [17]. Документ констатирует, что колхозы развалились, несмотря на ряд выездов на место агрономов, работников райполеводсоюза, окрисполкома и работу постоянного работника окружкома ВКП(б). С целью восстановить эти колхозы или организовать по возможности хотя бы ТОЗ, сюда выехал председатель Цюрупинского райполеводколхозсоюза Панфилов [17]. Судя по всему, не стоило сомневаться в конечном результате этой эпопеи, так как имеется достаточно свидетельств об успешном итоге подобных массивированных агитационных мероприятий в отношении немецких колхозов [18]. Сведения по Казахстану вполне солидаризируются с выводом Л.П. Белковец о том, что в Сибири после поражения эмиграционного движения немецким селом овладела апатия, а равнодушие и безразличие на долгие годы превратились в норму жизни. Отрезав немецким крестьянам все пути к выезду из страны, доведя их до крайней степени обнищания, голода, морального и физического унижения, сталинский режим достиг своей цели. Им больше ничего другого не оставалось, чтобы выжить, как пойти в колхозы [19].

Воссозданные или созданные вновь с начала 1930 г. немецкие колхозы в подавляющей массе находились в бедственном состоянии. Причиной стало то, что, надеясь на отъезд, немцы за бесценок распродали или же просто раздали свое имущество, скот и рабочий инвентарь, дома и утварь, а кроме того, подчистую сдали все запасы зерна в счет хлебозаготовок. На общем собрании в немецком колхозе им. К. Либкнехта Цюрупинского района Павлодарского округа присутствующие жаловались, что скот весь распродан, люди голодают, выбились из сил, хозяйства все окончательно разорены, нет ни хлеба, ни молока, ни домашней птицы, избы топят крышами и разбираемыми заборами, дети ходят без обуви... В селах Надаровке и Чистополе этого же колхоза до 60% хозяйств были вовсе без хлеба и около 80% населения недоедало и голодало [20]. К весенней посевной 1930 г. в этих колхозах по понятным причинам совершенно не было семенного запаса. Другой помехой для осуществления сева стало отсутствие лошадей. «Имеющаяся у них на месте тяг-

ловая сила находится в весьма хаотическом состоянии, — писал очевидец, — кормовых ресурсов совершенно нет ничего, лошади в настоящее время ходят по степи на выпасе. Безусловно, работать на таких лошадях, в которых светят кости, невозможно» [21]. Естественно, что хозяйственные итоги следующего, 1931 г. оказались плачевными. Урожайность зерновых в немецких колхозах составила в основном 1,2–1,3 ц/га, реже — 2,3–2,4 ц/га, тогда как ранее этот показатель составлял 6–8 ц/га [22].

Между тем, в это сложное время некоторые колхозы, населенные немцами, несмотря на все перипетии, оказались весьма устойчивыми. К ним можно отнести числившийся в передовых по району колхоз «Роте Фане» Кустанайского округа, уже упоминавшийся колхоз «Трудовой колонист», который считался образцовым, и некоторые другие. Таким колхозам партийно-советские органы придавали большое пропагандистское значение, оказывали помощь в их дальнейшем развитии.

В ряду подобных мероприятий была продолжена намеченная ранее линия по специальному созданию образцово-показательных колхозов на базе немецких сел. Так, в Цюрупинском районе Павлодарского округа, где немцы составляли 8–10% от всего населения и проживали в 12 селах, намечалось организовать в 1931 г. четыре примерных колхоза, из них три немецких и один европейский, т. е. со смешанным населением — русским, украинским, белорусским и т. п. В итоге в основу развития всего Цюрупинского района предполагалось положить опыт ведения сельского хозяйства немецкими крестьянами, выработанный ими за более чем сорокалетний срок проживания в регионе. При планировании экономической направленности будущих коллективных хозяйств здесь возобладала разумная политика сохранения уже сложившихся в немецких селах экохозяйственных систем, апробированных на практике. Так, в центральной части района, в радиусе действия Цюрупинской МТС, было решено развивать зерновое направление в сочетании с продуктивным животноводством, для чего признавалось необходимым усиленное развитие племенного рассадника красно-немецкого скота за счет колхоза «Энергия» (немецкого). Кроме того, во всем районе планировалось развитие огородничества и садоводства с широким перенесением опыта немцев. Подобный же принцип был положен в основу хозяйственной специализации другой части Цюрупинского района, только основанный на примере расположенных именно там немецких колхозов: западная часть района должна быть комбиниро-

вана с тем же направлением хозяйства района, как и центральная часть, и с тем же перенесением немецкого опыта и организацией племрассадников в колхозах им. Карла Либкнехта и «13-я годовщина Октября» (оба колхоза немецкие). Другие части района — южная и северная — были также специализированы как зерновые, дополненные животноводством и птицеводством [23]. В Цюрупинский район входило два национальных (казахских) района — Теренгульский и Сейтенеевский, где проживало 3 тыс. казахских хозяйств и которые по воле властей должны были перейти от полукошевого скотоводства к земледелию, используя опыт соседей-немцев.

В целом же гарантией развития земледельческого хозяйства во всем Цюрупинском районе, расположенном в степной открытой зоне с резко континентальным засушливым климатом, должна была стать система лесопосадок, выработанная и проверенная на практике местными немцами-меннонитами. Агрономы отмечали, что в районе хорошо приживаются тополь, желтая акация, калифорнийский клен, лох серебристый, сосна и береза, а из кустарников и садовых — малина, красная смородина, крыжовник, вишня, яблоня, слива и др., распространенные в немецких поселках. Далее они констатировали, что «все указанные виды древесных и кустарниковых пород в европейских и казахских поселках, за исключением вышеуказанных 12-ти немецко-голландских поселков, в которых они искусственно выведены около 40 лет тому назад, отсутствуют. Опыт немецких поселков в лесонасаждениях дают блестящие результаты, указывая этим самым правильный путь к разрешению проблемы борьбы с засушливым климатом района» [24]. Обычным явлением в районе были неурожаи с суховеями и песчаными бурями, зимой же снега из-за отсутствия лесов уносились бурями с полей, поэтому власти района форсировали широкое перенесение немецкого опыта на остальные поселки района, как фактора борьбы с засухой, а отсюда — изменения почвенных и отчасти климатических условий. В основу метода облесения было положено клеточное столбчатое землеустройство, засаженное по периметру лесопосадки. Частью системы лесонасаждений стало создание лесных массивов на водоразделах, а также насаждение защитных опушек леса на расстоянии 0,5 км друг от друга перпендикулярно господствующим ветрам. Претворение в жизнь этого плана началось в 1930 г., причем уже существовавшие посадки в немецких селах использовали как питомники. В результате агрономы ожидали повышения урожайности зерновых с прежних 6 ц до 10 ц минимум; внедрения новых

культур, например, бобовых, улучшающих качество почвы; роста травосеяния и, как следствие, развития животноводства.

Характерно, что эти естественные сельскохозяйственные результаты, ожидаемые от предполагаемых мероприятий, обозначены в докладе Цюрупинского райколхозсоюза под номером один. Следующие результаты уже ожидаются в иной плоскости: во-вторых, ускорится оседание казахского населения и создание интернациональных колхозов (казахи, немцы, европейцы); в-третьих, направится возросшая активность бедняцко-средняцких масс в надлежащее экономическое русло; в-четвертых, введение крупного зерно-скотоводческого коллективного хозяйства с форсированным переходом от экстенсивного к высокоинтенсивному окончательно изживет всякое эмигрантское движение немцев [25]. Этот пример лишний раз демонстрирует неразрывность экономических и политических целей, преследуемых властями при проведении коллективизации.

В итоге, под влиянием различных факторов, показанных выше, в республике начался численный рост немецких колхозов. В апреле 1932 г. отдел национальных меньшинств ЦИК КазАССР отмечал, что под руководством партийной организации имеется ряд достижений в организационно-хозяйственном укреплении колхозов национальных меньшинств (особенно немецких) по отдельным районам (Цюрупинский, Федоровский и др.) [26].

Под руководство партийной организации вполне подпадают те жесткие репрессивные меры, которые сопровождали почти всю историю создания колхозов. Так, план хлебозаготовок немецкий Надаровский сельсовет Бельгагачского района Петропавловского округа осенью 1931 г. выполнил всего на 2%, на что последовала резолюция партийных органов: «Предложить парттройке при рассмотрении дела к лицам, не считающим своих ошибок, принимать самые строжайшие меры, вплоть до исключения из рядов ВКП(б), снятия с руководящей работы и предания суду» [27]. Проверка РКК—РКИ колхоза им. Карла Либкнехта Цюрупинского района в 1931 г., по мнению проверяющих, показала, что правление колхоза избрано из «классово чуждых кулацких элементов, заинтересованных в развале колхозного строительства». Материалы обследования были переданы в прокуратуру, что за этим последовало — догадаться нетрудно [28].

На фоне развернувшейся по всей стране борьбы с кулачеством власти предприняли особые репрессии по отношению к зажиточной верхушке немецкой деревни, ибо социальная однородность и отсут-

ствие классовой борьбы в немецкой среде серьезно озадачивали партийно-советские органы. Недостаточный рост немецких колхозов партийные функционеры, игнорируя очевидные причины, прямо обвиняли кулакам, которые, по их мнению, так крепко зажали бедноту, что она отказывается вступать в колхоз [29]. Поэтому структурам ГПУ в директивном порядке приказывалось принять меры к изоляции наиболее вредных кулацко-зажиточных элементов и представителей духовенства с целью окончательной ликвидации их влияния на немецко-бедняцкую среду [30]. К тому же, за малейшее проявление недовольства следовало исключение из колхоза, штрафы, аресты, высылка и т. д. Еще в середине 1930-х гг. оперативные сводки и документы с мест сообщают о так называемых фактах саботажа и актах неповиновения немецких крестьян в республике, которые обязательно наказывались. Постановление бюро Южно-Казахстанского обкома ВКП(б) от 17 ноября 1934 г. предписывало райкомам и органам НКВД реагировать самым решительным образом на малейшее проявление антисоветских и контрреволюционных настроений среди немецкого населения: «В отношении тех антисоветских элементов, которые в последнее время активизировались и ведут контрреволюционную работу, надо немедленно принимать самые решительные репрессивные меры: произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу» [31].

В подобных условиях сопротивление немецких крестьян враждебной им политике государства приняло латентный характер. Как форму пассивного сопротивления можно оценить стремление немцев сохранить традиционные способы ведения хозяйства. Обследование колхоза им. Карла Либкнехта Шемонаиховского района Семипалатинского округа в 1930 г. показало, что «по сравнению с прежним единоличным хозяйством немцев разницы почти никакой: землепользование общинное, с многопольным севооборотом сохранилось и теперь безо всякой ломки, утепленные скотные дворы остались такими же... условия содержания скота в смысле ухода и кормления не изменились...» [32]. Даже позже, в 1934 г., начальник политотдела МТС сообщал в вышестоящие органы, что в немецком колхозе «Найдорф» Карабулакской МТС Алма-Атинской области значительная часть людей считает, что зажиточным можно сделаться раньше всего и скорее всего путем разведения скота в единоличном пользовании, единоличных огородов, но отнюдь не через укрепление колхозов, не через увеличение урожайности. 40 хозяйств этого колхоза имели огороды размером до 30 га, получая от

них доход в 5–7 тыс. руб. и, естественно, не прилагали особых усилий на колхозных полях [33].

К этому же ряду скрытых видов борьбы относится, по определению Джеймса Скотта, крестьянская стихия квиетистских и анонимный действий — то, что можно назвать повседневным крестьянским сопротивлением: обычное оружие относительно бессильных групп: волокита, симулирование, дезертирство, притворная угодливость, воровство, мнимое неведение, клевета, поджоги, саботаж и т. п. [34]. Факты такого рода почти не фиксируются в документах, но они есть. Косвенные свидетельства и редкие упоминания завуалированного сопротивления поданы в донесениях уполномоченных НКВД в своеобразной форме. В 1935 г. в колхозах им. Тельмана и им. Карла Либкнехта Келесского района Южно-Казахстанской области, говоря языком донесений, якобы «немецкие кулаки организовали определенный саботаж и вредительство в колхозе, ведя ставку на развал колхозов, разложили трудовую дисциплину в колхозе, сорвали обработку хлопка, довели до минимума урожайность, в период уборки создали массовые невыходы на работу, поощряя прогульщиков» [35]. Оперуполномоченный сообщает, что на два колхоза им выявлены пять человек организаторов подобных акций. Стоит учитывать известные методы работы органов НКВД, сводившиеся к поиску конкретного врага. Можно допустить, что мы имеем дело с перманентным латентным сопротивлением крестьянских масс, осуществляемым индивидуально и стихийно, без какого-либо руководства. Опасаясь поражений и отказываясь от прямого конфликта с властями, крестьяне выражали свой протест косвенно при скрытой поддержке и молчаливом одобрении всей общины. Судя по имеющимся в нашем распоряжении нескольким отчетам немецких колхозов за 1931 г., так называемых передовых колхозников и ударников в этих колхозах не было. Имелись добросовестные колхозники и, что особенно интересно, лодыри [36]. А вот в колхозе «Энергия» Цюрупинского района Павлодарского округа эти три группы, по данным 1930 г., прослеживаются четко. По определению районных властей, «здоровое ядро содержит до 30% всего колхоза, а остальное население распадается на две группы: одна (состоит. — Т. В.) из колеблющихся членов колхоза, их тоже около 30%, (другая. — Т. В.) состоит из определенно вредящих колхозному строительству элементов, агитирующих за эмиграцию, распускающих всякие вздорные слухи и пользующихся всяким случаем, чтобы разложить колхоз, одни со-

знательно, другие — под влиянием их» [37]. Таким образом, значительная часть крестьян выражала свой протест против насильственного создания колхозов в форме негативного отношения к труду в колхозном секторе и другими подобными действиями.

Позже и эта форма латентного противостояния была в целом подавлена государством при помощи экономических рычагов: налогов, штрафов и пр. В какой-то мере возобладала и хозяйственная рачительность, традиционно присущая немецким крестьянам. К 1936 г. плановые задания в немецких колхозах выполнялись на 150%, а в отдельных случаях — даже на 250–350% [38]. Словосочетание «немецкий колхоз» стало синонимом трудолюбия и крепкого хозяйства. Однако труд в колхозе, особенно в довоенные годы, был полностью подконтролен государству и исключал всяческую инициативу, отлучая крестьянина от земли. Настроения немецких крестьян можно выразить словами одного из них, жителя с. Эбенфельд Петропавловского округа Ребанта, намеревавшегося выехать в Донбасс: «Лучше я поеду на шахты и буду работать восемь часов и после этого чувствовать себя свободным гражданином, а в крестьянстве я все равно никогда свободным не буду» [39]. Но так как колхозы, по определению В.П. Данилова, явили собой основание командно-бюрократической системы управления страной, то они вскоре превратились в объект постоянной мобилизации человеческих и материальных ресурсов на любые государственные нужды [40]. Из-за отсутствия паспортов крестьяне были лишены возможности всяческих миграций, в том числе и вертикальных, например, из села в город, что могло бы дать возможность повысить социальный уровень и статус. Как и все крестьянство в целом, немецкие крестьяне-колхозники стали заложниками Системы.

Примечания

1. См.: Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане: опыт и проблемы. Алма-Ата, 1990; Козыбаев М.К., Абылжин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992; Насильственная коллективизация и голод в Казахстане в 1931–1933 гг. Сб. документов и материалов. Алматы, 1998 и др.
2. См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Ч. 2. Саратов, 1994; Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х — 1930-е гг.). М., 1995; Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. Ч. 1. Топчиха, 1995; Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995; Кронгардт Г.К. Немцы в Кыргызстане. 1880–1990 гг. Бишкек, 1997.
3. См.: Архив Президента Республики Казахстан (далее — АП РК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 2468. Л. 5.

4. См.: Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.): Сб. документов. Алматы; Москва, 1997. С. 48.
5. См.: Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1997. С. 134.
6. См.: Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 247. Оп. 1. Д. 56. Л. 5–7.
7. См.: Из истории немцев Казахстана... С. 26–28.
8. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. С. 233.
9. См.: ЦГА РК. Ф. 247. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.
10. См.: Там же. Д. 567. Л. 1.
11. АП РК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2251. Л. 61.
12. Об этом см.: Волкова Т.П. Взаимоотношения немецкого населения Казахстана и органов власти в конце 20-х – начале 30-х годов // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1998.
13. См.: Из истории немцев Казахстана... С. 63.
14. См.: ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 12. Д. 166. Л. 147.
15. См.: Там же. Ф. 247. Оп. 1. Д. 567. Л. 1–1 об.
16. См.: Там же. Д. 331. Л. 11.
17. Там же. Д. 567. Л. 4.
18. См.: Там же. Л. 5.
19. См.: Белковец Л.П. Указ. соч. С. 125.
20. См.: ЦГА РК. Ф. 247. Оп. 1. Д. 567. Л. 3.
21. Там же. Л. 1.
22. См.: Там же. Д. 1009. Л. 1; Д. 1028. Л. 1; Д. 1029. Л. 1.
23. См.: Там же. Д. 512. Л. 8.
24. Там же. Л. 9а.
25. См.: Там же.
26. См.: Там же. Д. 1179. Л. 1.
27. Там же. Ф. 44. Оп. 12. Д. 166. Л. 59.
28. См.: Там же. Л. 89.
29. См.: АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2468. Л. 59.
30. См.: Там же. Л. 14.
31. Из истории немцев Казахстана... С. 79.
32. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 11. Д. 108. Л. 61.
33. См.: Из истории немцев Казахстана... С. 77.
34. См.: Скотт Д. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. М., 1992. С. 285.
35. Из истории немцев Казахстана... С. 82.
36. См.: ЦГА РК. Ф. 247. Оп. 1. Д. 1009. Л. 1; Д. 1028. Л. 2; Д. 1029. Л. 2–3.
37. См.: Там же. Д. 567. Л. 8.
38. См.: Из истории немцев Казахстана... С. 84–85.
39. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2468. Л. 35.
40. См.: Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Коллективизация сельского хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане... С. 67.

ПОЛОЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В ОДЕССКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг.

Н.А. Шевчук

В 1920-е гг. национальные меньшинства в Украине составляли 20% населения. Четвертое место по удельному весу среди них занимали немцы (после русских, евреев и поляков) – 392,6 тыс. (1,36%) [1]. В Украине находилось 40% всех немцев, проживавших на территории СССР. Из них свыше 90% проживали в сельской местности. С 1924 г. в местах компактного проживания немцев стали образовываться немецкие национальные сельские советы. В 1925 г. их насчитывалось всего 98, а в 1927 г. – уже 237. В 1920-е гг. в Украине было образовано 7 немецких национальных районов: Пулинский, Высокопольский, Люксембургский, Карл-Либкнехтовский (ранее Ландауский), Спартакровский (Гросс-Либентальский), Молочанский и Зельский.

В 1919 г. из состава Херсонской губернии была выделена Одесская губерния. В ней было 6 уездов. В 1922 г. к Одесской губернии присоединили территорию расформированной Николаевской губернии. В итоге, в ее составе числились округа Балтский, Елисаветградский, Николаевский, Одесский, Первомайский и Херсонский. Согласно статистике, в 1923 г. в Одесской губернии проживало всего 113 468 немцев. Наибольшее число их находилось на территории Одесского округа – 78 546 чел., включая 72 454 сельских жителя [2]. По своей численности среди национальных меньшинств округа они занимали второе после евреев место.

Тяжелая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в результате мировой и гражданской войн, включая жесткую политику

военного коммунизма советской власти, отрицательно сказалась на положении всего населения в Украине. В этих условиях не избежали серьезных социальных деформаций и экономического разорения общинные в недавнем прошлом немецкие колонии. Начался процесс разрушения специфического национально-культурного, социально-бытового и религиозного уклада жизни немецкого населения.

Советская государственная политика в Украине в сфере национальных отношений, согласно решениям X (1921 г.) и XII (1923 г.) съездов РКП(б), определялась двумя основными направлениями: украинизацией и мероприятиями по развитию национальных меньшинств. В соответствии с постановлением ВУЦИК при Наркомате внутренних дел 13 апреля 1921 г. был создан отдел по делам национальных меньшинств. В нем существовали подотделы еврейский, польский и немецкий. Право на создание таких отделов получали губкомы партии, которые могли принимать решения самостоятельно, «в соответствии с местными условиями» [3]. В структуре Наркомата образования появился, на правах отдела, Совет национальных меньшинств. В апреле 1923 г. на XIII съезде ВКП(б) была провозглашена политика коренизации, украинская разновидность которой получила название украинизации. Своей главной целью она декларировала содействие развитию культур и языков национальностей. Подобная политика открывала определенные возможности для реального удовлетворения интересов национальных меньшинств. При этом не следует забывать о том, что ведущим принципом всей государственной политики советской власти оставался классовый принцип. А это означало, что классовое противостояние деструктивно отражалось на решении вопросов в сфере национальной жизни.

Согласно заключению немецкой секции при отделе управления Одесского губисполкома немецкие колонии в Одесской губернии в начале 1920-х гг. разделялись на две категории. К первой относились большинство колоний «с совершенно разоренным сельским хозяйством и безнадежными видами на урожай 1921 г.» (назывались волости: в Одесском уезде — Зельцкая, Гросс-Либентальская, Далинская, Мало-Буялыкская; в Вознесенском — Раштадтская; в Тираспольском — Гофнунгстальская и Розальевская). Во второй категории числили «колонии более или менее сохранившиеся от разорения» [4]. Немсекция отмечала также, что производительность труда в немецких колониях снизилась до 80%, вследствие «недобросовестного хозяйничанья ответственных совработников», которые рассматривали колонии как неисчерпаемый источник для взимания

недоимок по разверстке и переразверстке. Обращалось внимание и на тот факт, что в немецких колониях задания по продрозверстке выполнили на 100–120%, в то время как соседние с ними деревни, населенные русскими, украинцами, болгарями и молдаванами, «не выполнили и половины назначенной им нормы» [5]. Немсекция приводила такой конкретный пример. В Цебриковской волости Тираспольского уезда, где проживала 1191 немецкая семья, владевшая 7891 десятинами земли, продрозверстка была установлена в объеме 230 749 пудов хлеба. Ее реальное выполнение составило 195 377 пудов. Обратное, в виде установленного возвратного 10%-ного фонда, получили 52 пуда хлеба [6]. В то же время на не немецкие деревни той же волости, численностью в 1685 семейств, с 7792 дес. засеянной земли, было наложено по разверстке 78 568 пудов зерна. Из них было выполнено 64 646 пудов. Обратное, в виде 10%-ного фонда, было получено 5845 пудов [7]. Данным примером немсекция указывала на неправильное распределение разверстки по этническому признаку. Для немцев задания по разверстке устанавливались явно большие. Это объяснялось тем, что советская власть смотрела на немецкие колонии, как на традиционно более богатые и преимущественно кулацкие, рассчитывая получить в них больше хлеба. Возможно, при этом учитывалась и немецкая организованность, склонность к подчинению указаниям властей, расчет на их этническую изолированность, если бы они попытались оказать сопротивление. В документах есть примеры того, что немецкое население выполняло продрозверстку «с наименьшей затратой репрессивных мер и с наибольшей аккуратностью и добросовестностью» [8].

Несмотря на существенное ухудшение экономического положения немецких колоний в начале 1920-х гг., представители советских и партийных органов продолжали нередко считать их зажиточными и находящимися под влиянием «куркульских» элементов. В информационно-циркулярном письме Центрального бюро немецкой секции ЦК КП(б)У от 18 декабря 1924 г., адресованном всем руководителям и инструкторам немсекций от губкома и ниже, отмечалось, что «некоторые товарищи», работающие в колониях, «применяют методы военного коммунизма» [9]. Один из инструкторов немотдела, побывавший в немецких колониях в конце октября — начале ноября 1920 г. с целью изучить ситуацию на месте, отразил в своем отчете следующие факты и оценки. В колонии Гилендорф состоялся митинг (300 чел.), на котором из местных жителей «никто не высказывался» «из-за боязни». Созданная там комячейка работала

слабо. «Милиция занимается самоснабжением и не пользуется доверием населения» [10]. В колонии Ной-Рорбах все население записалось в комитет незаможных крестьян (комнезамож). Разверстка выполняется. «Отношение к советской власти почти безразличное: ни за, ни против» [11]. В колонии Ной-Фрейденталь «отношение к советской власти не сочувственное, причиной которого является кулачество и спекулянтство, развитое в колонии». Инструктор свидетельствовал, что в этой колонии чувствуется безвластие: ревком менялся уже пять раз, а «все учителя старого закала» [12]. В Березовке ситуация рисовалась еще хуже. Там «ревком в течение трех дней три раза менялся.... Повсюду люди беспартийные, все хромает» [13]. Это послужило основанием для замечания инструктора о том, что «на белую Березовку надо обратить внимание Одесского уездного пар(т)кома» [14]. В колонии Вормс, по свидетельству инструктора, отношение населения к советской власти наблюдалось такое: «20 — "за", остальные — "нейтрально"». Все «сеют на коммунистических началах и довольно успешно... Милиции нет, комнезамож работает слабо». В Вормсе — 11 учителей, «но они оказались никуда не годными в политическом и культурном отношении. Их основной вопрос, почему мы получаем так мало жалованья» [15]. 29 августа 1920 г. эта колония подверглась нападению «6 бандитов», в результате чего было убито 4 совработника [16].

Тогдашнее время изобиловало массовыми фактами привлечения людей к судебной ответственности за неисполнение заданий по выполнению продразверстки или продналога. 14 сентября 1922 г. выездная продовольственная сессия народного суда Одесского уезда вынесла приговор 65 гражданам немецкого села Мангейм по обвинению их «в злостном неплатеже продналога». Решением суда указанным персонально шести немцам, — Шнейдеру И.Л., Гейдту М.Ф., Гоффарту О.К.-Л., Эберле А.Я., Мозеру К.С. и Шнейдеру Г.Б., предписывалось в течение 24 часов внести весь причитающийся налог, с одновременной уплатой дополнительного штрафа в 20, 25, 30 и даже в одном случае 130 пудов ячменя [17]. В противном случае им угрожали арестом. В отношении остальных 59 их сограждан, «не уплативших налог ввиду позднего времени», суд постановлял в течение 18 часов внести весь продналог, «в противном случае дело о них будет заслушано заочно в следующем заседании суда» [18]. Среди жителей немецких сел Одесской губернии советская власть производила неоднократные аресты, обвиняя их в участии в кулацком восстании 1919 г. 14 сентября 1920 г. помощником уполномоченного по борьбе с контрреволюцией Одес-

ского уезда были арестованы таким образом 6 немцев. Военное отделение Одесского губернского ревтрибунала приговорило А.Д. Вадизера, И.Я. Кейлера, И.И. Куна и Н.И. Мокельку к 5 годам принудительных работ с лишением свободы, а М.И. Куна и Э.И. Мокельку — к 10 годам принудительных работ с лишением свободы. Апелляция в Верховный трибунал была оставлена без удовлетворения [19]. Арестованные по распоряжению Одесской ГубЧК 12 августа 1920 г. отец и два сына Шмиреры по обвинению в участии в восстании немцев-колонистов в 1919 г. и в неявке «ни на одну мобилизацию советской власти», по решению коллегии Одесского губернского трибунала были амнистированы «в связи с 4-й годовщиной Октябрьской революции» [20]. Другие жители Одесского уезда — немцы Генгле Г.Г., Данк Р.Х., Роглер Э.Я., Роглер Я.Я., Шеффер И.А., арестованные по аналогичному обвинению, были амнистированы советской властью 18 апреля 1922 г. «в связи с 5-м съездом Советов» [21]. Заведенное дело на семерых жителей немецкого села Мангейм Геттеля И.М. (председатель сельского комнезаможа), Декстеймера Л.И. (член Мангеймского волисполкома), Дешнера Ф.А. (председатель Мангеймского волостного комнезаможа), Миллера Д.Д. (председатель рабоче-крестьянской инспекции), Фрейлиха И.П. (председатель сельисполкома), Шилле Л.И. (крестьянин), Шмидта П.Ф. (председатель Мангеймского волисполкома) по обвинению в антисоветской агитации и преступлении по должности (выступили против выдачи муки по ордеру Опродкомгуба с мангеймской мельницы) было прекращено 13 мая 1922 г. по амнистии в связи с 4-й годовщиной Октябрьской революции [22]. Подобным образом, по амнистии, прекращалось дело в отношении немца, подданного США Бауэра Э.Я., жителя села Кагарлык Мангеймской волости, хотя ему было предъявлено опасное обвинение в убийстве комиссара во время восстания колонистов в 1919 г. [23]. Актами амнистии советская власть хотела подчеркнуть свое дружественное расположение к немцам-колонистам, чтобы привлечь их на свою сторону. Часто к делам арестованных немцев прилагались документы (характеристики, ходатайства) односельчан с просьбой об освобождении обвиняемых. Тем самым немцами демонстрировалась этническая солидарность, которая оказывалась выше классового принципа.

В 1921 г., в связи с очевидными признаками неурожая в южных районах Украины, в немецких колониях, как и в целом по стране, наблюдалось ухудшение и обострение социально-экономической ситуации. Проведившееся обследование немецких колоний показало,

что в результате продолжительной засухи 1921 г., когда большинство колонистов вынуждены были перепахивать посевы по два-три раза, а также с учетом разных семенных переразверсток, когда из немецких колоний выкачивали зерно до последнего, хлебные запасы были «до основания израсходованы, так что большинство колоний, теперь уже в буквальном смысле этого слова, голодают» [24]. На заседании президиума немотдела при Одесском губкоме КП(б)У отмечалось, что вследствие плохих видов на урожай, среди колонистов царит большое смятение и недовольство, которое искусно используется местными темными элементами и кулаками» [25]. Указывалось на «усиленное развитие бандитизма, против которого местные власти совершенно беспомощны» («конекрадство, открытые грабежи, убийства коммунистов на очереди дня») [26]. При этом Гросс-Либентальский район назывался гнездом контрреволюции. Партийные власти обращали внимание на такой своеобразный «контрреволюционный» прием, используемый колонистами в Гросс-Либентале, как обращение за помощью ВЧК для устранения активных коммунистов. Пользуясь «стесненными материальными положениями товарищей коммунистов, искушают их под разными соусами взятками и передают их затем в ЧК» [27]. Двух коммунистов («т.т. Еггер и Отт») ЧК, таким образом, немедленно расстреляла. Один из таких подстрекателей к подобным действиям в среде колонистов на собрании комнезаможа открыто высказал мнение о том, что «все члены местной комячейки должны быть расстреляны» [28]. По докладу члена президиума немотдела при Одесском губкоме КП(б)У т. Беккера, в котором излагались приведенные выше факты, в постановляющей части решения указывалось на необходимость применения «самых строгих и решительных мер против подозрительных колоний». Конкретно предполагалось осуществить немедленный арест «контрреволюционного элемента как заложников» и «при малейшем установлении их виновности в участии в контрреволюции и бандитизме, приговорить к высшей мере наказания» [29].

Немецкие отделы, находившиеся в структуре партийных органов, указывали на то, что бандитизм в немецких колониях принимает политические формы, в частности, якобы за убийство коммунистов назначались премии до 200 тыс. рублей [30]. Наряду с этим, эти же самые немецкие отделы в своих документах оценивали экономическое положение в немецких колониях, особенно в 1921 г., как «катастрофическое», «критическое», «безнадежное». Они констатировали факт, что «обязательства, наложенные на не-

мецкие колонии, огромны» [31]. Отмечалось ими и то, что аресты за невыполнение продналога производились в среде более бедных слоев колонистов, которые, в действительности, не могли выполнить требуемых объемов поставок зерна. Способы же получения продналога подчас мало чем отличались в сравнении с периодом взимания продразверстки. Кроме продналога серьезным бременем была транспортная повинность, которая «лишала колонистов возможности заниматься сельским хозяйством». Устанавливались властями как добровольные, разного рода пожертвования на деле взимались насильственно. Кто был не в состоянии их выполнить, считался контрреволюционером. Как свидетельствуют документы, дожимали колонистов также часто практикуемые расквартирования в их домах совработников («с семьями и родственниками»), милиционеров, красноармейцев. Причина для этого в тогдашних условиях была вполне серьезная: «в немецких колониях можно было хорошо покушать». Были случаи, когда такие квартиранты «с револьвером и арестами заставляют подавать себе сало, масло, колбасы и другие деликатесы» [32]. В Гросс-Либентале, например, под руководством «ответственных работников» «было, без всякого на то разрешения, зарезано 7 штук свиней и мясо распределено между собою, между тем как бедняки-комнезаможники голодают и ничего не получают» [33].

В документах отражается и такая серьезная проблема для колонистов, как затруднительность или даже невозможность вернуться в свои собственные дома, вынужденно покинутые ими в период гражданской войны или в различных случаях разбоев. В одном из таких случаев в колонии Нойфельд Николаевского округа председатель волисполкома решительно заявил представителю немсекции, «что он будет препятствовать всеми находящимися у него в руках средствами возвращению в колонию немцев, так как они контрреволюционеры» [34]. При этом, по свидетельству местного незаможного колониста Гохгальтера, «у председателя волисполкома и начальника милиции вообще существует ненависть к немцам» [35]. Подобная ситуация имела место в этом же округе в колонии Ше(н)фельд, где возникла реальная угроза для 53 немцев стать бездомными [36]. Такого рода случаи имели место во всем Николаевском районе. Для коммуниста Лустина, например, они послужили основанием к следующему обобщающему заключению в адрес немсекции Одесского губкома: «При таких массовых явлениях нет никакого смысла говорить о правах и принципах национальных меньшинств или же о поднятии сель-

ского хозяйства» [37]. Характерно то, что против самого Лустина райисполком возбудил дело, связанное с его попыткой воспрепятствовать вывозу мебели из Ландауской агрономической школы согласно распоряжению самого же райисполкома [38].

Осложнение экономической ситуации в немецких колониях в голодные 1921–1922 гг. вызывало озабоченность немотделов при партийных и советских органах. В начале декабря 1921 г. член Центрального бюро немсекции при ЦК КП(б)У Гохштегер сообщал, что «осенний посев в немецких колониях выполнен только до 10%» и что существует острая нехватка семян для весеннего посева [39]. Немотдел при Одесском губкоме выступил с ходатайством перед правительством о том, чтобы «достать семена от колонистов Волынской губернии, при помощи имеющихся там немецких партийных организаций». Кроме того, немотдел и его председатель Гебгардт решительно выступили за то, чтобы отправить делегатов в Северную Америку для обеспечения губернии посевным материалом [40]. Документы свидетельствуют о том, что ряд партийных работников немсекций в этих трудных условиях сами выехали за границу, что отрицательно оценивалось для состояния партийной работы в немецких колониях [41].

Определенную работу в борьбе с голодом в Одесской губернии проводил «Союз граждан германской расы» («Деферод»), который был зарегистрирован Одесским губисполкомом 21 апреля 1922 г. В нем числилось 6000 членов, 95% из которых были крестьянами. Своей задачей союз ставил «хозяйственное и культурное возрождение немецкого населения Одесской губернии и Одессы» [42]. Двое из его основателей — Гельцварт В.И. и Фольмер В.Л. были представителями организации Американской администрации помощи (АРА), которая оказывала благотворительную продовольственную помощь голодающим в советской России. АРА предоставила голодающим в Украине 180,9 млн. продпайков, что было больше, чем по линии других международных организаций [43]. По свидетельству председателя «Деферода» Г. Таубергера, весной 1922 г. союзу удалось получить из-за рубежа около 25 тыс. пудов кукурузы, пшеница и фасоль (на прокорм и на посев). Американская компания «Иовасинод» предоставила еще 36 тыс. пудов кукурузы. Германское транспортное общество «И.Каль-Гамбург» направило 246 посылок с пожертвованиями. Из Гамбурга на пароходе «Юлианенбарк» было отправлено около 200 тыс. тонн товаров [44]. Продовольствие и одежда поступали и от других германских организаций. Их распределяли, главным об-

разом, в колонии. По инициативе «Деферода» была послана делегация в Харьков, с целью получить кредит на закупку сельхозмашин, а также добиться у правительства Украины разрешения на ввоз сельхозмашин из-за рубежа. В результате было получено разрешение на ввоз из-за рубежа 379 однолемешных плугов, 500 — двухлемешных, 130 — трехлемешных, 690 культиваторов, 350 борон, 344 просорушки, 500 жаток, 400 сенокосилок, 250 конных приводов и т. п. [45]. По разрешению Наркомвнешторга в Германию были делегированы члены комитета «Деферода» Г. Гарш и Г. Пфафф для покупки сельхозмашин под долгосрочный кредит. В результате переговоров германская фирма «Сток» обязалась поставить «Дефероду» 2 моторных плуга бесплатно (для испытания) и 30 таких же плугов — на льготных условиях. В то же время в Германии удалось выгодно закупить 10 тыс. экземпляров различных школьных книг и около 35 пудов писчих принадлежностей [46].

Следует отметить, что в Одесской губернии, помимо «Союза граждан германской расы» («Деферод»), действовал также «Союз немцев-колонистов в Одесской губернии». Как отмечалось на совещании немецких коммунистов Одесской губернии (26–28 июля 1922 г.), первый из них имел выраженное острое национальное ориентации, а второй — находился под влиянием клерикалов. Оба союза организовывались без коммунистов, поэтому на указанном совещании ставилась задача, чтобы коммунисты вошли в их состав, включая проникновение в правление. В случае если бы этого не удалось достичь, то дело предполагалось довести до ликвидации союзов [47]. На данном собрании коммунистов указывалось также на стремление немецких колонистов к организации своего собственного всеукраинского союза. Отношение к его возможному появлению немецкие коммунисты определяли следующим образом: «Так как все провинциальные украинские учреждения политически не совсем благонадежны и вне влияния Компартии находятся, то организация Всеукраинского союза была бы равна укреплению и окончательной неприкосновенности таких союзов» [48]. Впоследствии, в отчете Нацмена при Одесском губкоме сообщалось, что «Союз немцев-колонистов» был реорганизован в сельхозтоварищество, входившее в общую кооперативную сеть, а «Союз граждан германской расы» — в «Немецкий культурный союз». При этом, данное преобразование последнего союза коммунисты не считали удачным, так как в нем не удалось обеспечить партийное влияние [49]. Несколько позже, в 1924 г., документы показывают, что оба упомянутых сою-

за немцев-колонистов были преобразованы в «культурный союз», руководство которым, как считали, не отвечало требованиям коммунистов [50].

27 июля 1921 г. президиум немотдела Одесского губкома партии принял решение о создании вспомогательной комиссии для помощи пострадавшим от засухи немецким колониям в Поволжье и о развертывании специальной агитации. На основе решений Всероссийской конференции немсеский при РКП(б) о переселении детей из немецких колоний Поволжья, немсеския Одесского губкома партии приступила к организации приема детей. На первый случай готовились принять и разместить около 700 детей в Тираспольском уезде и около 300 детей — в Вознесенском. В сентябре 1921 г. в Одесскую губернию было отправлено два поезда с немецкими детьми из Поволжья [51]. Однако уже в ноябре 1921 г. Одесский губком партии вынужден был констатировать следующую ситуацию: «Положение детей Поволжья плачевное. Крестьянство стремится отправить их обратно или даже выбросить на улицу. Крестьянство согласно снабдить детей одеждой, довольствием и деньгами на дорогу, лишь бы только власти согласились на отправку их обратно в Поволжье. Отправка детей таким путем желательна» [52]. Сообщалось также об уже отправленной обратно небольшой партии детей. Есть сведения о том, что в Одессе еще в конце 1923 г. в разных интернатах города находилось до 25 немецких детей из Поволжья. По свидетельству инструктора Губнаробраза, эти дети забыли немецкий язык и не успели научиться русскому языку, вследствие чего «не в состоянии воспринимать школьного преподавания» [53].

Столкнувшись с серьезными экономическими трудностями и отротой сопротивления в отношении советской власти, Ленин провозгласил новую экономическую политику (НЭП). Она ориентировалась на развитие в определенной мере частной инициативы. В то же время она не отменяла тезис о классовой борьбе. Руководствуясь данным тезисом, например, все докладчики на губернском совещании немецких коммунистов 26–28 июля 1922 г. указывали на «чрезвычайно возрастающее активное стремление контрреволюционных элементов кулаков и духовенства немецких колоний использовать НЭП для организации своих сил и для распространения своего влияния на бедноту» [54]. Понятно, что центральные партийные органы стремились усилить позиции советской власти в немецких колониях, прежде всего, путем создания и усиления роли партийных и комсомольских ячеек, комитетов незаможных сельд,

искали опору среди беднейших слоев колонистов. Они также вскрывали определенные серьезные недостатки в работе местных партийных и советских органов. Так, например, в одном из циркулярных указаний ЦК КП(б)У отмечалось, что «местные партийные и соворганы ведут по отношению к немецким колониям неправильную линию, выражающуюся, во-первых, чуть не в поголовном отнесении немецких колонистов к кулаческим и контрреволюционным элементам села и, во-вторых, в игнорировании национального момента в работе среди немецкого населения» [55]. ЦК КП(б)У указывал также на «несправедливое отношение местных земорганов», которое выражалось «в систематическом отрезывании удобной колониистой земли для не немецкого населения». Критиковались также случаи искусственного разобщения немецких колоний при определении территории районов, запрещения говорить на немецком языке в сельсоветах и на собраниях, пренебрежительного отношения к нуждам и запросам немецких колонистов [56].

ЦК КП(б)У требовал «более внимательно относиться к национальным особенностям немецкого населения», чтобы руководящие работники «знали язык и быт этой национальности, настаивал на усилении партийной и политпросветработы: ввести частые объезды партработниками немецких колоний; созывать беспартийные конференции трудящегося немецкого крестьянства»; требовал обратить внимание на организацию немецкой молодежи, обеспечить колонии немецкой литературой; содействовать изживанию враждебного отношения русских и украинских крестьян к немецким колонистам [57]. ЦК КП(б)У подчеркивал, что немецкие колонисты в Украине «в хозяйственном и культурном отношении стоят гораздо выше окружающего их украинского крестьянства и в отношении ведения хозяйства служат примером для окружающего населения» [58].

Подобные политические намерения компартии можно было бы признать более позитивными по сравнению с периодом царской России, особенно если принимать во внимание антинемецкую кампанию, развязанную националистическими кругами в 80–90-х гг. XIX в. и во время Первой мировой войны. Однако их реальному воплощению препятствовал исповедуемый партией принцип классовой борьбы. Руководство компартии исходило из того, что в ходе строительства социализма будет происходить обострение классовой борьбы. Партийные и советские органы ставили благородную саму по себе задачу возродить былую славу немецких колонистов как «образцовых хозяев». Но возможность решения этой задачи они видели на основе коопе-

рирования немецкого села, вовлечения его в общереспубликанскую сеть кооперативов. Отметим сразу, что для немцев-колонистов такая форма хозяйствования не была приемлемой, ибо их хозяйство велось, главным образом, на индивидуалистической основе. Изучение архивных документов убеждает в крайней слабости кооперативного движения в немецких колониях. Например, в решении, принятом на заседании работников немсекций при ЦК КП(б)У, Наркомпросе и Наркомвнуделе от 8 марта 1924 г. по вопросу о кооперативной деятельности отмечалось: «Констатировать, что кооперация в немецких колониях находится только в зачаточном состоянии и охватывает малое количество населения. Кроме того, замечается слабое доверие со стороны немцев-колонистов нашей кооперативной системе, а также отсутствие необходимого количества работников немцев-кооператоров... предложить всем губсекциям, особенно Одесской, Екатеринославской и Донбасской совместно с райсоюзами развернуть кампанию в немецких колониях вовлечения колонистов в кооперацию» [59]. Согласно статистике, в Одесском округе на 1 марта 1924 г. имелось 13 сельскохозяйственных кредитных товариществ численностью 1474 чел., из них 300 членов комнезаможа, 543 середняка и 47 богатых (указывалось, что число богатых не удалось установить по трем товариществам. — *Н. Ш.*), и 36 сельскохозяйственных коллективов численностью в 539 чел., из них 152 члена комнезаможа, 200 середняков и 187 богатых [60].

В целях усиления работы по кооперированию среди немецкого населения ЦК КП(б)У командировал г. Опродковича в Одесский райсельсоюз, где он занял должность председателя нембюро. В отчетном докладе немсекции при Одесском губкоме КП(б)У по вопросу состояния кооперирования отмечалось следующее: «Состояние кооперативов в немецких колониях печальное. Мы замечаем определенный развал кооперации...»; из созданных около 50 кооперативов «в настоящее время работают только 4» [61]. Вместе с тем в докладе указывалось на рост авторитета кооперативного кредитного общества «Промкредит», в котором коммунисты не имели влияния и поэтому ставили задачу завоевать в нем ведущие позиции. Выступая на совещании перед немецкими партийцами и молодежью Одесской губернии (5-8 октября 1924 г.) по вопросу кооперирования немецкого населения, Опродкович констатировал следующее: «Кооперативы организуются сверху. Многие кооперативы разваливаются из-за пассивности масс. Если мы хотим иметь влияние на кооперативы и ускорить в колониях классовую дифференциацию, мы должны поддерживать орга-

низацию немецких кооперативных союзов» [62]. Выступивший в ходе дебатов участник совещания М. Билик о состоянии кооперативного вопроса в Одесском округе сказал: «У нас здесь еще мало результатов... Крестьянство же еще очень пассивно. Господствует еще полтное национальное единство; в то время как в большинстве колоний 50-60% населения составляют бедные, среди крестьян не замечается движение (в сторону кооперации. — *Н. Ш.*)» [63]. На указанном совещании отмечалась также «исключительная слабость» влияния комсомольцев в среде немецкой молодежи.

Архивные документы позволяют сделать вывод о том, что в течение 1920-х гг. кооперативное движение в немецких колониях оставалось слабым. В резолюции секретариата ЦК КП(б)У от 20 марта 1930 г. об экономической, культурной и партийной работе в немецких селах Украины отмечалось следующее: «Расширение наступления на капиталистические элементы усложняется в немецком селе большим слоем раскулаченных революцией хозяйств, наличием национальных религиозных особенностей, замусоренностью советского кооперативного аппарата, кадров сельской интеллигенции, классово-враждебными элементами из бывших помещиков, клерикалов и др. и слабостью партийной организации. Этими причинами объясняется в немецком селе большая часть, чем в украинском, случаев перекручивания классовой линии в кредитовании, в кооперировании, в коллективизации, в землеупорядочивании, в сельхозналоге, а также слабость работы» [64]. В резолюции также отмечалось то, что хотя беднота в немецких селах больше представлена в комнезаможах, чем в украинских, «политическая ее деятельность существенно снижается замусоренностью КНС середняками и враждебными элементами» и что «наиболее слабым местом немецкой бедноты есть работа по коллективизации и производственному кооперированию, а также недостаточная активность по изъятию куркуля и его влияния из кооперативных и других органов села» [65]. Секретариат ЦК КП(б)У ставил задачу нижестоящим партийным органам в месячный срок подыскать и направить на руководящую работу на село немцев-рабочих из сферы промышленности.

Экономические трудности и специфика общей политической ситуации в 1920-е гг. в Украине способствовали распространению в среде немецкого населения эмиграционных настроений. До 1923 г. из Украины, «оставляя хлеб на корню», эмигрировали в Америку 2500 меннонитов [66]. В связи с массовым выездом меннонитов из Украины, Главное политуправление Украины (ГПУ) строго обязы-

вало губкомы партии и немсекции, в особенности, пересматривать все списки подавших заявление на получение загранпаспортов и определить «контрреволюционный элемент», ведущий агитацию за выезд, и «всеми способами стремиться к его скорейшему выезду за границу». В отношении же середняков и бедняков предлагалось, «практически тормозя выдачу паспортов, обрабатывать их и уговаривать не выезжать в Америку» [67]. Выдачу паспортов ГПУ обязывал производить «только персонально и ни в коем случае не принимать групповые заявления» [68]. Предлагалось разрешение на выезд гражданам немецкой национальности согласовывать с немсекциями при партийных и советских органах [69]. Эмиграционные настроения среди немецкого населения проявлялись и в дальнейшем. Причины их ЦК КП(б)У в 1930 г. усматривал в «оживлении деятельности кукульства, духовенства и зарубежных эмиграционных групп, которые вербуют для Америки дешевую рабочую силу» [70]. Ставилась задача разоблачать враждебную советскому государству подоплеку немецкой эмиграции, привлекая для этого возвращающихся обратно в Украину немцев-эмигрантов. Приведем один характерный для того времени факт. В колонии Фрейденталь был арестован и препровожден в ГПУ местный кулак, написавший письмо в американскую газету, в котором он оклеветал комнезамощи и советскую власть» [71].

Политика советской власти в сфере национальных отношений предусматривала организацию национальных районов. Однако административно-территориальная реформа 1922–1923 гг. осуществлялась с определенными изъятиями. 25 волостей с компактно проживавшим немецким населением вошло в состав районов с национальным населением [72]. Это обусловило борьбу немецкого населения за право создавать свои национальные районы. В Одесском губисполкоме, например, разработали проект образования 2 немецких национальных районов, один из которых должен был включить Березанские колонии с центром в Ландау и другой — колонии от Гросс-Либенталя до Сграсбурга. «Сильное сопротивление» этому проекту оказали губернские и окружные исполнительные органы [73]. Например, Ландауская волость была присоединена к Варваровскому району. Советская власть предпринимала меры для исправления допущенных в этом деле ошибок. На 1925 г. в Одесской губернии действовали два национальных района — Карл-Либкнехтовский с 9 немецкими сельсоветами и 23 297 жителями, из которых 21 986 были немцами (94,3%), и Фридрих-Энгельский — с 5 не-

мецкими сельсоветами и 21 120 жителями, из которых 14 395 были немцами (68,1%) [74]. Одесская губкомиссия приняла также решение об образовании Гросс-Либентальского национального района (с числом жителей 15 000 чел.) [75]. На 1925 г. в Одесской губернии числилось 46 немецких сельсоветов с общим количеством населения 95 972 чел., из которых 81 843 чел. являлись представителями национальных меньшинств (86,5%) [76]. В одном Одесском округе насчитывалось 28 немецких сельсоветов с общим числом жителей 60 889 чел., из которых немцами являлись 48 639 чел. (79,8%) [77]. В них насчитывалось всего 3712 членов сельсоветов, из которых 1091 чел. (29,4%) представляли национальные меньшинства: немцы — 648 чел. (17,6%), болгары — 166 (4,5%), евреи — 140 (3,8%), молдаване — 96 (2,5%), другие — 41 чел. (1,1%) [78]. Среди 316 членов райисполкомов в Одесском округе национальные меньшинства представляли: евреи — 21 чел., немцы — 10, молдаване — 5, поляки — 1, латыши — 1 чел. [79].

В целом создание национальных районов и сельских советов необходимо оценивать как положительное явление. Появлялись благоприятные возможности для более полного удовлетворения национально-культурных потребностей. Конечно, состояние культурных учреждений и школ в немецких селах в 1920-е гг. оставалось трудным. В информации национального бюро Губнаробраза от 26 февраля 1923 г., адресованной завнемсекции Одесского губкома, указывалось на то, что материальное положение учителей «весьма тяжелое», что их «скромное жалованье» составляет едва 30% прожиточного минимума. И далее в информации отмечалось: «Может ли учитель при таком жалком существовании мечтать о покупке какой-нибудь книжки или подписаться на какую-либо газету или журнал? Конечно, нет. К великому сожалению, среди ответственных руководителей Одесского уезда находятся лица, которые жестоко критикуют учителей, обвиняя их в саботаже, нежелании проводить новых принципов воспитания и проч., не учитывая тяжелого положения учителей» [80]. В местной газете «Известия» была помещена статья «Наше школьное строительство», в которой утверждалось, что «только в немецких колониях школа не работает. Учителя закулачили» [81]. Эта информация «ушла» в ЦК партии. Но она вызвала резкое негодование у завнемсекцией, который, обращаясь в отдел национальных меньшинств губкома, потребовал «категорическим образом» расследовать это дело и затребовать фактическое доказательство вины «закулачивших учителей» [82]. Из материалов немсекции Одесского губкома видно, что

в 1924 г. зарплата учителя в городе составляла 28 руб. и на селе — 21 руб. в месяц. При этом, если зарплата учителям в городе выплачивалась «более-менее вовремя», то в селах — с большими (многомесячными) опозданиями [83]. Для переквалификации учителей в Одессе были организованы 6-недельные курсы, где, например, в 1924 г. для немецких педагогов было выделено 15 мест. В Одесском округе действовали также курсы, организованные самими немецкими учителями [84]. С целью ликвидации недостатка в учителях создавалось немецкое отделение в составе Одесского пединститута, на которое первоначально набирались 40 чел. [85]. В первой половине 1920-х гг. существовал «громадный недостаток» учебной литературы на немецком языке [86]. И все же, несмотря на серьезные трудности в деле школьного образования, в Украине постепенно увеличивалось число немецких школ. Если в 1925/26 учебном году их было всего 192 (13 050 учеников), то в 1926/27 — уже 279 (18 673 ученика). Среди национальных меньшинств немецкие дети в возрасте 8–14 лет были в наибольшей степени охвачены школьным обучением — 80,7% (в том числе 77,8% учились на родном языке). Аналогичные сравнительные показатели по другим национальным группам выглядели соответственно так: дети русских — 59,9% (62%), евреев — 81,6% (36,3%), болгар — 47,5% (71,7%), поляков — 66,5% (41,5%), греков — 67,0% (1,1%) [87]. Инспекторские проверки в школах Украины показывали более высокий уровень знаний в немецких школах, чем во всех других [88]. В 1926 г. в немецких школах Украины работали 1200 учителей. При этом официальные власти отмечали и такой многозначительный факт: «Культурная революция в немецком селе отстала от общего темпа, а поэтому процесс советизации немецких школ отстает от школ других нацменов» [89].

Политику советской власти в 1920-е гг., направленную на развитие национальных школ с возможностью обучения в них на родном языке, следует оценивать все же положительно. В ее осуществлении были реальные трудности и противоречия. Но несомненно и то, что объективно она помогала сохранить национальный язык, который является одним из главных критериев, определяющих принадлежность к немецкому народу. Не случайно решением федерального административного суда Германии с 1996 г. введен обязательный экзамен по немецкому языку, как определяющее условие для въезда этнических немцев на свою историческую родину.

Если в 1920-е гг. в Украине определенно наблюдалось развитие национально-культурной жизни, то в 1930-е гг. шел процесс ее свер-

тывания. План реорганизации национальных школ, проводившийся в 1938 г., привел к тому, что уже летом этого года в Украине перестала существовать сеть заведений образования всех уровней на языках этнических меньшинств [90]. Общеизвестна наступательная политика советской власти против церкви. В апреле 1929 г. ею были запрещены все виды религиозной деятельности, кроме богослужений. Началось массовое уничтожение материальной основы религиозных общин. Для немецких колонистов церковь, несомненно, была важным национально-консолидирующим фактором. Поэтому понятно, что подрыв ее позиций негативно отражался на традициях внутренней повседневной жизни немецких общин. Отрицательно сказались на национально-культурной жизни репрессии второй половины 1930-х гг.

В заключение отметим, что положение немецких колоний в Одесской губернии в 1920-е гг. было сложным, что определялось общей сложностью существовавшей в Украине социально-экономической ситуации. В стране шла ломка старых общественных отношений, часто еще носившая следы непримиримости гражданской войны. Во всех сферах велась бескомпромиссная классовая борьба. Можно считать, что политика советской власти в экономической сфере, основанная на классовом принципе и предполагавшая коллективизацию сельского хозяйства, подрывала экономическую основу этнической самобытности немцев. Вместе с тем, нельзя перечеркнуть ее позитивные достижения, пусть в чем-то и противоречивые, в сфере национально-культурной жизни, где создавались определенные условия для гармонизации межэтнических взаимоотношений.

Обращаясь к полемике, возникшей по данному вопросу на научной конференции в Москве (сентябрь 1999 г.), участниками и свидетелями которой были авторы данного сборника, укажем на то, что позитивный аспект оценки политики коренизации в Украине находит отражение в современной украинской исторической литературе. Например, в одном из новых учебников по истории Украины, написанном авторитетным научным коллективом авторов, констатируется следующее: «Несомненно, что коренизация имела побочный эффект в виде стремительного развития угнетенных до этого национальных культур» [91]. В другом исследовании справедливо указывается на то, что какой бы ограниченной не была политика коренизации в Украине, она «прошла долгий и непростой путь от первых успехов во второй половине 20-х через упадок в начале 30-х до ликвидации в конце 30-х годов. Более того, несмотря на значительное ко-

личество недостатков, политика коренизации относительно этнических меньшинств была ликвидирована тогда, когда еще далеко не исчерпала своих потенциальных возможностей» [92]. В своей содержательной книге об истории и социальном облике университета и городского общества в Одессе, немецкий исследователь из Кельна Г. Гаусманн справедливо обращает внимание на то, что малое число университетов в царской России обуславливало формирование в них «этноконфессиональных колоний или землячеств». Их образование инициировали особенно представители регионов, где не было своих высших учебных заведений. Таковые, считает Г. Гаусманн, «основывались зачастую лишь после крушения царской империи или в советское время» и «это имело далеко идущие последствия» [93]. Даже если исходить из того, что политика в отношении национальных меньшинств в 1920-е гг. в Украине «была всего лишь игрой государственного аппарата», то и тогда нельзя не признать того, что она фактически способствовала формированию позитивных тенденций в этнокультурной жизни. Ее проводниками на местах выступали многие исполнители-энтузиасты, ничего не подозревавшие об «аппаратных играх», искренне выполнявшие свое дело.

Примечания

1. См.: Німці в Україні. 20–30-ті рр. ХХ ст.: Збірник документів державних архівів України. Київ, 1994. С. 8.
2. См.: Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 813. Л. 3.
3. Там же. Д. 337. Л. 16.
4. Німці в Україні. 20–30-ті рр. ХХ ст... Док. № 2. С. 23.
5. Там же.
6. См.: Там же.
7. См.: Там же. С. 23–24.
8. Там же. С. 24.
9. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1228. Л. 177.
10. Там же. Д. 132. Л. 16.
11. Там же. Л. 17.
12. Там же.
13. Там же. Л. 18.
14. Там же.
15. Там же.
16. См.: Там же.
17. См.: Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т. 2. Одесса, 1999. Док. № 8. С. 308.
18. Там же.
19. См.: Там же. Док. № 239. С. 316.
20. Там же. Док. № 241. С. 317.

21. Там же. Док. № 502. С. 404.
22. См.: Там же. Док. № 518. С. 410–411.
23. См.: Там же. Док. № 516. С. 410.
24. Німці в Україні. 20–30-ті рр. ХХ ст... Док. № 2. С. 24.
25. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 349. Л. 7; см. также нем. текст на л. 73.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Там же.
30. См.: Там же. Л. 8.
31. Там же. Л. 31.
32. Там же. Д. 351. Л. 36.
33. Німці в Україні. 20–30-ті рр. ХХ ст... Док. № 2. С. 26.
34. Там же. Док. № 5. С. 33.
35. Там же.
36. См.: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1216. Л. 42.
37. Там же.
38. См.: Там же.
39. См.: Там же. Д. 349. Л. 40.
40. См.: Там же.
41. См.: Там же. Д. 555. Л. 52.
42. Там же. Д. 825. Л. 111.
43. См.: Історія України / В.Ф. Верстюк, О.В. Гарань, О.І. Гуржій та ін.; Під ред. В.А. Смолія. Київ, 1997. С. 267.
44. См.: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 825. Л. 112.
45. См.: Там же. Л. 113.
46. См.: Там же.
47. См.: Там же. Д. 555. Л. 54.
48. Там же.
49. См.: Там же. Д. 811. Л. 25.
50. См.: Там же. Д. 1216. Л. 36.
51. См.: Там же. Д. 349. Л. 29.
52. Там же. Д. 549. Л. 9.
53. Там же. Д. 825. Л. 171.
54. Там же. Д. 555. Л. 49.
55. Там же. Д. 811. Л. 7.
56. См.: Там же.
57. См.: Там же; см. также Ф. 3. Оп. 1. Д. 825. Л. 40.
58. Там же. Д. 811. Л. 7.
59. Там же. Д. 1228. Л. 44.
60. См.: Там же. Л. 26.
61. Там же. Д. 825. Л. 49.
62. Там же. Д. 1216. Л. 25.
63. Там же. Л. 28.
64. Німці в Україні. 20–30-ті рр. ХХ ст... Док. № 69. С. 144.
65. Там же. С. 144–145.
66. См.: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 811. Л. 7.
67. Там же. Д. 1228. Л. 106.
68. Там же.
69. См.: Там же.

70. Німці в Україні. 20–30-ті рр. XX ст... Док. № 69. С. 146.
71. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 825. Л. 105.
72. См.: Німці в Україні. 20–30-ті рр. XX ст... С. 5.
73. См.: ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1216. Л. 35.
74. Там же. Д. 1600. Л. 17.
75. См.: Там же.
76. См.: Там же. Л. 16.
77. См.: Там же. Л. 15.
78. См.: Там же. Л. 14.
79. См.: Там же.
80. Там же. Д. 825. Л. 120.
81. Там же. Л. 121.
82. См.: Там же.
83. См.: Там же. Д. 1216. Л. 36.
84. См.: Там же.
85. См.: Там же.
86. См.: Там же. Д. 825. Л. 91.
87. См.: Національні відносини в Україні у XX ст.: Збірник документів і матеріалів. Київ, 1994. С. 190.
88. См.: Там же. С. 196.
89. Там же.
90. См.: Якубова Л.Д. Національно-культурне життя етнічних меншостей України (20–30-ті роки): коренізація і денационалізація // Український історичний журнал. 1999. № 1. С. 52.
91. Історія України / В.Ф. Верстюк, О.В. Гарань, О.І. Гуржій та ін.; Під ред. В.А. Смолія. Київ, 1997. С. 274.
92. Якубова Л.Д. Національно-культурне життя... С. 54
93. Hausmann G. Universität und städtische Gesellschaft in Odessa, 1865–1917. Soziale und nationale Selbstorganisation an der Peripherie des Zarenreiches. Stuttgart, 1998. S. 130–131.

ВЛАСТЬ БЕЗ ВЛАСТИ: ОРГАНИЗАТОРСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВСЕРОССИЙСКОГО МЕННОНИТСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СОЮЗА (1923–1928 гг.)

Н.В. Осташева

16 мая 1923 г. была основана организация «Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз». Это событие являлось знаковым для истории меннонитского сообщества России начала 20-х гг. После недолгого во временном отношении, но катастрофического по своим последствиям периода дезинтеграции, вызванного гражданской войной, в отдельных районах страны меннонитами создавались национальные объединения различного характера и направления. Тем самым меннониты стремились приспособиться к новым общественным отношениям и, легализовав совместную деятельность, возродить былой уровень хозяйственного развития колоний.

Изначально новая власть с ее лозунгами социального освобождения и материального перераспределения была враждебна религиозному мировоззрению и традиционной этике меннонитов. И в революционной борьбе большевиков, и в последующий период социалистических преобразований, инициированных ими после прихода к власти, меннониты чувствовали себя маргиналами. Вот почему сосуществование с новым политическим режимом требовало от меннонитов некоторого компромисса. Этого не избежало ни одно из общественных объединений, создаваемых в тот период по национальному признаку, будь то основанный на Украине «Союз потомков голландских выходцев», либо крымский «Союз меннонитов», возникший в 1923 г. [1]. Меннониты были готовы к позитив-

ному диалогу с властями. При этом предполагалось, что, приступая к созидательной работе по восстановлению разрушенной экономики, новый политический режим также откажется от конфронтационности и, демонстрируя элементарный здравый смысл, проявит умение сосуществовать с различными социальными группами общества. Несмотря на разруху, традиционные связи между меннонитскими поселениями были сохранены, что не раз подтверждалось акциями хлебной и финансовой взаимопомощи [2]. Этот факт являлся важнейшей предпосылкой создания объединения. К тому же к началу 20-х гг. у меннонитов сформировалось новое поколение лидеров, способных организовать и возглавить общественную деятельность. Такими лидерами являлись Корнелиус Классен и Петр Фрезе. С 1919 г. они были представителями меннонитских общин в «Московском совете объединенных религиозных обществ и групп» [3]. По роду своей деятельности им приходилось поддерживать связи с политическими и религиозными лидерами колоний Центральной и Юго-Восточной России. Уже на начальном этапе своей общественно-политической деятельности они продемонстрировали великолепные организаторские способности, политическую интуицию.

В 1920 г. «Совет» был закрыт. Меннониты вновь вынуждены были задуматься о легализации правового статуса их совместной деятельности. Первоначально была предпринята попытка организовать меннонитское представительство в рамках уже существующих структур. Народный комиссариат по делам национальностей отказал в создании меннонитской секции, предлагая им войти в состав немецкой. К этому времени в июле 1920 г. в с. Березовка (под Давлеканово) уже состоялась конференция представителей меннонитских общин Восточной России и Сибири, где, наряду с обсуждением текущих проблем, поднимался вопрос о создании единой меннонитской организации России [4]. Там же были подтверждены полномочия П. Фрезе и К. Классена.

Однако благоприятная правовая ситуация для создания организации сложилась несколько позднее, в 1921 г., в связи с введением новой экономической политики, которая обеспечила общую либерализацию экономической и общественной жизни в стране. К тому же Президиум ВЦИК РСФСР на заседании от 19 августа 1921 г. принял резолюцию о поддержке меннонитских культурных хозяйств. Данное постановление открыло перед уполномоченными дверями самых престижных кабинетов [5].

Новые перспективы организационного объединения в некоторой степени были определены участием П. Фрезе и К. Классена в работе «Комитета помощи», основанного в период голода 1921–1923 гг. [6]. Те связи, которые были наработаны в период деятельности данной благотворительной организации, сотрудничавшей с зарубежными меннонитскими центрами («Американская меннонитская помощь» и «Голландская меннонитская помощь»), обеспечили более внимательное и благосклонное отношение властей к просьбам меннонитов [7].

В 1921 г. на Украине был основан «Союз товариществ и групп меннонитов Юга России», который после утверждения устава весной 1922 г. был переименован в «Союз потомков голландских выходцев на Украине» [8]. Во многом под влиянием данного события российские меннониты приступили к тщательной разработке подобного проекта в России. К лету 1922 г. возникли отдельные локальные хозяйственные объединения в Альт-Самаре, Кеппентале (Тракт), а также на Северном Кавказе [9]. Данные организации ставили перед собой конкретные цели, что свидетельствовало о том, что предложение меннонитов о будущей возможной форме объединения становилось все более отчетливым. 11 октября 1922 г. в Альт-Самаре собралась конференция представителей меннонитских общин Центральной России, Сибири, Кавказа, Туркестана [10]. На ней обсуждался проект устава будущей организации. Заслуга написания и окончательной доработки документа принадлежала К. Классену, П. Фрезе и Ф. Исааку.

Отметим сразу, что в качестве образца был использован устав меннонитского объединения Украины [11]. В этом отношении положение российских меннонитов, использовавших опыт украинского союза, тактически было более выигрышным. На наш взгляд, в этом немалую роль сыграли и деловые качества лидеров объединения, их опыт работы в общественных организациях и личные контакты. В своем уставе российские меннониты изначально отказались от религиозной направленности своей деятельности. В перспективе ими планировалось создание иной организационной структуры конфессионального типа. Создаваемый в 1922 г. союз изначально задумывался как глубоко интегрированная меннонитская кооперативная организация с агропроизводственными и торговыми функциями [12]. Задачи союза сводились к одной общей цели: «Способствовать возрождению сельского хозяйства меннонитов, поднять культурный уровень и благосостояние меннонитских селений, что позволит, в конечном

счете, решить великую задачу культурного возрождения России» [13]. В «Уставе Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза» подчеркивалось, что данная организация имеет форму кооператива. Провозглашая задачи «Союза» на первом конгрессе общества в октябре 1923 г., П. Фрезе подчеркивал: «Наша общественная организация была и есть выражением коллективной воли... Названная воля обоснована в нашей меннонитской сути» [14]. Российскому объединению удалось исключительно быстро и беспрепятственно пройти необходимые формальности при утверждении «Устава» 23 мая 1923 г. — день утверждения данного документа — может быть признан датой основания «Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза».

С момента основания общества и до его ликвидации меннонитами было проведено три конгресса: Александертальский (10 октября 1923 г.), Давлекановский (июнь 1923 г.), Московский (февраль 1927 г.) [15]. Протоколы конгресса являются летописными страницами организации и всесторонне отражают характер и направления ее деятельности.

В территориальном отношении «Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз» объединял меннонитские поселения Самары, Уфы, Оренбурга, Тракта, Северного Кавказа, Крыма, Западной Сибири, Казахстана, Туркестана. Он имел 19 центральных отделений и 56 подразделений. В 1924 г., после присоединения Крымского союза, в состав «Всероссийского общества» входило 4965 дворов (44 тыс. человек), что составляло 2/5 всего меннонитского населения России [16].

Согласно «Уставу...», местные отделения союза имели статус юридических лиц. Они решали вопросы регионального уровня, не имели права принимать решения союзного масштаба. В свою очередь центральная администрация брала на себя обязательства содействовать работе отделений [17].

В основу деятельности организации был положен принцип демократического централизма. Ввиду значительной удаленности от центра, правление организации не могло обеспечить полный контроль над деятельностью каждого из отделений. По той же самой причине не могли быть выработаны постановления, одинаково пригодные для выполнения каждым из подразделений. Вот почему резолюции, принимаемые конгрессами российских меннонитов, никогда не носили директивного характера, а сама структура организации была конфедеративной.

Видимо, взаимоотношения властных структур и меннонитских организаций часто носили напряженный характер [18]. Однако к деятельности «Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза» ВЦИК относился более лояльно. На наш взгляд, это определялось большей толерантностью и тактической гибкостью объединения российских меннонитов. Это прослеживается, например, в вопросе о национальном составе союза. Украинская меннонитская организация отказывала в членстве представителям иных конфессиональных групп [19]. Более того, члены «Союза потомков» были лишены права принимать участие в деятельности других иноконфессиональных организаций. «Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз» обсуждал вопрос о религиозной замкнутости своей организации дважды: на конгрессах 1922 и 1923 гг. Решение данной проблемы было продиктовано принципом целесообразности: немнонитошты допускались в состав организации, если это могло припести положительный результат. Однако данной возможностью пользовались нечасто, и членов-немнонитов в составе союза насчитывалось лишь 13 человек (немцев и русских) в 4 отделениях [20].

«Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз» поддерживал достаточно тесные связи с немецкой секцией Комиссариата национальностей и его главой Бартеlem. Осенью 1924 г. около 66% членов секции положительно отзывались о деятельности организации. В то же время радикализм «Союза потомков голландских выходцев на Украине» настораживал комиссариат [21].

Несколько более умеренной была позиция Всероссийского сельскохозяйственного союза в отношении к эмиграции. В отличие от «Союза потомков», который изначально планировал выезд всего населения колоний Украины, на Александертальском конгрессе российские меннониты заявляли: «Мы — за энергичные восстановительные работы, и предостерегаем от излишних иллюзий в вопросе эмиграции» [22]. В 1924 г. на съезде в Давлеканово была принята резолюция по данному вопросу, где сообщалось, что правление не отказывается от руководства организованной эмиграцией, но при этом предостерегает беженцев, что их будущее так же неопределенно, как и судьба тех, кто остается [23]. Данное постановление, однако, не исключало того, что эмиграционные настроения в меннонитских колониях России будут прогрессировать.

Таким образом, на наш взгляд, «Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз» действительно использовал более комплексную тактику. Такой стиль деятельности организации вовсе

не противоречил последовательной и плодотворной работе данного союза, а также не исключал той степени результативности, которая только была возможна в тех условиях.

Наиважнейшим направлением активности «Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза» являлась экономическая деятельность. Правлению организации приходилось сотрудничать с группами колоний различного экономического уровня. Относительно благополучными на общем фоне выглядели кавказские поселения Аркадак, Кубань. На территории последних из названных колоний на протяжении 58 лет не было голода. Менее стабильными в экономическом отношении являлись меннонитские селения Славгорода и Павлодара. Различным был и уровень хозяйственной организованности и интегрированности колоний. Например, в Альт-Самаре и на Тракте успешно действовали сельскохозяйственные общества, которые к тому моменту были признаны образцовыми и опыт которых нашел отображение в прессе [24]. Уже на первом Александертаальском конгрессе в 1923 г. была принята комплексная программа, направленная не только на стабилизацию хозяйственной ситуации в поселениях, но и дальнейшую стимуляцию их прогрессивно-экономического развития. Программой было предусмотрено: 1) создание коллективных узкоспециализированных культурных хозяйств; 2) организация селекционной деятельности, результаты которой гарантировали высокую урожайность; 3) создание образцовых и опытных хозяйств, традиционно существовавших в меннонитской среде со времен Иоганна Корниса; 4) предусматривался контроль над налоговой системой, ее упорядочение; 5) подготовка квалифицированных специалистов, для чего планировалось открыть техникум в Давлеканово и организовать обучение меннонитов в Москве; 6) в условиях разрушенной инфраструктуры и низких закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию было решено обеспечить централизованную реализацию продукции, для чего необходимым являлось строительство хранилищ и складов; 7) предложены меры по решению проблемы сельскохозяйственной техники (преимущественно за счет кредитов); 8) планировалось оказание целевой помощи наиболее нуждающимся поселениям [25]. По каждому из перечисленных выше пунктов была предложена целая система мер. В основе экономической программы Александертаальского конгресса лежали принципы экономической самостоятельности отделений в условиях рыночной системы, обеспеченной эпом, использование зарубежной благотворительной помощи, взаимопомощи отдельных колоний.

Важнейшим моментом Александертаальского конгресса стало решение о создании единого печатного органа. Данная резолюция напрямую была связана с основными задачами союза. Огромные территории, которые объединяла организация, требовали создания некоего информационно-координационного центра, которому отводились также и просветительские функции.

Первые итоги экономической программы были подведены уже через год, на конгрессе в Давлеканово. Вопреки ожиданиям темпы экономического развития поселений были намного ниже предполагаемых ранее. Это было связано с рядом объективных причин, к числу которых относился и недостаток финансовых поступлений. В качестве источников средств предполагалось использовать три канала: 1) членские взносы; 2) кредиты, обеспечением которых занимались находившиеся в Европе и Америке деятели «Комиссии по изучению»; 3) благотворительная помощь организации АМП [26]. Ни один из предполагаемых источников не приносил ожидаемых результатов. Это невероятно сковывало деятельность правления. По-прежнему реальными оставались возможности получения кредитов. Украинские меннониты вели переговоры с американским промышленником Гинзбургом по вопросу о займах. Половину субсидируемых денег предполагалось передать Всероссийскому сельскохозяйственному союзу [27].

Уже через год существования меннонитского объединения России были замечены некоторые положительные сдвиги в развитии курируемых им поселений. Повсеместным стало создание специализированных меннонитских региональных хозяйственных объединений. В 1924 г. в Омском районе и на Тракте насчитывалось 7 таких организаций. Во всеулышание заявил о себе «Союз Корниса» в Павлодаре. Согласно разработанной ранее программе, велась работа по основанию образцово-показательного хозяйства на Тракте (для этих целей было выделено 100 га земли) [28]. Борясь с малоземельем, меннониты использовали практику аренды земли. В районе Ольгино, например, была арендована 1 тыс. дес. земли [29].

Несколько улучшилось материально-техническое оснащение колоний. Во многих отделениях (на Тракте, в Ольгино, на Кубани, в Омском районе) появились свои тракторные парки. По воспоминаниям П. Фрезе, методы использования техники были похожи на те, что впоследствии применялись при колхозном строе, в МТС. Закупку техники, как правило, финансировали сами отделения, однако посредничество союза при совершении сделки обеспечивало более низкие цены.

Значительное внимание правление уделяло обеспечению стабилизации положения наиболее слабых Славгородских и Павлодарских поселений. Им была предоставлена помощь посевным материалами и передано 2754 руб. пожертвований, собранных российскими меннонитами [30].

Таким образом, общие тенденции улучшения хозяйственного состояния поселений, безусловно, имели место, однако говорить о достижении колониями довоенного уровня было рано. В колониях по-прежнему продолжались землеустроительные процессы, не хватало тягловой силы и кормов на ее содержание. Местные власти чинили всяческие препятствия деятельности отделений. Славгородское общество было зарегистрировано лишь спустя четыре месяца после подачи документов. Несмотря на полную законность деятельности кубанского филиала, он был объявлен «кулацким объединением» [31]. Даже в голодную зиму 1923–1924 гг. с Эбенфельскими поселений взимались высокие налоги. Однако самым печальным моментом было то, что уже к 1924 г. многие члены союза разуверились в самой возможности каких-либо кардинальных изменений к лучшему. Представитель Тракта И. Дюк, выступая на конгрессе, назвал свой достаточно благополучный район «краем без будущего» [32]. Что процесс ремиссии затянется на более долгий срок, было очевидно и руководству союза, однако, всеми силами стараясь возродить в своих единоверцах надежду, резолюции конгресса констатировали жизнеспособность объединения, перспективность и необходимость совместной работы [33].

Руководство «Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза» извлекло уроки из проблем первого года деятельности организации, и уже с 1924 г., когда иллюзии были утрачены, объединение приняло решение о более тесном взаимодействии с «Союзом потомков голландских выходцев на Украине» [34]. Это был новый этап деятельности организации российских меннонитов, который характеризовался, прежде всего, сменой тактики объединения усилий обеих организаций. П. Фрезе посетил Калиновский конгресс «Союза потомков» (1924 г.), где выступил с предложением объединения организаций [35].

Начиная с 1923 г. украинский меннонитский союз приступил к осуществлению широкомасштабной эмиграционной программы (первоначально планировалось вывезти все меннонитское население Украины за границу) [36]. И в вопросах эмиграции, и в вопросах зарубежной помощи Южно-Украинский регион, как наиболее по-

страдавший, имел приоритет. С этого времени руководители российских меннонитов обоснованно поднимали вопрос об уравнивании своих прав. По вопросам эмиграции позиция «Сельскохозяйственного союза» коренным образом изменилась. Значительно возросло количество эмиграционных списков. В своих воспоминаниях лидеры российских меннонитов отмечали, что в вопросах эмиграции и распределения мест между двумя организациями имели место и конфликтные моменты. О масштабах эмиграционных настроений позволяют судить такие цифры. С 1923 по 1926 г. только из с. Аркадак выехало 400 чел., а Славгород покинули 200 чел. [37].

1925 г. был решающим для деятельности «Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза» и во многом предопределил его дальнейшую судьбу. Это был год совместной акции двух меннонитских организаций СССР. В январе 1925 г. в Москве состоялся Первый Всесоюзный съезд меннонитских общин, выработавший совместное обращение к правительству СССР. Текст данного обращения уже неоднократно представлялся и разбирался в историографии [38]. Отметим только, что он носил безусловно ультимативный характер, а требования, представленные в данном документе, отражали минимум свобод, необходимых меннонитам для сохранения своей религиозной и национально-культурной самоидентификации [39]. На данном съезде союзы выступали как две самостоятельные организации, поскольку их более ранним планам объединения уже не суждено было исполниться, так как процесс интеграции был насильственно прерван. Власти не скрывали своего неприятия «Союза потомков голландских выходцев на Украине». Преследование данной организации закончилось ее насильственной ликвидацией в 1926 г., а ее правопреемник — «Бюро съездов меннонитской кооперации» — просуществовал до 1927 г. [40].

Бесспорно, было изменено отношение и к «Всероссийскому меннонитскому сельскохозяйственному союзу». И связано это было с еще одним важнейшим событием в истории организации. 15 мая 1925 г. вышел в свет первый номер «Der praktische Landwirt» — ежемесячного печатного органа «Всероссийского совета» [41]. Власти с опасением встретили данное событие. Еще на примере «Искры» они знали, к сколь далеко идущим последствиям может привести создание единого печатного органа — «активного организатора и пропагандиста». Особый политический смысл вкладывался и в лозунг газеты: «Сила — в единстве». По понятным для нас причинам газета выпускалась лишь до декабря 1926 г. [42].

Следующий конгресс «Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного союза» состоялся в феврале 1927 г. в Москве [43]. Сейчас сложно с полной достоверностью объяснить двухгодичный перерыв между съездами. В качестве версии может рассматриваться эмиграционная ориентированность организации. Вера в возможность конструктивного диалога с властями была окончательно утрачена. В 1926 г. Советский Союз покинуло 6 тыс. меннонитов, значительная часть которых была выходцами с российских территорий [44]. Однако это вовсе не означало, что меннониты отказались от созидательной деятельности. В отчетном докладе о работе администрации П. Фрезе подчеркивал, что деятельность правления «велась под знаком возрождения поселков» [45]. За этот период «Союзу» удалось получить долгожданные кредиты. Развивалась и меннонитская кооперация. Подтверждали данный тезис доклады, представленные Александртальским товариществом семноводства и животноводства, семеноводческим товариществом «Форвертс» из Давлеканово, «Союзом Корниса» из Павлодара, Омским меннонитским сельскохозяйственным кооперативно-кредитным товариществом, Уральским меннонитским сельскохозяйственным обществом, Аркадакскими обществами «Доверие» и «Радуга», организацией «Крымский меннонитский сельскохозяйственный потребсоюз».

Резолюция «По сообщению с мест» отметила следующие моменты прогрессивного развития поселений: 1) возрождение поселений на кооперативной основе (вопреки широко распространенному мнению меннониты никогда не противились кооперации как таковой; они выступали против обобществления собственности и тем более ее последующей передачи в «чужие», немнононитские руки); 2) получение кредитов и их рациональное использование; 3) появление более тесных экономических связей между организациями [46]. В то же время, во второй части резолюции подчеркивалось, что история организации — это история интенсивной работы по преодолению кризиса, нестабильности, это борьба с необоснованными претензиями властей [47]. В данном документе вновь и вновь выражалось стремление всех членов объединения сохранить данную организацию. Поскольку уже с 1926 г. правительство предпринимало всяческие попытки внедрить меннонитскую кооперацию в государственную кооперативную систему [48], меннонитский конгресс констатировал, что именно «меннонитская кооперация является жизненным нервом экономического процветания колоний» [49].

На московском съезде союза также была выражена официальная позиция организации по отношению к эмиграции. Поскольку с 1926 г. массовый выезд меннонитов был запрещен, и эмиграция стала частной проблемой отдельной семьи, стремившейся покинуть страну, правление «Сельскохозяйственного союза» считало необходимым смириться со сложившейся ситуацией и найти возможности дальнейшей работы в конкретных реальных условиях. Вот почему в резолюции конгресса говорилось, что сама идея эмиграции в настоящий момент несет определенную угрозу единству союза, влияет на процесс распада сообщества [50]. Руководители призывали своих единоверцев проявить разум и трезвость, думать не только о своем благе, но и о благе колоний, будущее которых только в единении и совместном труде.

Наивно было бы полагать, что лидеры российских меннонитов не замечали основных внутривосточных тенденций развития страны и, в частности, того что позиция властей по отношению к различным объединениям национальных меньшинств становилась все более жесткой. Набиравшая силу командно-административная система стремилась к тотальному контролю над всеми сферами общества, ни с кем более не желала делиться властью и влиянием. Наступление на «Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз» власти начали с реорганизации отдельных филиалов. Уже в 1927 г. были расформированы Омское и Давлекановское общества. «Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз» был распущен в 1928 г. Причины реорганизации, представленные властями, были следующими: «1) союз сеет иллюзии, что меннониты могут иметь свою замкнутую кооперацию и развиваться отдельно; 2) союз препятствовал распространению влияния советской власти; 3) само создание союза являлось изначальной ошибкой правительства» [51].

«Всероссийский меннонитский сельскохозяйственный союз» являлся представительным органом меннонитской диаспоры в России. Он выполнял роль координационного центра, обеспечивавшего дальнейшее развитие поселений, диалог с властными структурами. Организация являлась выразителем конкретной воли поселенцев, предпринимала все возможные в тех политических условиях меры для сохранения единства меннонитского сообщества в России. Ликвидация союза не просто привела к полной потере меннонитского самоуправления, она лишила меннонитов возможности как-либо влиять на социально-экономические процессы, происходящие в коло-

ниях. Была утрачена легальная возможность влияния на политику властей в отношении поселений. В последующий период именно уничтожение «Всероссийского меннонитского союза» стало причиной «московского противостояния» 1929 г.

Примечания

1. См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, г. Киев (далее — ЦГАВООУ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 976. Л. 1.
2. См.: Государственный архив Днепропетровской области (далее — ГАДО). Ф. 2780. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.
3. См.: Klassen C.F. The Mennonites of Russia. 1917–1928 // *Mennonites Quarterly*. 1932. № 4. P. 69.
4. См.: Frose P.F. The founding of the Union // *The Mennonites in Russia, 1917–1930: Selected documents*. Winnipeg, 1975 (далее — *Selected documents*). P. 194.
5. См.: ЦГАВООУ. Ф. 27. Оп. 2. Д. 211. Л. 7, 19; Ф. 1. Оп. 20. Ч. 1. Д. 148. Л. 82.
6. См.: Frose P.F. *Op. cit.* P. 196.
7. См.: Центральный государственный архив гражданских объединений Украины (далее — ЦГАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Ч. 1. Д. 1715. Л. 38; ЦГАВООУ. Ф. 2780. Оп. 1. Д. 4. Л. 321.
8. См.: ЦГАВООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 276. Л. 1–12.
9. См.: *Selected documents*. P. 217.
10. См.: Alexandertal Congress // *Selected documents*. P. 214.
11. См.: ЦГАВООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 976. Л. 1–12.
12. См.: Constitution of Union // *Selected documents*. P. 204–214.
13. Alexandertal Congress // *Selected documents*. P. 227.
14. *Ibid.*
15. См.: Материалы конгрессов представлены: *Selected documents*. P. 214–226.
16. См.: Klassen C.F. *Op. cit.* P. 74.
17. См.: Constitution of Union // *Selected documents*. P. 206.
18. См.: Осташева Н.В. На переломе эпох. М., 1998. С. 120–122.
19. См.: *Selected documents*. P. 216, 245–246.
20. См.: Davlekanovo Congress // *Selected documents*. P. 271.
21. См.: Toews J. Lost fatherland. Scottdale, 1967. P. 181.
22. Alexandertal Congress // *Selected documents*. P. 255.
23. *Ibid.*
24. *Ibid.* P. 229–231.
25. *Ibid.* P. 248–251.
26. См.: Davlekanovo Congress // *Selected documents*. P. 271–272.
27. См.: ЦГАВООУ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 490. Л. 110.
28. См.: Davlekanovo Congress // *Selected documents*. P. 261.
29. *Ibid.*
30. *Ibid.* P. 263.
31. *Ibid.* P. 264.
32. *Ibid.* P. 261.
33. *Ibid.* P. 264.
34. См.: Осташева Н.В. Указ. соч. С. 109.
35. См.: Там же.

36. См.: ГАДО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1930. Л. 207.
37. См.: Davlekanovo Congress // *Selected documents*. P. 268.
38. См.: Бруль В.И. Немцы в Сибири. Топчиha, 1995. С. 54–55.
39. См.: Там же.
40. См.: ЦГАВООУ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 490. Л. 3; Ф. 1. Оп. 3. Д. 50. Л. 38.
41. См.: Der praktische Landwirt // *The Mennonite encyclopedia: in 4 vol.* Hillsboro, Scottdale, 1955–1959. V. 4. P. 210.
42. *Ibid.*
43. См.: Moscow Congress // *Selected documents*. P. 275–293.
44. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 2. Д. 249. Л. 26; Д. 765. Л. 135.
45. Moscow Congress // *Selected documents*. P. 277.
46. *Ibid.* P. 286–287.
47. *Ibid.*
48. См.: ЦГАВООУ. Ф. 271. Оп. 1. Д. 490. Л. 2.
49. Moscow Congress // *Selected documents*. P. 286.
50. *Ibid.* P. 284.
51. См.: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 3. Д. 411. Л. 17.

НЕМЕЦКИЕ РАЙОНЫ ЮГА УКРАИНЫ 1920–1930-х гг. КАК НАЦИОНАЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ

М.Э. Козьрева

Исторически сложилось так, что именно юг Украины стал одним из основных мест компактного проживания немцев на ее территории. В связи с этим как научный, так и практический интерес вызывает изучение специфических особенностей развития немецких районов, существовавших в регионе в 1920–1920-х гг. в статусе национально-территориальных образований.

Создание немецких национальных районов, объединявших значительную часть немецких сельсоветов и почти 34% немецкого населения республики, существенно отразилось на условиях жизни этнических немцев в местах их компактного проживания. В то же время вопрос о количестве, времени существования и официальном статусе немецких районов как национальных остается еще недостаточно изученным.

Система специальных административно-территориальных единиц, сложившаяся в южных губерниях Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. в результате массового наплыва немецких и меннонитских переселенцев, учитывала как хозяйственные, так и конфессиональные отличия колонистов. В ходе начатых с установлением советской власти административно-территориальных преобразований эти социально-экономические и культурно-религиозные особенности были проигнорированы, что привело к ликвидации ранее сложившейся системы колонистских административно-территориальных единиц.

В 1919–1920 гг. административно-территориальные изменения осуществлялись местными властями зачастую стихийно, исходя из

удобства управления. Для губернского и уездного руководства дробное волостное деление (когда волость могла охватывать лишь одно село) было тормозом в организации работы советских учреждений. Поэтому несколько волостей объединялись в более крупную волость. Но и после укрупнения волости значительно различались по количеству населения (от 5 до 30 тыс.). В состав такого района входили 1–3 волости. При этом немецкие колонии часто оказывались в составе ненемецких сельсоветов, руководство которых к тому же нередко было враждебно настроено по отношению к колонистам. В расчет не бралось, что немецкие волости, ранее представлявшие собой единое экономическое целое, теперь разделялись на несколько частей.

Административно-территориальные изменения были тесно связаны с социально-экономическими преобразованиями, в первую очередь, с землеустройством. В немецких колониях оно зачастую сводилось к отрезке волисполкомами от обрабатываемой колонистами земли значительных наделов в пользу окружающего ненемецкого населения. Последнее нередко просто захватывало наиболее удобные земельные участки. Такое «решение» земельного вопроса нарушало нормальный севооборот в колонистских хозяйствах, приводя к резкому падению производительности труда и увеличению количества безземельных и малоземельных колонистов, численность которых росла еще и за счет возвращающихся в родные места высланных в Сибирь в годы Первой мировой войны и беженцев времен Гражданской войны.

Для советских руководящих работников (особенно низового аппарата) немецкие колонии были также неиссякаемым источником по выполнению разверсток и переразверсток. Недоимки ненемецких сел взимались с колонистов, уже сдавших полностью, а то и с перевыполнением, отведенные им нормы. А при административно-территориальных изменениях в колониях нередко проводились повторные разверстки и раскулачивание, «очищавшие» от всех хлебных запасов. В большинстве колонистских хозяйств, сильно разграбленных в годы Гражданской войны, зерна не хватало не только для посевов, но и для прокормки населения. Повсеместное изъятие земли, удобных для выпаса, и отсутствие фуража приводили к значительному сокращению поголовья скота, угрожали сохранности выскотного стада, которым прежде славились немецкие колонии. Резкое недовольство колонистов вызывало неоправданно завышенный по сравнению с окружающим населением уровень налого-

обложения. Тяжелую экономическую ситуацию еще более обострили неблагоприятные погодные условия 1921–1923 гг.: гибель озимых посевов от сильных морозов, а яровых — от продолжительной засухи. Голодало большинство немецких колоний.

Для упорядочения административно-территориального устройства в республике еще в октябре 1920 г. при НКВД была организована Административно-территориальная комиссия с филиалами в губерниях, которая в течение двух лет вела подготовительную работу по систематизации районирования.

Постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 7 марта 1923 г. все девять губерний Украины были разделены на 53 округа и 706 районов.

Однако новое административно-территориальное деление не вывело немецкие колонии из кризиса, так как национальный состав населения образуемых районов как фактор, влияющий на социально-экономическое развитие, в расчет не брался.

Разорение колониальных хозяйств в годы Первой мировой и Гражданской войн, урезание местными властями земельных наделов колонистов, последствия голода 1921–1923 гг., крайнее обострение проблемы землеустройства и землепользования, чрезвычайно высокий уровень налогообложения колонистов, постоянные притеснения со стороны руководящих органов разного уровня — все это крайне обострило ситуацию в немецких колониях и вызвало в 1923–1924 гг. нарастающий эмигрантский поток из немецких (особенно меннонитских) поселений, в том числе и бедноты, весьма нежелательный для властей из-за престижных соображений. Эти обстоятельства, а также устойчивое стремление колонистов восстановить собственные административно-территориальные образования как форму защиты своей национальной самобытности, вынудили советское руководство предпринять экстренные меры по нормализации обстановки. В связи с этим власти стали рассматривать выделение национальных административно-территориальных единиц (сельсоветов и районов) как фактор, способный не только значительно улучшить социально-экономическую ситуацию в немецких колониях и удовлетворить национально-культурные потребности населения, но и ускорить вовлечение нерасположенных к советской власти колонистов в социалистическое строительство. Поэтому не случайно первыми созданными в республике национальными районами были именно немецкие.

О крайней обостренности ситуации свидетельствовало то, что практическое выделение немецких районов на местах опередило официальное получение ими статуса национальных административ-

но-территориальных единиц. Начало осуществления национально-районирования в Украине связано с постановлением СНК УССР от 29 августа 1924 г. «О выделении национальных районов и советов», утвержденным IV сессией ВУЦИК 8-го созыва (15–19 февраля 1925 г.) [1]. Однако в материалах Центральной комиссии национальных меньшинств (ЦКНМ) образование Пришибского района Мелитопольского округа и Молочанского района, входившего тогда в состав Бердянского округа, датировано 7 июля 1924 г. [2].

В первоначальном плане по районированию немецких колоний Украины 1924 г. со стороны немцев-коммунистов из числа центральных немецких работников было выдвинуто предложение создать из всех колоний Пришибской и Гальбштадтской волостей единый район. Это обосновывалось нехваткой подходящих работников районного звена из числа немцев-коммунистов, а также желательностью объединения экономически слабого Пришибского и значительно более мощного Молочанского (Гальбштадтского) районов. Однако этот план, против которого не возражали ни центр, ни Екатеринославская губернская административно-территориальная комиссия, вызвал резкое сопротивление со стороны меннонитов, желавших иметь «свой район». Вновь предложение об объединении было поднято год спустя, в связи с ликвидацией Бердянского округа и перелачей Молочанского района Мелитопольскому округу. Надежды центра на лояльное отношение меннонитов к этой пропозиции не оправдались, и оба района в тот момент сохранили свою административную самостоятельность [3].

Организация практической работы немецких районов из-за непоследовательности административного аппарата за ситуацией на местах и в дальнейшем опережала сроки их официального учреждения. Так, Ландауский район был создан постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г., но, по архивным данным, начало его практической работы — декабрь 1924 г., а праздничное открытие — январь 1925 г. [4].

Задержки получения немецкими районами официального статуса национальных зачастую были связаны с необходимостью выделения из их состава и национальных сельсоветов и сел. Так, в проекте Одесской губернской административно-территориальной комиссии по выделению Зельцкого района в его состав входили сельсоветы Б. Фастерова и Отрадовка с незначительным количеством немцев. Это увеличивало в создаваемом районе процент русского и украинского населения и могло привести к созданию не мононационального немецкого, а смешанного района [5].

Не меньше проблем возникало с определением территориальной подчиненности создаваемых немецких районов. Высокопольский район, формируемый на базе Кочубеевской и Высокопольской волостей, предполагалось подчинить Криворожскому округу. Однако экономическая целесообразность (прямая железнодорожная связь этих волостей с Херсоном, значительно облегчавшая сбыт сельскохозяйственной продукции колонистов, и отсутствие таковой с Кривым Рогом; финансирование Херсонским отделением сельскохозяйственного банка ссуд колонистам по вопросам машинного снабжения и т. д.), а также энергичные протесты самих колонистов, поддержанные Херсонским окружным исполнительным комитетом, убедили центр в необходимости изменить первоначальный план [6].

В такой непростой ситуации неудивительно, что на протяжении существования немецких национальных районов их количество, статус, подчиненность, территория, границы, названия неоднократно изменялись, что нередко приводило к неточной информации в научных публикациях. Предлагаемые данные призваны способствовать внесению определенности в решение указанной проблемы.

До октября 1925 г. были официально сформированы и утверждены высшими инстанциями как национальные районы — Ландсбургский (Карл-Либкнехтовский) Николаевского округа, Молочанский и Пришибский Мелитопольского округа, Люксембургский Мариупольского округа; к апрелю 1926 г. уже функционировали Высокопольский Херсонского округа, Зельцкий (Фридрих-Энгельсовский) и Гросс-Либентальский (Спартакровский) Одесского округа, а также Пулинский Волынского округа. Кроме последнего, все национальные немецкие районы были образованы на юге Украины (здесь не учитываются немецкие районы Крыма, который тогда не вошел в состав Украины).

Предполагалось, что создание национальных районов будет способствовать быстрому развитию производительных сил данной территории. Большие надежды возлагались на умения и навыки колонистов в деле ведения высокоразвитого сельского хозяйства, что нашло живой отклик среди немецкого населения. Однако условия, создаваемые властями, явно не способствовали воплощению этих устремлений.

Не посчитавшись ни с религиозными различиями среди немецкого населения, ни с его желанием, Центральная административно-территориальная комиссия решением от 2 апреля 1928 г. все же

ликвидировала Пришибский район, населенный в основном лютеранами, с присоединением его территории к Молочанскому району, где преобладали меннониты. Авторы решения не понимали, что за профессиональными различиями стоят и социально-экономические особенности, а стремление к максимальному упрощению и удешевлению низового советского аппарата может значительно осложнить хозяйственную деятельность местного населения.

Меннонитов ожидал еще один «административно-территориальный удар». Колыбель меннонитской колонизации на юге Украины — Хортицкий район, в течение длительного времени проектируемый разными инстанциями и ценой больших усилий оформленный как немецкий национальный в 1929 г., просуществовал в таком качестве лишь год. Сталинский вариант индустриализации и сплошной коллективизации требовал максимальной централизации управления. Постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 2 сентября 1930 г. округа были ликвидированы, а районы перешли под непосредственное руководство центра. Этим же постановлением Хортицкий район ликвидировался с подчинением его населенных пунктов Запорожскому горсовету, аппарат которого абсолютно не был приспособлен к обслуживанию населения немецких сельсоветов.

Ликвидация округов, вопреки ожиданиям властей, еще больше усложнила оперативность управления. Решением IV внеочередной сессии ВУЦИК УССР двенадцатого созыва 9 февраля 1932 г. на Украине было создано пять областей. Карл-Либкнехтовский, Фридрих-Энгельсовский и Спартакровский районы вошли в состав Одесской области, Высокопольский, Люксембургский и Молочанский — Днепропетровской, Пулинский — в состав Киевской. Районы сохраняли статус немецких национальных, но с осуществлением сплошной коллективизации все более утрачивали характерные особенности.

Продолжались и территориальные изменения. В конце 1934 г. в Сталинской (Донецкой) области был образован Остгеймский (Тельмановский) район, имевший смешанный украинско-немецкий статус (давно планировавшийся вариант создания мононационального района так и не был реализован из-за невозможности выделить из его состава ненемецкие сельсоветы). В начале 1935 г. при разукрупнении в Днепропетровской области из части Молочанского района был сформирован еще один немецкий национальный район — Вальдгеймский (Ротфронтровский).

Немецкое население, особенно в западных приграничных областях, давно уже рассматривалось советским руководством как «пя-

тая колонна» фашистов, что привело к упразднению в 1935 г. Пулинского района Киевской области и созданию на его базе Черноармейского, не имевшего национального статуса.

В сентябре 1937 г. во время очередного разукрупнения Высокопольский (Фриц-Геккертовский) район вошел в состав созданной Николаевской области.

С обострением международной обстановки и сворачиванием работы среди национальных меньшинств само существование национальных немецких административно-территориальных единиц в глазах властей теряло смысл. Настала очередь и немецких районов юга Украины. Они были признаны «искусственно образованными» и до середины апреля 1939 г. ликвидированы с распределением сельсоветов, входивших в их состав, по другим районам.

В современных условиях исторический опыт существования немецких районов в Украине как национальных административно-территориальных единиц приобретает особое значение, представляя не только научный интерес для исследователей, но и практический — при реализации национальной политики в республике.

Примечания

1. См.: Кулинич І.М., Кривець Н.В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. Київ: Інститут історії України, 1995. С. 206.
2. См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины в г. Киеве (далее — ЦГАВО Украины). Ф. 413. Оп. 1. Д. 150. Ч. 1. С. 114, 115.
3. См.: Там же. Д. 91. С. 66 об.
4. См.: Государственный архив Николаевской области. Ф. Р-2201. Оп. 1. Д. 31. С. 2.
5. См.: ЦГАВО Украины. Ф. 413. Оп. 1. Д. 91. С. 18.
6. См.: Там же. Д. 66. С. 11.

ОБЩНОСТЬ СУДЕБ НЕМЦЕВ УКРАИНЫ И РОССИИ В КОНЦЕ 1920-х — 1930-е гг.

В.В. Ченцов, Д.В. Архифейский

Давно подмечено, что ничто так не сближает людей, как общие беды и страдания. Это утверждение вполне уместно для полноты характеристики тех процессов в советской истории, которые связаны с политическими репрессиями конца 1920-х — 1930-х гг. Тема сталинского террора разрабатывается в последнее время весьма активно, тем не менее ее национальный аспект, по крайней мере в предполагаемой интерпретации, исследован пока явно недостаточно. Данные материалы посвящены судьбе немцев, граждан Украины и России, сполна разделивших страдания и лишения коренного населения в трагические годы.

Отказавшись в конце 20-х гг. от нэпа и взяв курс на форсированное осуществление социалистического строительства, Сталин и его окружение столкнулись с серьезными трудностями и кризисными явлениями в экономике, главную причину которых, не долго думая, увидели в происках «классовых врагов», широкомасштабном «вредительстве». С тех пор берет начало массовый поиск «виновников» и «саботажников», преимущественно в среде специалистов народного хозяйства, вылившийся в первый громкий процесс против «экономической контрреволюции» — «Шахтинское дело» (1928 г.). Только по московскому и харьковскому «центрам» к судебной ответственности было привлечено 53 человека, в том числе трое подданных Германии: В. Бадштибер, Э. Отто, М. Мейер. Но это явилось всего лишь чем-то вроде «разведки боем» перед массированным наступлением органов ГПУ на «вредителей», ибо сразу же после про-

цесса было арестовано еще не менее 2 тыс. специалистов, среди них много немцев, например, начальник отдела пути Екатеринбургской железной дороги Павел Александрович Вельс, директор металлургических заводов им. Ленина и Петровского Константин Гаврилович Шпельти [1].

Фабрикуя такие дела, ОГПУ и ГПУ Украины стремились придать им нередко глобальный, общесоюзный характер. С этой целью «выявлялся» центр «контрреволюционной организации» в Москве или в ином крупном городе, а затем «раскрывались» его филиалы и ячейки в разных регионах страны. Типичной в данном случае представляется схема подготовки судебного процесса по делу мифической «Промпартии», инспирированного спецслужбами в 1930 г. Обезвредив «смутьянов» сначала в Москве и Харькове, взялись и за другие города и вскоре «разоблачили» некую «вредительскую и диверсионную» организацию инженеров и техников, имевшую свои отделения на рудниках Криворожья, Харьковском электромеханическом, Николаевском судостроительном, Штеровском динамитном заводах, «диверсионно-офицерскую» — в Донбассе и т. д. Один из тех, кто был осужден по данному делу, — помощник управляющего Новороссийским акционерным обществом в Кривом Роге Эдуард Карлович Фукс [2].

Причем в это же время подобные дела, «раскручиваемые» с поистине союзным размахом, были отнюдь не единичными, став одной из ключевых функций в работе органов безопасности. В 1929–1931 гг. ОГПУ официально сообщило о ликвидации «вредительских организаций» «Сталь», «Союзхлеб», «Ветеринары и бактериологи», в центральном управлении водных путей сообщения, цветной металлургии, коксобензолной, сахарной и ряде других отраслей промышленности. Как правило, их связи прослеживались чекистами и в Украине, создавая иллюзию существования того или иного «заговора» в масштабе страны.

Схожими оказались трагические судьбы немецкого населения России и Украины в период принудительной коллективизации сельского хозяйства.

Свертывание с конца 20-х гг. новой экономической политики, в основе которой лежала радикальная трансформация прежде нестольскохозяйственного сектора экономики и соответствующей ему социальной категории — крестьянства, не могло не задеть немцев-колонистов, преимущественно крестьян по образу жизни. Такие репрессивные по сути составляющие этого процесса, как «раскулачивание», «коллективизация» и хлебозаготовительные кампании,

«борьба с антиколхозным движением», «вредительством и саботажем», «походы на кулака», непосредственно отразились на немецком населении как в Украине, так и в Российской Федерации. «Делевая поездка» И. Сталина в 1928 г. по Сибири привела к введению чрезвычайных мер в сельском хозяйстве. Особым бедствием для немецкого села стали хлебозаготовительные кампании. В телеграмме ЦК ВКП(б) от 14 января 1928 г., посланной на места в связи с хлебозаготовительным кризисом, районы Урала и Западной Сибири были признаны вторыми после южных, включая Поволжье и Украину, в намерении плана. Введение чрезвычайных мер сделало возможным привлечение к судебной ответственности с конфискацией имущества «злостных саботажников и спекулянтов», каковыми объявлялись все лица, отказывавшиеся продавать хлеб по твердым государственным ценам.

На местах принимались партийные постановления, конкретизировавшие механизм осуществления репрессий против крестьянства.

Так, 20 марта 1929 г. ЦК КП(б)У принял постановление «Об экономической, культурной, советской работе в немецких селах», которое ориентировало местные органы власти на расправу с «враждебными элементами» прежде всего в семи немецких национальных районах Украины. Те же цели отражало постановление «О выселении немцев из Николаевского округа». В Сибирском крае процессы массового раскулачивания начались на основе секретной инструкции ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества» от 4 февраля 1930 г. После определения задач и функций различных государственных органов постановлениями ЦК ВКП(б) от 5 января и 14 марта 1930 г., ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. власти приступили к беспрецедентному наступлению на крестьянство. Зажиточные немцы России и Украины облагались прогрессивным налогом, лишались избирательских прав. Их имущество периодически распродалось «с торгов», а порой общие собрания колхозников или членов артелей постановляли выселять «ненадежный элемент» за пределы поселений с конфискацией у них всего имущества. В соответствующих документах тщательно фиксировались все «преступления» «немецких кулаков»: участие в антисоветских выступлениях, жестокое обращение с бедняками, сотрудничество в прошлом с австро-германскими войсками, гетманским режимом, антисоветские и антиколхозные высказывания и т. п. ГПУ привлекало к уголовной ответственности отказавшихся от самообложения, выполнения планов хлебозагото-

вок, подписки на заем по индустриализации. В РСФСР приступили к уничтожению так называемых «кулацких лжекооперативов», под видом которых громилась сельскохозяйственные общества немцев-колонистов [3].

Используя подобные меры, власти и на местах удавалось рапортовать о перевыполнении планов колхозного строительства. Так, с марта по ноябрь 1930 г. процент коллективизации в Немецком районе РСФСР вырос с 18 до 93,2%, т. е. фактически немецкая деревня Алтая была коллективизирована полностью за несколько месяцев [4]. В Украине на 1 ноября 1931 г. в колхозах насчитывалось 69,3% хозяйств. Доля коллективизированных хозяйств немецких колонистов достигла 80% [5]. Положение немецких колонистов в Украине стало невыносимым. Осенью 1931 г. здесь появились крестьяне из Западной Сибири, которые бежали от непосильных налогов. Но вскоре все вернулись назад, «голые и голодные», ибо в Украине было еще хуже [6].

Ужесточение карательных санкций происходит после принятия закона от 7 августа 1932 г. «Об охране социалистической собственности».

В Украине уже осенью 1932 г. ЦК КП(б)У рекомендовал ГПУ провести массовую операцию «по нанесению оперативного удара по классовому врагу». Целью акции являлось выявление «контрреволюционных центров, которые организуют саботаж и срыв хлебозаготовок и других хозяйственно-политических мероприятий». Предусматривались аресты людей по различным «линиям контрреволюции» с запланированным количеством будущих жертв. Ретивыми исполнителями подобные планы перевыполнялись. Дела на «вредителей», «саботажников», «расхитителей» колхозного добра судебные и внесудебные органы рассматривали в экстренном порядке. «Винным» выносили суровые приговоры, вплоть до применения расстрела. ГПУ Украины проводило операцию за операцией по так называемому колхозному сектору. Только за период с ноября 1932 г. по январь 1933 г. было ликвидировано 1208 «контрреволюционных колхозных» групп, арестовано 6682 чел. [7].

Аналогичные процессы происходили и в РСФСР.

Пользуясь тем, что факты попыток восстаний крестьян против режима имели-таки место, репрессивные органы в 1932-1933 гг. стремились в соответствующих документах показать эти многочисленные, но маломощные антисоветские выступления как действия организованных формирований, преследовавших политическую

цель свержения советской власти вооруженным путем. «Выявлялись» и немецкие организации, причем чекистами делались выводы о том, что немцы в своей подрывной работе опирались на «русские и украинские контрреволюционные силы». Как показывает непредвзятое изучение следственных дел «контрреволюционеров», страдали они в основном за свое «нереволюционное происхождение» (зажиточные крестьяне, религиозные деятели и т. п.) или за антисоветскую деятельность в прошлом, т. е. по формальным признакам.

Таким образом, особых различий ни в действиях властей в отношении немцев-крестьян Украины и России, ни в жизненных условиях последних практически не существовало. Одинаковой была и реакция колонистов на политику режима: сокращение посевных площадей, отказ вступать в колхозы, бегство в другие регионы СССР или эмиграционное движение.

Первые ограничения легальной эмиграции датируются концом 1926 г. (постановление Комиссии СТО от 29 ноября). В дальнейшем, на протяжении 1929-1932 гг. власти разрабатывали комплекс мер по преодолению эмиграционного движения. Советские инстанции рассматривали эмиграцию как «особый вид обостренной классовой борьбы в условиях немецкой деревни» и делали все возможное для прекращения выезда. Активисты и участники эмиграционного движения, как и обращающиеся в иностранные представительства за помощью, переписывающиеся с границей, как правило, оказывались в тюрьмах. Кампании с выездом немцев в 1929-1932 гг. завершались одинаково на всей территории СССР. Возвращающиеся ни с чем из Москвы или Харькова колонисты оказывались перед фактом конфискации их имущества сельсовета [8].

Насильственная политика по отношению к крестьянству привела к массовому голоду, в том числе в немецких селах России и Украины. По данным статистики, в 1933 г. в городах Украины умерло 1,7 тыс. немцев, в сельской местности — 12 тыс. Однако статистические сведения вряд ли верно отражают действительное положение вещей. Исследователи называют разные данные о количестве умерших от голода в Украине в 1932-1933 гг. — от 3,5 до 8-9 млн. человек [9].

Аналогичная репрессивная политика проводилась и в отношении других слоев немецкого населения: представителей культуры и науки, духовенства, технической интеллигенции. Для каждой категории разрабатывались свои мотивация, технология преследования и наказания.

Одним из самых крупных дел, находившихся в производстве ГПУ, было дело на организацию «немецких фашистов, проводивших активную диверсионную деятельность на Украине и в других местах Союза». Деятельность организации связывалась с работой отделений фирмы «Контроль-Ко» в Одессе, Николаеве, Херсоне, Мариуполе, Бердянске, Москве. Техническим специалистам вменялось в вину: подготовка вооруженного выступления против советской власти, проведение националистической деятельности, противодействие сельскохозяйственным кампаниям. ГПУ установило связи немецких «фашистов» Украины с московским центром, украинским контрреволюционным подпольем, руководителями Всесоюзного церковного лютеранского совета.

Ознакомившись с материалами следствия, председатель ГПУ УССР В. Балицкий приказал взять на учет всех немецких специалистов, служащих коммерческих фирм, переводчиков, немцев-воснослужащих, работников МТС, руководителей колхозов, партийных и советских учреждений, немецкое духовенство [10].

Как известно, в основу внутренней политики советского режима изначально закладывался «классово-социальный» принцип, поэтому определенное время граждане немецкой национальности преследовались лишь по формально «классовым» признакам, как «кулаки» или «бывшие», без учета их национальной принадлежности.

Но с начала 30-х гг. в рамках общей репрессивной политики постепенно выкристаллизовывается особое отношение органов госбезопасности к представителям некоренных национальностей вообще и немцам в частности. На это, на наш взгляд, повлияли два фактора: во-первых, упорство, проявленное немцами-крестьянами в нежелании поддерживать коллективизаторскую политику советского режима, и, во-вторых, приход в Германии к власти партии Гитлера, что осложнило внешнеполитическую ситуацию и позволило рассматривать немцев, граждан СССР, в качестве «пятой колонии» прогрессирующего фашистского государства.

С 1933 г. репрессивные органы развернули борьбу с так называемой гитлеровской помощью, т. е. гуманитарной финансовой поддержкой советских немцев через ряд организаций и банков Германии. По данным ГПУ, только в Украину с апреля 1933 г. по апрель 1934-го поступило такой помощи на сумму 487 825 руб. золотом. К июню 1934 г. было арестовано более 100 тыс. так называемых организаторов «гитлеровской помощи». Получение денежных средств власти рассматривали как оплату работы фашистской агентуры [11].

Подобная кампания разворачивалась и в пределах РСФСР. Все получатели помощи, не передавшие ее в фонд МОПРа, объявлялись агентами германского фашизма [12]. Пик борьбы с «гитлеровской помощью» пришелся на осень 1934 г. Существенно пострадали немецкие священнослужители, содействовавшие колонистам в написании обращений в зарубежные благотворительные организации о предоставлении помощи или распространявшие их адреса среди немецких крестьян [13].

Таким образом, все чаще и чаще немцев преследовали именно на основании их национальной принадлежности, но пока под традиционной политико-идеологической призмой: как сторонников или пропагандистов фашистских взглядов на территории СССР. Весной 1933 г. в Украине, например, ГПУ арестовало 143 человека (немцев и украинцев), обвинив их в том, что они, «ориентируясь на фашистскую Германию», проводили «вербовочную работу в немецких колониях». За шесть месяцев 1934 г. ГПУ Украины «вскрыло» 85 фашистских организаций, арестовав 250 человек, осудив 150 немцев [14].

Фактическим началом открытой антинемецкой политики в СССР (как в Украине, так и на территории России) можно считать постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с контрреволюционным фашистским элементом в немецких колониях» от 5 ноября 1934 г. Используя уже испытанные обвинения, методы воздействия и наказания, карательные органы значительно расширили масштабы репрессивной политики против немецкого населения. Практически каждого советского немца власти пытались представить в качестве фашистского шпиона, агента, диверсанта или просто сочувствующего Германии.

Общегосударственная кампания по разгрому нацменьшинств в Украине нашла выражение в постановлениях ЦК КП(б)У «О немецких районах», «О переселении из приграничных районов» (декабрь 1934 г.), «О засоренности классово-враждебными элементами Хортицкого немецкого машиностроительного техникума» (апрель 1935 г.), «О Мархлевском и Пулинском районах» (август 1935 г.) «О преподавании украинского языка в школах немецких национальных районов» (март 1935 г.) [15]. Подобные постановления принимались и местными властями в различных регионах России (например, постановление Бюро Сибкрайкома «О мероприятиях по борьбе с контрреволюционными элементами среди немецкого населения» от 15 ноября 1934 г.) [16].

Немцев рассматривали в качестве «базы для формирования различных националистических групп и организаций». Репрессировали их как

вредителей, диверсантов, контрреволюционеров, террористов и т. п., искусственно объединяя в подпольные антисоветские организации. Так, особый отдел ГУТБ НКВД «раскрыл» контрреволюционную организацию, работавшую «под прикрытием немецких газет». Вслед за членами Всесоюзного центра этой организации, размещенного в редакции «Немецкой центральной газеты» в Москве, были разоблачены сотрудники ответвлений в Западной Сибири, Азово-Черноморском крае, Ивановской области, Республике немцев Поволжья, Украине [17].

Необходимо подчеркнуть, что обострение антинемецкой политики непосредственно совпало с усилением общей репрессивной политики в стране после убийства С.М. Кирова. К «троцкистскому центру» в Украине (1935 г.) была искусственно привязана «группа немцев-ксендзов, которые проводили в немецких районах и колониях активную фашистскую работу». В целях полного пресечения активной «фашистской» деятельности немецкого духовенства в Украине осудили 31 пастора. Одновременно были репрессированы «пасторы-фашисты» в Крыму, Саратовском крае, Закавказье [18]. 10 лет концлагеря получили патеры М. Альберт и И. Вольф. В НКВД доказывали, что эти лица входили в фашистскую организацию, актив которой состоял из католических патеров и их доверенных лиц в Одесской и Омской областях, Западной Сибири и Казахстане [19].

В 1936 г. НКВД Украины сфабриковал дело о «Национальном союзе немцев Украины», деятельность которого якобы распространялась на Харьковскую, Днепропетровскую, Одесскую, Киевскую области и Крым. Были арестованы немцы, родившиеся в Украине и служившие в прошлом в царской армии, выходцы из Германии, Австрии, попавшие в русский плен в 1914–1918 гг. и оставшиеся на территории Украины, граждане Германии и Австрии, приехавшие в республику в поисках работы. Чекистам «удалось установить» связи этих «фашистов» с московским центром, немцами Поволжья, «блокирование с ПОВ, УВО и другими антисоветскими формированиями», а также «выходы на казначейские Розенберга и Гейббельса». Членов организации обвиняли в «идеологической подготовке немцев Украины и оказании помощи фашистским войскам, активном шпионаже в пользу Германии, проведении саботажа и диверсионно-террористических актов». По этому делу в Украине в 1936 г. были репрессированы руководители немецких издательств, сотрудники немецкой секции Наркомпроса УССР, редакторы газет «Дас Нойс Дорф», «Юнг Штурм», 30 преподавателей и студентов Одесского педагогического техникума и т. д.

* ПОВ – Польская организация военных; УВО – Украинская военная организация

В НКВД Украины утверждали, что «Национальный союз немцев Украины» поддерживал связи с «Всесоюзным центром» фашистской организации в Москве, которая «координировала контрреволюционную работу среди немцев в масштабе всего Советского Союза». В число заговорщиков попали заведующий немецкой Средневолжского края Бергер, на Северном Кавказе – Гранд, инструктор Ростовского крайисполкома Янсон [20].

Постановления Политбюро ЦК КП(б)У «О переселении польских и немецких хозяйств из приграничной полосы» от 25 ноября 1935 г. и «О переселении в Казахстан (постановление ЦК ВКП(б) от 17.01.1936 г.)» от 15 марта 1936 г. свидетельствуют о переходе режима к политике массовой депортации немцев, что отнюдь не было репрессивной новинкой, но впервые применялось в таких значительных масштабах [21].

В рамках общих репрессий антинемецкий террор достиг своего апогея в 1937–1938 гг., что отчетливо прослеживается на материалах как Украины, так и России.

В 1937 г. репрессивный аппарат был сориентирован на массовое применение карательных мер с характерными для него пренебрежением юридическими нормами, упрощенным порядком рассмотрения процессуальных вопросов. Идеи, высказанные на XIII съезде КП(б)У (май–июнь 1937 г.), о целесообразности выселения всех немцев, как «зараженных фашистской идеологией», после форума нашли выражение в операциях НКВД против немецкого населения. Только в Одесской области за антисоветскую деятельность было привлечено к уголовной ответственности 60–70% взрослого населения немецких районов [22].

Немцев осуждали по всем политическим процессам, обвиняли в шпионаже, диверсиях, вредительстве, подготовке террористических актов, создании повстанческих, контрреволюционных организаций и т. д.

Немцы неизбежно подвергались массовым репрессиям в ходе той или иной операции. Среди немецкого населения были приверженцы взглядов Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева, просто высказывавшие оппозиционные взгляды. Немцы работали и служили в различных государственных организациях, были верующими, ранее состояли членами различных партий. Они были знакомыми и друзьями репрессированных, встречались с иностранцами, посещали немецкие представительства. Наконец, они были просто немцами по национальности, что само по себе служило достаточным поводом к преследованию.

Сотрудники НКВД объединяли людей в различные отряды, группы, резидентуры, сети и т. п., привлекая к уголовной ответственности нередко сразу сотни человек. В практику НКВД вошли массовые операции по аресту жителей немецких национальных районов, колоний. В аппаратах ведомства была создана специальная «немецкая линия», которая считалась одной из наиболее продуктивных по количеству репрессированных граждан. Во главу контрреволюционных формирований сотрудники НКВД нередко определяли специалистов — поданных Германии, политэмигрантов. Репрессии осуществлялись, как правило, без всяких оснований, применялись семейные аресты, аресты по принципу родства, знакомства. В областях, где проживало значительное количество немецкого населения, немцы твердо занимали второе место по числу репрессированных после украинцев.

Например, в первой половине 1938 г. в результате проведения НКВД так называемой немецкой операции только на Днепропетровщине было арестовано 2576 чел., 2413 из которых были немцы, 6 — австрийцы, 96 — украинцы, 38 — русские, 8 — евреи. Чекисты уверяли общественность, что имеют дело с диверсионно-шпионскими группами и резидентурами на промышленных предприятиях или повстанческими формированиями в национальных районах. Отмечалось, что было уничтожено 8 повстанческих организаций, состоявших из 59 штурмовых отрядов и 10 повстанческих групп и т. д. Всего за период с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г. в Днепропетровской области было репрессировано около 30 тыс. чел., из которых 7857 были немцами (каждый четвертый) [23].

С 1938 г. партийно-государственное руководство страны приступило к окончательному свертыванию достижений в национально-культурном строительстве.

После выхода постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном преподавании русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта немецкие школы везде, кроме АССР немцев Поволжья, были превращены в русские. Политбюро ЦК КП(б)У отозвалось на это постановлением «О реорганизации национальных школ на Украине» от 10 апреля 1938 г. [24].

Выполняя установки XIV съезда КП(б)У (июнь 1938 г.), на котором Н.С. Хрущев прямо заявил, что в национальных школах создавались «гнезда для проведения контрреволюционной работы», власти планировали закончить реформу в школах менее чем за пять месяцев. Под постановление Политбюро ЦК КП(б)У от 7 июля 1938 г. «О реоргани-

зации особых национальных школ, техникумов, Одесского немецкого педагогического техникума и особых национальных отделов и классов в школах, техникумах и вузах УССР» попали не только 888 национальных школ, но и так называемые смешанные школы: 120 немецко-украинских, 15 немецко-русских, а также Пришибская немецкая ветеринарно-фельдшерская школа, Хортицкая немецкая педагогическая школа и т. д. В декабре 1938 г. ЦК КП(б)У в постановлении «О работе реорганизованных национальных школ» подчеркнул важность совершенных преобразований. Постепенно все немецкие национально-культурные учреждения были ликвидированы [25].

Ликвидация национальных школ под видом их реорганизации официально была объявлена борьбой против «вредительства». Закрывшие национальные школы, естественно, вело к новым репрессиям в среде немецкой интеллигенции, как в Украине, так и в Российской Федерации.

Ощутимый удар по немцам СССР был нанесен в связи с ликвидацией немецких национальных районов. В Украине данная кампания начала осуществляться на основе постановления ЦК КП(б)У «О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы» от 16 февраля 1938 г.

Окончательное решение о ликвидации семи немецких национальных районов в Украине последовало после соответствующей директивы ЦК ВКП(б) от 16 февраля 1939 г. ЦК КП(б)У 5 марта принял постановление «О ликвидации и превращении искусственно созданных национальных районов и сельсоветов Украины», а 7 апреля 1939 г. протокольным постановлением Политбюро ЦК КП(б)У утвердило распределение сельсоветов ликвидируемых районов по другим районам Украины [26].

Тех, кого не успели или не смогли по каким-либо причинам репрессировать в предыдущие годы, «подмели» в 1939 г., в связи с угрозой войны с Германией. Нежелательным рассматривалось властями пребывание немцев в Украине, наиболее близкой территории к предполагаемой линии фронта.

С целью оправдать вновь возрастающий террор, из архивов НКВД поднимали древние дела. Так, в 1930 г. ОГПУ ликвидировало «шпионско-диверсионную организацию» микробиологов и бактериологов, которую возглавлял якобы агент немецкой разведки доктор Цейс. Доктора выслали из страны, 48 человек осудили. В 1939 г. людей повторно арестовали и приговорили к высшей мере наказания по тем же обвинениям [27].

На основании приказа НКВД СССР от 25 сентября 1939 г. выслению из пределов приграничных районов и оборонно-стратегических объектов или перемещению по службе на менее важные предприятия подлежали все лица, на которых не было «добыто» достаточного материала для изоляции, но «по характеру имеющихся данных и по оперативным соображениям они не могли быть оставлены в военное время на данном объекте».

Немецкие колонисты, которые проживали на территории Западной Украины, были депортированы и в ходе реализации постановлений СНК СССР от 29 декабря 1939 г. и 2 марта 1940 г. [28].

Таким образом, к началу войны репрессии в СССР снова начали набирать обороты. Уже в 1940 г. органами НКВД Украины было арестовано 44 303 чел., тогда как в 1939 г. эта цифра составляла 2458 чел. [29].

Окончательное выяснение всех деталей и последствий политических репрессий еще впереди. Но уже сегодня совершенно ясно, что это был геноцид сталинского руководства против своего народа. Мощь государственной репрессивной машины сполна испытали на себе украинцы и русские, белорусы и евреи, немцы и поляки, представители других наций и народностей.

Осуждая беззакония сталинизма, крайне важно, на наш взгляд, осознать единство исторического прошлого народов бывшего СССР. Уроки нашей недавней истории позволяют прийти к твердому убеждению, что отношения, основанные на общности исторических корней и судеб народов бывшего СССР, должны развиваться и впредь, несмотря на попытки национал-шовинистических сил нагнетать страсти на межэтнической почве. Учитывая статус России и Украины в современной геополитической ситуации, состояние двусторонних отношений после распада СССР, одной из актуальных задач исторической науки является не только обращение к прошлому господствующих этносов — русского и украинского народа, но и целенаправленное, объективное, взвешенное изучение социокультурной жизнедеятельности национальных меньшинств двух стран — важнейших компонентов общего этнополитического процесса Западной Европы.

Примечания

1. См.: Государственный архив Службы безопасности Украины (далее — ГА СБУ). Фонд уголовных дел. Д. П-4162.
2. См.: Там же. Д. П-7513.

3. См.: Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибирь (конец 1920-х — 1930-е годы). М., 1995. С. 27.
4. См.: Малиновский Л. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995. С. 129.
5. См.: Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее — ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 3870. Л. 9.
6. См.: Белковец Л.П. Указ. соч. С. 158.
7. См.: Реабілітовані історією. Київ, 1995. С. 15.
8. См.: ГА СБУ. Фонд уголовных дел. Д. П-22756.
9. См.: Бачиньский П. Тайфун голодомору // Народна армія. 1993. № 41. 4 березня; Хандрос Б. Смертные листы // Юність. 1990. № 12. С. 47–55; Конквест Р. Жнива скорботи. Радянська колективізація і голодомор. Київ, 1993. С. 328.
10. См.: ГА СБУ. Фонд печатных изданий.
11. См.: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦА ФСБ РФ).
12. См.: ЦА ФСБ РФ, Ф. 3. Оп. 1. Д. 571. Л. 96; Німці України в 20–30-х рр. ХХ ст. 36 документів державних архівів України. Київ, 1994. С. 177; ГА СБУ. Фонд уголовных дел. Д. П-24328.
13. См.: Белковец Л.П. Указ. соч. С. 168–169.
14. См.: ГА СБУ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 25. Л. 178.
15. См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 375. Л. 132.
16. См.: Белковец Л.П. Указ. соч. С. 179.
17. См.: ГА СБУ. Фонд печатных изданий.
18. См.: Там же.
19. См.: Там же.
20. См.: Там же. Справка о репрессиях в отношении «Национального союза немцев Украины».
21. См.: Чирко Б.В. Національні меншини в Україні. Київ, 1995. С. 146–177.
22. См.: ГА СБУ. Фонд печатных изданий.
23. См.: Там же. Д. 14. Л. 115.
24. См.: Малиновский Л. Указ. соч. С. 136.
25. См.: Національні меншини в Україні. Київ, 1990. С. 22.
26. См.: ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 16. Д. 15. Л. 125–128.
27. См.: ГА СБУ. Фонд печатных изданий.
28. См.: Чирко Б.В. Указ. соч. С. 156, 157.
29. См.: ГА СБУ. Фонд печатных изданий.

НЕМЕЦКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ИХ ЛИКВИДАЦИИ

В.К. Клёу

Национальная политика является одной из наиболее щепетильных сфер в жизни любого государства. Здесь, как нигде, требуются взвешенность, осторожность, неторопливость при проведении тех или иных мероприятий. Отсутствие такого подхода часто приводит к печальным последствиям, что мы и наблюдаем на примере Югославии, российского Кавказа и других регионов мира.

Одним из мероприятий в сфере национальной политики часто бывает создание административно-территориальных единиц национальных меньшинств. Именно по такому пути пошло в 1920-е гг. руководство Советского Союза. Таким меньшинством были и немцы, составлявшие в 1926 г. 1,36% населения Украины.

Этот процесс начался в 1923 г. Значительная часть немецких административно-территориальных единиц (национальных районов, национальных сельских советов) была создана на территории Екатеринославской (Днепропетровской) губернии (позже — области). Это и не удивительно. В 1920 г. на территории губернии проживало 26 323 гражданина немецкой национальности из 210 189, проживавших на Украине [1], что было больше, чем в других губерниях, за исключением Одесской.

Процесс формирования национальных административно-территориальных единиц продолжался в основном до начала 1930-х гг. В результате этой реформы в Украине было создано к 1931 г. 7 национальных немецких районов, 2 поселковых совета и 252 немецких сельских совета. Три района (Люксембургский, Молочанский и Высоко-

польский), 2 немецких поселковых и 40 немецких сельских советов были расположены на территории области [2]. Но и на этом национальное районирование не закончилось. В 1937 г. Высокопольский район был передан в состав вновь организуемой Николаевской области, а в середине 30-х гг. из состава Молочанского района был выделен Вальдгеймский (позже — Ротфронтровский) район. Немецкие сельсоветы входили в состав как немецких, так и украинских, еврейского и болгарского национальных районов (Сталиндорфского и Коларовского). Несколько раз менялись границы районов и сельсоветов. Это были не самые большие районы области. Площадь территории Люксембургского района составляла 821 кв. км, Молочанского — 932 кв. км, Ротфронтовского — 855 кв. км [3]. Из 56 районов области меньше Молочанского было 15 районов. Численность населения — соответственно 24 010 человек (0,7% численности населения области), 41 858 (1,2%) и 22 489 (0,6%) [4]. Значительная доля населения проживала в сельской местности: в Люксембургском районе — 86%, Молочанском — 76,5%, Ротфронтовском — 100% [5].

На основе материалов Днепропетровского государственного архива, периодической печати конца 30-х гг. мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

1) какую роль играли немецкие национальные районы и другие административно-территориальные единицы в социально-экономической жизни Днепропетровской области, т. е. в одном из регионов расселения немцев в Украине, и как эта роль определялась партийными и советскими документами и периодикой тех лет;

2) обоснованной ли была ликвидация этих районов, как национальных, всего лишь через полтора десятилетия с момента их создания.

Репрессии и террор 1930-х гг. сказались на положении немцев и их национальных административно-территориальных единиц. В течение 1933–1937 гг. было «разоблачено и ликвидировано» 124 различных «враждебных» организации, в которые входили немцы. С 1935 г. начинается их насильственная депортация. Все это, естественно, сказалось на численном и национальном составе национальных районов и сельских советов. Об этом свидетельствует и сокращение немецкой прослойки в Днепропетровской областной партийной организации. Так, в 1938 г. в ее составе было 294 немца (0,6% численного состава областной организации) [6]. По числу членов и кандидатов в члены партии немцы уступали не только украинцам и русским, но и белорусам, евреям и полякам.

При этом, в 1931 г. только в Люксембургском районе в руководящих органах на уровне района и сельских советов работало 170 паратных работников, которые были немцами [7]. Возможно допустить, что хотя бы половина из них были членами либо кандидатами в члены партии. В 1938 же году большинство немцев-партийцев проживали и работали в крупнейших городах области (Днепропетровск, Кривой Рог и др.).

Еще примеры, свидетельствующие о сокращении или даже ликвидации немецкой прослойки в партийной организации области.

В мае 1938 г. проходило отчетно-выборное партийное собрание Молочанского района. В президиуме собрания — Лебедев, Кулинич, Застенкер (секретари райкома, направленные в район из обкома в начале года), Косолупов, Гусева, Крамаренко, Евдокименко, Миряненко и представитель обкома партии Хомякова. Как видно, здесь не было ни одного немца. При выдвижении кандидатур в состав членов райкома выдвинуты три немца: Кноблах, Воле и Ваккер. Первые двое были выведены из списка: Кноблах «в связи с тем, что его брат репрессирован органами НКВД», и Воле, «как мало проявивший на работе, не любит критики и не реагирует на нее». Ваккер оказался среди неизбранных. Судя по протоколу того же собрания, на рубеже 1937–1938 гг. в районе прошла «чистка», в результате которой были репрессированы руководители различного уровня: Нидер (первый секретарь райкома партии), Рейфшнейдер (председатель райисполкома), Шарнагель (прокурор района), Шенерт (работник районо), Бланк (парторг Рейхенфельдского сельсовета), Кнорре, Фрешер, Зиглер, Гехт, Гинкель, Гардер и др. Таким образом, получилось, что в руководстве партийной организации немецкого района в 1938 г. не осталось ни одного немца [8].

В августе 1938 г. при Ново-Хортицком немецком сельсовете Софиевского района была создана кандидатская группа, в состав которой входило 4 человека: члены партии Ивашко и Пинчук и кандидаты в члены партии Эдуард Эдуардович Руф, который работал председателем сельсовета, и Яков Борисович Браун. Но уже в ноябре того же года был репрессирован и исключен из партии Руф, а через месяц подобная судьба постигла и Брауна. То есть и здесь среди руководящих работников и членов партии не осталось ни одного немца. При этом интерес вызывает продвижение по служебной лестнице члена партии из этой же группы Пинчука. В начале года он был пожарником и заместителем парторга Девладовской МТС, в июне его сняли с этой должности за нарушение моральных норм

и направили на работу рядовым колхозником колхоза «Гюфнунг» Ново-Хортицкого сельсовета, вскоре он становится заведующим молочно-товарной фермой, а уже в ноябре — председателем этого колхоза [9].

Два немецких сельсовета (Новософиевский и Александропольский) находились на территории Сталиндорфского еврейского национального района. В течение 1938 г. в районе было принято 67 человек в кандидаты в члены ВКП(б) и 33 — в члены ВКП(б) [10]. При этом среди них не было ни одного немца.

Таким образом, цифры и приведенные примеры позволяют прийти к следующему выводу. Снижение численности немецкой прослойки в областной партийной организации можно объяснить тремя причинами:

1. Нежеланием большей части немецкого населения вступать в партию или даже их аполитичностью. Так, в 1938 г. в Люксембургском районе насчитывалось 12 первичных партийных организаций, 1 кандидатская группа, 1 партийно-комсомольская группа, 8 коммунистов-одиночек и 12 колхозов (всего в районе насчитывалось 43 колхоза), где не было ни одного коммуниста либо комсомольца [11]. В Молочанском районе эти цифры соответственно выглядели так — 19, 6, 0, 0, 23 (64) [12], в Ротфронтовском районе — 13, 1, 0, 7, 14 (50) [13].

2. Политикой руководства страны в целом, направленной на недопущение роста этой прослойки.

3. Главной причиной — репрессиями.

И если первая причина высказывается как предположение, то вторая и третья вполне обоснованы. Хотя относительно репрессий считаю, что стоит согласиться с днепропетровским исследователем В. Ченцовым, который указывает, что это все-таки не была политика, направленная исключительно против немцев, а касалась всего населения страны [14].

В каждом из названных районов до их ликвидации издавались национальные газеты. На 1 января 1938 г. там действовало 149 школ, в которых обучались 14 370 учащихся и работали 706 учителей; 3 техникума в Молочанском районе и немецкий педагогический техникум в Запорожье на о-ве Хортица; в с. Орлово Молочанского района работал опорный пункт Научно-исследовательского института животноводства [15].

Очень запутана ситуация с немецкими школами в этот период. До конца 30-х гг. в Украине действовало 543 немецких и 148 «смешанных» (немецко-украинских, немецко-русских, немецко-украинско-

еврейских, немецко-еврейских и немецко-украинско-русских) школ [16]. В то же время, в перечне национальных школ Днепропетровской области в рассматриваемый период немецких школ нет [17]. 7 июля 1938 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О реорганизации особых национальных школ, техникумов, Одесского немецкого педагогического института и особых отделов и классов в школах, техникумах и ВУЗах УССР» и дополнение к этому документу «План реорганизации особенных национальных начальных, неполных средних и средних школ УССР». Итогом принятия этого решения стала реорганизация национальных немецких учебных заведений. Соответствующее указание было принято и обкомом КП(б)У. В результате выполнения этих решений только в Сталиндорфском районе было реорганизовано в украинские 12 школ (1 средняя, 2 неполные средние и 9 начальных) с контингентом учеников 762 чел. При этом руководство этих школ сразу же столкнулось с рядом проблем: нехватка учебников и литературы на русском и украинском языках (из 400 книг библиотеки Ново-Софиевской неполной средней школы только 20 были на украинском языке), слабое знание учениками русского и украинского языка, слабая политико-воспитательная работа (недостаточный процент детей-пионеров) и т. д. [18]. И в то же время, по воспоминаниям старожилов, немецкие школы вплоть до начала Великой Отечественной войны продолжали работать — в Иосифовке (Иозефсталь), Нижней и Верхней Хортице, Александровке (Билерсфельд) и других селениях.

Вплоть до ликвидации немецких национальных единиц они играли немаловажную роль в социально-экономической жизни области. Как создавались немецкие поселения как сельскохозяйственные, так и национальные районы были сельскохозяйственными районами зернового направления. Из технических культур выращивались подсолнух, хлопок, клеверина (Молочанский и Ротфронтровский районы), южная конопля и семена на луб (Люксембургский) [19]. На долю этих районов в конце 30-х гг. приходилось 4,5% пахотной земли в области. Кроме того, в этих районах немалое внимание уделялось садоводству (около 3,5% общей площади садов в области), виноградарству (2,6%) [20].

Традиционной сферой занятий немцев было животноводство. Любопытно, что до конца 1930-х гг. породный состав крупного рогатого скота был представлен в основном двумя породами — красно-немецкой и серо-украинской. При этом красно-немецкая порода была основной плановой породой в большинстве районов обла-

сти (50 из 56) [21], в том числе и немецких. поголовье скота в немецких районах составляло от 4,2 до 4,5% общего поголовья по области [22].

Изменения в стране не могли не сказаться на положении немцев и их хозяйств. К 1938 г. на долю единоличных хозяйств в области приходилось уже только 0,08% земли [23]. Естественно, что коллективизация не обошла стороной немецкие районы. В Люксембургском районе к этому времени насчитывалось 43 колхоза и 1 совхоз, Молочанском — 64 колхоза, Ротфронтском — 50 колхозов и 2 совхоза. В них входило более 13,5 тыс. хозяйств [24].

С момента переселения немцев в Украину многие отмечали их трудолюбие, успехи в освоении региона. Эти их черты сохранились и к концу 30-х гг., несмотря на осуществленные преобразования. В архивных документах, периодической печати того времени упоминаются передовики, орденосцы, представляющие немецкое население области, передовые немецкие колхозы, предприятия, расположенные в немецких районах. Это кавалер ордена Трудового Красного Знамени, бригадир тракторной бригады Прядивской МТС Царичанского района Николай Шумахер, доярка артели К. Либкнехта Александровского немецкого сельсовета Анна Аллерт, тракторист Молочанской МТС Юнг, бригадир колхоза им. Сталина Молочанского района Шмидт, тракторист колхоза «Дойче коллективист» Ротфронтского района Беккер и др. Бригада орденосца Зенгера колхоза им. Кирова Молочанского района в 1937 г. собрала с 10 га по 36 ц пшеницы [25] (при этом в 90-е гг. урожайность в 25 ц с гектара в Украине считается вполне высокой). Среди передовых колхозов упоминаются колхоз «Роте Фане» Синельниковского района, который возглавлял орденосец Кун, колхозы «Десятая годовщина Октября», им. Клары Цеткин, им. Карла Либкнехта Молочанского района, Нейфельд-Хортицкая, Тельмановская и Молочанская МТС и др. Среди кандидатов на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, которая открывалась 1 августа 1938 г., упоминаются молочная ферма им. Буденного Молочанского района, на которой от красно-немецкой породы коров добились в 1937 г. среднего удоя 3847 л молока, доярка Попова из колхоза им. Тельмана Ротфронтского района, добившаяся удоя по 5879 л от каждой фуражной коровы, Ротфронтский район, представивший на выставку 8 пород крупного рогатого скота [26]. Что касается причин хорошей работы, то едва ли не главной из них в документах называется правильная постановка политико-воспитательной и культурно-массовой работы. Так,

в одной из заметок в областной газете «Заря», посвященных хорошей работе колхоза «Роте Фане», говорится: «Высокого производственного подъема на полевых работах мы достигли вследствие развернутой политико-массовой работы. Колхозные агитаторы... в лагерях в степи изучают Конституцию УССР, читают газеты, проводят беседы о международном положении. В поле регулярно выходят стенные газеты, которые умело критикуют отстающих, передают опыт стахановцев» [27]. Хотя когда в 1998 г. мы проводили экспедицию по проекту «Малая Родина», то старожилы из соседних сел, говоря о хорошей работе колхоза «Роте Фане», упоминали о других причинах такой работы — это старательность и трудолюбие. При этом они рассказывали, что когда они только выходили утром на работу, то в «Роте Фане» она уже была в полном разгаре.

Но были и не только передовики. В числе отстающих нередко упоминаются Гнаденфельдская и Стульновская МТС Ротфронтовского района (хотя сообщения об их работе чередуются; в одном номере газеты они отстающие, в другом — уже в передовиках), в сообщении о низких темпах хлебосдачи в 1938 г. упоминаются колхозы им. Андре Марти, им. Макса Гельца, «Форвертс», «Гигант» Молочанского района. Причинами же такого положения дел называются либо пройки «врагов народа», либо слабая постановка все той же политико-воспитательной работы. Показательной в таком подходе является одна из заметок, опубликованная 17 июля 1938 г. в «Дисперовской правде». Приведем выдержки из этой заметки, которая называется «Вражеские отщепенцы орудуют в колхозе», написанной Д. Генераловым и К. Рюдигером.

«Председатель колхоза им. Литвинова Молочанского района Мурмель всячески преследует селькоров. Члены правления колхоза, выступая на собраниях, отзываются о редколлегии колхозной стенгазеты, как о «шайке, которая разлагает работу колхоза». Недавно правление колхоза постановило: «Дело о работе редколлегии передать следственным органам»...

За что такая немилость?

Стенная газета «За стахановское движение», не взирая на лица, резко критикует работников правления за нарушение устава сельхозартели. Она разоблачает врагов народа, разит лодырей и рвачей...

В течение 8 лет в нашем колхозе подвизался в должности завхоза, табельщика, кассира и секретаря правления сын крупного кулака Николай Фрей. Почти все родственники этого «активиста» разоблачены, как враги народа. Сам Фрей травил колхозный скот,

всячески запутывал учет и запись трудовой, вносил неразбериху в трудовые книжки.

Не раз правление колхоза получало сигналы о том, что Фрей вредит колхозному делу. Однако, благодаря заступничеству председателя колхоза — члена партии Мурмеля, комсорга Шлегеля — сына кулака, и других кулацких подпевал, он выходил сухим из многих грязных историй. На днях советская разведка, с помощью селькоров (иначе, авторов заметки. — В. К.), сорвала маску с этого отъявленного врага народа.

Правление колхоза в целом ряде случаев преступно нарушало устав сельхозартели. По предложению председателя колхоза Мурмеля всех вновь вступающих в колхоз подвергают шестимесячному испытанию (а что в этом плохого? Ведь именно так можно определить лентяев, которые колхозу не нужны. Одним из таких испытываемых и стал, кстати, один из авторов заметки Д. Генералов. — В. К.)... Выновь принятые колхозники в течение этого срока не являются равноправными членами колхоза. На собраниях они пользуются правом совещательного голоса. Продукты из кладовой им отпускаются по рыночным ценам. О жилищно-бытовых условиях этих колхозников правление не заботится...

Руководители колхоза зарекомендовали себя людьми бездеятельными, бесхозяйственными и не терпящими критики. В разгар уборочной кампании половина всех трудоспособных колхозников ничего не делает. Заместитель председателя колхоза т. Смыцкий объясняет это «отсутствием работы». Это абсурд. Имея все возможности провести уборку в сжатые сроки (ох уж эти сжатые сроки! — В. К.), руководители колхоза умышленно растягивают ее больше, чем на 20 дней (а может это попытка провести уборку по всем правилам агрокультуры? — В. К.).

В прошлом году в результате вредительской деятельности ныне разоблаченных врагов народа колхозный скот остался без кормов.

Казалось бы, в нынешнем году правление колхоза должно было энергично заняться ликвидацией последствий вредительства. Однако этого не случилось. При плане силосования — 90 тонн, не заложен еще ни один килограмм силоса (вот уж парадокс так парадокс — врагов народа всех убрали, а ситуация не изменилась. Может действительно прав сатирик М. Жванецкий, что «может в консерватории надо что-то менять». — В. К.)» [28]. И так далее, и в том же духе.

В целом немецкие районы среди других районов области имели средние по области показатели. Где-то они были лучше, чем в дру-

гих районах, где-то — хуже. Так, в 1937 г. на 4,2% земли, занятой в области пшеницей, ее валовый сбор в немецких районах составил 503 454 ц (12,1% от сбора по области), кукурузы — 154 795 ц (4,9%). Особенно среди них выделялся Молочанский район (274 321 ц пшеницы и 85 061 ц кукурузы) [29]. В лучшую сторону отличался этот район и по урожайности основных сельскохозяйственных культур в колхозном секторе, почти по всем показателям превышая средние показатели по области: все зерновые 12 ц/га (по области 10,6), в том числе рожь — 9,2 (8,8), озимая пшеница — 11,2 (10,5), ячмень — 12,6 (11,7), овес — 12,8 (11,3), кукуруза — 17,6 (13,8), хлопок — 5,0 (4,2), картофель — 58,3 ц/га (43,0). Уступал район только по урожайности яровой пшеницы — 4,9 (8,7), бобовых — 3,0 (4,4), подсолнуха — 8,4 (8,5) [30]. Это достигалось при средней механизированности этих районов. Хотя она в 30-е гг. и выросла. Впрочем, это относилось не только к этим районам, а к сельскому хозяйству всей страны. На 1 января 1938 г. в каждом из названных районов работало по 2 машинно-тракторные станции (Молочанская и Тельмановская в Молочанском районе, Стульновская и Гнаденфельдская в Ротфронтском и Розовская и Урицкая в Люксембургском районе). В хозяйствах насчитывалось 413 тракторов различных классов (3,7% тракторного парка области), 305 комбайнов (4,7%), 275 грузовых автомобилей (4,5%) [31].

Промышленность не имела такого развития. На территории районов распространение имели предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Это маслобойные заводы, завод сухого молока в Молочанске и, конечно, мельницы. Всего на 1 марта 1938 г. в немецких районах было 45 предприятий, которые в 1937 г. выпустили валовой продукции на сумму 20 872 тыс. руб. 2 предприятия «Союзмуки» (по области 18), 126 предприятий «Союзмукомолья» (2659), 120 колхозных мельниц (2545). Суточная производительность предприятий «Союзмуки» составляла 220 ц (6,4% от областной), «Союзмукомолья» — 516,1 ц (5,3%), колхозных мельниц — 324,1 ц (4,7%) [32].

В завершение хотелось бы привести еще одну выдержку из заметки, опубликованной в «Днепровской правде» в декабре 1938 г. в которой говорится о положении немцев в СССР в данный период (т. е. в конце 30-х гг.). Она носит название «Счастливая жизнь».

«Наш национальный колхоз им. Кирова по праву считается передовым в Молочанском районе. В нынешнем году колхозники получили на трудодень по 5 кг хлеба и 3 руб. 70 коп. деньгами.

Богато хозяйство нашего колхоза. У нас мельница, гончарный завод, молочная и свиноводческая фермы. Ежегодная прибыль составляет около 1 млн. рублей.

Колхозники живут в больших светлых домах. На месте, где раньше находилась церковь, выстроен просторный колхозный клуб... Мы живем культурно и зажиточно. И на все провокации... мы отвечаем:

— Немцы Советского Союза не знают, что такое плохая жизнь. Мы живем зажиточной, счастливой и радостной жизнью...» [33].

И так хотелось бы верить в это утверждение. Но мы прекрасно знаем, какой «зажиточной, счастливой и радостной» была жизнь советского крестьянства, независимо от национальности.

В январе 1939 г. из состава Днепропетровской области была выделена Запорожская область. Все названные районы перешли в ее состав. И уже в составе Запорожской области, в соответствии с постановлениями Политбюро ЦК КП(б)У «О реорганизации национальных районов и сельсоветов УССР в обычные районы и сельсоветы» от 16 февраля 1938 г. и «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов» от 7 апреля 1939 г., они были ликвидированы.

В результате проведенного исследования можно прийти к следующим выводам.

Немецкие национальные административно-территориальные единицы играли немаловажную роль в хозяйственной жизни области, прежде всего в сельском хозяйстве. Но эти районы в какой-то степени уже не отвечали названию «национальные». Были уничтожены руководящие национальные кадры, преобразованы национальные школы. Единственное, что оставалось, — это преобладание немецкого населения, но при этом постепенно увеличивалась численность русских, украинцев, представителей других национальностей в этих районах. И последнее. Советское государство 30-х гг. характеризуется как «тоталитарное государство». А общеизвестно, что тоталитаризм и демократия несовместимы, в том числе и демократия в национальном вопросе. Поэтому можно считать, что ликвидация немецких национальных административно-территориальных единиц, как и единиц других национальностей, выглядела если не обоснованной, то вполне объяснимой.

Примечания

1. См.: Євтух В.В., Чирко Б.В. Німці в Україні (1920-і – 1990-і роки). Київ, 1994. С. 8.
2. См.: Там же. С. 145–165; Національні меншини в Україні. 1920–1930-і роки: Іст.-картогр. атлас / Упоряд.: М.І. Панчук та ін. Київ, 1995. С. 65–80.
3. См.: Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. 19. Оп. 3. Д. 98. Л. 112.
4. См.: Там же. Л. 110.
5. См.: Там же.
6. См.: Там же. Л. 45.
7. См.: Євтух В.В., Чирко Б.В. Вказ. праця. С. 30.
8. См.: ГАДО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 148. Л. 1–27.
9. См.: Там же. Д. 182. Л. 40, 50, 159; Д. 184. Л. 2, 3, 71, 84, 90, 136.
10. См.: Там же. Д. 187. Л. 172.
11. См.: Там же. Д. 233. Л. 28.
12. См.: Там же.
13. См.: Там же.
14. См.: Ченцов В.В. Трагические судьбы : Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998. С. 151.
15. См.: ГАДО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 98. Л. 97, 115.
16. См.: Євтух В.В., Чирко Б.В. Вказ. праця. С. 47.
17. См.: Там же. Л. 53.
18. См.: ГАДО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 187. Л. 170.
19. См.: Там же. Д. 98. Л. 20–21.
20. См.: Там же. Л. 62, 65, 74.
21. См.: Там же. Л. 36.
22. См.: Там же. Л. 80.
23. См.: Там же. Л. 32.
24. См.: Там же. Л. 62.
25. См.: Днепровская правда : Орган Днепропетровского обкома, горкома КП(б)У и облисполкома. 1938. 17 марта.
26. См.: Там же. 1938. 9 мая.
27. Зоря. Орган Дніпропетровського обкому і міському КП(б)У та облвиконкому. 1938. 10 квітня.
28. Днепровская правда. 1938. 17 июля.
29. См.: ГАДО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 98. Л. 71.
30. См.: Там же. Л. 68.
31. См.: Там же. Л. 77.
32. См.: Там же. Л. 59.
33. Днепровская правда. 1938. 8 дек.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА УКРАИНЫ И ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1920–1928 гг.)

А.И. Безносков

В конфессиональном отношении немецкое население юга Украины в начале 20-х гг. XX века делилось на последователей протестантских и католического вероисповеданий. Католиков было около 23%, а протестантов – 77%. Самой крупной протестантской церковью была евангелическо-лютеранская. Она имела 240 тыс. прихожан. С 1924 г. лютеранские приходы региона входили в состав Запорожского, Одесского и отчасти Харьковского синодальных округов, которые, в свою очередь, находились в ведении Высшего церковного совета Евангелическо-лютеранской церкви в Москве [1]. Следующей по численности (около 70 тыс.) протестантской церковью были меннониты. Они, в свою очередь, были представлены общинами церковных и братских меннонитов. Небольшая группа выходцев из меннонитской среды исповедовала адвентизм. Хотя меннонитские общины были самостоятельными и независимыми друг от друга религиозными организациями, они имели свой координационный центр – Комиссию по религиозным делам меннонитов СССР. Ее штаб-квартира находилась в молочанской колонии Либенау [2]. Проживали на территории юга Украины и немецкие баптисты. В начале 20-х гг. они значительно увеличили свою численность, главным образом, за счет бывших лютеран. Особую группу составляли сепаратисты, имевшие свои общины в колониях Ней-Гюффунг и Остгейм. Существовали также несколько мелких сект евангелического толка, таких как «танцбродеры», «вечерние огни» и другие [3]. Католические общины юга Украины образовывали

Харьковский и Одесский округа Апостольской католической церкви СССР [4]. Численность католиков-немцев составляла приблизительно 90 тыс. человек.

Годы революции и Гражданской войны были периодом тяжелых испытаний для верующего немецкого населения. Районы компактного проживания немцев оказались в эпицентре боевых действий между различными военно-политическими группировками. Серьезный ущерб был нанесен культовым сооружениям в немецких поселениях на Молочной, в Ландауской волости и в некоторых других местах. Опасаясь репрессий со стороны отрядов Махно и Красной Армии, немецкие села покинуло большое количество священнослужителей [5]. Некоторые из них погибли. В мариупольских колониях, например, к концу войны не было ни одного католического и лютеранского священника. Церковные службы в храмах в некоторых местностях не велись месяцами, а в ряде поселений в этот период их не было вообще.

Наступивший наконец долгожданный мир не принес успокоения немцам. В разоренных войной и продразверсткой немецких селах начался голод. Религиозные организации всех конфессий включились в борьбу с этим бедствием. Во многих приходах священниками были созданы комитеты помощи голодающим, которые занимались сбором продуктов питания и распределением их среди наиболее нуждающихся. Поскольку внутренние ресурсы продовольствия скоро были исчерпаны, служители церкви организовали сбор необходимых средств за рубежом. Для этой цели, например, епископ Тираспольской католической епархии А. Кесслер вместе с патером Н. Майером выехали в США, где с помощью единоверцев организовали сбор и отправку через миссию АРА продуктов питания голодающим на сумму в 32 тыс. дол. [6]. Из Германии помощь оказывалась специально созданным там «Католическим обществом помощи немецким колонистам Черноморского района Советской России» [7]. Большой вклад в борьбу с голодом внесла лютеранская церковь. Так, Национальный лютеранский совет США по просьбе лютеранских пасторов Советской России оказал своим единоверцам в течение двух лет помощь на сумму 300 тыс. дол. [8]. Следует, однако, отметить, что большая часть этих средств была направлена в Поволжье. Но особенно значительной была помощь своим единоверцам меннонитской церкви [9]. Смертность в меннонитских колониях благодаря эффективной благотворительной деятельности церкви была по сравнению с католическими и лютеранскими поселениями

несравненно ниже. Несмотря на активное участие немецких церквей в борьбе с голодом, власти, под предлогом создания государственного фонда помощи голодающим, весной 1922 г. произвели в католических и лютеранских храмах конфискацию предметов культа, изготовленных из драгоценных металлов [10].

Законодательной основой для регламентации взаимоотношений церкви и Советского государства в 20-е гг. был декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 февраля 1918 г. В 1924 г. его основное содержание продублировано соответствующим законом СНК УССР. Согласно этому документу, каждому гражданину предоставлялась возможность исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Безусловно, эта декларация свободы совести с одобрением была воспринята большинством немецкого населения. Не вызвало сомнений и провозглашенное отделение церкви от государства. Ведь тем самым устранялось, по мнению верующих, вмешательство государства в дела церкви. Однако положение о лишении религиозных обществ права собственности и объявление всего их имущества общим народным достоянием серьезно нарушало интересы верующих. Материальные ценности церкви, созданные в результате труда многих поколений верующих, оказались фактически в собственности государства. Для того чтобы получить в пользование ранее принадлежавшие им культовые сооружения, общины вынуждены были подписывать специальное соглашение с местными органами. В соответствии с такими соглашениями верующие брали на себя обязательство беречь переданное им по описи имущество, не допускать в церкви собраний, речей и проповедей, враждебных советской власти или ее отдельным представителям [11]. В случае нарушения этих условий договор на пользование храмом расторгался. Однако власти не всегда давали разрешение на передачу церковных помещений верующим. В Николаевском округе, например, здание молитвенного дома баптистов, несмотря на их просьбы, в июне 1924 г. было отдано под рабочий клуб [12]. В некоторых местностях не были возвращены пастораты, то есть здания, специально построенные и предназначенные для жилья священников. Последние были вынуждены нанимать жилье в частных домах [13].

В соответствии с вышеуказанным законом школа была отделена от церкви. Была введена государственная система светского образования. Во всех учебных заведениях запрещалось преподавание религиозных учений. За гражданами сохранялось право обучать и

обучаться религии частным образом. Отделение школы от церкви было очень болезненно воспринято всеми верующими. Немецкая школа всегда была важнейшей ступенью религиозного воспитания. Именно здесь ребенок закреплял и развивал свои знания о религии предков, постепенно становясь в процессе дальнейшего обучения верующим человеком. Особенно острой данная проблема была у меннонитов, у которых школа и церковь находились не только в духовно-религиозном, но и материальном единстве. Они, как правило, располагались в одном и том же здании. Претворение властями закона в жизнь, естественно, приводило к выселению из него церковной общины. Такая же проблема возникла и у баптистов, а также в большом числе дочерних лютеранских и католических колоний. Следует, однако, отметить, что выселение церквей из школьных помещений произошло не везде и не сразу, а растянулось во времени вплоть до середины 1924 г., а в некоторых поселениях и до 1929 г.

Несмотря на провозглашение свободы совести, Советская власть изначально враждебно относилась к религии и церкви и вскоре возвела борьбу с ней, хотя и не официально, в ранг государственной политики. Религия была объявлена одним из главных препятствий на пути коммунистического переустройства общества. В немецком селе, в частности, по мнению властей, религия препятствовала классовому расслоению населения, искусственно сглаживала социальные противоречия между бедными и богатыми. Отмечая степень влияния церкви на немецкое население, советские немецкие работники писали следующее: «У немцев-колонистов, несмотря на их сравнительно высокий хозяйственный уровень, религиозные предрассудки более сильны и живучи, чем у большинства даже самых отсталых национальностей... И даже в среде колонистов больше всего предрассудков мы встречаем как раз у самой передовой в культурном отношении группы колонистов — голландских выходцев (меннонитов)». Это объяснялось, по мнению властей, более развитым, чем у других национальностей, хозяйственным индивидуализмом, мало продвинувшимся классовым расслоением, тесным переплетением религии с экономикой и т. п. [14]. Следует, однако, отметить, что в некоторых населенных пунктах советскими немецкими работниками было обнаружено и ослабление общей религиозности местных жителей. Так, один из них после поездки в октябре–ноябре 1925 г. по немецким колониям Карл-Марксовского и Лоцманно-Камянского районов Екатеринославского округа в своем отчете писал сле-

дующее: «Религиозный консерватизм [в этих селах] сменился безразличием, а отчасти совершенным безверием, особенно среди населения от 16 до 30 лет. Осталась фактически только привычка к религиозным обрядам и боязнь семейных и междусоседских раздоров на этой почве» [15]. Зафиксированы властями были и случаи напряженности между представителями различных конфессий. В частности, такая ситуация имела место в колонии Нью-Йорк Артемовского округа, где среди основной массы меннонитов проживало и 21 лютеранское семейство. Лютеране там были фактически изолированы от участия в общественной и экономической жизни села. Они не имели своего представителя в сельском совете. Их не принимали в местные меннонитские кооперативные организации. Меннониты иронически, очевидно за большую склонность лютеран к компромиссам с советскими властями, называли последних «русскими немцами», а в ответ слышали обидную кличку «голландские бандиты!» [16].

Для борьбы с религиозностью немецкого населения властями использовались два основных метода, а именно: мероприятия административно-принудительного характера и средства антирелигиозной пропаганды. Первый из них заключался в постоянном контроле за деятельностью общин и священнослужителями органами местной власти и ГПУ, создании искусственных препятствий (по возможности не выходя за рамки закона) при официальной регистрации общин, в пресечении попыток верующих организовать частным образом групповое обучение детей религии (воскресные школы и подготовка к конфирмации).

В 1923 г. был издан закон, по которому все религиозные общины обязаны были разработать устав и зарегистрировать его в соответствующих органах власти. Эта регистрация была связана с большими денежными расходами. Так, например, для лютеранской общины в Грунау, которой руководил пастор И. Фелль, оно стоило около 1 тыс. руб. Такая сумма по тем временам была весьма значительна. Однако, даже уплатив все необходимые сборы и пошлины, верующие не имели гарантии того, что устав общины зарегистрируют. Прибыв за регистрационными документами, представители общины могли услышать от советского чиновника, что, оказывается, их устав не годится и нужно разработать новый, по специально недавно подготовленному образцу устава для религиозных организаций. Все нужно было начинать заново, а тем временем появлялись все новые ограничительные инструкции и постановления [17].

Меннонитские общины Екатеринославской губернии, например, вынуждены были пересматривать свои уставы 5 раз [18]. Если в течение месяца община не успевала перерегистрировать свой устав, то ее руководитель подвергался за это нарушение денежному штрафу на сумму до 300 руб. золотом или аресту до 3 месяцев, или же принудительным работам на тот же срок [19]. Процесс перерегистрации уставов религиозных общин на юге Украины продолжался вплоть до весны 1925 г.

Важным элементом борьбы с религией было лишение священнослужителей избирательных прав, поскольку это значительно суживало возможности их активного участия в общественной и экономической жизни населения, а значит — создавало определенные препятствия для успешного осуществления своих пастырских обязанностей. Согласно советскому законодательству, права голоса лишались лишь служители культа, «занимающиеся проповедничеством в качестве основной профессии» и получавшие за это от своей общины плату [20]. Однако на практике нередко избирательного права лишались все лица, занимавшие какой-либо пост в религиозной общине. Так, в Хортицком районе Запорожского округа в 1927 г. права голоса были лишены 68 служителей культа. Хотя по закону это должно было быть сделано лишь в отношении 7 человек, которые являлись старшими проповедниками и частично финансировались прихожанами. Остальные же 61 человек осуществляли свои религиозные функции, возложенные на них общиной, без всякого денежного вознаграждения [21].

Особенное внимание власти уделяли борьбе с нелегальным групповым обучением детей основам вероучений. Для этого Наркоматом юстиции 10 октября 1921 г. была принята специальная инструкция, статья 30 которой запрещала обучать детей в группах религии в молитвенных зданиях или частных домах. Учить детей можно было только «путем индивидуального обучения на дому отцом своего ребенка». Виновные привлекались к судебной ответственности по статье 121 Уголовного кодекса [22]. В 1925 г. по ней, например, был осужден проповедник Ново-Софиевской братской меннонитской общины Генрих Петнер [23]. Но несмотря на такую опасность, нелегальное обучение детей продолжалось. В декабре 1925 г. в Запорожском округе властями были раскрыты 2 баптистские школы, в которых работали 3 учителя-проповедника [24]. В 1927 г. там же были выявлены еще 4 такие школы [25]. Так же жестко преследовалась групповая подготовка детей к конфирмации в католических и лютеранских приходах.

Препятствия, чинимые властями в религиозном вопросе, наряду с экономическими проблемами вызвали широкие эмиграционные настроения у значительной части немецкого населения юга Украины. Так, только в период с 1922 по 1924 год отсюда за границу выехали, не считая детей, 8 тыс. колонистов. Еще 20 тыс. готовились эмигрировать в ближайшем будущем [26]. Однако в силу целого ряда объективных обстоятельств покинуть страну смогли далеко не все из них. Оставшимся же пришлось вести напряженную борьбу за право свободно исповедовать религию своих предков.

Большую активность и целеустремленность в этой борьбе проявляли меннониты. 24 мая 1924 г. Комиссия по религиозным делам меннонитов СССР обратилась со специальным меморандумом в ЦИК СССР, в котором изложила свои основные требования. Меннониты, в частности, добивались разрешения на свободное проведение религиозных собраний в молитвенных и частных домах как для взрослых, так и для детей, настаивали на получении возможностей для организации среди молодежи различного рода мероприятий религиозного характера, преподавания Закона Божьего и основ вероучения. Они призывали власти признать школу «нейтральной территорией, где изучаются науки без пропаганды за и против религии», предоставить учителям право лично располагать своей частной жизнью, по их собственному усмотрению принимать или не принимать участие в жизни религиозных общин. Кроме того, меннониты просили дать разрешение на создание специального, с «воспитанием христианского характера», детдома для меннонитских детей-сирот. Они надеялись получить согласие властей на издание библий, различного рода религиозных руководств, пособий и периодики, на открытие библейских курсов по подготовке и совершенствованию духовных учителей. И, наконец, они призывали власти освободить меннонитов как от воинской повинности, так и от всеобщего военного обучения, заменить эту службу общественно полезными для государства работами, а присягу — простым обещанием верности службе [27]. Делегации меннонитов постоянно добивались удовлетворения своих вышеназванных требований в центральных учреждениях власти как в Харькове, так и в Москве. С просьбами оказать содействие в получении разрешения на преподавание Закона Божьего в школе меннониты Артемовского округа обращались даже к германскому консулу в Харькове [28]. И власти вынуждены были по ряду пунктов пойти на уступки. Так, 24 сентября 1925 г. ЦБ немсекций при ЦК КП(б)У издало постановление о

необходимости принятия мер, для того чтобы «меннониты могли практически использовать все преимущества, предусмотренные советским законодательством» [29]. Во второй половине 1925 г. властями было дано разрешение на издание немецких религиозных периодических изданий. В этот период, например, в количестве трех тысяч экземпляров в месяц начал выходить в свет меннонитский журнал «Unser Blatt», а немецкими баптистами четырехтысячным тиражом стала издаваться газета «Familien Freund» [30]. 29 мая 1926 г. ЦБ немсекций заявило, что считает возможным организацию библейских духовных семинарий высшего типа для немцев-баптистов в городах Киеве или Харькове, а для меннонитов — в Москве. Семинарии должны были иметь полный учебный год, а число слушателей не превышать 30–40 человек. В них могли поступать, однако, только граждане послепризывного возраста и женщины не моложе 20 лет [31].

Весьма острой, как уже отмечалось, для меннонитского населения юга Украины была проблема призыва молодежи в ряды Красной Армии. Это было обусловлено тем обстоятельством, что одним из главных постулатов веры меннонитов являлся догмат о «безоружности» или же отказ от ношения оружия и прохождения воинской службы. Хотя по закону СНК РСФСР, принятому в 1919 г., они подлежали освобождению от службы в армии, власти в начале 20-х гг. стали осуществлять призыв молодых меннонитов. Попытки руководителей общин доказать невозможность службы в вооруженных силах ссылками на свое вероучение успеха не имели. Власти долгое время мотивировали такую свою политику участием части меннонитов в вооруженной борьбе в годы Гражданской войны. И лишь в 1925 г. дали согласие на то, что освобождение от службы может быть возможным в случае, если меннонит в индивидуальном порядке докажет различными документами свою принадлежность к вышеназванной церкви. Служба в строевых частях для них была заменена нахождением в строительных подразделениях. При одном из стрелковых корпусов на Украине был сформирован внештатный рабочий батальон. Личный состав этой части работал на строительстве линии железной дороги. Осенью 1927 г. в нем служило 527 меннонитов, 111 представителей других евангелических церквей, а также члены различных православных сект [32]. Однако больших уступок от властей меннонитам добиться так и не удалось.

Определенных успехов в борьбе за свои права достигли также и лютеране. 25 сентября 1925 г. в Ленинграде, например, была откры-

та евангелическо-лютеранская духовная семинария, где готовили кадры священнослужителей в том числе и для украинских приходов [33]. С 1926 г. лютеранам, как и католикам, официально была разрешена подготовка молодежи к конфирмации. У католиков имелись определенные достижения и на местном уровне. Так, в 1925 г. католическому священнику Францу Яковлевичу Куну, настоятелю прихода Георгсбург в Запорожском округе, удалось получить разрешение на создание и деятельность двух религиозных кружков. Первый из них назывался «Дети святой Марии». Он объединял в своих рядах около 30 девушек в возрасте от 18 до 23 лет. Занятия кружка проходили после богослужений по пятницам, воскресеньям и праздничным дням. Членам кружка не рекомендовалось посещать общественные развлечения (танцы и пр.), общаться с парнями до замужества. В отличие от остальных девушек прихода, не входивших в этот кружок, они при посещении костела носили белые платья, синий пояс и специальный значок. При венчании эти девушки занимали почетное место перед алтарем Девы Марии. Второй кружок под названием «Сестры богомолки» объединял почти всех женщин-вдов прихода. Его занятия также проводились патером после окончания общих богослужений. Кружки «Детей святой Марии» в это же время появились и в католических колониях Мариупольского и Николаевского округов [34].

Пытаясь найти возможности для легального воспитания детей и молодежи, священнослужители использовали для этой цели различные советские культурно-просветительские организации. Особенно преуспели в этом деле меннониты. Они, в частности в Запорожском округе, рекомендовали своим единоверцам вступать в официально разрешенные властью кружки. Проповедники даже брали на себя обеспечение этих кружков необходимыми средствами, ставя, однако, условие, что их работой будет руководить кто-нибудь из меннонитов. Если это условие властями соблюдалось, в колониях возникали кружки пения, музыки, спорта и даже борьбы с пьянством, хулиганством и табакокурением, где наряду с легальной работой велось и тайное религиозное обучение [35].

Другим методом борьбы властей с религиозностью немцев, как уже отмечалось, являлась антирелигиозная пропаганда. В первую очередь функции осуществления ее возлагались на местные ячейки партии и комсомола. Однако численность немецких партийных и комсомольских организаций в исследуемый период была незначительна. Они имелись главным образом в городах и центрах не-

мецких национальных районов. Например, в Запорожском округе, где проживало в 1926 г. около 24 тыс. немцев, было только 42 члена и кандидата КП(б)У из числа лиц немецкой национальности. 25 из них жили в городе. Комсомольцев-немцев насчитывалось лишь 96 человек, которые, однако, также в большинстве своем являлись горожанами [36]. Власти пытались отправлять наспех подготовленных пропагандистов-антирелигиозников в места компактного проживания немецкого населения. Обычно такие поездки приурочивались к каким-нибудь религиозным праздникам. Основной формой ведения пропаганды первоначально являлись открытые диспуты со священниками на религиозные темы, проводившиеся, как правило, перед большой аудиторией. Но почти всегда в таких случаях победителями выходили служители культа. Это вынудило власти констатировать следующее: «Несмотря на то, что диспуты эти, судя по субъективным мнениям устроителей, всегда оканчиваются «полным» поражением попов, нам нужно весьма трезво признать, что при бедности нашей силами достаточной квалификации для такого рода состязаний, с одной стороны, опытности и подготовленности — с другой, нам до поры до времени следует отказаться от этого метода религиозной пропаганды» [37].

Со второй половины 20-х гг. Антирелигиозная пропаганда, однако, постепенно стала приобретать более организованный и планомерный характер. На проходившем в конце 1926 г. 5-м Всесоюзном совещании работников немецких секций была принята специальная резолюция «Об антирелигиозной пропаганде и отношении к сектантам». Ее авторы рекомендовали вести атеистическую работу по трем основным линиям, а именно: в учительской среде, среди молодежи и через периодическую и непериодическую печать. К каждой из религиозных организаций необходимо было применять свой специфический подход. Так, при работе среди меннонитов следовало делать упор на соответствующем освещении «революционного прошлого этой секты», вести агитацию «среди молодежи в пользу отказа от «беззащитности», разьясняя исторический смысл этой догмы, совершенно извращенной духовенством». Среди католиков и адвентистов необходимо было указывать «на эксплуатацию крестьян духовенством». Кроме того, нужно было делать акцент на критике «реакционной» структуры католической и лютеранской церквей. Данная резолюция осудила некоторые немецкие партийные организации, которые вели активную борьбу против небольших, отколовшихся от крупных конфессий сект. Авторы документа, на-

оборот, рекомендовали не препятствовать «распадению основных форм религиозных организаций на мелкие и мельчайшие секты», поскольку это, по их мнению, является «симптомом разложения старой церкви и старого уклада жизни» и даже доказательством проявления «неосознанной классовой борьбы». Поэтому на местах, например, следовало поощрять раскол, который возник в лютеранской церкви в результате появления так называемой «Свободной лютеранской церкви» [38].

В 1925 г. был создан Всеукраинский Союз Безбожников. Вскоре при нем оформилась немецкая секция. При Одесской советской партийной школе был создан немецкий семинар по подготовке организаторов и пропагандистов-антирелигиозников [39]. Однако к концу 1927 г. в регионе существовало лишь 5 ячеек Союза Безбожников. Два из них действовали при немецких педагогических техникумах, еще один — при Одесском ИНО, а два сельских — находились в Мариупольском округе [40]. С ноября 1926 г. начал выходить атеистический журнал на немецком языке «Neuland». Тираж его в 1927 г. составлял 500 экземпляров, а в 1928 — уже возрос до 1200 [41]. Были также подготовлены и изданы методические материалы, немецкий антирелигиозный учебник, открыты «Уголки Безбожника» при всех немецких газетах [42].

Важнейшую роль в антирелигиозной работе власти отводили учителям. Был выдвинут лозунг: «Каждый учитель должен быть активным антирелигиозником!» Учителям официально вменили в обязанность ведение атеистической работы среди школьников. Сотрудники отделов народного образования, инспектировавшие школы, придирчиво проверяли тетради учеников на предмет выявления рождественских стихов, записанных под диктовку учителя, запрещали разучивать их на переменах, рисовать рисунки по библейским мотивам и т. п. [43]. В случае открытого неповиновения учителей увольняли из школ. Поэтому большая часть из них, преимущественно в католических и лютеранских селах, вынуждены были заниматься проведением атеистической работы как непосредственно в школе, так и среди взрослого населения.

Иначе обстояло дело с меннонитами. В мае 1927 г. Запорожский окружной комитет КП(б)У в своем отчете констатировал: «... Учителя на призыв соввласти и партии помочь воспитанию в советском духе молодежи не отозвались, а наоборот, директивы религиозных общин проводятся [ими] на 100% в жизнь» [44]. За отказ вести атеистическую работу в Хортицком и Молочанском районах было уво-

лено с работы 10 учителей начальных школ и 3 заведующих семилетками. 8 учителей, с целью «отрыва от родных корней», перевели в католические и лютеранские села, а работавших там преподавателей направили в меннонитские поселения. Но, несмотря на эти меры, в том же Молочанском районе в конце 1927 г., по анкетным данным, верующих учителей было 72 чел., причем 34 из них являлись официальными членами религиозных общин [45].

Однако в некоторых местностях активная антирелигиозная кампания и жесткий административный нажим позволили властям добиться успеха. Так, к концу 1928 г. в Донбассе отказались от содержания и использования церковей жители лютеранских колоний Берестовая, Петерсталь и хутора Рудный, а также сепаратисты Бароновки. В этот же период передали под сельский совет и клуб свой молитвенный дом лютеране колонии Романовка Днепропетровского округа [46]. Но в целом же по региону в большинстве немецких сел, несмотря на определенные достижения властей, религия не утрачивала своих позиций. Как свидетельствуют документы, официальными членами религиозных общин на юге Украины к началу 1929 г. являлись не менее 90% всего взрослого населения.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Несмотря на провозглашенную свободу совести, Советская власть с начала 20-х гг. XX века повела борьбу с религией и церковными организациями немецкого населения. Эта борьба велась двумя основными методами: мероприятиями административно-принудительного характера и средствами антирелигиозной пропаганды. Жесткий административный контроль за деятельностью религиозных организаций и их руководителей, создание различного рода препятствий при регистрации уставов общин, неуклонное стремление властей претворить в жизнь основные положения Закона об отделении школы от церкви и другие существенно осложняли религиозную жизнь немецкого населения. Верующие вели активную и напряженную борьбу за отстаивание своих религиозных прав и свобод и в конечном итоге добились от властей целого ряда важных уступок. Антирелигиозная пропаганда, осуществлявшаяся органами Советской власти на всем протяжении исследуемого периода, не смогла существенно поколебать традиционные религиозные устои немецкого населения юга Украины.

Примечания

1. См.: Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Evangelische Teil. Stuttgart, 1978. S. 38.
2. См.: Ченцов В.В. Трагические судьбы: Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998. С. 56.
3. См.: Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. П-7. Оп. 1. Д. 795. Л. 27.
4. См.: Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Katholische Teil. Stuttgart, 1978. S. 91.
5. См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОВУ). Ф. 413. Оп. 1. Д. 168. Л. 160 об.
6. См.: Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Katholische Teil. Stuttgart, 1978. S. 313.
7. См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1064. Оп. 6. Д. 251. Л. 33.
8. См.: Там же. Л. 46.
9. См.: Осташева Н.В. На переломе эпох... Меннонитское сообщество Украины в 1914–1931 гг. М., 1998. С. 73–79.
10. См.: Плесская-Зембольд Э.Г. Одесские немцы, 1803–1920. Одесса, 1999. С. 198.
11. См.: Государственный архив Николаевской области (далее – ГАНО). Ф. Р-295. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
12. См.: Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 120. Л. 4.
13. См.: ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 130. Л. 130.
14. ГАДО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 519. Л. 15.
15. ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 201. Л. 19.
16. См.: Там же. Д. 91. Л. 33.
17. См.: Föll J. Bilder aus der Geschichte einer Kirche dem Kreuz // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. Stuttgart, 1958. S. 108.
18. См.: Государственный архив Запорожской области (далее – ГАЗО). Ф. 235. Оп. 1. Д. 33. Л. 25.
19. См.: Там же. Л. 76.
20. См.: Там же. Л. 58.
21. См.: Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 742. Л. 138.
22. См.: Там же. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 33. Л. 34.
23. См.: Ченцов В.В. Трагические судьбы... С. 20.
24. См.: ГАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 1.
25. См.: Там же. Д. 556. Л. 71.
26. См.: Ченцов В.В. Трагические судьбы... С. 20.
27. См.: ЦГАВОВУ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 69. Л. 64.
28. См.: ГАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 1.
29. См.: ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 228. Л. 6.
30. См.: Там же. Л. 18.
31. См.: ГАДО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 781. Л. 6.
32. См.: Безвірник. 1927. № 11. С. 48.
33. См.: Schnurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlanddeutschen. Evangelische Teil. Stuttgart, 1978. S. 40.
34. См.: ГАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 557. Л. 24.
35. См.: Там же. Д. 556. Л. 69.
36. См.: Там же. Л. 61.

37. ГАДО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 519. Л. 15.
38. См.: Там же. Л. 15-18.
39. См.: Там же. Д. 795. Л. 27.
40. ГАЗО. Ф. П-1. Оп. 1. Л. 877.
41. См.: Там же. Л. 182-184.
42. См.: Там же.
43. См.: Там же. Д. 400. Л. 16.
44. ЦГАВОУ. Ф. 413. Оп. 1. Д. 454. Л. 64.
45. См.: Там же.

ОСОБЕННОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ НЕМЕЦКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В УССР (1920-1930-е гг.)

Н.С. Рублева

До революции 1917 г. сохранению национальной самобытности, традиций, языка, культуры немцев, которые составляли четвертое по численности национальное меньшинство в Украине, способствовало сосредоточение любых организованных форм деятельности жителей немецких колоний вокруг Церкви.

Большинство немцев, населяющих в то время Украину, относилось к протестантским вероисповеданиям (43% — евангелисты, 21% — меннониты), но не менее трети их составляли приверженцы Римско-католической церкви (в России РКЦ отождествлялась прежде всего с поляками и принадлежность к этой конфессии довольно значительного количества немцев находилась как бы в тени вышеупомянутого стереотипного восприятия).

Так называемые волынские немцы традиционно принадлежали к протестантам. Большинство же немцев-латынников (около 200 тыс.) обитало на юге Украины, в Крыму и Донбассе. На эту территорию, а также Поволжье и Кавказ распространялась юрисдикция Тираспольской римско-католической епархии.

Священнослужители этой епархии, за редким исключением, были уроженцами немецких колоний (на остальных украинских землях 98% духовенства РКЦ составляли этнические поляки). Специально для подготовки пасторов немецких римско-католических приходов юга России и Украины в Саратове была создана духовная семинария. Здесь же располагались и органы управления епархией — епископская курия, капитула и консистория. Тираспольская епар-

хия РКЦ традиционно возглавлялась епископом немецкой национальности (до 1902 г. — Антонием Церром, а после его ухода на пенсию, с 1904 г. — Йозефом Алоизом Кесслером).

Революционные и военные потрясения, произошедшие на украинских землях в 1917–1921 гг., положили начало глубоким изменениям в социально-политической, духовной и религиозной жизни немцев Украины.

Духовенство Тираспольской римско-католической епархии утратило своего главу еще в 1919 г. — епископ Кесслер, спасаясь от большевиков, выехал в Германию. Его обязанности в украинской части епархии остался выполнять прелат Й. Крушинский. Часть патеров также эмигрировала в Германию, но большинство их, несмотря на политические обвинения, постоянно предъявляемые им советской администрацией, и общий жесткий антирелигиозный курс государства, все же осталось в своих приходах.

Некоторые из католических священнослужителей уже в начале 20-х гг. оказались на скамье подсудимых, так как советская власть не могла простить немецким колониям, духовными лидерами которых традиционно считались (и были ими) настоятели местных храмов, антикоммунистических настроений и поддержки, оказываемой ими антибольшевистским силам в годы Гражданской войны.

Так, 26 декабря 1921 г. Одесский губернский революционный трибунал вынес смертный приговор 25-летнему патеру Э. Мокельки — «за организацию восстания против советской власти» в немецком с. Елисаветовке Нечаянской волости в августе 1919 г. Вместе с ним осудили также целую группу местных колонистов. Учтя «давность содеянного преступления», а также «чистосердечное признание и раскаяние» молодого патера, ревтрибунал тут же смягчил приговор, заменив расстрел десятью годами лишения свободы. А через несколько месяцев ВУЦИК помиловал всех осужденных по делу Э. Мокельки, и уже в 1923 г. этот священнослужитель возглавил один из приходов юга Украины [1].

Этот пример показывает, что украинская Фемида советского образца в начале 20-х гг. была снисходительней, нежели ее российская коллега — в том же 1921 г. осужденного за аналогичное преступление перед властью патера Крафта из немецкой колонии Мариенталь (Поволжье) казнили вместе с большой группой его прихожан [2].

Смягчению жесткого антикатолического и антинемецкого курса коммунистического руководства способствовало подписание в 1922 г. советско-германских соглашений в Рапалло. Во всяком слу-

чае, реакция властей на сопротивление католического духовенства юга Украины и Крыма изъятию церковных ценностей в фонд «помощи голодающим Поволжья» оказалась не столь острой, как в других регионах СССР.

Патеры украинской части Тираспольской диоцезии с самого начала не питали иллюзий насчет истинных целей этой акции и приложили немало усилий, чтобы сохранить наиболее ценную церковную утварь. Тем более, что в конце марта 1922 г. они получили разосланное по всей России телеграфное указание архиепископа Я. Цепляка: «Требование неправомерно. Инвентарь не выдавать» [3]. Чтобы выполнить инструкции церковного руководства, римско-католическим священнослужителям приходилось прятать от властей описи имущества костелов, составленные до 1917 г.

Но на юге Украины — в Одесской, Николаевской, Екатеринославской, Донецкой губерниях — изъятие сакрального имущества происходило в обстановке жестокого голода, поразившего также и немецкие колонии. Парализованное голодом население, понесшее значительные людские потери, почти не оказывало сопротивления конфискационной акции советской власти.

С разрешения правительства в голодающих губерниях Украины действовали представительства нескольких иностранных благотворительных организаций — АРА, Германского Красного Креста, миссия Нансена и др. В Крыму с августа 1922 г. работали представители Католической миссии Папы Римского по оказанию помощи российскому народу, направленной по просьбе советской администрации.

Крымский филиал Папской миссии состоял из трех монахов немецкого происхождения. Кроме раздачи продовольствия и вещей, это представительство, как того просили советские дипломаты, должно было организовать в Крыму детский санаторий. Ватикан рассчитывал, что опека над санаторием позволит папским представителям закрепиться на территории Советской России и после ликвидации голода. Однако надежды эти не оправдались, поскольку миссия постоянно сталкивалась с раздвоенностью линии поведения советской стороны, когда дипломаты многообещающе заманивали, а местные функционеры, напротив, встречали иностранцев с недоверием и откровенно недоброжелательно. В конце концов проект был сорван из-за нежелания советской администрации, как только голод был укрошен, продолжать сотрудничество с Ватиканом.

Хотя деятельность папской миссии на юге Украины была кратковременной (лето 1922 г. — осень 1923 г.), для местного католичес-

кого духовенства это имело длительные последствия. На немецких патеров, взявших на себя распределение помощи между своими прихожанами, пало подозрение в нелояльности к советской власти, шпионаже, связях с Ватиканом и Германией и т. д. Но эти обвинения не повлекли за собой немедленных жестких санкций, а в большинстве случаев оказались «миной замедленного действия», которая взорвалась только десятилетие спустя — после января 1933 г., когда советским немцам пришлось отвечать... за приход в Германии к власти фашистов.

В течение 20-х гг. и до 1933 г. любые действия советской власти, касающиеся жителей немецких колоний, совершались с оглядкой на реакцию Берлина. В свою очередь, дипломаты веймарской Германии внимательно следили за жизнью этнических немцев в СССР и использовали любую возможность для демонстрации своей готовности к защите их интересов.

Примером этому может послужить демарш Генерального консульства Германии в Харькове от 18 сентября 1923 г. по поводу юридической допустимости частного, т. е. домашнего, религиозного обучения и воспитания детей и молодежи немецкой национальности. В то время, когда советская власть вплотную занялась вытеснением религии из сферы образования, германское консульство настаивало на создании исключительных, привилегированных условий для лиц немецкого происхождения. В этот раз вмешательство иностранных дипломатов не возымело действия, и в немецких колониях, как и везде в СССР, остался в силе запрет на религиозное обучение и воспитание подрастающего поколения [4].

Выход из этого положения патеры юга Украины искали, организуя с помощью германских дипломатов обучение детей колонистов за границей. В частности, в 1925 г. консул в Одессе Динстман добился разрешения советского правительства на направление группы из пяти немецких детей для учебы в Германию [5].

В начале 20-х гг. борьба на «антирелигиозном фронте» концентрировалась против православной церкви, которая небезосновательно считалась главным идеологическим противником «нового» общественного строя, а РКЦ, таким образом, временно оказалась на обочине политических антипатий правящей коммунистической партии. Тогдашняя сравнительная слабость советского и партийного аппарата, особенно на местах, недостаток средств, учитывая обстоятельства послевоенной разрухи, последствия «военно-коммунистического штурма» и голода 1921–1923 гг., наличие многочисленных очагов

повстанческого движения — главные причины, которые мешали воплощению последовательного курса власти на полное устранение РКЦ из всех сфер общественной жизни.

Тем не менее, большевистский режим стремился использовать даже малейшую возможность для воздействия на РКЦ в нужном ему направлении.

Глубокое и всестороннее зондирование религиозной ситуации в Украине, произведенное в 1922–1923 гг. различными функциональными частями госаппарата (от спецслужб до профсоюзов), подтвердило, что, несмотря на глобальные общественные трансформации и разрушение церковной инфраструктуры, в массовом сознании произошли лишь незначительные секуляризационные подвижки. В первую очередь это касалось немцев-католиков. Из местностей компактного проживания немцев в «центр» поступали «сигналы» о нерушимости позиций РКЦ.

Именно на середину 20-х гг. приходится усиление внимания государства к немецким колониям юга Украины. Многочисленные инспектора, которые регулярно наезжали в эти поселения, не обходили вопросов религиозной жизни. Определялась вероисповедная принадлежность их жителей, тщательно высчитывалось количество прихожан. Непременно зондировалась степень их религиозности, приверженности к Церкви, авторитетность духовенства и т. п.

К примеру, в Люксембургском районе Мариупольского округа, где в 1925 г. свыше 80% населения составляли немцы-колонисты (23 700 чел.), имелось 13 действующих храмов, в том числе 5 римско-католических [6]. Столичные ревизоры отмечали, что в католических колониях дети и молодежь объединены в религиозных кружках, где проводятся лекции на библейскую тематику. В годы империалистической и гражданской войны в районе практически не было ксендзов, «тогда как теперь они имеются почти во всех костелах» [7]. В Республиканском районе этого же округа действовали 6 католических церквей и 2 лютеранские, Старо-Каранском районе — 2 лютеранские и 3 католические церкви.

В Бахмутском (Артемовском) округе Донецкой губернии проверяющие зафиксировали в 1924 г. 20 меннонитских, 6 лютеранских и 11 католических немецких колоний. Особое раздражение властей вызывало то обстоятельство, что на фоне всеобщей религиозности и активного функционирования католических храмов и духовенства в 128 немецких колониях Донбасса действовали лишь 3 (!) ячейки КСМУ [8].

Примерно такая же картина наблюдалась и в других южных губерниях Украины. Так, на 1 сентября 1925 г. в Ландауском районе Николаевского округа было зарегистрировано 20 религиозных общин. Центральная комиссия по делам национальных меньшинств при ВУЦИК отмечала, что «основным ядром церкви по Ландаускому району является 9 католических религиозных общин, отличающихся своей стойкостью, спаянностью, влиянием на молодежь и фанатизмом членов их» [9]. Тогда же из Криворожья сообщали, что в 49 колониях (13 683 чел. немецкого населения) совсем нет коммунистов, зато религиозное движение сильное. Антирелигиозная работа не ведется — «нет работников, а учительство тоже воздерживается» [10].

Обеспокоенность нерушимым влиянием и авторитетом РКЦ присутствовала и в донесениях из Екатеринославского округа. В частности, характеризуя колонию Мариенфельд, инспектор окрисполкома указывал, что все население (326 чел.) принадлежит к римско-католическому вероисповеданию. Хотя священник приезжал туда всего лишь трижды в год, религиозные праздники отмечались с большим воодушевлением, а дети обязательно проходили конфирмацию [11].

Присутствие иностранных дипломатических представительств, несмотря на общую непреклонность советской администрации в вопросах религии и церкви, положительно сказывалось на жизни католических общин. Показательным в этом отношении является пример г. Одессы, где римско-католики в первой половине 20-х гг. находились в более благоприятных условиях по сравнению с другими местностями Украины. Кроме двух католических приходо-в во главе с настоятелями-немцами (отцы Пфлуг и Шенфельд), здесь до 1924 г. легально действовала переехавшая из Саратова духовная семинария, тогда как деятельность других римско-католических учебных заведений в СССР давно уже находилась под запретом [12].

Однако вскоре, в 1925 г., власть начала «выравнивать» положение «привилегированных» одесских католиков с их единоверцами из других местностей Украины. Был арестован один из ксендзов и многие его прихожане. После этого удара, направленного прежде всего против поляков, ГПУ обратило внимание и на иной, тоже нежелательный для власти крен в деятельности местных католических обществ: «За последнее время в Одесском округе заметно начало усиливаться немецкое влияние над костелами, благодаря проявляемой интенсивности епископа Церра (стиль документа! — Н. Р.). Надо полагать, что тут имеет место закулисное руководство германского консульства» [13].

Внимание Германии к своим соплеменникам в СССР создавало для них некоторый иммунитет, который, впрочем, срабатывал не всегда, как это случилось с патером А. Штаубом из деревни Розенталь вблизи Симферополя. В январе 1926 г. он был арестован, а 20 августа осужден Особым совещанием Коллегии ОГПУ к трем годам ссылки на Урал «как явный враг советской власти, контрреволюционер, сознательно подрывающий и тормозящий советское строительство среди отсталых и забытых религиозными предрассудками крестьянских масс, держа их в ежовых рукавицах религиозного дурмана» [14].

Учитывая «особые» отношения с Германией, советская администрация длительное время воздерживалась от закрытия церквей в немецких колониях. Массовое закрытие немецких католических кирх с разрешения ВУЦИК началось примерно с 1931 г., тогда как пик закрытия православных храмов пришелся на 1929 г.

Резкое ухудшение дипломатических отношений СССР с Германией после прихода к власти А. Гитлера в 1933 г. окончательно устранило все препятствия в эскалации антирелигиозной политики сталинского режима, реализуемой в немецких колониях юга Украины. Если в 1932 г. в немецких национальных Карл-Либкнехтовском и Зельцком районах Одесской области действовало около 20 храмов, то уже в 1935 г. их число сократилось в 10 раз [15].

Хотя и в 20-е гг. советское руководство не отказывалось от применения репрессий по отношению к римско-католическим священнослужителям немецких колоний, массовый характер эти гонения приобрели именно в 30-х гг.

Так, например, 18–20 сентября 1930 г. в с. Люксембург Мариупольского округа состоялся суд над патером Э. Мокельки. Согласно приговору, он получил 3 года ссылки в Сибирь. Организаторы суда над настоятелем костела в с. Гринталь Старо-Каранского района поставили перед собой цель устроить громкий «показательный» процесс со значительным антикатолическим эффектом. Однако, совершенно неожиданно для обвинения, свидетели во время заседания отказались от своих предварительных показаний, данных на допросах в кабинетах ГПУ, а присутствовавшая в зале публика не скрывала своего сочувствия к подсудимому. Намерение вызвать антикатолические настроения в среде консервативно настроенных немецких колонистов на сей раз с треском провалилось. Это, тем не менее, не помешало вынести священнику довольно суровый приговор [16].

Очередной всплеск репрессий против римско-католического духовенства пришелся на 1933–1935 гг. Раздражению власть предержащих

не было предела, как только из фашистской Германии начала поступать существенная, в том числе и продовольственная, помощь этническим немцам голодающей Украины. Главными виновными в глазах правящего режима вновь оказались католические священнослужители.

Так, в апреле 1935 г. состоялся групповой процесс над прелатом Й. Крушинским, патерами Р. Лораном, А. Гофманом и Таубергером. Все обвиняемые осуждены к десяти годам ссылки и лагерей [17].

15 октября 1935 г. был арестован епископ А. Фризон — апостольский администратор южной части Тираспольской епархии РКЦ — и более 40 немцев-католиков Крыма [18].

21 февраля 1936 г. состоялся групповой процесс над шестью патерами г. Одессы и области (Й. Нейгум, Ц. Райхерт, Й. Бах, В. Клеппер, Й. Нольд, П. Айзенкрайн). Приговор — от трех до десяти лет ссылки и лагерей [19].

17 марта 1936 г. был вынесен смертный приговор епископу А. Фризону.

14 мая 1936 г. решением Особого совещания НКВД и Прокурора СССР настоятель Александровского костела г. Киева А. Шенфельд отправлен в Карлаг сроком на пять лет. Этот патер был осужден вместе с восемью ксендзами — поляками и украинцами — по групповому делу «Контрреволюционной фашистской организации римско-католического и униатского духовенства на Правобережной Украине». Следствие по «делу» лично контролировали прокуроры УССР (А. Киселев) и СССР (А. Вышинский) [20].

В течение 1930–1936 гг. в тюрьмах и лагерях оказались почти все патеры немецких колоний юга Украины и Крыма: Я. Варт, Я. Вольф, А. Граф, Й. Юнкинд, Я. Шенфельд и др.

Характерной чертой всех процессов 30-х гг. над патерами украинской части Тираспольской диоцезии было то, что массовым гонениям подвергались не только священнослужители, но и паства католической церкви. В 1930-е годы национальный признак превратился в обстоятельство, усложняющее жизнь его носителей, и послужил катализатором ликвидационных мероприятий в отношении РКЦ. 20 июня 1937 г. был казнен (после более чем годичной отсрочки исполнения приговора) епископ А. Фризон — последний римско-католический иерарх на территории СССР. Тем самым власть преодолела Рубикон, приступив к физическому уничтожению духовенства немецкой национальности.

С конца 30-х гг. путем закрытия храмов, арестов и физической ликвидации священнослужителей и церковных активистов были

полностью устранены все видимые проявления религиозной жизни католиков немецких колоний юга Украины, Крыма и Донбасса.

Примечания

1. См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее — ЦГАВО Украины). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1056. Л. 55–55 об.
2. См.: Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня...»: Гонения на Католическую Церковь в СССР: По материалам следственных и лагерных дел. М., 1996. С. 176.
3. Stehle H. Tajna dyplomacja Watykanu: Papiestwo wobec Komunizmu (1917–1991) / Przekł. z niem. Warszawa, 1993. S. 34.
4. См.: ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 3. Д. 45. Л. 67–68.
5. См.: Архивное подразделение Управления Службы безопасности Украины по Одесской обл. Д. 24719-ФП.
6. См.: ЦГАВО Украины. Ф. 413. Оп. 1. Д. 258. Л. 33.
7. Там же. Д. 168. Л. 161.
8. См.: Там же. Д. 17. Л. 205–209.
9. Там же. Д. 11. Л. 73.
10. Там же. Д. 58. Л. 38–48, 107.
11. См.: Там же. Д. 201. Л. 76.
12. См.: Polacy na Ukrainie: Zbiór dokumentów / Pod red. S. Stepnia. Przemysł, 1998. Cz. 1: Lata 1917–1939. T. I. S. 89.
13. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее — ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 16. Д. 2. Л. 132.
14. Архивное подразделение УСБУ по АРК. Д. 018441. Т. 2. Л. 448–460.
15. См.: Безвірник. 1935. № 8. С. 37.
16. См.: ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 7519. Л. 1–2.
17. См.: Там же. Д. 6777. Л. 49.
18. См.: Архивное подразделение УСБУ по АРК. Д. 018441. Т. 1.
19. См.: Архивное подразделение УСБУ по Одесской обл. Д. 24719-ФП.
20. См.: ЦГАОО Украины. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66457. Т. 1–30.

ОДЕССКИЙ НЕМЕЦКИЙ РАБОЧЕ-КОЛХОЗНЫЙ ТЕАТР: ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ

В.В. Солодова

Появление немецкого рабоче-колхозного театра в Одессе в 1934 г., равно как и польского, еврейского, болгарского, в новых исторических условиях стало важным фактором культурного возрождения национальных меньшинств юга Украины, катализатором процессов их этнической консолидации. Вместе с тем, органы советской власти, создававшие такие театры, использовали их для расширения своего влияния среди населения национальных меньшинств, формирования его политического самосознания в соответствии с задачами социалистического строительства.

Новая власть, с учетом интересов национальных меньшинств, пыталась проводить и национальную политику. Ставилась задача сохранения и развития национального языка и культуры [1]. Была начата работа по созданию национальных районов и сельсоветов, как зачаточных форм культурно-национально-административной самостоятельности в рамках Украинской республики.

В 1923 г., по данным Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, 64% всего трудоспособного населения Украины в возрасте от 18 до 35 лет было безграмотным [2]. К этому времени относится и появление Декрета Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров УССР «О мерах по обеспечению равноправия языков и содействию развития украинского языка», который требовал, чтобы начавшаяся украинизация не ущемляла права национальных меньшинств [3].

Издававшиеся декреты касались и Одесщины, где в 1920-х гг. находились представители 62 национальностей. Среди них были и немцы, заселившие край еще при Ришелье в 1803 г. Они проживали довольно компактно — в 248 селах Одесской губернии [4].

Но на фоне ужасающей безграмотности других национальных меньшинств и коренного украинского населения немцы-колонисты отличались высоким уровнем образованности, что подтверждают исследования А. Данильченко [5].

25 декабря 1925 г. Одесским окрисполкомом обсуждались «особенности политпросветработы среди немецкого населения Одесского округа» [6], которые, несмотря на разнообразие форм, не давали желаемых для власти результатов. Инструкторы Инспектуры по работе на селе связывали это с недостаточным количеством политпросветучреждений, отсутствием квалифицированных кадров, а также с немецким консерватизмом и скептицизмом по отношению ко всему, «что говорит другой, не немец-колонист» [7]. Приводились доводы о том, что новое для немца тогда только приемлемо; когда он убеждается в его реальной для себя пользе. Например, он (немец) будет слушать лекции агронома, потому что тот специалист и приобрел авторитет практическими достижениями [8].

И тогда решили, что:

- политпросветучреждениями должны заведовать работники из среды, которую они непосредственно обслуживают [9].
- местные учителя должны быть вовлечены в работу среди населения колоний.
- литература на немецком языке — художественная и политическая — должна быть в достаточном количестве.
- киноустановки должны появиться во всех крупных селах.
- театральные декорации, хотя бы «примитивные», должны приобретаться.

Рекомендация насчет приобретения декораций связана еще и с тем, что именно на 1925 г. приходится всплеск сельских драмкружков в Украине. Еженедельник «Театральная неделя» отмечал рост, особенно в провинции, «Театральных организаций» [11]. Драмкружки имелись почти во всех селах Одесщины. Тяга к ним крестьянства была очень велика, но часто ввиду полного отсутствия средств, «поиска помещений или скамеек для сцены и зрителей» их приходилось закрывать [12].

Театральные кружки существовали не только в селах, но и в самой Одессе. Так, еще в 1923 г. были организованы театральные кол-

лективы для обслуживания рабочих районов: при клубе им. Старостина, при клубе им. Петровского, при заводе бывшего Гена, при клубе им. Коминтерна и джутовой фабрике [13].

Через клубную сеть, а в Одессе на 1924 г. насчитывался 81 клуб [14], городские и окружные власти проводили линию коммунистической партии на объединение всех наций и народностей в деле построения социалистического государства. Существовал Латышский клуб, Польский дом, Литовский клуб, немецкий «Культурферайн» и др.

В январе 1925 г. они все вошли в состав Интернационального клуба, которому вскоре присвоили имя К. Маркса. Клуб разместился на улице Красной гвардии, 4 и являлся общегородским объединением трудящихся национальных меньшинств, их идейным и культурно-товарищеским центром. Цель и задачи Интерклуба сводились к следующему:

- повысить культурно-политический уровень трудящихся национальных меньшинств;
- предоставить им и их семьям возможности по самообразованию на родных языках;
- предоставить максимум разумного времяпрепровождения;
- внедрить основы советской культуры, общечеловеческой и быта;
- проводить интернациональное воспитание и межнациональное общение и широко популяризировать работу клуба среди национальных меньшинств Одессы, с целью постепенного охвата широких масс... [15].

Все это осуществлялось через разнообразные формы клубной деятельности (массовой, художественной, кружковой).

Членами Интерклуба на 1 октября 1927 г. были 2163 чел. тринадцати национальностей, объединенные в 10 национальных секций, с преобладанием немцев — 413, поляков — 411, болгар — 291 чел. По социальному положению выделялись рабочие, служащие и иждивенцы.

Клубная работа проводилась согласно квартальному и годовому планам. Координатором всех мероприятий выступало правление, членами которого были представители каждой национальной секции.

Члены немецкой секции слушали доклады не только политического характера, посвященные Дню Парижской коммуны, 10-й годовщине восстания спартаковцев в Берлине (1919) или решениям ноябрьского Пленума партии и XIII Одесской партконференции, но и музыке Вагнера, памяти Бетховена.

Были вечера, которые готовили все члены клуба, например, посвященный 1 Мая. Новый год тоже был многонациональным праздником. Сохранилось описание концертной программы Интерклуба на новый, 1925 год: «...Ровно в 12 часов смешанный хор поет “Интернационал”... После молдавской пьесы “Чудо” — дивертисмент, потом татарские танцы, японский танец, цыганский танец, три немецких революционных декламации... немецкий танец “Стеервальс” и т. д. [16].

Большое внимание в клубе уделялось кружковой работе. В немецкой секции были кружки: антирелигиозный, текущей политики, хоровой, музыкальный, драматический [17].

Но местным органам власти деятельность немецкой секции в Интерклубе казалась все равно неудовлетворительной. Это подтвердил смотр политико-просветительской работы среди национальных меньшинств в апреле 1931 г. [18]. После него Комиссии по делам национальных меньшинств при горсовете порекомендовали усилить свою работу при обязательном руководстве городской партийной организации. Было также предложено создать в Одессе «дом советской немецкой культуры». Самые радикальные меры предлагались по отношению к руководству немецкой секции, которое надо было обновить, сделать работоспособным и непременно партийным [19].

Повлияло ли новое руководство немецкой секции клуба, тесно ли стало в рамках драматического кружка для творческих личностей, но к осени 1933 г. газета «Чорноморська комуна» сообщала своим читателям, что «Одесса обогатилась на новую театральную единицу — немецкую театральную студию» [20].

Коллектив студийцев поддерживал тесные отношения с теми районами, в которых находились драматические кружки, в частности, с Зельцким, Спартакoвским, Карл-Либкнехтовским [21], наиболее крупными районами проживания немцев.

Появление студии было определенным этапом на пути создания немецкого театра. По жанру он предполагался «драмой малых форм», по характеру работы — передвижным, по радиусу обслуживания — районы национальных меньшинств [22].

В Одесском областном государственном архиве сохранились протоколы совещаний Одесского театрального треста за март 1932 г. Из них следует, что вначале решили такой театр создать со второй половины 1932 г., сразу «после уборочной кампании» [23], и на эти цели было выделено 10 тыс. карбованцев. В августе того же года сумма на организацию театра выросла до 50 тыс. [24].

Среди немецкого населения вопрос о будущем театре сразу вызвал большой интерес. Возглавил организационную работу по его созданию И.В. Шмидт. Организаторам было выделено помещение в Доме прессы, на улице К. Либкнехта, 48 [25]. Весной 1934 г. театр заявил о своем существовании [26]. Сразу же перед ним были поставлены грандиозные задачи: стать «культурным костром, борцом за пролетарское искусство, проводником ленинской национальной политики, средством в борьбе за большевистские темпы социалистического строительства» [27].

Театр за время своего существования имел несколько названий: Государственный немецкий театр, Всеукраинский государственный немецкий кохозный театр, Ukrainisches Staatliches deutsches Kollektivtheater, Немецкий рабоче-колхозный театр, Німецький робітничо-колгоспний театр.

Театр, рожденный на основе студии, находился вначале по адресу студии, т. е. при Интерклубе им. К. Маркса на улице Красной гвардии, 4. Но стоило труппе выехать на гастроли в немецкие районы области, а это произошло в мае 1934 г., как помещение у театра отобрали. Адрес театра менялся несколько раз: в том же 1934 г. — это улица Жуковского, 38 [28], а в 1935 г. — Воронцовский переулок, 10 [29], и, наконец, с 1936 г. по 1939 г. — улица Пастера, 62 [30], в здании бывшей евангелическо-католической церкви.

У самых истоков театра стояли И.В. Шмидт и Леопольд Поппер, которого в 1933 г., как известного режиссера в Германии, специально пригласили из Берлина [31]. В 1934 г. директором театра стал Артур Готлибович Гёфт (A. Höft).

Удалось установить имена и других художественных руководителей, а также актеров немецкого рабоче-колхозного театра. В Одесском историко-краеведческом музее хранится театральная афиша спектакля «Великая сила» [32], который был поставлен режиссером Л. Абелиовым. Афиша на немецком языке была отпечатана в типографии Спартакоского района тиражом 300 экземпляров. На ней указаны имена актеров, принимавших участие в спектакле. Это А. Фризон (Frison), В. Штейнгауэр (Steinhauer), В. Адлер (Adler), Л. Шайэр (Schauer), К. Арнольд (Arnold), Ф. Хайлеман (Heilemann), К. Яворский (Jaworskij), Ф. Рест (Rest), Г. Отт (Ott), Р. Паус (Pauss), Й. Пфлюгер (J. Pfluger), Х. Протцель (Protzel), Л. Рудольф (Rudolf), Й. Шалер (J. Schaler) и другие.

Постановку спектакля можно датировать 1934 г., так как именно в этом году Л. Абелиов был художественным руководителем немецкого театра [33].

В 1935 г. театр неоднократно выезжал в колхозы области, где ставил пьесы-комедии — «Шестеро любимых» А.Н. Арбузова (режиссер Домериус) и «Мнимый больной» Ж.-Б. Мольера (режиссер Фогараша) [34].

В конце 1936 г. или в начале 1937 г. театр объединился с Днепропетровским национальным немецким театром. Это очень пошатнуло материальное положение Одесского театра, так как никаких финансовых дотаций в связи с объединением не последовало. Кроме того, немецкий рабоче-колхозный театр стал обслуживать две области: Одесскую и Днепропетровскую [35].

В творческом плане 1937 г. — самый благоприятный для Одесского немецкого рабоче-колхозного театра. Это связано с приходом в театр нового режиссера — Ильзы Беренд-Гроа. Она смогла создать хороший профессиональный коллектив. Молодые актеры, в возрасте от 17 до 27 лет, не только выступали на театральных подмостках, но еще успевали работать и учиться. Они же были и музыкантами, прекрасно владели струнными инструментами и пели в хоре. Поэтому немецкий театр ставил не только спектакли, но и давал концерты, в которых исполнялись произведения В. Моцарта, Л. Бетховена, Ф. Шуберта, Й. Гайдна, С. Гулак-Артемовского и др.

Режиссерскую работу И. Беренд-Гроа критики отмечали как мастерскую после просмотра трагедии «Отелло» В. Шекспира, где «каждый актер под ее руководством вынашивал, создавал каждый образ из пьесы» [36]. Не прошла незамеченной игра актеров Фризона (Отелло) и Кекк (Дездемона). Жители сел, увидев спектакль, шли в соседнее село, чтобы еще раз посмотреть его [37].

Эта постановка принесла Одесскому немецкому театру второе место на Первом областном смотре работы колхозных театров [38]. Заслуженная победа дала театру право на участие в Первой республиканской олимпиаде рабоче-крестьянских театров в июне 1937 г. в Киеве. Одесский немецкий рабоче-колхозный театр за показ «Отелло» был удостоен третьей премии — 4000 карбованцев. В том же году И. Беренд-Гроа осуществила постановку «Эмилии Галотти» Г. Лессинга [39].

В первых числах июня 1938 г. в Интерклубе состоялась премьера пьесы «Честь» Г. Мдивани. Обращение немецкого театра к советской драматургии вполне объяснимо.

На всех совещаниях, конференциях, связанных с деятельностью рабоче-колхозных театров в 1930-х гг., ставилось одно условие — ведущее место в репертуаре должны занимать произведения советских драматургов. Поэтому и была выбрана пьеса «Честь» о бдитель-

ности советских людей в грузинском пограничном селении, о нарушителях границы, о друге, оказавшемся предателем и вражеским пособником, о справедливом возмездии. Известны имена актеров, исполнявших главные роли в спектакле. Так, начальника погранзащиты Амираана играл Гетерле, главу одного семейства Ягора — А. Фризон (Frison), его сына Надира — В. Штейнгауэр (Steinhauer), главу другого семейства Сардиона — В. Адлер (Adler) и его дочь Нателлу — Л. Шауэр (Schauer) [40]. Были и другие действующие лица — колхозники, младший командир, пограничники, мальчишки, но их имена остались неизвестны.

Как художественный руководитель театра, И. Беренд-Гроа готовила и отвечала за все концерты и спектакли, в том числе и за постановки ораторий. В 1938 г., начиная с 1 июня, все колхозные театры должны были поставить на своих сценах эти специально созданные для хора, солистов-певцов и оркестра музыкальные произведения, основанные на драматическом сюжете. В данном случае «сюжет» был приурочен к выборам в Верховный Совет УССР. Оратории «смонтировали из стихов и песен советских композиторов» [41].

В 1930-х гг. немецкий театр был не только в Одессе, но и в Днепрпетровске и Энгельсе. При сравнении репертуаров этих театров оказалось, что они были в чем-то одинаковы. Особенно это касалось комедий, таких как «Шестеро любимых» А. Арбузова, «Двенадцатая ночь» В. Шекспира и «Мнимый больной» Ж.-Б. Мольера [42].

В июне 1939 г. в течение десяти дней в Одессе проходила очередная областная олимпиада колхозных театров. Итоги ее, к сожалению, неизвестны, кроме названия пьес, с которыми выступали участники. Немецкий колхозный театр должен был выступать с пьесой Г. Вангенгейма «Захватчики» [43].

После областных олимпиад, проходивших по всей республике, в Киеве начинался Смотр украинских колхозных театров. В этот раз победителем от Одесской области был признан Второй Одесский рабоче-колхозный театр (филиал театра Революции). В качестве награды весь театральный коллектив отправили с творческим отчетом в Москву.

В августе 1939 г. И. Беренд-Гроа, пытаясь восстановить былую славу театра, вновь обращается к английской классике — готовит постановку комедии «Двенадцатая ночь» В. Шекспира. К этому же времени относится и последнее упоминание в одесской прессе о немецком колхозном театре [44]. Объясняется это изменением отношения к национальным меньшинствам со стороны партийных,

советских и государственных органов, начиная еще с середины 1930-х гг., когда периодической критике стали подвергаться национальные учебные заведения. С трибуны XIV съезда КП(б)У прозвучало, что «последствия вредительства, которое проводилось врагами на фронте культуры, далеко не ликвидированы, что буржуазно-националистические и троцкистско-бухаринские прихвостни, которые окопались на разных участках культурного фронта, полностью еще не выкорчеваны» [45].

20 апреля 1938 г. Совнарком УССР и Центральный Комитет КП(б)У приняли постановление «Об обязательном изучении русского языка в нерусских школах Украины» [46], которое значительно увеличивало количество часов на изучение русского языка в национальных школах.

В немецких школах, по указаниям ЦК КП(б)У, стали проводиться коллективные проверки, которые выявили традиционный недостаток на тот период — «онемечивание украинского и русского населения» [47].

29 июня 1938 г. Совнарком УССР разработал постановление «О реорганизации специальных национальных школ, техникумов, Одесского немецкого педагогического института и специальных отделов и классов в школах, техникумах и вузах УССР» [48]. Постановления не только «разрабатывались» и «принимались», но и воплощались в жизнь. Но театр еще существовал. Об этом свидетельствует публикация в газете «Большевицкое знамя» за 30 ноября 1939 г., где сообщалось об открытии шестого по счету колхозно-совхозного театра им. Кирова. До появления этого театра в Одесской области вместе с Немецким было пять театров. Возможно, новый театр должен был стать заменой Одесскому немецкому рабоче-колхозному театру.

И еще, в 1940 г. среди колхозных театров, которые готовились к гастрольным поездкам по районам Одесской области накануне Октябрьских праздников, немецкий театр не был упомянут [49]. Можно предположить, что в самом конце 1939 г. — начале 1940 г. он был закрыт. Но даже столь непродолжительный период его существования сыграл определенную роль в формировании национальной театральной культуры среди немецкого населения края.

Примечания

1. См.: Гонтар О.В. Деякі питання міжнародних відносин на Україні в 20-ті роки // Український історичний журнал. 1991. № 7. С. 128.

2. См.: Збірник узаконень уряду УРСР. 1923. № 32. Ст. 469.
3. См.: Стенографический отчет IX Киевской губернской конференции КП(б)У. К., 1924. С. 4.
4. См.: Букач В.М. Национально-культурная политика на Одессщине в первой половине 20-х годов // Одесі – 200 : Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. Одеса, 1994. Ч. 1. С. 106.
5. См.: Данильченко О.П. Ліквідація неписьменності серед національних меншостей півдня України в 20-ті рр. XX ст. // Український історичний журнал. 1999 № 3. С. 76.
6. См.: Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 1448. Л. 137.
7. См.: Там же. Л. 139.
8. См.: Там же. Л. 140.
9. См.: Там же.
10. См.: Там же. Л. 81.
11. См.: Театральная неделя. 1925. № 13–14. 7 июля.
12. См.: Там же. № 8. 7 апреля.
13. См.: ГАОО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 241. Л. 75.
14. См.: Там же. Д. 84. Л. 13 об.
15. См.: Там же. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 1607. Л. 10.
16. См.: Там же. Д. 1445. Л. 10.
17. См.: Там же. Д. 1607. Л. 16; Д. 1626. Л. 17.
18. См.: Л.С. У штабі все спокійно // Чорноморська комуна. 1931. 8 травня.
19. См.: Зборовський М., Пеннер Д. Піднести масово-політичну роботу серед німецької людності // Чорноморська комуна. 1931. 25 мая.
20. См.: Напередодні театрального сезону // Чорноморська комуна. 1933. 20 вересня.
21. См.: Театральна хроніка // Чорноморська комуна. 1933. 20 сент.; 1934. 11 січня.
22. См.: ГАОО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 99. Л. 28.
23. См.: Там же. Ф. Р-5056. Оп. 1. Д. 9. Л. 9.
24. См.: Там же. Д. 10. Л. 19.
25. См.: Шмідт І. До 15 річниці Жовтня – нова перемога на культурному фронті // Чорноморська комуна. 1932. 11 листопада.
26. См.: Театральна хроніка // Чорноморська комуна. 1934. 11 січня; Майстренко А. Увагу й допомогу колгоспним театрам області // Чорноморська комуна. 1934. 5 червня.
27. См.: Шмідт І. Указ. соч.
28. См.: Одеська область. Адресна і довідкова книга. Одеса, 1934. С. 222.
29. См.: Поштовий довідник : Одеська область. Одеса, 1935. С. 84.
30. См.: Одеська область. Адресна і довідкова книга. Одеса, 1936. С. 222; Одеська область : Довідник. Одеса, 1937. С. 215.; Одеська область. Довідник. Одеса, 1938. С. 169.
31. См.: Шмідт І. Указ. соч.
32. Одесский историко-краеведческий музей. Инв. № ПИ-8602.
33. См.: Майстренко А. Увагу й допомогу колгоспним театрам області // Чорноморська комуна. 1934. 5 червня.
34. См.: Колгоспні театри в Жовтневі дні // Чорноморська комуна. 1935. 7 листопада.
35. См.: Театр. 1937. № 4. С. 2.

36. См.: Майстренко А. Колгоспні театри // Театр. 1937. № 4. С. 37.
37. См.: Шостацький М. Колгоспні театри на огляді // Чорноморська комуна. 1937. 24 березня.
38. См.: Там же.
39. См.: Майстренко А. Колгоспні театри // Театр. 1937. № 4.
40. См.: В.А. Новые постановки колхозных театров // Большеви́стское знамя. 1938. 1 июня.
41. Там же.
42. См.: Чередник Е.И. Немецкий национальный театр на Днепропетровщине (30-е гг.) // Вопросы германской истории: украинско-немецкие связи в новое и новейшее время. Днепропетровск, 1995. С. 155; Герман А.А. Немецкая автономия на Волге, 1918–1941. Саратов. 1994. Ч. 2. С. 219.
43. См.: Областная олимпиада колхозных театров // Большеви́стское знамя. 1939. 18 мая.
44. См.: В колхозных театрах // Большеви́стское знамя. 1939. 29 авг.
45. Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. Київ, 1976. Т. 1. С. 893–894.
46. См.: Збірник законів і розпоряджень Робітничо-селянського уряду УРСР. 1938. № 27. Ст. 105.
47. Войналович О.О. Становлення та розвиток шкільної освіти для національних меншин на Одещині в 20–30-роках // Одесі – 200 : Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. Одеса, 1994. Ч. 2. С. 6.
48. См.: Збірник законів і розпоряджень... 1938. № 38. Ст. 152–153.
49. См.: Театры в октябрьские дни // Большеви́стское знамя. 1940. 18 окт.

1. ...

2. ...

3. ...

4. ...

5. ...

6. ...

7. ...

8. ...

9. ...

10. ...

11. ...

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

16. ...

17. ...

18. ...

19. ...

20. ...

21. ...

22. ...

23. ...

24. ...

25. ...

26. ...

27. ...

28. ...

29. ...

30. ...

31. ...

32. ...

33. ...

34. ...

35. ...

36. ...

37. ...

38. ...

39. ...

40. ...

41. ...

42. ...

43. ...

44. ...

45. ...

46. ...

47. ...

48. ...

49. ...

50. ...

51. ...

52. ...

53. ...

54. ...

55. ...

56. ...

57. ...

58. ...

59. ...

60. ...

61. ...

62. ...

63. ...

64. ...

65. ...

66. ...

67. ...

68. ...

69. ...

70. ...

71. ...

72. ...

73. ...

74. ...

75. ...

76. ...

77. ...

78. ...

79. ...

80. ...

81. ...

82. ...

83. ...

84. ...

85. ...

86. ...

87. ...

88. ...

89. ...

90. ...

91. ...

92. ...

93. ...

94. ...

95. ...

96. ...

97. ...

98. ...

99. ...

100. ...

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДОЛОГИЯ

1. ...

2. ...

3. ...

4. ...

5. ...

6. ...

7. ...

8. ...

9. ...

10. ...

11. ...

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

16. ...

17. ...

18. ...

19. ...

20. ...

21. ...

22. ...

23. ...

24. ...

25. ...

26. ...

27. ...

28. ...

29. ...

30. ...

31. ...

32. ...

33. ...

34. ...

35. ...

36. ...

37. ...

38. ...

39. ...

40. ...

41. ...

42. ...

43. ...

44. ...

45. ...

46. ...

47. ...

48. ...

49. ...

50. ...

51. ...

52. ...

53. ...

54. ...

55. ...

56. ...

57. ...

58. ...

59. ...

60. ...

61. ...

62. ...

63. ...

64. ...

65. ...

66. ...

67. ...

68. ...

69. ...

70. ...

71. ...

72. ...

73. ...

74. ...

75. ...

76. ...

77. ...

78. ...

79. ...

80. ...

81. ...

82. ...

83. ...

84. ...

85. ...

86. ...

87. ...

88. ...

89. ...

90. ...

91. ...

92. ...

93. ...

94. ...

95. ...

96. ...

97. ...

98. ...

99. ...

100. ...

Нелинович С.Г.

ПРОБЛЕМА ЛОЯЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В КОНФЛИКТАХ XX ВЕКА:
ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И КРУГ ИСТОЧНИКОВ

Бургафт Л.А.

НЕМЕЦКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ (1901–1941 гг.):
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ

Ханья С.

ПРОБЛЕМА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Малиновский Б.В.

СВЕДЕНИЯ О СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ
(КОНЕЦ 1917 — НАЧАЛО 1918 гг.) В ДОКУМЕНТАХ ЦГАВО УКРАИНЫ

ПРОБЛЕМА ЛОЯЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В КОНФЛИКТАХ XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И КРУГ ИСТОЧНИКОВ

С.Г. Нелинович

...В сентябре 1914 г. сестра милосердия Генриэтта Сорокина спрятала у себя на теле, хранила в германском плену и затем тайно вывезла в Россию знамя 6-го пехотного Либавского полка [1].

...В ноябре 1914 г. колонисты (немцы и болгары) Аккерманского уезда Бессарабской губернии обезоружили и пленили турецкий десант [2].

Можно было бы приводить множество примеров того, насколько верны были присяге и родине российские немцы во время Первой мировой войны — первой войны между Россией и Германией. Однако правительству России хотелось, чтобы все выглядело иначе. Почему? В чем причина ожидания, а затем массовой фальсификации случаев нелояльности и прямой измены представителей немецкой общины империи? Для ответа на этот вопрос следует изучить обе точки зрения на лояльность российских немцев: наиболее полно они проявились в публицистике начала XX в., а затем в исторических исследованиях — вплоть до наших дней.

До распространения на немцев-колонистов всеобщей воинской повинности (1874 г.) вопрос об отношении этого тогдашнего сословия к внешней политике России не вставал. Но уже на заседаниях комиссии, выработавшей новый закон, поднимался вопрос об отношении немцев-колонистов к защите нового отечества — России. Член комиссии — делопроизводитель полковник М.С. Максимовский подчеркивал, что привлечение колонистов к несению воинской по-

винности доказывает их общность с Россией, то, что они не являются «особым государством в государстве». Однако он же связывал отмену льготы по воинской повинности с тем, что «самая польза от колонистов, как опыт доказал, не была столь значительна» [3]. Такое заявление было новым по сравнению с положительными, а иной раз и восторженными отзывами русских офицеров, которые изучали колонии Поволжья, Новороссии в середине XIX в. Следует отметить, что вопрос о некоей пользе или вреде для России присутствия в ней колонистов из германских земель позднее становится одним из краеугольных камней историографии немецкой общины в России.

Тем не менее, в 70-е гг. прошлого столетия немцы-колонисты в России теряют сословный характер, уравниваются с другими подданными, и распространение на них воинской повинности — один из важнейших шагов в этом направлении. Не стоит забывать, что вопрос о воинской повинности рассматривали многие служилые немцы — члены комиссии, высокопоставленные чиновники Российской империи: граф Ф.Е. Гейден, генералы А.Р. Дрентельн, Ф.А. Зейме I-й, К.А. Швобс, В.Ф. Ральд, А.Я. Фриде, М.А. Кучевский, тайные советники Н.А. Герингросс, А.К. Гирс, Я.Я. Кетчер (10 членов из 28) [4].

Потеряв сословный характер, колонисты приобретали в то же время национальное лицо, сливались для правящих кругов со всеми немцами вообще, тем более что этот процесс совпал по времени с образованием Германской империи, также носившей национальный характер (в отличие от универсалистской Священной Римской империи Германской Нации). Это-то обстоятельство и способствовало появлению иного взгляда на российских немцев. Наиболее остро этот взгляд проявился в XX веке, когда две империи встретились на поле брани.

Настороженность части националистически настроенной русской общественности в отношении российских немцев проявилась уже в конце XIX в., когда в работах небезызвестного А. Велицына (Палтова), Л. Падалки, В.А. Грингмута появился термин «мирное завоевание» [5]. Эти авторы пользовались, главным образом, богатыми статистическими материалами, собранными ранее — в период массового обезземеливания бывших помещиков, особенно в южных губерниях. Можно было бы считать позицию А. Палтова и В. Грингмута частным мнением, если бы некоторые другие авторы антинемецкой направленности не проговорились бы вскользь о «госзаказе». Так, автор вышедшей в 1915 г. в Одессе антинемецкой кни-

ги С.П. Шелухин (член Одесского окружного суда, товарищ прокурора Одесского уезда) отмечал, что собирал компрометирующий российский немцев материал еще с 1902 г., в силу исполнения служебных обязанностей. Он наиболее рьяно обвинял немцев в крайней некультурности и изолированности от России: «В этом страшная сила немцев и опасность для населения, края и государства» [6].

Первая мировая война лишь обнажила, возможно, раньше запланированного времени, работу по созданию негативного общественного мнения в отношении российских немцев. И тут речь идет не только о колонистах Поволжья, Закавказья, Новороссии и Вольни (будем так называть поселян-собственников, поскольку спустя много лет их так же называли власти России). В 1908 г. издается, а в 1915 г. переиздается книга Г.А. Евреинова «Российские немцы». Автор пользовался услугами типографии Главного управления уделов Министерства государственных имуществ! Многие страницы посвящены вопросу о лояльности прибалтийских немцев. Здесь автор, пожалуй, впервые пошел по пути отделения «верности престолу» от отношения к России: «...Нельзя не отметить явного противоречия, существующего между династической преданностью балтийских немцев и отношением их к России. Это противоречие лежит в основе всей их политики...» [7]. Показательно, что это написано через год-два после латышской «инсurreкции» 1905–1906 гг., после террористических актов в отношении русских и после многократно проверенной позиции остзейского дворянства и немецких горожан, безусловно поддержавших власти. Тем не менее, автор сетовал на угрозу «онемечивания» прибалтийских народов и ратовал за развитие националистических движений: «Национализм эстов и латышей надо всячески поощрять... он далее романтизма провансальцев во Франции не уйдет, а в политике бывает полезно клин клином выбивать» [8]. Евреинов сомневался и в верности колонистов, у которых считал «полезным» отобрать землю, хотя «они вообще политикой не занимаются и российским законам и государственным порядкам безусловно подчиняются».

И.И. Сергеев, петроградский гимназический учитель, также обрушился в 1914 г. на колонистов и прибалтийских дворян, не гнушаясь фальсификацией (так, он утверждал, что аккерманские колонисты «радушно приняли турецкий десант и помогли ему пробраться в глубь уезда» [9]). Выдвигая тезис о том, что немцы «экономически подчиняют народные массы», Сергеев исходил из следующей принципиальной оценки войны: «Теперешняя война не есть только вой-

на государства с государством, ...но и война народа с народом. Решается вопрос, кому предстоит будущее: русским или германцам» [10].

Несколько анонимных изданий, вышедших в Киеве в 1915 г., обращали внимание на «обособленность» немцев — «свой язык, свои обычаи, школы, религия, убранство комнат, строй семейной жизни... Лояльность немцев чрезвычайно подозрительна» [11].

Чем же была «подозрительна» лояльность российских немцев? Многие авторы проговаривались о проблеме земельного голода в России. Новые земли на востоке страны, в Сибири, требовали освоения. Крупные землевладельцы центральных и в особенности южных губерний в начале XX века переживали своеобразное возрождение — на новой промышленной основе. После нескольких кризисов сельского хозяйства на рубеже XIX–XX вв., революции 1905–1907 гг. (в особенности мощного аграрного движения 1906 г.) проблема нехватки земли у крестьян стала занимать умы многих. Немаловажным обстоятельством, судя по всему, было и то, что националистическое движение в Прибалтике и в Царстве Польском самодержавие стремилось если не задавить в корне, то направить в иное русло, короче — найти источник всех бед. Война с Германией была как нельзя кстати, не случайно появляется тезис о войне народов, а не государств. С такой точки зрения все немцы в России были ее скрытыми врагами — потому что они **НЕМЦЫ**.

В том, что это была официальная точка зрения (не афишируемая, но пропагандируемая так называемыми частными лицами), убеждает служебная переписка. Так, 26 ноября 1914 г. Одесский генерал-губернатор и главный начальник Одесского военного округа генерал от инфантерии М.И. Эбелов писал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту Н.Н. Янушкевичу: «Менее всего я имел в виду немцев — коренных русско-поданных, частью сроднившихся, а частью сжившихся с русским населением, но лишь вне немецких колоний, разбросанных в значительном числе по всему пространству губерний Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической.

Колонии эти, несмотря на свое существование, уже более века живут настолько обособленно от коренного населения, что в общей своей совокупности на всем пространстве южных наших губерний являются готовой базой для германского нашествия.

До сего времени колонии эти сохранили немецкие названия по городам Германии или по тем местам, откуда вышли наши немец-

кие колонисты. До сего времени колонисты эти сохранили немецкие нравы, быт и язык, и по-русски почти не говорят. До настоящей войны жилища некоторых колонистов были украшены портретами императора Вильгельма II, членов Императорско-Королевского Дома, союзных германских государей и высших сановников Германской Империи. Все это указывает на симпатии наших колонистов к Германии, что не может не внушать недоверия к ним со стороны местных органов нашего правительства...» [12].

Ему вторил (в отношении прибалтийских немцев) помощник главного начальника Двинского военного округа генерал-лейтенант П.Г. Курлов: «Немецкое население совершенно не учло переживаемого исторического момента, оно не поняло, что надо сразу резко отмежеваться от германцев, забыть об общности языка и совершенно вычеркнуть из своей памяти родственников, сражающихся в войсках наших противников. Надо было сердцем слиться с русским народом, ...принося все свои средства на алтарь великой войны...» [13].

Как показала действительность, правящие круги и националистически настроенная часть общества не желали такого. Тем не менее, именно на стремлении показать заслуги российских немцев в отражении «германской агрессии» была построена защита немецкой общины России — в работах Я. Штаха, К.Э. Линдемана, Я. Дитца, в публицистике Г.А. Бергмана [14]. Перечислялись многочисленные факты открытия лазаретов, помощи раненым, войскам, сбора средств, героизма на фронтах...

Я. Штах наиболее ярко (хотя, возможно, с некоторой патетикой) доказывал, что у немцев-колонистов «не было и нет каких-нибудь второстепенных целей, политических партий и местного патриотизма. ...19 июля 1914 года принесло немцу-колонисту и его патриотизму испытание огнем. И это испытание он выдержал с честью» [15]. Но все эти усилия были тщетны: государственная установка была, как выясняется, такова, что российский немец уже потому считался «подозрительным», что был **НЕМЕЦ**. Требовался отказ от исконной культуры, надо было слиться в одну безликую массу...

Именно между этими двумя позициями и шла борьба в среде исследователей истории немецкой общины в России. Первые 10 лет после революции в России стали временем формирования советской исторической науки. В политическом плане эти процессы были сопряжены с развитием немецкой автономии в СССР, с активным сотрудничеством между СССР и Германией; развитие историографии так называемого немецкого вопроса велось на основе двух про-

тивоположных подходов — научного и идеологического. Можно с уверенностью сказать, что ни одна другая историческая проблематика в это время не испытала подобного внешнего влияния и воздействия. Кроме того, и в Германии в это время проявляют усиленное внимание к российским немцам.

Историческая литература и публицистика 1920-х гг. несколько сместила акценты в вопросе лояльности российских немцев в Первой мировой войне. Речь шла, прежде всего, о репрессиях царизма по отношению к немецкой общине вообще, а также о «врожденной» нелояльности к советскому строю зажиточной ее части. Работы Ф.С. Серебрякова, П. Зиннера, Д. Шмидта, П.Г. Любомирова, Л. Штрандта обнаруживают оба подхода к данной проблеме. Материалом служат колонии Поволжья и Новороссии (Украина) [16]. Тем не менее при развивающемся «классовом подходе» всех авторов объединяет одно: несправедливость царизма констатируется, а не анализируются причины гонений и антинемецкой кампании в годы Первой мировой войны, так же бездоказательно провозглашается «мудрость» и «справедливость» советской политики в отношении немецкой общины. Лишь немногие авторы, такие, как Ф.С. Серебряков, М. Гульчак, особенно Б. Бартельс, упоминают о «сверхразверстке» и катастрофическом голоде в Немреспублике [17]. Десятилетие поволжской автономии было встречено юбилейными изданиями в духе дореволюционных официозов. Правда, во всех подчеркивалась «буржуазная сущность» национализма и — в том числе — национального движения российских немцев в 1917 г. (семитомник Г. Ваха, брошюра Э. Гросса и др.) [18].

Это были тревожные симптомы: ведь национальные организации российских немцев до 1918 г. носили главным образом культурный характер. Следовательно, вновь отрицательно оценивалась национальная самобытность немецкого народа России. Придание же национальному движению классовой окраски опять ставило вопрос о «ненадежности» российских немцев в новых, советских условиях. Кроме того, в то время в советской исторической науке господствовала так называемая школа М.Н. Покровского. Одним из основополагающих тезисов этой «школы» был постулат о закабалении России иностранцами — начиная с XVI в.! Таким образом, в новом свете представляли старые стереотипы, «опробованные» в годы Первой мировой войны для развязывания антинемецкой кампании: ненадежность «по национальному признаку», закабаление местного населения «немцами».

30-е гг. привнесли новые обвинения. В 1930–1935 гг. вышло несколько работ о меннонитах — А. Рейнмаруса, Г. Фризена и будущего академика А.И. Клибанова [19]. В них фактически объявлялись врагами советской власти все меннониты — как идеологически чуждый элемент, «форма строжайшей конспирации» для «мирного добывания» южнорусского и украинского крестьянства [20]. Такие пассажи перекликались с работой С.Д. Бондаря, вышедшей в 1916 г., в разгар антинемецкой истерии [21].

Катастрофически отразились на состоянии историографии немецкой общины в России и особенно — на оценках лояльности российских немцев — отношения между Советским Союзом и фашистской Германией, вплоть до Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Уже вторая «юбилейная волна», приуроченная к 15-летию, а затем и к 20-летию Немреспублики, характеризуется обязательными упоминаниями о «фашистской агентуре» и «вредительстве» в немецкой среде. Всякое общение с Германией объявляется пособничеством фашистам [22]. Изучение дореволюционного периода в это время прекращается.

Поистине обличительный характер приобретают работы военного времени. Их оценки лояльности российских немцев в 1914–1918 гг. солидаризируются с наиболее яркими представителями антинемецкой публицистики времен Первой мировой войны. Набор фактов в них, как правило, фальсифицирован, а все российские немцы объявлены агентами и орудием германского генерального штаба. Расчет делался, судя по всему, на общую неосведомленность читателей. Так, крепость Ковно переместилась... в Волынскую губернию! В русско-императорской армии появился некий «Южный фронт», насыщенный германскими шпионами! Речь идет о творениях И. Никитинского и П. Софинова, а также А.Г. Дементьева [23]. В первые послевоенные годы эту линию продолжил специалист по миграциям населения Б.В. Покшишевский [24].

Сразу же надо отметить, что все эти авторы эксплуатировали знакомый набор обвинений: экономическое закабаление, культурное своеобразие (то есть отчуждение, замкнутость), как следствие — поголовное «шпионство». Таким образом, оценка лояльности исходила не из реального положения вещей, а из политического заказа, из постулата о войне между двумя народами (в советской интерпретации: народ — система): «Идет война НАРОДНАЯ, священная война». И хотя в конце войны ГлавПУР скорректировал лозунги агитации, они оставались старыми «для внутреннего употребления».

Естественным последствием «военного» кризиса историографии немецкой общины в России стало мрачное заатишье, продолжавшееся до конца 80-х гг. А в наше время произошел бурный взрыв и — что самое главное — прорыв в новое качество историографии данной проблемы. Не будет преувеличением назвать это явление «историографической революцией». За последние 10 лет работ о российских немцах отечественные историки написали и опубликовали больше, чем за весь предыдущий период, с зарождения данного жанра. Во-вторых, нынешний подход отличается строгой научностью, исследования базируются на мощной и надежной источниковой базе, почти каждое исследование одновременно вводит в научный оборот архивные, нарративные, материальные источники по истории российских немцев. Работы посвящены как общим вопросам истории российских немцев по всей стране и в отдельных регионах (Л.В. Малиновский, А.А. Герман, И.Р. Плеве, Т.Н. Плохотнюк и др.) [25], так и огромному пласту более частных вопросов и временных периодов. Только по итогам так называемых «аналитических конференций» вышло 5 сборников статей — это около 200 научных работ! [26].

Большинство исследователей, касающихся проблем участия российских немцев в Первой мировой войне, констатируют, что репрессии и обвинения в нелояльности не имеют под собой почвы. Казалось бы, исследования эти зиждутся на солидной и проверенной источниковой базе. Однако следует признать, что в них нет ответа на вопрос: что же российская власть в 1914 г. считала нелояльным? Такой вопрос может показаться праздным, но опровергаемые тезисы тех времен вновь вызывают бурную дискуссию среди историков — российских немцев [27]. Следовательно, вопрос о выяснении данного понятия продолжает стоять перед историками.

Да не затаят на меня обиды коллеги, все имена историков современности перечислить трудно, и не это является моей задачей. Главное, что проходит через все оценки лояльности российских немцев, — совершенно разный подход к данному вопросу со стороны «обвиняющих» и «обвиняемых». Официальная точка зрения была выражена в публицистике антинемецкой направленности начала XX в. и в служебной переписке 1914–1916 гг. Она состояла в том, что любой российский немец, сохранивший язык, религию, обычаи предков и своей нации, живущий в сообществе себе подобных, одним этим проявлял нелояльность к Российской империи (будь она царская или советская). Естественно, что особенно остро подобная позиция проявлялась во время конфликтов с Германией в 1914–1918 и 1933–1945 гг.

В этом плане я вполне разделяю мнение Т.С. Иларионовой, что у России была не «немецкая политика», а «германская политика». То есть отношения с этническими немцами внутри страны определялись отношениями с Германией.

Но проблема не объясняется только внешнеполитическими реалиями. Внутри страны также шли процессы, влияющие на отношение к немецкой общине. Прежде всего, это курс на национализацию империи на базе коренной нации, взятый еще при Александре III. Если для империи более раннего времени был характерен универсализм (и в этом плане выходцы из Священной Римской империи или из Германского Союза в России попадали в ту же среду отношений между государством и подданным), то национальный подтекст нового курса непременно должен был поставить всех подданных, вне зависимости от национальной принадлежности, перед выбором: либо отказаться от национальной самобытности по схеме «самодержавие — православие — народность», либо покинуть страну добровольно, пока это не сделали власти насильственным путем, подведя соответствующую «идеологическую» базу. Сопротивлением в таком случае могло быть объявлено любое несоответствие вышеуказанному «стандарту», расценено, как подрыв государственных устоев.

Правда, и это — лишь часть ответа на волнующий нас вопрос, ксенофобия в том или ином виде проявляется везде, но в определенных условиях это проявление переходит бытовые рамки и становится государственной политикой. Один из авторов коллективной монографии «Россия и Запад», А.В. Голубев, отмечает, что простой русский человек знал немца в XIX в. гораздо лучше, чем, например, поляка, и не считал первого носителем какой-либо враждебной культуры. В то же время в популярных романах В.В. Крестовского или Н.С. Лескова и немцы, и поляки равно выступали носителями опасной, вредной для русского человека силы [28]. Соглашаясь с тем, что персонификация зла в это время ведется именно устами русской интеллигенции, я еще раз обращаю внимание на время, когда такая «частная инициатива» стала возможной — после объединения Германии как национальной империи, после националистических устремлений самодержавия.

Кроме того, еще раз надо обратиться к социально-экономическим реалиям русской жизни того времени. Острый кризис системы помещичьего и общинного землевладения, вылившийся в катастрофический кризис рубежа XIX–XX вв., массовое разорение крестьян, голод, «ножницы цен» (занижение цен на сельскохозяйственные про-

дукты и рост их на промышленные товары для поддержания курса рубля), рост революционного движения с большой долей участия в нем «инородцев», отсутствие не только свободных земель в центре России, но и возможности крестьянства приобретать их законным путем купли-продажи — вот те обстоятельства, которые толкали общество к политике поддержки коренной национальности во избежание новых потрясений. Тогда на бытовом уровне начинает формироваться образ внутреннего врага, а для его реализации необходим и враг внешний.

И если «полезность» для России колонистов-немцев рассматривается членами комиссии по пересмотру рекрутского устава с точки зрения универсализма (насколько льгота соответствует ответной «службе» или заслугам подданного или сословия), то уже спустя 20 лет этот фактор становится только одной из составляющих «общественного» обвинения. Таким образом, сама принадлежность к немецкой общине, трансформируясь из сословной категории («иностранный поселенец») в национальную, этнокультурную, — трактуется государственной властью как нелояльность. В этом плане совершенно откровенен П.Г. Курлов: если немцы перестанут быть немцами, а станут русскими, это «ослабило бы поголовное обвинение всех, а не действительных виновных в измене» [29].

Если позиция правительственная прояснена, то остается выяснить, насколько сами российские немцы в годы Первой мировой войны проявляли лояльность либо нелояльность в общепринятом толковании этого понятия.

Речь прежде всего может идти об отношении к войне, которое выражается либо явкой или неявкой по мобилизации и дальнейшим призывам, помощью в ведении войны той или другой стороне, непосредственным активным участием в боевых действиях, выражением личного мнения о конфликте с Германией и ее союзниками.

Вопрос о числе мобилизованных немцев в источниковом плане представляет известное затруднение. Дело в том, что в отчетах по призывам не указывалась национальность (за исключением евреев). Поэтому пропадают для изучения материалы по призывам Мобилизационного отделения Главного штаба (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400, оп. 19). Имеющиеся документы РГВИА по распределению призывников в фонде Главного управления Генерального штаба неполны и касаются только призванных очередников (т. е. не учитывают запасных и ополченцев). Кроме того, рапорты о распределении новобранцев сохрани-

лись не по всем регионам. Тем не менее можно по вероисповеданию приблизительно установить количество оказавшихся в российско-императорской армии немцев (лютеран, католиков, меннонитов). Так, в призыв 1914 г. надели солдатские шинели 14 006 чел., в призыв 1915 г. — 8423 (без Западного и Юго-Западного краев и Москвы), в призыв 1916 г. — 6320 (без Западного и Юго-Западного краев, центральных губерний, Петрограда, Прибалтики и Сибири), в призыв 1917 г. — 7604 чел. (без указанных выше регионов и Кавказа) [30]. О призывах контингентов 1918–1922 гг. сведений не обнаружено (осуществлялись в 1916–1917 гг.).

Наиболее показательны данные по отдельным регионам, где немцы составляли компактную часть населения — Новороссии (Одесская местная бригада), Поволжью, Кавказу. Совершенно отсутствуют данные по Воляни, где к началу войны жило более 200 тыс. немцев. Трудно вычленили немцев среди католиков Царства Польского. Призывы контингентов 1914–1917 гг. были осуществлены до начала 1916 г. и охватили почти 3 млн. человек [31]. Из этого числа новобранцев немцы составляли около 1,5% (возможно, за счет отсутствующих сведений, а также принимая во внимание утрату в течение вышеуказанного времени части территории с компактным проживанием примерно 20–25% российских немцев — до 2%), а доля призывников от общей численности немецкого населения (примерно 2 млн. чел.) также около 2%. Поскольку число призванных к этому же времени новобранцев не превышало 1,5% от общего количества российских подданных, можно смело утверждать, что российские немцы от призыва не уклонялись. Дополнить информацию по призывам могут всеподданнейшие отчеты главных начальников военных округов за время войны из фонда канцелярии Военного министерства (РГВИА, ф. 1, оп. 2).

Конкретизировать и дополнить такие данные могут документы уездных по воинской повинности присутствий и уездных воинских начальников из фондов областных архивов и их филиалов.

Немаловажным обстоятельством выступает количество награжденных российских немцев. Правда, количество награжденных может сокращаться в результате негативного отношения властей к тому или иному контингенту. Тем не менее, благодаря документам Военно-походной канцелярии за 1914–1917 гг. (РГВИА, всего 95 дел) [32] этот вопрос также можно прояснить. Наиболее показательны списки раненых, которым вручались георгиевские кресты и медали в лечебных учреждениях: здесь «предвзятость» могла быть суще-

ственно уменьшена. Тем не менее, тенденция снижения количества награжденных просматривается и здесь: в 1914 г. георгиевские кресты и медали получили 200 немцев из 7196 раненых и увечных (2,8%), а в 1915 г. — 772 немца из 39 717 награжденных (1,9%) [33]. К сожалению, отсутствуют данные об общем числе немцев, получивших за это время тяжелые ранения и увечья, чтобы выяснить долю награжденных среди самих немцев.

Наиболее сложным источником представляются следственные и наблюдательные дела разведывательных и контрразведывательных отделений штабов военных округов. С одной стороны, в них встречаются интереснейшие оценки частными лицами событий войны. С другой стороны, сам факт заведения такого дела не значит, что оно кончится осуждением и тем более — что факт осуждения или административной высылки, ареста будет оправдан незаконным деянием. Количество же таких дел довольно велико и зависит от положения округа и от количества проживающих на его территории немцев. Так, контрразведка Петроградского военного округа завела против «подозрительных» немцев (как частных лиц, так и фирм и иных предприятий) 314 дел, Московского военного округа — 255 дел, Казанского — 12, Иркутского — 50 (здесь было сосредоточено много немцев, высланных из западных губерний), Омского — 3, Туркестанского — 1, Двинского — 16, Киевского — 7, Минского — не заводилось или не сохранилось, Одесского военного округа — 12 дел [34].

Вопрос о службе меннонитов рассматривался в Военном ведомстве довольно долго в 1914–1916 гг., причем высказывались мнения об изъятии их из службы во избежание «пацифистской пропаганды» (речь шла о службе меннонитов в санитарных отрядах и в лечебных учреждениях). Тем не менее Земгор, Красный Крест и гражданские власти на местах все время обращались в Военное ведомство и в Лесной департамент Главного управления земледелия и землепользования (которое осуществляло призыв меннонитов в лесные рабочие команды) о направлении в их госпитали и лазареты именно меннонитов, подчеркивая их высокие моральные качества и работоспособность. Оживленная переписка на эту тему, с приложением большого количества именных списков отложилась в фонде Главного управления Генерального штаба [35].

Еще один важный процесс в отношениях между солдатами из немцев и военным руководством — это направление первых с германского фронта на Кавказ, а затем — в тыловые рабочие команды. Переписка такого рода отложилась в фондах Киевского и Казан-

ского военных округов, штабов 8-й и 11-й армий, штаба армий Северного фронта [36]. Интересно, что в начале 1916 г. обсуждался вопрос об изъятии из действующей армии всех лиц немецкого происхождения и направлении их «на предстоящие полевые работы в помощь населению империи». Инициатор такого мероприятия, дежурный генерал штаба армий Северного фронта генерал-майор Ермолаев почеркивал: «Полагаю, что при проведении полевых работ немцы-колонисты, как знакомые с лучшими способами обработки земли, при известном надзоре за ними, принесут несомненную пользу крестьянским хозяйствам и, распределенные небольшими партиями по губерниям Империи, они будут лишены возможности причинить какой-либо вред нашей Родине» [37]. Таким образом, использование документов из фондов РГВИА позволяет еще более глубоко вникнуть в суть отношений между немецкой общиной и государством в годы Первой мировой войны. Находит безусловное подтверждение факт отношения к российскому немцу со стороны Империи как к внутреннему врагу, в любой момент готовому нанести «удар в спину». Как только же дело касается практических действий и надобностей, предвзятое отношение отбрасывается и мобилизуются те способности немецкого населения России, которые только что подвергались сомнению.

Итак, вопрос о лояльности российских немцев в Первой мировой войне стал ключевым для их судьбы. Изучение отечественной историографии данной проблемы показывает, что уже к началу Первой мировой войны русское правительство решило вопрос о лояльности немецкой общины однозначно: лояльность отождествлялась с ликвидацией этнокультурной самобытности, с полной ассимиляцией с русским народом. Такое решение вытекало из изменения характера строительства Российской империи на рубеже 70–80-х гг. XIX в. (принцип универсализма сменился принципом национализма). Российским немцам было брошено обвинение в «мирном завоевании» страны и в пособничестве ее военного разгрома.

Эта тенденция прослеживается и в советское время, возрождаясь в наиболее грубом варианте в годы Великой Отечественной войны. В наше время, как и в 20-е гг. XX в., многочисленные историки российских немцев сосредоточили усилия на доказательстве беспочвенности официальных обвинений, а не на причине их.

Для более полного прояснения правительственной позиции в отношении российских немцев в 1914–1918 гг. и оправданности такой позиции необходимо привлечение широкого круга источников,

главным образом архивных, раскрывающих отношение немецкой общины Империи к призыву на войну, к ходу войны, к мероприятиям правительства, степень участия в боевых действиях, оценки представителями военного ведомства, общественных организаций, местных властей немцев России. Это дела контрразведки, сведения о ходе мобилизаций, об использовании немцев в войсках и полувойсковых организациях, об их награждениях и т. д. В этом спектре документов проявляется и официальная мотивация антинемецкой кампании, которая велась в России с 1914 г. Именно тогда и проявляется стремление правящих кругов Российской империи считать неloyальными российских немцев только потому, что они остаются немцами, пусть и верными отечеству.

Примечания

1. См.: Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 970. Оп. 3. Д. 1900. Л. 2–11. Дело о награждении тянулось до конца 1914 г.
2. См.: Там же. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–21. Следствием этого события стало изъятие у колонистов оружия, включая охотничье.
3. Там же. Ф. 400. Оп. 19. Д. 2. Л. 240–241 об.
4. См.: Там же. Л. 113.
5. Анализ этих работ см.: Кулинич И.М. Немецкие колонии на Украине: Дореволюционная российская историография // Российские немцы. Историография и источниковедение. М.: Готика, 1997. С. 75, 78; Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в.: К историографии вопроса // Там же. С. 47; Чеботарева В.Г. Социально-экономические аспекты жизни немецких колоний в российской историографии (40-е гг. XIX в. – 1917 г.) // Там же. С. 29, 30–38.
6. Шелухин С.П. Немецкая колонизация. Одесса, 1915. С. 64–65.
7. Евреинов Г.А. Российские немцы. Пг., 1915. С. 5–6.
8. Там же. С. 33.
9. Сергеев И.И. Мирное завоевание России немцами. Пг., 1915. С. 63.
10. Там же. С. 4.
11. Н.Б. К истории колонизации Таврической губернии. Киев, 1915; Германская колонизация в России и ее тайные задачи. Киев, 1915.
12. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. Л. 5–5 об.
13. Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1051. Л. 17–17 об.
14. См.: Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916; Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселенцев-собственников. Указы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. и 15 июля и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние Южной России. М., 1917. См. также Кулинич И.М. Указ. соч. С. 77–80.
15. Штах Я. Очерки из истории... С. 95.
16. См.: Серебряков Ф.С. Немецкая коммуна на Волге и возрождение юго-востока России. М.: МСНХ, 1922; Штрайт Л. Как ведут свое хозяйство немцы Поволжья. М.; Л.: Госиздат, 1926; См. также: Плева И.Р. Указ. соч. С. 53–54.
17. См.: Гульчак М. Немецкая деревня как она есть. Саратов, 1929. С. 14–15, 43; Серебряков Ф.С. Указ. соч. С. 11, 13; Bartels B. Die deutsche Bauern in Russland: einst und jetzt. М., 1928. S. 70.
18. См.: Гросс Э. Автономная Социалистическая Советская Республика немцев Поволжья. Покровск: Немгосиздат, 1926; Десять лет Советской власти: Автономная Социалистическая Советская Республика немцев Поволжья. Покровск, 1927; Дольд Ю. Між двома батьківщинами. Харків, 1930; Wach H. Zehn Jahre Wolgadeutsche Autonomie. Bd. 1–7. Pokrowsk: Nemisdat, 1928.
19. См.: Клибанов А.И. Меннониты. М.; Л.: ОГИЗ, 1931; Он же. Меннонитская колонизация на юге России в XVIII–XIX веках: Тезисы диссертации. Л., 1935; Рейнмарус А. Фризен Г. Под гнетом религии (Немцы-колонисты СССР и их религиозные организации), М.; Л.: Госиздат, 1931; Reinmarus A. (Renner). Anti-Menno. М., 1930.
20. См.: Клибанов А.И. Меннониты. С. 82–84; Он же. Меннонитская колонизация на юге России в XVIII–XIX веках. С. 5.
21. См.: Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Пг., 1916.
22. См.: Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья: Политико-экономический очерк. Энгельс, 1938; В Республике немцев Поволжья. М., 1938; Мартынов И.А. Республика в Поволжье: К 15-й годовщине АССР НП. Сталинград, 1933; Республика немцев Поволжья на подъеме. Саратов, 1935; Фрешер Е.Э. Превратим Республику немцев Поволжья в передовую республику Советского Союза. Энгельс, 1935.
23. См.: Дементьев А.Г. Реакционная роль немцев в истории России. Л.: ОГИЗ, 1943; Никитинский И.И., Софинов П.Г. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. М.: ОГИЗ, 1942; Они же. Немецкий шпионаж в царской России. Саратов: Сароблиз, 1942.
24. См.: Покишевский Б.В. География миграций населения в России: Опыт историко-географического исследования. Автореф. дис. М., 1949.
25. См.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941 гг. Ч. 1–2. Саратов, 1992, 1994; Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995; Плохотнюк Т.Н. Положение этнических немцев Ставрополя в годы первой и второй мировых войн // Российский исторический журнал. 1995. № 4. С. 12–18.; Кулинич И.М., Кривец Н.В. Очерки истории немецких колоний в Украине. Киев, 1995; Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М.: Готика, 1998. Кроме того, большое количество статей опубликовано в различных сборниках, вышедших в России, Украине, Казахстане.
26. См.: Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995; Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М.: Готика, 1996; Российские немцы. Историография и источниковедение. М.: Готика, 1997; Миграционные процессы среди российских немцев: Исторический аспект. М.: Готика, 1998; Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М.: Готика, 1999.
27. См. Чеботарева В.Г. Немецкие колонии в Российской империи – «государства в государстве» // Этнографическое обозрение. 1977. № 1. С. 129–144; Научно-информационный бюллетень. 1997. № 2. С. 25–29; № 4. С. 31–34.
28. См.: Россия и Запад: Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века /Под общ. ред. А.В. Голубева. М.: ИРИ РАН, 1998. С. 36–37.

29. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1051. Л. 17 об.
30. Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1154, 2676-2680.
31. См.: Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 15-16. При этом немцы составляли чуть больше 1% населения страны.
32. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1900, 1903-1933, 2027 (ч. 1-41), 2098, 2110-2120.
33. Подсчитано по: РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1900, 1903, 1904, 1905, 1906.
34. См.: Ф. 1343. Оп. 8; Ф. 1396. Оп. 6; Ф. 1450. Оп. 12; Ф. 1468. Оп. 8; Ф. 1606. Оп. 14; Ф. 1720. Оп. 2, 3, 7, 8; Ф. 1759. Оп. 4; Ф. 1837. Оп. 10; Ф. 1932. Оп. 2.
35. См.: Там же. Ф. 200. Оп. 3. Д. 1181, 1182, 1183, 2282.
36. См.: Там же. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 399, 400; Нелипович С.Г. Источники по истории немецких колонистов России в годы первой мировой войны (обзор документов Российского государственного военно-исторического архива) // Российские немцы. Историография и источниковедение. М.: Гютика, 1997. С. 115.
37. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 2. Д. 400. Л. 1 об.

НЕМЕЦКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ (1901-1941 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ

Л.А. Бургафт

Появление первых немецких поселений на территории, образующей ныне Восточно-Казахстанскую область (ВКО) [1], было связано с известными процессами внутренней миграции российских немцев в Западную Сибирь и Степной край в конце XIX — начале XX в. До этого времени немцы появлялись здесь лишь в качестве путешественников, ученых-исследователей, горных инженеров, военных [2]. По данным первой переписи населения 1897 г., на территории, входящей ныне в состав ВКО, проживало 13 немцев [3].

Анализ историографии проблемы развития немецких поселений в Восточном Казахстане позволяет выделить несколько характерных особенностей.

1. В основном на сегодняшний день в историографии разработаны вопросы, связанные с характеристикой процесса миграции немцев в Сибирь и Степной край в целом: отражены суть, общие тенденции процесса, обозначены основные регионы размещения дочерних немецких колоний (при этом в значительно большей степени освещена история немцев Сибири). В этом плане многое сделано как западно-германскими [4], так и российскими исследователями. На современном этапе эти проблемы активно разрабатываются историками Л.В. Малиновским, П.П. Вибе, В.Э. Кригер, И.В. Черказяновой, И.В. Ерофеевой и др. [5].

Таким образом, значительный пласт процесса, в русле которого и следует рассматривать историю немецких поселений в Восточном Казахстане, уже представлен в историографии.

2. В то же время гораздо слабее изучена история отдельных регионов размещения немцев и история отдельных немецких колоний, в связи с чем совершенно неисследованными остаются региональные особенности миграций (яркий пример этого — миграции немцев в Восточный Казахстан).

3. Дальнейшая история немецких поселений в Восточном Казахстане в период с начала XX в. до 1941 г., за редким исключением [6], остается «белым пятном» в историографии.

Между тем обращение к этой теме, на наш взгляд, чрезвычайно важно, особенно сегодня, когда многие бывшие немецкие поселения в Восточном Казахстане уже не существуют, ввиду обвального исхода их жителей в Германию и Россию. От многих таких поселков остались лишь их прежние названия и «добротные немецкие дома», заселенные русскими и казахскими жителями (Восточный Казахстан не единственный пример в рамках как Казахстана, так и других государств бывшего СССР). Становится очевидным, что безвозвратно может уйти целый пласт истории и культуры российских немцев в этом регионе. Долг исследователей — не допустить этого.

В ходе исследования были использованы несколько групп источников.

1. Первую группу составили опубликованные материалы переписей населения, а также ряд архивных документов из истории немцев Казахстана, введенных в научный оборот [7]. К сожалению, эта группа источников пока немногочисленна.

2. Основой для работы послужили материалы архивов области: Государственного архива ВКО (ГАВКО) и Центра правовой статистики и информации при Прокуратуре ВКО (ЦПСИ). При этом необходимо отметить сложность архивной работы, связанную в первую очередь с необходимостью поиска и сбора по крупницам материала, рассеянного по отдельным фондам и делам. Нам удалось выявить несколько фондов, содержащих материалы по выделенной выше проблеме:

а) «Коллекция документальных материалов по землеустройству населенных пунктов, расположенных на территории ВКО». В коллекции нами были обнаружены материалы по землеустройству немецких поселков в 20-е гг., установлению границ немецких колхозов в 30-е гг., проекты организации территорий немецких хозяйств, содержащие сведения об их хозяйственно-экономическом состоянии, а также карты, планы сел и т. п. [8];

б) «Коллекция документальных материалов по истории Восточного Казахстана», в составе которой особый интерес имеют протоколы общих собраний колхозов, в том числе и немецких [9];

в) частично нами обработаны материалы фонда «Колхозы ВКО» [10];

г) личные дела немцев — спецпоселенцев ВКО, хранившиеся ранее в Архиве УВД ВКО [11].

Хронологически эти источники отражают период начала 20-х — конца 30-х гг.

3. Не меньшую важность имеют источники музейного характера — коллекции и отдельные экспонаты, отложившиеся в трех музеях области: Восточно-Казахстанском этнографическом музее (отдел малых этногрупп); Восточно-Казахстанском областном историко-краеведческом музее; Шемонаихинском филиале ВК областного историко-краеведческого музея.

Спектр этой группы источников весьма разнообразен и отражает хронологически период от образования поселений до 1941 г.

4. Воспоминания современников, собранные в ходе работы над темой.

На основе анализа этих разнообразных групп источников мы попытались выделить несколько блоков проблем, связанных с историей немецких поселений в регионе. При этом одни из них мы смогли осветить в достаточной степени, другие лишь обозначены нами и требуют дополнительного изучения.

Процесс массовой немецкой крестьянской колонизации, охвативший в конце XIX века значительную часть Западной Сибири и Степного края, достиг в начале XX в. территории, входящей ныне в состав ВКО [12]. Исследователь П.П. Вибе выделил три крупных района немецкой колонизации в Сибири:

- 1) Акмолинская и Семипалатинская губернии;
- 2) Тобольская губерния;
- 3) Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской губернии [13].

Ареал первого и третьего районов включал в себя и часть территории ВКО. Объектом немецкой крестьянской колонизации стала северо-западная часть Восточного Казахстана. В результате миграции немцев из Центральной и Южной России на этой территории возникло 5 чисто немецких поселений: Екатериновка в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области, Пруггерово, Кенигово (Кенюхово), Гнаденфельд (Горкуново) и Америка в Змеиногорском уезде Александровской волости Томской губернии.

Кроме того, значительное число немецких колонистов осело в смешанных поселках: Сухая Балка, Дубырь, Зеленое, Герасимовское, Пороченское, Чудовское. Эти 11 селений вошли в составленный Карлом Штумппом перечень немецких общин Западной Сибири и Средней Азии [14]. Немного об истории образования поселений.

Четыре немецких поселка, как мы видели, расположились компактно на территории Змеиногорского уезда, пятый поселок — Екатериновка — расположился несколько обособленно в Усть-Каменогорском уезде. Екатериновка была католической колонией, основанной в начале XX в. немцами, переселившимися с территории Украины. Среди первых поселенцев были семьи Вайскербер, Фрай, Штанг, Николаус, Пфо и др. Они расположились первоначально в километре от того места, где впоследствии разрослась Екатериновка, затем из-за постоянных ветров и заносов перенесли поселок [15]. Основную массу переселившихся в Восточный Казахстан немцев составляли лютеране. Они разместились в колониях Пруггеро, Кенигово, Горкуново, Америка.

Колония Кенигово (Кенюхово) получила свое название по имени немецкого инженера Отто Кениха, работавшего на арендованных англичанами рудниках. 20 марта 1902 г. уполномоченный Кениха заключил по его поручению контракт с Главным управлением Алтайского округа об аренде земли в 1140 десятин 1458 сажень, находящейся в Томской губернии — Змеиногорском уезде Александровской волости вблизи селения Сугатовского [16]. Оброчная статья получила название «Кениговской», и с ней оказалась связанной история двух немецких колоний: Пруггеро и Кенюхово, возникших в 1907—1908 гг. О. Кених сдавал земельные участки оброчной статьи в аренду немецким переселенцам. В его планы входило строительство сахарного завода, и с этой целью он роздал колонистам в качестве эксперимента семена сахарной свеклы и сельскохозяйственный инвентарь. Дом Кениха первоначально располагался на месте образования с. Пруггеро, но затем он построил новый дом на берегу реки. Здесь разместились вновь прибывшие колонисты. Поселение получило название Кениговского (впоследствии Кенихово, или Кенюхово) [17]. Здесь же арендовали земли и переселенческие семьи Бахман и Пруггер. С их именами связано начало истории еще одного немецкого поселения. Братья Иоганн и Иосиф Пруггеры прибыли сюда с семьями из Семипалатинского уезда, куда они первоначально переселились в 1896 г. из колонии Гнаденбург на Северном Кавказе. В 1904 г. в Змеиногорский уезд

прибыла семья Адама Бахмана из колонии Рорбах (Одесская область). Три семьи образовали на свободных землях, вблизи Сугатовского рудника, небольшую заимку — «Пруггерхоф», куда вскоре стали прибывать и другие немецкие семьи: Ауст, Аншиц, Теслав. Образовавшаяся колония получила название Пруггеро, ее жители также были задействованы в эксперименте Кениха [18].

Весной 1909 г. несколько переселенческих семей из Саратовской губернии (Шенкель, Шенгальц, Роммель и другие) обосновались в окрестностях заимки Горкуновых. Свое поселение они первоначально назвали Шенкельсхутор, затем — Гнаденфельд, впоследствии поселок стал называться Горкуново [19]. Когда название Гнаденфельд сменили на Горкуново, нам установить не удалось. В свидетельстве о рождении, выданном на имя Я. Шенгальца в 1918 г., фигурирует название Гнаденфельд [20], а в документах конца 20-х гг. — Горкуново. Эти три немецких селения расположились довольно компактно к северо-западу от с. Шемонаиха (ныне райцентр).

На некотором отдалении к северу от этой группы колоний возникло еще одно поселение с необычным названием — Америка. Его основали немцы — переселенцы из Волынской губернии. В материалах Шемонаихинского филиала ВК историко-краеведческого музея фигурируют две версии объяснения названия колонии:

- поселение расположилось далеко от других сел, и о его жителях говорили: «Забрались далеко, как в Америку»;
- основавшие село немцы первоначально хотели эмигрировать в Америку, но это им не удалось. Переселившись в Сибирь, кто-то из них сказал: «Вот она — наша Америка» [21].

(В Перечне поселений, составленном К. Штумппом, упоминаются две Америки: одна в районе Золотухи Семипалатинской области, вторая — в районе Шемонаихи Семипалатинской области [22].) В числе первых переселенцев, основавших Америку, были семьи Прайс, Риммер, Сайк.

В течение 1909—1914 гг. наблюдался приток немецких переселенцев в этот регион. Многие переселенцы оседали в смешанных поселках. В составе переселенцев были немцы из Саратовской, Самарской губерний, с Кавказа и из Западных областей Украины. Их путь пролегал по железной дороге через Омск, Семипалатинск, либо по р. Иртыш до пристани Уба-Фарпост.

Переселение немецких колонистов осуществлялось на общих с российскими крестьянами условиях, но в то же время фактическое водворение их на территории Азиатской части с конца XIX в. вплоть

до Первой мировой войны жестко регламентировалось местными властями [23]. Своеобразие административно-территориального устройства Восточного Казахстана определило некоторые характерные черты процесса переселения немцев в этот регион. Большая часть ВКО тогда входила в состав Семипалатинской области, в отношении которой действовал ряд ограничений по переселению и размещению немецких колонистов. Известные инициативы губернатора Семипалатинской области Тройницкого, признавшего «заселение Семипалатинской области немцами крайне вредным», нашли одобрение у генерал-губернатора Степного края Е. Шмита [24]. Было принято решение о заселении немцами в Семипалатинской области только прежде образованных участков. Очевидно, с этим связано то, что в этой части региона возникло лишь одно немецкое поселение — Екатериновка, и немцы в основном размещались в смешанных поселках. Северо-западная же часть региона входила в состав Томской губернии, являвшейся во второй половине XIX — начале XX в. основным районом немецкой крестьянской колонизации, и этим объясняется интенсивность миграции немцев в эту часть ВКО.

Несколько слов о самой территории Восточного Казахстана, ставшей объектом немецкой колонизации. Общий характер рельефа этой территории — увалистая равнина с возвышенностями, пересеченная небольшими речушками. Климат региона был относительно благоприятным. Продолжительность безморозного периода составляла 180–200 дней, количество годовых осадков — 300–400 мм, снежный покров зимой составлял примерно 0,5 м. В то же время зима иногда сопровождалась буранами и метелями, лето — засушливыми месяцами и суховеями. Особенности климата региона являлись ранние осенние и поздние весенние заморозки. Почвы в местах размещения немецких поселков представляли черноземы обыкновенные, глинистые и суглинистые. Массивы пахотных земель располагались компактно и были относительно удобными для хозяйствования. Вполне удовлетворительной была водообеспеченность местности. Немецкие поселения располагались в основном по берегам небольших речушек [25]. Окружающая их природа была практически нетронутой. В несколько менее благоприятных условиях находились Америка и Екатериновка. Неудобное положение по отношению к господствующим ветрам стало причиной переноса поселков, кроме того, в поселках ощущался недостаток удобных земель, в некоторых местах почвы были каменистыми, что затрудняло ведение хозяйств.

В истории немецких поселений в Восточном Казахстане до 1941 г. прослеживаются два периода: I — от момента основания колоний и поселений в начале XX в. до конца 1920-х гг.; II — начало 1930-х — 1941 гг.

Первый период был временем обустройства переселенцев, постепенного становления и развития немецких поселков. Нелегким было хозяйственно-экономическое положение переселенцев, особенно в первые годы. В основном переселенцы представляли беднейшую часть немецкого крестьянства. Все тяготы первых переселенческих лет им приходилось преодолевать собственными силами, не уповая на помощь государства.

В первые годы немцы-колонисты жили в простых, хорошо утепленных землянках или дерновых домиках. Первоначально семьи обрабатывали по 8–10 десятин земли, затем по 15–20. Земледелие являлось основой хозяйствования в немецких поселках, ему сопутствовали подсобное животноводство и мелкие ремесленные промыслы. Основной земледельческой культурой была пшеница, а в колониях Кенигово и Пруггерово переселенцы, кроме того, выращивали сахарную свеклу по проекту О. Кенига. Часть переселенцев имела с собой сельскохозяйственный инвентарь, некоторые необходимые орудия изготавливались на месте. В колониях строились кузницы, мельницы. Многие ремесленные промыслы развивались довольно успешно. Так, колония Екатериновка славилась производством телег, Америка — изготовлением сбруй [26]. Для водообеспечения поселков колонисты сооружали колодцы, а в некоторых колониях были устроены даже пруды [27].

К 1914 г. немецкие поселки выросли, число их жителей увеличилось. Значительные последствия для немецких колонистов региона имела Первая мировая война. Немцы-мужчины были мобилизованы в армию и отправлены на фронт. Из колонии Гнаденфельд, где проживало 20 немецких семей, на фронт было призвано 8 человек [28]. Иностранцы специалисты, работавшие в регионе, выехали в спешном порядке. Среди них был и Отто Кениг, после отъезда которого проект строительства сахарного завода так и не был осуществлен [29]. Кроме того, с началом Первой мировой войны были приняты известные «антинемецкие законы», обсуждался вопрос о распространении этих законов на Степной край [30]. Постановлениями Временного правительства эти мероприятия были приостановлены.

Революция 1917 г. и последовавшие за ней события Гражданской войны не стали переломными в судьбе немецкого населения реги-

она. Немецкие колонии продолжали жить своей внутренней, несколько обособленной жизнью, основой которой была религия. Возникшие в первые годы после переселения религиозные общины (в основном лютеранские) сохранились и активно действовали. Хозяйственное положение колоний не позволяло им построить настоящие церкви, как это было в материнских колониях, поэтому религиозные собрания проводились в жилых домах. Руководители общин выбирались из числа жителей колоний, «знавших религиозную грамоту». Практически все переселенцы имели в своем небогатом переселенческом багаже Библии, молитвенники и другую религиозную литературу. Религия лежала в основе сохранения и строгого соблюдения народных обычаев и традиций [31]. В то же время, некоторое влияние на быт немецких поселенцев оказывали особенности региона их расселения и окружающая их среда.

Сведений о школьном деле в немецких поселках в нашем распоряжении пока не много. Одной из самых известных в середине 1920-х гг. школ региона была 4-классная немецкая школа, созданная учителем Мартином Аустом в с. Пруггеро в 1924 г. При школе был создан также и оркестр. Школа развивалась довольно успешно. Немецкие колонисты из окрестных селений привозили своих детей в Пруггеро для обучения в немецкой школе [32].

В этот же период были проведены мероприятия по землеустройству и организации землепользования в немецких поселках. В 1923–1925 гг. были проведены мероприятия по землеустройству выселка Кениговского Шемонаихинской волости Семипалатинского уезда. Как свидетельствуют архивные материалы, 28 июля 1923 г. прошло общее собрание жителей поселка, которое и выдвинуло ходатайство о выделении земельного участка [33]. Затем последовал целый ряд технических мероприятий земельного отдела. Следует отметить, что все работы были проведены довольно тщательно и последовательно. В том же году был составлен геодезический абрис выселка. В 1924 г. землемером Козловым было проведено геодезическое описание границ землепользования, составлены проект землеустройства, картушь и экспликация [34]. На основании его рапорта были составлены проверочные записки. 14 апреля 1924 г. состоялось Семипалатинское уездное землеустроительное совещание, которое постановило: «Предоставить выделяющейся группе граждан выселка Кениговского образовать земельное общество “Кениговское” в числе 24 дворов, 145 едоков, земельный надел на право общинного пользования общей площадью 709,61 десятин. К пользованию приступить с 14 апреля 1924 года» [35].

Техническое совещание подотдела землеустройства Семипалатинского губернского земельного отдела, состоявшееся 21 апреля 1924 г., «нашло землеустроительный проект правильным» [36]. 18 ноября 1925 г. решение об отводе земельного участка «Кениговского» было утверждено Семипалатинским губернским землеустроительным совещанием [37]. Аналогичные мероприятия, согласно ст. 194 Земельного Кодекса, были проведены и в других поселках региона.

В ходе работы с материалами по землеустройству мы обнаружили сведения еще об одном ранее не упоминавшемся немецком хозяйстве. Располагалось оно недалеко от с. Зыряновского и называлось «Немецкая артель». В архиве сохранился геодезический абрис «Немецкой артели», граничившей с выселком «Лесная Пристань» и рудником «Красный Партизан». По данным экспликации, участок «Немецкой артели» включал в себя 5,87 дес. усадебной земли, 65,13 дес. пахотной земли, 12,0 дес. сенокосной, 77 дес. выгонов и 190 дес. неудобных каменистых земель [38]. К сожалению, больше об этом хозяйстве нам пока узнать не удалось. (В документах более позднего периода мы также встретили упоминание о колхозе «Ландман», располагавшемся в этом же районе.)

Выделенный нами период развития немецких поселений региона характеризуется в целом незначительностью влияния государства и органов власти на местах на жизнь немецкого населения. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 12 мая 1929 г. «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях» отмечается «ряд недочетов в состоянии работы в немецких колониях, связанных в первую очередь с недостаточным вниманием к работе среди немецкого населения со стороны партийных и советских органов» [39]. Как видим, подобная ситуация имела место и в масштабах государства в целом.

Содержание доклада ЦИК КазССР в Президиум Совета национальностей ЦИК СССР (1928 г.) свидетельствует о том, что представления властей о положении немецкого населения в Казахстане были довольно общими и расплывчатыми [40]. Немецкое население еще не стало объектом силового давления со стороны государства.

В ходе рассмотренного нами периода наблюдается процесс переселения немцев на территорию Восточного Казахстана, их расселение в отдельных колониях и смешанных поселках, постепенное становление и развитие немецких хозяйств. К 1929 г., по данным переписи населения, на территории Восточного Казахстана проживало уже 1732 немца, или 0,4% от общей численности населения ре-

гиона. Основную массу составляли сельские жители, размещенные в Усть-Каменогорском уезде — 984 чел., Семипалатинском — 615, Зайсанском — 86, Бухтарминском — 47, и лишь 18 немцев проживали в городе Усть-Каменогорске [41]. В хозяйственном пользовании только пяти немецких колоний находилось более 5 тыс. дес. Кроме того, значительные массивы земли находились в хозяйственном пользовании немцев в смешанных поселках. Проведенный нами анализ позволяет в целом охарактеризовать период от момента образования колоний до конца 1920-х гг. как время относительно естественного внутреннего развития и становления немецких поселений в регионе.

Конец 20-х — начало 30-х гг. ознаменовались натиском советских партийных органов власти на село и традиционный уклад крестьянской жизни. Не избежали этой участи и немецкие колонии. В русле общей государственной политики немецкое население испытало на себе сверхнормы заготовительной кампании, «перегибы» в области налогообложения, антирелигиозную пропаганду и процесс коллективизации. Начался новый период в развитии немецких поселений в регионе. Он характеризуется, прежде всего, усилением внимания со стороны органов власти к немецким колониям, усилением давления на них как в хозяйственно-экономическом, так и в политическом плане.

12 апреля 1929 г. было принято известное Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях», в котором определялся курс политики и характер работы в колониях [42]. ЦК ВКП(б) предлагал: «Добиться решительного перелома в состоянии работы в немецких колониях. В этих целях мобилизовать для постоянной работы в них ряд руководящих работников краевого и окружного масштабов, вовлечь немецкие бедняцко-средняцкие массы в советское хозяйственное и культурное строительство, устраняя на этой основе засоренность советских и кооперативных органов и искривление линии партии в их работе... Учитывая хозяйственную самостоятельность немецкого крестьянства, поручить фракции ЦИК Союза ССР и Союза Союзов с/х кооперации разработать систему мероприятий, обеспечивающих полный охват системой с/х кооперации к 1930 г. всей массы немецкого батрачества и бедноты, и большинства середняков, построение в районах немецких колоний ряда колхозов-гигантов и машинно-тракторных станций, а также развитие и укрепление специальных видов с/х кооперации» [43]. Постановление

было направлено и в Казахстанский крайком ВКП(б). Кроме того, в сентябре 1929 г. в агитационно-пропагандистский отдел крайкома ВКП(б) было направлено Директивное письмо Агитпропотдела ЦК ВКП(б) с просьбой сообщить не позднее 25 октября 1929 г. о конкретных мероприятиях по докладу об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях [44]. Директивное письмо выделило ряд первоочередных задач:

- развертывание массовой работы среди немецких крестьян;
- борьба с эмиграционным движением;
- коренизация партийного и советского аппаратов;
- выдвижение активных немцев-батраков и середняков;
- рост партии в немецких колониях и др. [45].

22 октября 1929 г. в связи с этим же вопросом ЦК ВКП(б) направил письмо территориальным партийным комитетам, в том числе и Казахстанскому крайкому, с требованиями принять немедленные конкретные шаги по его решению. Таким образом, был взят особый курс в отношении немецких колоний, который нашел свое воплощение на местах.

Так, уже 18 ноября 1929 г. было принято постановление Секретариата Семипалатинского окружного комитета ВКП(б) «О положении в немецких поселках», которое поднимало в первую очередь проблему эмиграционных настроений среди немцев-колонистов [46]. Вполне очевидно, что это была ответная реакция немецкого населения на натиск государства, но окружком видел главную причину эмиграционного движения во «влиянии кулачества на середняков и беднейшее крестьянство» [47]. Исходя из этого, Шемонаихинскому, Бель-Агачскому и Усть-Каменогорскому райкомам предлагалось усилить работу в немецких поселках. Основной задачей парторганизации являлось «разложение» эмиграционного движения за счет отрыва бедняков и середняков от кулачества. В то же время, окружком не мог не видеть и других причин эмиграционного настроения, и хотя они не выдвигались на первый план, постановление обязывало РК «проверить наличие фактов искривления классовой линии в немецких поселках в сторону переобложения середняка и бедняка и без учета специфических условий этих поселков...». В Бель-Агачский, Шемонаихинский и Усть-Каменогорский РК направляли двух человек, знающих язык. В течение месяца РК должны были доложить о принятых практических мерах.

Немецкие поселения региона, наряду с другими немецкими колониями Казахстана, стали объектом специального внимания. ОГПУ

по КазССР уже в начале 1930 г. представило обзор политико-экономического состояния немецких семей в Казахстане [48]. Обзор включал в себя разделы о хозяйственном положении колоний, их политическом развитии и ряд статистических сведений.

Одним из основных регионов размещения немцев в Казахстане был Семипалатинский округ, включавший тогда и территорию ВКО. По данным ЦСУ, немцы проживали здесь в пяти районах: Бель-Агачском, Шемонаихинском, Усть-Каменогорском, Риддерском и Зырянском (4 последних вошли в состав ВКО) [49]. Количество немецких хозяйств, по данным того же ЦСУ, по Семипалатинскому округу составляло 761 [50]. В обзоре отмечается резкое отличие хозяйственной жизни немецкого населения Казахстана от окружающего русско-крестьянского. «При наличии предприимчивости, организованности и сравнительно высоком общем развитии немцев, их хозяйства являются наиболее мощными и доходными» [51]. В то же время, четкие представления о хозяйственном состоянии немецких поселений в обзоре отсутствуют. В качестве средних показателей приводятся данные по двум основным видам хозяйств — середняцкому и бедняцкому по Павлодарскому округу, которые, к сожалению, не отражают полную картину положения хозяйств по всем регионам. Средняцкое хозяйство включало: 5 едоков, 3 раб. лошади, 1 корову, 4 молодняка, 1 бричку, ½ лобогрейки; посев — 20,75 дес., урожай всех культур — 168 пудов, налоги и страхплатежи — 48 руб. 39 коп., самообложение — 15 руб. 40 коп., задолженность — 172 руб. 82 коп. Бедняцкое хозяйство: едоков — 8, раб. лошадей — 2, коров — 1, бричка — 1, лобогрейка — 1/3, посев — 19,5 дес., урожай — 84 пуда, налоги и страхплатежи — 15 руб. 40 коп., самообложение — 3 руб. 30 коп., задолженность — 335 руб. [52]. В плане политического развития в обзоре отмечается существенная роль религии в жизни немцев, консерватизм населения и недостаточность массовой работы среди немецкого населения. Шесть разделов обзора так или иначе затрагивают проблему эмиграционного движения. В основе представлений о его причинах также лежит теория «противодействия кулачества», хотя в то же время признается, что эмиграционному движению способствовало проведение хозяйственно-политических кампаний в деревне и отсутствие перспектив к развитию индивидуального хозяйства [53]. Отмечается, что многие немецкие поселки отказались от принятия контрольных цифр «в стремлении к скорейшему выезду, некоторые немецкие поселки выполняли контрольные цифры по хлебозаготовкам в максимально короткие сро-

ки» [54]. В Семипалатинском округе хлебозаготовительная кампания была по некоторым поселкам выполнена на 170% [55]. В этот период наблюдалась массовая распродажа скота и всего имущества, особенно в Семипалатинском округе, что объяснялось его близостью к железной дороге.

В обзоре зафиксировано наличие этих настроений в пос. Дубырь и Карла Маркса Семипалатинского округа и сделан ряд критических замечаний в адрес низовых советских и общественных организаций, «закупивших скот и сено у собиравшихся к отъезду немцев» [56]. Масштабы эмиграционного движения в Семипалатинском округе были довольно внушительными, им было охвачено 731 хозяйство: 6 селений Усть-Каменогорского района, 1 село Убинского района, 6 селений Бель-Агачского района, 4 селения Шемонаихинского района. В обзоре отмечается, что «в Семипалатинском округе 53 семейства из распродавших свои хозяйства пытались выехать в Москву, но благодаря принятым мерам они с пути возвратились обратно» [57]. Что же было предпринято властями для ликвидации эмигрантских настроений? Выход был найден простой — ряд силовых и запретительных мер: запрещение продажи имущества и расторжение сделок купли и продажи как кабальных, прекращение выдачи справок о выполнении хлебозаготовок и других госповинностей, прекращение продажи ж/д билетов, задержание пытавшихся выезжать, организация разъяснительной работы и мероприятий по линии ОГПУ, и лишь на второй план ставились некоторые мероприятия по улучшению кредитования, кооперирования, расширению сети культурно-просветительных учреждений и др. [58].

Таким образом, проблему не решали, а снимали жесткими силовыми методами, и в итоге — естественный результат, зафиксированный в обзоре: «брожение и подготовка к новой эмиграции» [59].

Дальнейшую судьбу немецких поселений в Восточном Казахстане определил начавшийся процесс коллективизации, в ходе которого имели место как моменты, общие для коллективизации сельского хозяйства всей страны, так и ряд особенностей, вызванных уровнем развития хозяйства в немецких колониях, традиционным укладом жизни и менталитетом немцев-колонистов.

Как известно, Казахстан был отнесен по плану к региону, где процесс коллективизации должен был быть завершен к 1932 г. [60]. В ходе внедрения этого плана в жизнь немецкие хозяйства пережили и тотальное обобществление конца 20-х гг., и выход из колхозов после «головокружения от успехов», и очередное обобществление

начала 30-х гг. Как показывают материалы по организации территорий колхозов и протоколы общих собраний, коллективные хозяйства в немецких поселках Восточного Казахстана оформлялись в 1931–1933 гг. Практически все они имели уставную форму сельскохозяйственной артели.

В пос. Америка в 1931 г. была образована с/х артель «Фрид Фельд». К моменту создания колхоза в селе проживало 33 семьи, 171 едок, бедняцких хозяйств было 9, середняцких — 24 [61]. Земельная территория была отведена колхозу в марте 1932 г. в порядке землеустройства из земель с. Америка. В общем пользовании колхоза и единоличников были: 342 га пастбищ, 700 га пашни, 14 га неудобной земли, 52 лошади, 43 овцы и 16 свиноматок [62].

Несмотря на противодействие властей, жители с. Америка отказались от форсированных темпов коллективизации и первоначально обобществили только лошадей; через год, когда были построены загоны, обобществили оставшийся скот, что позволило им избежать падежа скота, имевшего место во многих наспех созданных колхозах [63]. Диктатом районного земельного отдела были predeterminedены планы посевов и заложены основы специализации хозяйства.

В 1932 г. окончательно оформилось коллективное хозяйство в с. Горкуново (Гнаденфельд). Колхозу им. Розы Люксембург была отведена земельная территория из состава земель поселка. К 1934 г. в Горкуново проживало 58 немецких семей, 276 едоков, в колхозе состояло 55 семей, 265 едоков. По социальному составу 13 хозяйств были бедняцкими, 42 — середняцкими [64].

Колхоз был немного крупнее, чем хозяйство «Фрид Фельд» и имел в общем пользовании 1418 га пашни, 32 га сенокосов, 63 пастбища. Поля размещались по берегам рек Горкуновки и Черепашихи. Проблема водоснабжения решалась за счет колодцев, которых в поселке было около 30. Поселок имел неплохую дорожную сеть [65]. В это же время было образовано еще одно крупное немецкое коллективное хозяйство — колхоз им. Карла Либкнехта, объединивший поселки Кенихово и Пруггеро. Земельная территория была отведена ему в марте 1933 г. в порядке землеуказания из состава земель двух поселков [66]. Колхоз состоял из двух бригад, имевших самостоятельные севообороты и, очевидно, развивался в первые годы далеко не успешно. Как отмечается в проекте по организации территории хозяйства, земли в колхозе использовались нерационально. Вскоре было принято решение о разукрупнении хозяйства [67]. Из колхоза им. Карла Либкнехта было выделено хозяйство «Рот Фронт» с цент-

ральной усадьбой в с. Кенихово. Выделившийся колхоз имел в своем составе «29 семей, 138 едоков, общая площадь земель составила 929,6 га (631 га — пашни, 513 га — луга, 238,9 га — выгоны, 17, 2 га — усадьба), 128 голов скота было обобществлено и 65 находилось в индивидуальном пользовании» [68].

В колхозе им. Карла Либкнехта (с. Пруггеро) осталось 2187,2 га земли: 21,5 га занимали усадьбы, 1663,1 га — пахота и 460,8 га — выгоны, 383 головы скота находилось в общем пользовании и 251 голова — в личном. Всего в колхозе состояло 56 семей, 244 едока [69].

В начале 1930-х гг. были созданы также и немецкие хозяйства «Нацмен» в с. Екатериновка и «Немецкая артель» в Зырянском районе. Аналогичной была судьба немецких колонистов в смешанных поселках. В селе Герасимовка немцы проживали совместно с эстонцами и составляли около 50%. В начале 30-х гг. здесь был образован ТОЗ «Красный Пахарь». Первоначально в ТОЗ вошли 23 человека, его возглавил немец Богдан Гопп. Протоколы общих собраний членов хозяйства свидетельствуют о том, что в первые годы его существования соблюдались принципы демократии. На собраниях совместно устанавливались нормы выработки, обсуждались принципы организации хозяйства. Так, например, в апреле 1931 г. на одном из собраний было принято решение о сокращении нормы вспашки на 1 человека с 1,5 га до 1,25 га и снижении количества лошадей на одного конюха с 15 до 7 — для улучшения качества работы и ухода за лошадьми [70]. На собрании также обсуждался вопрос о переходе на устав с/х артели, но он остался пока открытым (к с/х артели перешли позже). При выборах правления колхоза соблюдалось соотношение по национальному признаку. В 1931 г. в колхозе был поставлен вопрос о «чистке». На одном из собраний отмечалось: «В колхозах и коммунах зачастую скрываются чуждые элементы и под крылышками колхозов ведут свое вредное дело». «Чистка» приобрела своеобразную форму: каждый из 27 членов хозяйства поочередно рассказывал свою биографию и отвечал на вопросы типа: «Бедняк или богач?», «Использовал ли в хозяйстве наемную силу?», «Как относишься к религии?» и т. п.

Основную массу колхоза, судя по протоколу, составляли бедняки, в прошлом — батраки. В итоге было принято решение: «Из колхоза никого не исключать» [71].

В целом же, в ходе организации колхозов в немецких поселках преобладали методы командно-силового воздействия и диктата со стороны партийных и хозяйственных органов. Уже в первые годы

существования коллективных хозяйств была определена их специализация. Несмотря на то, что все планы спускались колхозам сверху, основа их специализации во многом была predetermined еще в первые годы существования переселенческих хозяйств. Практически все немецкие колхозы развивались как зерново-животноводческие, основными направлениями хозяйств были зернотехническое в полеводстве и мясомолочное в животноводстве [72]. В немецких хозяйствах Шемонаихинского района (колхозы им. Карла Либкнехта, им. Розы Люксембург, «Фрид Фельд») существенную роль играло выращивание сахарной свеклы, начало которому было положено еще О. Кенигом.

Во второй половине 1930-х гг. немецкие колхозы стали крепнуть, наряду с основными отраслями хозяйства стали развиваться подсобные перерабатывающие. В немецких колхозах производили собственное подсолнечное и сливочное масло, муку, колбасу, сохранились и некоторые ремесленные промыслы [73]. В то же время и немецкие колхозы несли на себе груз обязательных поставок государству с/х продукции, их душили денежные и натуральные налоги, к которым добавлялись еще и кампании подписки на «добровольный госзаем» [74].

В 1934 г. было положено начало кампании по организации территорий колхозов в связи с введением севооборота по плану на 1937 г. Был проведен ряд мероприятий и в немецких колхозах Восточного Казахстана. По каждому хозяйству были, в соответствии с указаниями Казнаркомзема и Бюро севооборотов, разработаны проекты. Как показывают архивные материалы, эти проекты разрабатывались по единой, специально установленной форме. В каждом проекте должна была быть обоснована правильность проведенной организации территории, изложены основные предпосылки, послужившие к выбору севооборота, установлен сопутствующий севообороту агрокомплекс мероприятий и дан конкретный обоснованный план перехода к севообороту. Для осуществления этих задач создавались и направлялись на места спецбригады Восточно-Казахстанского областного земельного управления. Составленные проекты являлись не только документами, закреплявшими организацию территорий колхозов, но и служили конкретным планом развития хозяйств. Колхозы получили «отдельные указания к заполнению проекта организации территории в связи с введением севооборотов» [75], за подписью председателя Бюро севооборотов Казнаркомзема Виталина и заместителя нач. Управле-

ма ВНКЗ Шереметьева. Материалы проектов могут служить весьма полезным источником для изучения развития немецких хозяйств в 30-е гг.

В ходе проведения мероприятий по организации территории колхоза «Фрид Фельд» (с. Америка) был установлен целый ряд недостатков системы землепользования: неудобное расположение пос. Америка по отношению к господствующим ветрам в зимнее время, недостаток земли, особенно пастбищной. Кроме того, в проекте отмечается, что «поселок совершенно запущен». В качестве выхода был определен перенос поселка на новое место с отводом и разбивкой приусадебных участков. Намечалась также «прирезка» земли от единоличников пос. Крючки Змеиногорского района Западно-Сибирского края и колхоза «В путь» Шемонаихинского района. Таким образом, поселок был немного смещен. Среди запланированных на 1937 г. мероприятий была и постройка пруда в 1,5 км выше усадьбы колхоза с целью решения проблемы водообеспечения. Планировалось также увеличение пашни [76]. Очевидно, что пахотных земель по-прежнему не хватало, это явилось причиной обращения правления колхоза в райзо в марте 1937 г. с просьбой прирезки земли (500 га) от Шемонаихинского свиновосхоза. Получив отказ, колхоз должен был осваивать неудобные земли [77]. К концу 30-х гг. колхоз окреп, изменился и внешний облик поселка: небольшие, но ухоженные саманные домики образовали одну ровную чистую улицу.

В колхозе им. Розы Люксембург (с. Горкуново) проектом также были зафиксированы недостатки в организации территории: близость территории колхоза к усадьбам, запутанность земельных отношений с соседними хозяйствами. Для решения этих проблем провели прирезку земель, ликвидировали чересполосицу, а для улучшения водообеспечения решено было построить пруд на р. Горкуновка с механической подачей воды. Стоимость пруда составила 5000 руб., стоимость установки — 2000 руб. Кроме того, к 1937 г. планировалось увеличить посевную площадь в 1,5 раза. Схема севооборота включала в себя 8-польный севооборот — 1200 га и прифермский 5-польный севооборот — 50 га. Намечалась и дальнейшая механизация хозяйства [78].

К концу 30-х гг. колхоз им. Розы Люксембург был вторым хозяйством района, уступая лишь колхозу им. Карла Либкнехта.

В колхозе им. Карла Либкнехта также была проведена реорганизация территории. Одной из первых проблем хозяйства было водообеспечение, которое удовлетворялось только на 40%. Для ее реше-

ния планировалось углубление колодцев, расчистка и ремонт существующего пруда и постройка нового. Эти работы должны были обойтись хозяйству в 7–8 тыс. руб. В период существования в колхозе двух бригад (до разукрупнения) происходило «бессистемное использование пахотных земель, наблюдалась однокультурность в течение ряда лет, что привело к снижению урожайности и засоренности почв сорняками». Кроме разукрупнения хозяйства, было принято решение о переходе к системе севооборота: введение чистого пара, восьми- и пятипольного севооборота и установление порядка чередования культур [79]. Успешное проведение этих мероприятий и во многом старание жителей немецкого хозяйства способствовали тому, что колхоз им. Карла Либкнехта стал передовым в районе и области и даже был в 1937 г. награжден в духе времени памятником Ленина, установленным в центре с. Пруггерovo. Не секрет в то же время, что многое тогда достигалось за счет сверхнапряжения людей и пренебрежения их личными человеческими интересами и нуждами.

Аналогичные мероприятия были проведены и в других хозяйствах.

Конец 30-х гг. также оставил существенный след в судьбе немецкого населения региона. В этот период на территорию ВКО прибыло некоторое число репрессированных немцев-кулаков и «политических» [80] (этот вопрос требует дополнительного архивного изучения). Репрессии 1937–1938 гг., затронувшие немецкое население региона, как показывают архивные материалы и воспоминания современников, носили не только политический, но и национальный характер. Наряду с традиционными обвинениями в «антисоветской агитации», «религиозной пропаганде», контрреволюционном прошлом», «антиправительственных высказываниях» и т. п., немцы проходили по целому ряду процессов так называемых фашистских организаций, против них выдвигались обвинения в «связях с Германским Рейхом», «пособничестве германской разведке» и «распространении фашистской агитации». В с. Америка за «организацию заговора против советской власти» были репрессированы Рудольф и Фердинанд Прайсы [81]; в с. Горкуново на 60 дворов было репрессировано 18 немцев (Бем Христиан, Шенкель Петр и Андрей, Франк Яков, Альбрехт Кондрат, Бахман Андрей, Фрид Фридрих и др.) [82]. Среди репрессированных были рядовые колхозники, председатели, бригадиры, представители немногочисленной сельской интеллигенции, беспартийные и даже члены партии, последних насчитывались единицы (в основном, бывшие военнопленные).

Принадлежность к немецкой национальности часто служила достаточным поводом для обвинения и упрощала процесс фабрикации дел. Репрессии нанесли существенный удар по немецкой культуре, прежде всего по религиозной жизни немцев и по и без того слабому национальному образованию в немецких поселках.

В октябре 1937 г. в с. Пруггерovo был арестован уже известный нам учитель, организатор немецкой школы Мартин Ауст. В январе 1938 г. его как «врага народа» расстреляли. Вскоре была репрессирована и сама школа. Преподавание на немецком языке было запрещено, школа была переведена на русский язык [83]. Аналогичной была судьба немецких школ в пос. Екатериновка и Кенигово [84]. В одном из протоколов общего собрания колхоза «Рот Фронт» (с. Кенигово) от 10 мая 1938 г. мы обнаружили информацию о закрытии школы. В повестку дня собрания был включен вопрос о реорганизации немецкой школы в русскую или казахскую. На собрании выступил с информацией инструктор роно Кирдяев. По итогам его выступления собрание приняло решение: «Немецкую школу реорганизовать в русскую, то есть, в основном, ввести преподавание на русском языке» [85].

Результатом демографических процессов, имевших место среди немецкого населения Восточного Казахстана в 20–30-х гг. стало увеличение общей численности немцев и расширение территории их расселения. По переписи 1939 г., в ВКО проживало 4041 немец (муж. — 2002, жен. — 2039), размещались они во всех 14 районах области. Доля немцев в общей численности населения области выросла в два раза и, по данным на 1939 г., составила 0,8%. 3590 человек являлись сельскими жителями и лишь 451 — городскими. Наибольшая их концентрация по-прежнему отмечалась в Шемонаихинском районе — 1406 (3,4% населения), Предгорненском — 738 (1,6%), Уланском — 480 (2,2%), Кировском — 562 (0,9%), а также Зыряновском — 207. По несколько десятков немцев было размещено в 9 других районах, не являвшихся традиционными регионами их расселения [86].

Рассмотренный нами 40-летний отрезок истории немецких поселений в Восточном Казахстане был довольно неоднозначным. Мы выделили два периода их развития и проанализировали целый ряд сложных процессов, имевших место в истории немецких поселков до 1941 г. С началом войны и прибытием депортированных немцев в ВКО, в том числе и в немецкие поселки, начинается новый период в их истории. Местные немцы разделили участь депортирован-

ных и вместе с ними прошли через систему «трудовых лагерей» и режим спецпоселений. Этот период остается за хронологическими рамками нашего исследования. Неоднозначным было развитие немецких поселков и в 1950–1960 гг. В связи с политикой укрупнения колхозов прекратили свое существование некоторые поселки, в которых проживали немцы, в том числе и немецкое село Америка, признанное «неперспективным».

Сегодня бывшие некогда немецкие колонии Екатериновка, Прутерово, Кенюхово, Горкуново еще существуют на карте, но в каждом поселке осталось лишь несколько немецких семей. История немецких поселений в Восточном Казахстане подходит к своему концу. Этот факт делает проблему необходимости ее изучения еще более насущной. Ведь немцы жили на этой земле, трудились, она стала Родиной для нескольких поколений немцев. Немало доброго сделали немцы для этой земли, и забвение их истории несправедливо.

Примечания

1. К началу процесса массового переселения немцев в конце XIX – начале XX в. на нынешней территории ВКО располагались Зайсанский и Усть-Каменогорский уезды Семипалатинской области и часть территории Алтайского округа Томской губернии (Александровская, Бобровская, Бухарминская, Владимирская, Зыряновская, Нарымская, Риддерская, Усть-Каменогорская волости). В 1881 г. эти территории вошли в состав Семипалатинской губернии. 1920–1930 гг. также ознаменовались рядом территориально-административных реформ. Лишь в 1939 г. были установлены границы ВКО (с центром в г. Усть-Каменогорске), которые и определяют географические рамки работы. В этих границах область просуществовала до 1998 г., когда произошло объединение с Семипалатинской областью с сохранением названия ВКО.
2. Подробнее см.: I. Jerofeeva. Die Rolle der deutschen Diaspora in der Geschichte der russischen Kultur // Феникс. 1998. Июнь. № 18.
3. Без волостей Томской губернии. См.: Алексеев А.Н. Народы Восточного Казахстана. Усть-Каменогорск, 1994. С. 5.
4. См.: Mergenthaler A. Die deutschen Siedlungen in Sibirien und Mittelasien. Mit Karte // HBR. 1959. S. 16; K. Stumpp. Das Rußlanddeutschtum in Nord-(Sibirien) und Mittelasien // HBR. 1954. S. 5–23; K. Stumpp. Verzeichnis der deutschen Gemeinden in Nord- und Mittelasien (mit Karte). Ebenda. S. 87–100 und Beilagen. См. также: K. Stumpp. Das Schrifttum über das Deutschtum in Rußland. Stuttgart, 1980; D. Brandes, M. Busch, K. Ravlovic. Bibliografie zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. Bd. 1. München, 1994.
5. См.: Малиновский Л.В. Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995; Он же. Причины и обстоятельства миграции немецких колонистов на Восток в XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф., Анапа 26–30 сентября 1997. М.: Гютика, 1998. С. 89–96; Кригер В.Э. Социаль-

- но-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период). АКД. Алматы, 1991; Виле П.П. К вопросу о факторах, определявших колонизационные возможности немецко-колонистов в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: Материалы междунар. науч. конф., Анапа 20–25 сентября 1995 г. М., 1996. С. 232–237; Он же. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев... С. 134–144; Он же. Переселение немецко-колонистов в Степной край в конце 19 – начале 20 вв. (на примере Акмолинской, Семипалатинской губерний) // История немцев Центральной Азии: Материалы междунар. науч. конф., Алматы, 8–10 октября 1997 г. Алматы, 1998. С. 19–30 и др.
6. См.: Никифоров И.Д. Немецкое население Рудного Алтая в кон. 19 – пер. четверти 20 в. (на материалах поселков Шемонаихинского района ВКО // История немцев Центральной Азии... С. 36–43.
 7. См.: Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.): Сб. документов. М.: Гютика, 1997.
 8. См.: Государственный архив Восточно-Казахстанской области (далее – ГВКО). Ф. 568. Оп. 1. Св. 5а. Д. 53; Оп. 4. Д. 115; Св. 9. Д. 104, Д. 96; Св. 8, Оп. 5. Д. 1509а; Св. 101.
 9. См.: Там же. Ф. 752. Оп. 2. Св. 24. Д. 355; Св. 17. Д. 221, 548.
 10. См.: Там же. Ф. 685. «Колхозы ВКО».
 11. ЦПСИ при Прокуратуре ВКО. Архив № 35323. Л/д № 7057; А. № 35532. Л/д № 151; А. № 35293. Л/д № 0723; А. № 35297. Л/д № 0117; А. № 4135. Л/д № 4791 и др.
 12. См.: Примечание 1.
 13. См.: Виле П.П. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998. С. 135.
 14. См.: K. Stumpp. Verzeichnis der deutschen Gemeinden in Nord- und Mittelasien (mit Karte). HBR. 1964. S. 87–100.
 15. См.: Воспоминания жителей с. Екатериновка Ивана и Пияты Вайскербер (в архиве автора).
 16. См.: Шемонаихинский филиал ВК областного историко-краеведческого музея. Копия контракта германского подданного О. Кенига с Главным Управлением Алтайского округа 1902 г. (на 4 л.).
 17. См.: Черников В. Очерки о переселенцах г. Шемонаиха. Усть-Каменогорск, 1994.
 18. См.: Там же; Никифоров И.Д. Немецкое население Рудного Алтая в кон. 19 – пер. четверти 20 в. // История немцев Центральной Азии. С. 37–38.
 19. См.: Шемонаихинский филиал ВК областного историко-краеведческого музея. Воспоминания Я.А. Шенгальца по истории с. Горкуново, записанные Н. Засухиной. Шемонаиха, 1990.
 20. См.: Там же. Копия свидетельства о рождении Я. Шенгальца.
 21. См.: Там же. Воспоминания Л.А. Бабакиной-Прайс, уроженки с. Америка; Мушин М. Америка земли Шемонаихинской // Феникс. 1998. № 24. С. 208–209.
 22. См.: Примечание 14.

23. См.: Вибе П.П. Переселение немцев-колонистов в Степной край в кон. 19 – нач. 20 вв. // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1998. С. 19–23.
24. См.: Там же.
25. Сведения приводятся по данным проектов по землеустройству и организации территорий хозяйств ВКО (см. примеч. 8).
26. Сведения приводятся по материалам Шемонаихинского филиала ВК историко-краеведческого музея.
27. См.: Черников В. Очерки о переселенцах. Шемонаиха, 1994. С. 2.
28. См.: Воспоминания Я. Шенгальца (примеч. 19).
29. См.: Никифоров Н.Д. Немецкое население Рудного Алтая в кон. 19 – пер. четверти 20 вв. // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1998. С. 40.
30. См.: Вибе П.П. Переселение немцев-колонистов в Степной край в кон. 19 – нач. 20 вв. // Там же. С. 27–29.
31. Сведения приводятся по воспоминаниям современников и материалам музеев ВКО.
32. См.: Черников В. Очерки о переселенцах... С. 4.
33. См.: ГАВКО. Ф. 568. Оп. 1. Д. 53. Св. 5а. Л. 40.
34. См.: Там же. Л. 34–35.
35. Там же. Л. 40–41.
36. Там же. Л. 39.
37. Там же. Л. 38.
38. Там же. Оп. 5. Д. 1509а. Св. 101. План села Зыряновского и выселков из него.
39. См.: Из истории немцев Казахстана (1921–1975). М., 1997. С. 26.
40. См.: Там же. С. 20–22.
41. См.: Алексеев А.Н. Народы Восточного Казахстана. Усть-Каменогорск, 1994. С. 7.
42. См.: Из истории немцев Казахстана... М., 1997. С. 26–28.
43. Там же. С. 27.
44. См.: Там же. С. 29–30.
45. См.: Там же. С. 29.
46. См.: Там же. С. 31–32.
47. Там же. С. 31.
48. См.: Там же. С. 47–66.
49. Там же. С. 48.
50. См.: Там же.
51. Там же.
52. См.: Там же. С. 49.
53. См.: Там же. С. 51–54.
54. Там же. С. 58.
55. См.: Там же.
56. Там же. С. 59.
57. Там же. С. 61.
58. См.: Там же. С. 61–62.
59. Там же. С. 64–66.
60. См.: Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998. С. 39.
61. См.: ГАВКО. Ф. 568. Оп. 4. Д. 105. Л. 22.
62. См.: Мусин М. Америка земли Шемонаихинской // Феникс. 1998. № 24. С. 209.
63. См.: Там же. С. 210.
64. См.: ГАВКО. Ф. 568. Оп. 4. Д. 104. Л. 1.

65. См.: Там же. Л. 2–4.
66. См.: Там же. Д. 96. Св. 8. Л. 1–5.
67. См.: Там же. Л. 5.
68. Там же. Д. 105. Л. 1–6.
69. См.: Там же. Д. 96. Св. 8. Л. 6–7.
70. См.: Протоколы общих собраний колхоза «Красный пахарь» в коллекции ВК историко-краеведческого музея.
71. Там же.
72. См.: ГАВКО. Ф. 568. Оп. 4. Д. 115. Св. 9. Л. 2; Д. 104. Л. 1; Д. 105. Л. 1, 22; Д. 86. Св. 8. Л. 1, 28.
73. См.: Мусин М. Америка земли Шемонаихинской // Феникс. 1998. № 24. С. 212–213.
74. Там же. С. 213.
75. ГАВКО. Ф. 568. Оп. 4. Д. 105. Л. 21.
76. См.: Там же. Л. 24–27.
77. См.: Мусин М. Америка земли Шемонаихинской... С. 212.
78. См.: ГАВКО. Ф. 568. Оп. 4. Д. 104. Л. 2–4.
79. См.: Там же. Д. 96. Св. 8. Л. 4–9, 23–29, 31.
80. См.: ЦПСИ при Прокуратуре ВКО. Архив № 35323. Л/д № 7057; А. № 35297. Л/д № 0117; А. № 35532. Л/д. № 151; А. № 35293. Л/д № 0723.
81. См.: Воспоминания Л.А. Бабакиной-Прайс.
82. См.: Воспоминания Я.А. Шенгальца по истории с. Горкуново.
83. См.: Черников В. Очерки о переселенцах...
84. См.: Воспоминания Ивана и Пиаты Вайскербер из истории с. Екатериновка.
85. ГАВКО. Ф. 752. Оп. 2. Д. 221. Св. 17. Л. 37–38.
86. См.: Алексеев А.Н. Народы Восточного Казахстана... С. 9–37.

ПРОБЛЕМА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С. Ханья

Японский литературовед-русист К. Кавабата в недавно изданном уникальном очерке о культуре России писал о российских немцах так: «Из немцев Прибалтики, насчитывавших около 300 тысяч человек в начале XX века, начиная с XVIII века вышло немало чиновников российского правительства, игравших ведущую роль в политике Российской империи... Немцы пользовались решающим влиянием в российском обществе как администраторы, ученые, инженеры и т. д.» [1]. Такое представление о российских немцах как о дворянах или городских жителях является более или менее общим для основных японских русистов.

Конечно, немало известно об автономной республике немцев Поволжья в советский период и о депортации немцев во время Великой Отечественной войны. Действительно, эти факты приводятся в вышеуказанной книге Кавабаты. И тем не менее, несмотря на это, японские русисты привыкли смотреть на немцев как на дворян, и зачастую вне поля зрения остается существование немцев Поволжья и Черноморского побережья, занимавшихся, в основном, сельским хозяйством. Такое стереотипное представление о российских немцах укоренилось из-за того, что в Японии данная тема изучена недостаточно.

Насколько мне известно, можно назвать только трех японских исследователей, занимающихся проблемой российских немцев в период с 1900 по 1941 г., обозначенный темой этой конференции: Т. Судзуки (профессор университета Васэда), Х. Окуда (профессор Токийского университета) и автор данной статьи.

Профессор Судзуки изучает вопрос реорганизации земель Западной России до и во время столыпинской реформы и является автором ряда научных статей. В 1999 г. он опубликовал статью, в которой данный вопрос рассматривался на основе исследования оценщика Земельного Банка А. Кофода на территории бывших немецких колонистов в Волынской губернии [2].

Профессор Окуда в своем большом труде «Революция на Волге» [3] провел исследование деревень Средней Волги в период с 1930 по 1934 г. На основе документов центральных и местных партархивов (Самара и Оренбург), которые были открыты для доступа иностранных исследователей только со времени перестройки, он составил реальную и четкую картину исторических процессов коллективизации в русских деревнях. В этом труде говорится и о немецких крестьянах (меннонитах и баптистах) Средней Волги [4].

Судзуки и Окуда упоминают немцев только в качестве объекта для сравнения, тогда как я прямо занимаюсь проблемой немцев.

Я в своей кандидатской диссертации «Депортация народов СССР на примере немцев» (Токийский университет, 1997 г.) и статье «Депортация немцев Поволжья» (1999 г., не опубликована) попытался осветить механизм, цели и результаты депортации немцев Поволжья. Как известно, профессор А. Герман в своей монументальной работе «Немецкая автономия на Волге» [5] посвятил одну главу депортации и провел ее глубокий и тщательный анализ. Я перечитал многие опубликованные первоисточники, согласившись в основном с мнением А. Германа, и несколько с других позиций осветил тему этой депортации. Ниже представляю свое мнение в сравнении с выводами А. Германа.

Первое отличие связано с причиной появления Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». А. Герман указывает, что с началом гитлеровской агрессии в Европе страх перед немецкой «пятой колонной» имел определенные основания, а у немцев Поволжья, находящихся под сильным влиянием большевистской идеологии, отмечались лояльность к режиму, и не было объективных оснований обвинять их в измене, поэтому «депортация стала актом слепой ярости и мести за позорные поражения на фронте в первые месяцы войны» [6].

Но существование объективного факта измены, мне кажется, для сталинского режима было не столь важным элементом. По принципу «подозрительный — наказать», характерному для времени «ве-

ликого террора»: если есть в какой-либо степени потенциальная возможность измены, нужно заранее ее пресечь, а именно во время войны этим принципам следуют наиболее строго. В 1937 г. 171, 8 тыс. корейцев Дальнего Востока переселили в Узбекскую и Казахскую республики. В этом случае, учитывая напряженное положение на Дальнем Востоке, которое достигло кульминации в сражении на Халхин-Голе в 1939 г., депортация корейцев объясняется «целями пресечения японского шпионажа в Дальне-Восточном крае», хотя для этого не было никакого объективного основания. Кроме депортации корейцев, имели место факты депортации и других народов в целях обеспечения безопасности на приграничных территориях, например, поляков на западной границе в 1939 г., курдов на границах с Ираном и Афганистаном и т. д. Конечно, надо снять обвинение, бесосновательно выдвинутое против целого народа. Однако мне кажется несправедливым при изучении цели депортации не упомянуть о «холодном» принципе исключения властями потенциально опасных элементов во время внешней войны.

Я анализировал депортацию с помощью «Таблицы движения эшелонов с депортированными немцами» (см. приложение 1, далее — «Таблица»). А. Герман в своем труде представлял список данных о депортации, упорядоченных на основе дат, разделяя их на две части — станция погрузки и разгрузки. Я составил «Таблицу» по номерам эшелонов, данные о которых стали известными (станция, дата, численность во время погрузки и разгрузки), и на основе ее восстановил ситуацию передвижения немцев Поволжья в Казахстан и Сибирь. Основные тенденции, хотя была небольшая разница в цифрах, совпадают с версией А. Германа, но все же я предлагаю два новых вывода на основе «Таблицы».

Первый — это маршрут движения эшелонов. А. Герман писал, что «чтобы не загружать основные железнодорожные трассы, по которым шли к фронту воинские эшелоны, передвижение составов с поволжскими немцами в Сибирь и Казахстан осуществлялось кружным путем» [7]. Но данные «Таблицы» не полностью подтверждают это заключение.

По «Таблице» можно проследить движение 185 эшелонов, за исключением эшелонов с неизвестными датами отъезда/приезда. Было подсчитано среднее число дней в пути до станций назначения. Отследив путь по Туркестано-Сибирской железной дороге, мы убеждаемся, что чем дальше, тем больше становится среднее число дней в пути: Семипалатинская область — 9,3 дня, Восточно-Казах-

станская область — 10,9, Алтайский край — 11,8, Новосибирская область — 13,5 и Красноярский край — 13,75 дня. А вот к пунктам назначения, расположенным к западу от Новосибирской области, эшелоны по времени шли меньше, чем до Новосибирска: Омская область — 9,6 дня и Северо-Казахстанская область — 8,4 дня, т. е. чем западнее, тем короче путь. Значит, если рационально обдумывать, можно сказать, что эшелоны, чьи станции назначения находились западнее Новосибирска, шли не кружным путем на юг, а через Чкалов прямо по Транссибирской железной дороге на восток: Кустанайская область — 5,9 дня, Северо-Казахстанская область — 8,4, Акмолинская область — 8,6, Омская область — 9,6, Павлодарская область — 10,0 дней. Кстати, существует вероятность, что эшелоны шли через Омск в Новосибирскую область, но, наверное, она не очень велика, так как есть большая разница в количестве дней между Павлодарской и Новосибирской областями, которые находятся почти на одинаковом расстоянии от Омска.

Второй новый вывод, вытекающий из «Таблицы», — характеристика депортации. Изучение станций прибытия позволяет выявить закономерность между местами назначения и номерами эшелонов (эшелон № 700–724 и 736–742 относятся к Омской области, № 743–783 — к Новосибирской области, № 784–808 — к Акмолинской области Казахской ССР и № 855–892 — к Алтайскому краю). Между прочим, обратив внимание на дату отъезда эшелонов, я установил, что эшелоны отправлялись не по номерам, а одновременно из каждого региона Поволжья (например, эшелон № 700 отправился 4 сентября и № 701 5 сентября в Омскую область, а уже 3 сентября отправились 8 эшелонов из Поволжья: № 741, 742, 820–822, 847, 855–857). Номера необходимы для подтверждения эшелонов во время отъезда/приезда и при движении, они не могли быть распределены во время составления отчета, значит, для того чтобы все эшелоны действительно двигались согласно «Таблице», надо было завершить всю подготовительную работу, подсчитать количество эшелонов и определить дни отправления к 3 сентября — до начала операции по выселению немцев из Поволжья. Таким образом, «Таблица» показывает тщательную планомерность и хорошую подготовленность депортации.

Однако, с другой стороны, можно указать и на неаккуратность в проведении операции. Одним ее примером является, как указывает А. Герман, погрешность цифр в документах, но типичным были пропуски (7 случаев) и добавления номеров, имеющие место в «Таблице». Они означают, что численность депортируемых, подсчитан-

ная при подготовке операции, не соответствовала действительности и исправлялась прямо в местах погрузки. Объясним на примере с добавлением номера. В «Плане переселения жителей немецкой национальности из Республики немцев Поволжья, Сталинградской и Саратовской областей», который составлялся вместе с постановлением о депортации немцев, рассчитывалось вывезти из Сталинградской области 24,7 тыс. чел., в соответствии с нормой в каждом эшелоне 65 вагонов по 40 человек в вагоне (если исключить вагоны для багажа, в каждом эшелоне — 57,5 вагонов для перевозки людей). Значит, необходимо было 10,7, то есть 11 эшелонов. В плане проведения операции, который составлялся на местах перед началом операции, продолжали придерживаться этой цифры — 11 эшелонов с № 725 по № 735 предназначались для немцев Сталинградской области. Но перед самым началом выселения немцев оказалось, что численность немцев составляет 26 880 чел., надо было добавить еще один эшелон, таким образом в «Таблице» был зарегистрирован дополнительный номер — эшелон № 735а. Наоборот дело обстоит с пропусками номеров. Они появлялись из-за того, что либо заранее подсчитанная численность была раздута, либо загрузили эшелоны больше, чем было запланировано.

Тем не менее тщательная спланированность депортации немцев Поволжья указывает на накопленный у властей опыт ведения репрессий в ходе прошлых депортаций народов и массовых чисток. Между депортациями корейцев и немцев есть много общего, например, составы эшелонов выселения, выдача квитанций об оставленном имуществе, управление операцией «тройками» из представителей партии, исполкома и НКВД и т. д. Что касается сроков операции, депортация корейцев продолжалась значительно дольше, чем немцев (полтора месяца), наверное, из-за того, что власти еще были «в процессе накопления опыта». А в ходе депортаций из Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики (май–июнь, 1941 г.), которые были аннексированы к СССР после начала Второй мировой войны, уже составлялись документы по регистрации движения эшелонов, так же, как при депортации немцев Поволжья [8]. Кроме того, «спецпоселения», куда распределяли немцев после депортации, были образованы еще в период раскулачивания. Учтя эти обстоятельства, можно сказать, что депортация немцев была не единичным или уникальным явлением, на нее в значительной степени повлиял опыт осуществления предыдущих репрессий.

Развитое в Поволжье общество немцев было полностью разрушено депортацией. В заключение я хотел бы сказать о последствиях депортации, используя данные всесоюзной переписи населения 1989 г.

На графике 1 (см. приложение 2), составленном на основе результатов переписи населения Казахской ССР, показана доля немцев, назвавших своим родным языком немецкий, по возрастным группам. Для более простого объяснения мы группируем таким образом: поколение старше 55 лет (старше 14 лет во время депортации), тех, кто достаточно владел немецким языком перед депортацией, — назовем «поколением Республики немцев Поволжья», с 40 (1949 года рождения) до 55 лет, тех, кто провел детство во время депортации и разрухи послевоенных лет, — «поколением депортации», а более молодое поколение, тех, кто учился немецкому языку в школе благодаря введению обучения родному языку в 1958 г., — «поколением Казахстана». Поколение моложе 20 лет исключается как объект исследования, так как, вероятно, не все из них еще определили свой родной язык.

Заметны значительные изменения данных по возрастам внутри «поколения депортации». Конечно, в «поколении Республики немцев Поволжья» также замечается уменьшение доли немцев, считающих своим родным языком немецкий, но оно не так велико, как у «поколения депортации». Тем не менее в «поколении Казахстана» показатель почти не изменяется, остается однородным.

Это объясняется следующим: хотя ассимиляция (становление русского языка для немцев родным), возможно, началась еще в годы существования АССР немцев Поволжья, но она тогда еще не была такой заметной. Лишь после депортации, которая отняла у немцев обучение родному языку и лишила среды немецкого языка, этот показатель стал быстро снижаться. Среди немцев «поколения депортации» чем моложе возраст, тем ниже этот показатель, следовательно, ассимиляция год за годом увеличивала свои темпы. После восстановления обучения родному языку в школе тенденция снижения показателя наконец прекратилась. Как известно, доля немцев СССР, называвших своим родным языком немецкий, стала быстро снижаться в послевоенные годы, а, как показывает график 1, толчок к быстрой ассимиляции дала депортация.

График 2 (см. приложение 2) дает представление об образовательном уровне семи основных народов Казахстана по возрастным категориям (каждому из 7 категорий уровня образования соответствуют

коэффициенты 6, 5, 4, 3, 2, 1, 0, подсчитано средневзвешенное значение). Уровень образования немцев являлся самым низким, что особенно заметно на показателях поколений с 45–49 лет (соответственно 1944 и 1940 годы рождения) до 60–64 лет (соответственно 1929 и 1925 годы рождения). Хотя у всех народов наблюдается общая тенденция к снижению образовательного уровня по мере увеличения возраста, но снижение этого уровня у немцев значительно выходит за пределы общей тенденции, причиной этому была особая ситуация с немцами, то есть условия депортации. Среди них особенно большое снижение наблюдается у поколения «55 лет (1934 год рождения) – 59 лет (1930 год рождения)» – те, кто получил начальное образование именно во время депортации, и можно догадаться, что ограничение передвижения при режиме спецпоселения оказало большое влияние на уровень образования немцев. В целом можно сказать, что депортация ограничила возможности немцев получать образование, что подтверждается также данными переписи населения.

Изучение проблемы российских немцев в Японии только начинается. Но, как было сказано выше, уже опубликовано несколько работ. Для меня большая радость, что своим выступлением могу сделать небольшой вклад в исследовательскую работу по истории российских немцев.

Примечания

1. Kaori Kawabata. *Rosia*. Токио. 1998. С. 220–221.
2. См.: Takeo Suzuki. *Sutoruipin kaikaku maeno seibu rosia ni okeru tochi seiri* (Реорганизация земель Западной России перед столыпинской реформой) // *Waseda seijikeizaigaku zasshi*. 1999. № 337. С. 30–61.
3. См.: Hiroshi Okuda. *Voguga no kakumei* (Революция на Волге). Токио, 1996.
4. См.: Там же. С. 652–659.
5. См.: Герман А.А. *Немецкая автономия на Волге*. Саратов. Ч. 1. 1992; Ч. 2. 1994.
6. См.: Герман А.А. *Указ. соч.* Ч. 2. С. 293–295.
7. См.: Там же. С. 304.
8. См.: Гурьянов А.Э. *Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае–июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан / Сост. А.Н. Гурьянов. Вып. 1. М., 1997. С. 137–175.*

Таблица о движении эшелонов с депортированными немцами

ОТПРАВЛЕНИЕ				ПРИБЫТИЕ			
№	Станция	Дата	Численность	Станция	Дата	Численность	Другие версии
700	Камышин	St 4/IX	2741	Омск	О	11/IX	2741
701	Камышин	St 5/IX	2754	Куломзино	О	15/IX	2754
702	Авилово	G 5/IX	2800	Исиль-Куль	О	13/IX	2800
703	Камышин	St 7/IX	2929	Куломзино	О	16/IX	2934
704	Авилово	G 8/IX	2905	Куломзино	О	17/IX	2891
705	Авилово	G 9/IX	2770	Туры	О	19/IX	2773
706	Камышин	St 10/IX	2726	Омутнинская	О	20/IX	2726
707	Камышин	St 11/IX	2818	Голошманов	О	20/IX	2718
708	ПРОПУСК						
709	Камышин	St 14/IX	2885	Новая Заимка	О	26/IX	2885
710	Неткачево	St 14/IX	2594	Куломзино	О	26/IX	2594
711	Камышин	St 16/IX	3099	Заводоуковская	О	26/IX	3099
712	Медведица	St 17/IX	3243	Куломзино	О	1/X	3243
713	ПРОПУСК						
714	Медведица	St 4/IX	2949	Туры	О	11/IX	2349
715	Медведица	St 5/IX	2552	Куломзино	О	14/IX	2383
716	Неткачево	St 5/IX	2795	Марианка	О	13/IX	2795
717	Лапшинская	G 7/IX	2643	Туры	О	17/IX	2643
718	Медведица	St 8/IX	2617	Ишим	О	20/IX	2617
719	Медведица	St 12/IX	2591	Куломзино	О	22/IX	2519
720	Медведица	St 13/IX	2660	Называевская	О	22/IX	2660
721	Медведица	St 16/IX	2658	Маслянская	О	24/IX	2634
722	Медведица	St 16/IX	2683	Называевская	О	29/IX	2683
723	Медведица	St 17/IX	2727	Называевская	О	30/IX	2727
724	Аркадак	Sa 16/IX	3189	Ялуторовск	О	26/IX	3189
725	Гурьев	K 10/IX	2825	Семипалатинск	К/Е.К	27/IX	2825
726	Гурьев	K 11/IX	2682	Предгорная	К/Е.К	24/IX	2682
727	Гурьев	K 11/IX	2200	Семипалатинск	К/Е.К	20/IX	2200
728	Гурьев	K 12/IX	2350	Защита	К/Е.К	23/IX	2350
729	Гурьев	K 11/IX	2350	Семипалатинск	К/Е.К	20/IX	2350
730	Гурьев	K 15/IX	2223	Шемонаиха	К/Е.К	24/IX	2223
731	Гурьев	K 6/IX	2200	Семипалатинск	К/Е.К	14/IX	2200
732	Гурьев	K 15/IX	2462	Бель-Агас	К/С	24/IX	2197
733	Гурьев	K 15/IX	2205	Алгунь	К/С	24/IX	2205
734	Гурьев	K 17/IX	2177	Жангиз-Тобе	К/С	26/IX	2177
735	Гурьев	K	2048	Чарская	К/С	27/IX	2052
735a	Гурьев	K 19/IX	1658	Шемонаиха	К/С	23/IX	1658
736	Баланды	Sa 16/IX	2436	Исилькуль	О	22/IX	2436
737	Аткарск	Sa 16/IX	2460	Куломзино	О	26/IX	2456
738	Бурасы	Sa 16/IX	2134	Куломзино	О	26/IX	2155
739	Покровск	G 18/IX	2174	Исилькуль	О	27/IX	2174
740	Аткарск	Sa 18/IX	2520	Куломзино	О	28/IX	2520
741	Тимофеево	G 3/IX	2512	Омск	О	10/IX	2512

ОТПРАВЛЕНИЕ

ПРИБЫТИЕ

№	Станция	Дата	Численность	Станция	Дата	Численность	Другие версии
742	Анисовка	G 3/IX	2298	Омск	O	9/IX	2298
743	Саратов	Sa 7/IX	2151	Чулымская	N	18/IX	2151
744	Урбах	G 7/IX	2335	Черепаново	N	19/IX	2338
745	Титренко	G 7/IX	2424	Чаны	N	20/IX	2424
746	Нахой	G 8/IX	2396	Каргат	N	20/IX	2396
747	Саратов	Sa 7/IX	2385	Оян	N	19/IX	2346
748	Покровск	G 8/IX	2328	Яшкино	N	23/IX	2328
749	Покровск	G 8/IX	2350	Кольчугино	N	20/IX	2353
750	Покровск	G 8/IX	2335	Судженка	N	23/IX	2335
751	Покровск	G 8/IX	2451	Купино	N	29/IX	2443
752	Саратов	Sa 5/IX	2272	Томск	N	17/IX	2272
753	Покровск	G 9/IX	2324	Каргат	N	23/IX	2324
754	Покровск	G 9/IX	2348	Кожурла	N	24/IX	2345
755	Анисовка	G 9/IX	2247	Татарская	N	23/IX	2247
756	Нахой	G 9/IX	2485	Канск	N	23/IX	2485
757	Саратов	Sa 9/IX	2168	Новосибирск	N	27/IX	2168
758	Камышин	St 12/IX	2761	Ишим	O	22/IX	2761
759	Безьянная	G 11/IX	2555	Турган	N	25/IX	2368
760	ПРОПУСК						
761	Анисовка	G 11/IX	2513	Топки	N	24/IX	2513
762	Безьянная	G 10/IX	2468	Чаны	N	24/IX	2468
763	Покровск	G 12/IX	2348	Барнаул	A	2/IX	2350
764	Покровск	G 12/IX	2344	Чулымская	N	26/IX	2348
765	Анисовка	G 13/IX	2340	Тяжин	N	26/IX	2279
766	Нахой	G 16/IX	2259	Барабинск	N	30/IX	2191
767	Безьянная	G 12/IX	2478	Барабинск	N	25/IX	2474
768	ПРОПУСК						
769	Покровск	G 12/IX	2298	Новосибирск	N	26/IX	2300
770	Покровск	G 13/IX	2558	Мошково	N	26/IX	2358
771	Нахой	G 14/IX	2423	Чистозерная	N	29/IX	2423
772	Покровск	G 13/IX	2415	Ижморская	N	26/IX	2415
773	Покровск	G 13/IX	2418	Татарская	N	27/IX	2418
774	Покровск	G 14/IX	2527	Тогучин	N	26/IX	2527
775	Покровск	G 14/IX	2372	Черепаново	N	27/IX	2372
776	Покровск	G 18/IX	2379	Убинская	N	1/X	2377
777	Узек	Sa 18/IX	2362	Болотная	N	1/X	2367
778	Покровск	G 16/IX	2373	Каргат	N	30/IX	2367
779	Покровск	G 15/IX	2360	Искитим	N	26/IX	2360
780	Безьянная	G 16/IX	2380	Коченево	N	27/IX	2380
781	Покровск	G 16/IX	2454	Тяжин	N	29/IX	2454
782	Саратов	Sa 8/IX	2290	Евсеево	N	20/IX	2299
783	Татицево	Sa 17/IX	2242	Канск	N	1/X	2234
784	Саратов	Sa 5/IX	2323	Павлодар	K/P	15/IX	2323
785	Курдюм	Sa 7/IX	2403	Красноармейка	K/P	18/IX	2403
786	Курдюм	Sa 8/IX	2509	Павлодар	K/P	25/IX	2509
787	Вольск	Sa 11/IX	2566	Павлодар	K/P	20/IX	2566
788	Ершов	Sa 12/IX	2368	Павлодар	K/P	19/IX	2368

ОТПРАВЛЕНИЕ

ПРИБЫТИЕ

№	Станция	Дата	Численность	Станция	Дата	Численность	Другие версии
789	Римско-Корсаков	Sa 12/IX	2024	Кутвино	K/P		2020
790	Озинки	Sa 15/IX	2376	Павлодар	K/P	23/IX	2376
791	Покровск	G 8/IX	2229	Щербакты	K/P	17/IX	2229
792	Мокроус	G 8/IX	2333	Берло	K/P	17/IX	2333
793	Узек	Sa 14/IX	2334	Кокчетав	K/N.K	22/IX	2334
794	Безьянная	G 15/IX	2327	Пугухово	K/N.K	29/IX	2327
795	Покровск	G 16/IX	2447	Кокчетав	K/N.K	24/IX	2497 2300, 2376
796	Покровск	G 16/IX	2343	Кокчетав	K/N.K	24/IX	2343 2352, 2350
797	Мокроус	G 8/IX	2270	Кокчетав	K/N.K	15/IX	2270 2273
798	Гмелинская	G 8/IX	2072	Бийск	A	20/IX	2090
799	Плес	G 9/IX	2272	Мамлютка	K/N.K	16/IX	2272 2282, 2280
800	Титренко	G 9/IX	2420	Пугухово	K/N.K	17/IX	2420 2407
801	Красный Кут	G 13/IX	2411	Смирково	K/N.K	20/IX	2411
802	Саратов	Sa 12/IX	2383	Аман, Карагай	K/Ku	18/IX	2383
803	Плес	G 4/IX	2450	Кустанай	K/Ku	9/IX	4441 (№ 803+ № 804)
804	Нахой	G 4/IX	2118	Кустанай	K/Ku	9/IX	
805	Лепехинская	G 5/IX	2323	Кустанай	K/Ku	11/IX	4652 (№ 805+ № 806)
806	Гмелинская	G 5/IX	2329	Кустанай	K/Ku	11/IX	4652 (№ 805+ № 806)
807	Нахой	G 6/IX	2233	Баталы	K/Ku	12/IX	2233
808	Палласовка	G 6/IX	2259	Бреды	K/Ku	13/IX	2259
809	Узек	Sa 16/IX	2299	Зыково, Енисей	K	30/IX	2279 1/X
810	Узек	Sa 16/IX	2255	Енисей	K	1/X	2252
811	Покровск	G 17/IX	2412	Клюквенная	K	2/X	2399 1/X, 2412
812	Покровск	G 17/IX	2284	Солянка	K	2/X	2286 1/X, 2272
813	Покровск	G 17/IX	2363		K	2/X	2392 1/X
814	Покровск	G 17/IX	2422	Шира	K	2/X	2433 18/IX // 1/X, 2422
815	Узек	Sa 21/IX	2359		K	4/X	2180
816	Покровск	G 17/IX	2435		K	2/X	2416
817	Покровск	G 17/IX	2504		K	2/X	2503
818	Узек	Sa 18/IX	2209		K	4/X	2220
819	Медведаца	Sa 13/IX	2362		K	4/X	2362
820	Покровск	G 3/IX	2419	Енисей	K	12/IX	2482 14/IX
821	Покровск	G 3/IX	2345	Енисей	K	12/IX	2338 14/IX
822	Гмелинская	G 3/IX	2270	Енисей	K	14/IX	2198 2270
823	Покровск	G 4/IX	2336	Ужур	K	15/IX	2316
824	Покровск	G 4/IX	2314	Ужур	K	15/IX	2339
825	Покровск	G 4/IX	2325	Боготол	K	16/IX	2325 17/IX
826	Покровск	G 5/IX	2364	Боготол	K	16/IX	2283 17/IX
827	Покровск	G 5/IX	2315	Ачинск	K	18/IX	2318
828	Покровск	G 5/IX	2349	Ачинск	K	18/IX	2350
829	Гмелинская	G 6/IX	2570	Ададым	K	19/IX	2277
830	Лепехинская	G 6/IX	2218	Енисей	K	21/IX	2270 22/IX
831	Красный Кут	G 6/IX	2489	Канск	K	18/IX	2482 2483, 19/IX

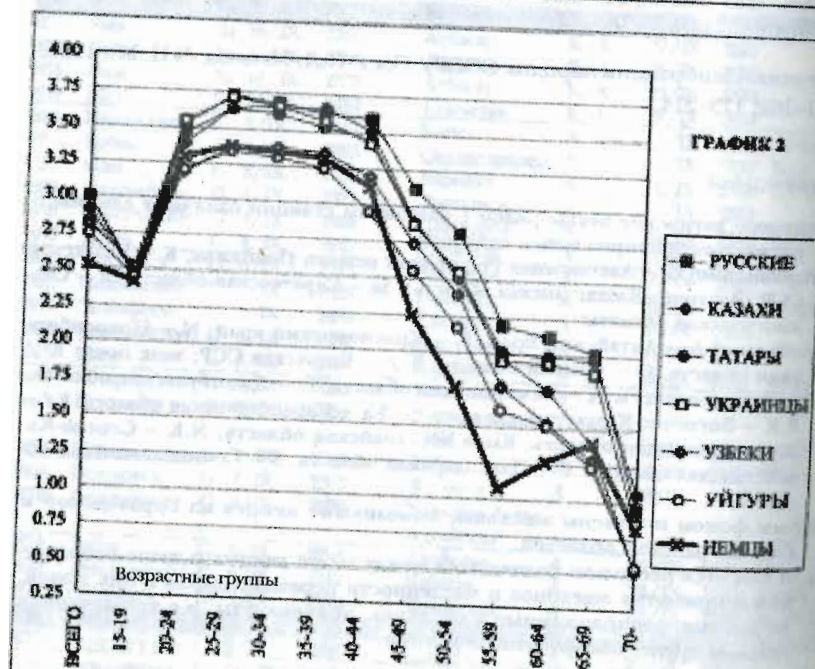
ОТПРАВЛЕНИЕ				ПРИБЫТИЕ			
№	Станция	Дата	Численность	Станция	Дата	Численность	Другие версии
832	Покровск	G 18/IX	2136				
833	Покровск	G 20/IX	2635				
834	Увек	Sa 20/IX	2243				
835	Увек	Sa 20/IX	2183				
836	Увек	Sa 18/IX	2331				
837	Увек	Sa 19/IX	2303				
838	Увек	Sa 15/IX	2113				
839	Палласовка	G 6/IX	2310	Кулунда	A 27/IX	2048	29/IX, 2110
840	Мединская	G 6/IX	2425	Енисей	K 19/IX	2245	
841	Лепехинская	G 6/IX	2432	Енисей	K 18/IX	2440	19/IX
842	Саратов	Sa 11/IX	2312	Енисей	K 14/IX	2432	19/IX
843	Покровск	G 16/IX	2355	Кокчетав	K/A 19/IX	2312	
844	Покровск	G 16/IX	2330	Туган	K/A 25/IX	2355	
845	Покровск	G 16/IX	2367	Ак-Куль	K/A 25/IX	2330	
846	Увек	Sa 14/IX	2333	Колутон	K/A 27/IX	2367	
847	Красный Кут	G 3/IX	2137	Макинка	K/A 22/IX	2333	
848	Тимофеево	G 4/IX	2358	Кокчетав	K/A 10/IX	2137	
849	Красный Кут	G 9/IX	2442	Макинка	K/A 12/IX	2358	
850	Увек	Sa 12/IX	2170	Кокчетав	K/A 19/IX	2442	
851	Увек	Sa 16/IX	2351	Курорт Боровое	K/A 20/IX	2170	
852	Увек	Sa 16/IX	2328	Атбасар	K/A 27/IX	2351	
853	Увек	Sa 18/IX	2377	Джаксы	K/A 26/IX	2328	
854	Увек	Sa 19/IX	2457	Атбасар	K/A 22/IX	2374	
855	Палласовка	G 3/IX	2167	Кокчетав	K/A 28/IX	2457	
856	Урбах	G 3/IX	2283	Бийск	A 13/IX	2171	12/IX, 2167
857	Плес	G 3/IX	2358	Овчинниково	A 12/IX	2218	Бийск
858	Палласовка	G 4/IX	2321	Барнаул	A 11/IX	2358	12/IX
859	Красный Кут	G 4/IX	2456	Третьяково	A 14/IX	2314	
860	Урбах	G 4/IX	2257	Славгород	A 20/IX	2418	25/IX, 2456
861	Покровск	G 6/IX	2315	Алейская	A 14/IX	2338	
862	Палласовка	G 5/IX	2328	Алейская	A 16/IX	2318	
863	Тимофеево	G 5/IX	2489	Рубцовск	A 16/IX	2328	15/IX
864	Красный Кут	G 6/IX	2582	Славгород	A 18/IX	2489	
865	Плес	G 6/IX	2479	Поспелиха	A 16/IX	2601	
866	Мокроус	G 6/IX	2253	Барнаул	A 15/IX	2427	16/IX, 2479
867	Покровск	G 7/IX	2351	Тальменка	A 17/IX	2255	
				Поспелиха,			
				Рубцовск	A 18/IX	2340	25/IX, 2354
868	Красный Кут	G 7/IX	2545	Бийск	A 19/IX	2147	2545
869	Покровск	G 7/IX	2388	Топчиха	A 19/IX	2388	
870	Безымянная	G 8/IX	2520	Большая Речка			
				Алтайская	A 19/IX	2538	2520
871	Урбах	G 8/IX	2294	Алейская	A 20/IX	2278	
872	Лепехинская	G 8/IX	2512	Карасук	A 24/IX	2511	23/IX
873	Покровск	G 9/IX	2339	Тальменка	A 23/IX	2342	24/IX, 2339
874	Саратов	Sa 9/IX	2415	Бийск	A 21/IX	2417	22/IX
875	Лепехинская	G 9/IX	2320	Кулунда	A 26/IX	2527	
876	Безымянная	G 11/IX	2488	Барнаул	A 22/IX	2419	23/IX, 2488
877	Саратов	Sa 10/IX	2386	Кулунда	A 24/IX	2387	25/IX

ОТПРАВЛЕНИЕ				ПРИБЫТИЕ			
№	Станция	Дата	Численность	Станция	Дата	Численность	Другие версии
878	Лепехинская	G 13/IX	2320	Карасук	A 28/IX	2303	
879	Саратов	Sa 12/IX	2409	Бийск	A 20/IX	2002	Жаңгыс-Тобе, 23/IX, 2406
880	ПРОПУСК						
881	Лепехинская	G 12/IX	2524	Алейская	A 23/IX	2615	24/IX, 2524
882	Нахой	G 13/IX	2291	Овчинниково	A 25/IX	2210	26/IX, 2291
883	Безымянная	G 13/IX	2489	Красноярск	K 27/IX	2488	26/IX
884	ПРОПУСК						
885	Нахой	G 14/IX	2504	Кулунда	A 27/IX	2501	28/IX, 2504
886	Покровск	G 15/IX	2349	Бийск	A 26/IX	2328	2349
887	Увек	Sa 14/IX	2436	Бийск	A 25/IX	2482	26/IX, 2459
888	Саратов	Sa 16/IX	2362	Топчиха	A 27/IX	2391	25/IX, 2362
889	Увек	Sa 16/IX	2315	Барнаул	A 29/IX	2308	2315
890	ПРОПУСК						
891	Увек	Sa 17/IX	2487	Калманка, Баган	A 30/IX	2556	Кулунда, 2487
892	Увек	Sa 16/IX	2384	Алтайская	A 29/IX	2370	2384
895	Саратов	Sa 16/IX	2260	Москаленки	K/N, K 25/IX	2276	

Источник: Депортация народов СССР / Сост. О.Л. Милова. Ч II. М., 1995. С. 141-162, 173-214.

Примечания

1. Заглавные латинские буквы рядом с названием станции означают административно-территориальные единицы:
- [отправление] G – Автономная Республика немцев Поволжья, K – Казахская ССР (Восточно-Казахстанская область), Sa – Саратовская область, St – Сталинградская область;
- [прибытие] A – Алтайский край, K – Красноярский край, N – Новосибирская область, O – Омская область, K / – Казахская ССР; знак после K / означает область: A – Акмолинская область, D – Джамбульская область, E.K – Восточно-Казахстанская область, Ka – Карагандинская область, Kz – Кызыл-Ординская область, Ku – Кустанайская область, N.K – Северо-Казахстанская область, P – Павлодарская область, S – Семипалатинская область.
2. Серым фоном отмечены эшелоны, вызвавшие немцев из Саратовской и Сталинградской областей.
3. Если имеются несколько различающихся между собой данных о датах отправления и прибытия эшелонов и численности перевозившихся в них людей, то данные, расположенные в столбцах, подчеркнуты, а в примечаниях указаны другие обнаруженные данные.

СВЕДЕНИЯ О СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ (КОНЕЦ 1917 — НАЧАЛО 1918 г.) В ДОКУМЕНТАХ ЦГАВО УКРАИНЫ

Б.В. Малиновский

В собрании Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (Киев) отложился ряд документов, датированных временем с середины 1917 г. по конец 1918 г. и характеризующих обстановку внутри немецких колониетских общин Украины, а также внешние условия их существования в указанный период.

Часть этих документов хранится в фондах некоторых ведомств Украинской державы гетмана Павла Скоропадского, в частности — в фондах министерства внутренних дел (фонд 1216), министерства иностранных дел (фонд 3766), аппарата Представителя правительства Украины при командовании австро-венгерской Восточной армии (так называемый «Фонд генерала Рауха», 2311).

Сведения о колонистах находим в документах, принадлежащих разным видам делопроизводственных материалов (судебно-следственная документация, отчеты и донесения должностных лиц, межведомственная и внутриведомственная переписка украинских органов власти, переписка украинских органов власти с германским и австро-венгерским командованием, военные сводки, документы земств, наконец, как вид входящей документации — обращения граждан в административные учреждения).

Познавательная ценность этих материалов весьма значительна. Они достаточно информативны и, главное, касаются проблем, слабо освещенных в научной литературе.

Круг тем, нашедших свое отражение в документах гетманской администрации, охватывает деятельность органов самоуправления

колоний Юга Украины; деятельность Союза немцев-колонистов Украины и его Центрального комитета (Одесса); нападения на колонии бандитов и повстанцев; некоторые аспекты взаимодействия колонистов и войск Центральных держав в Украине (вооружение и обучение военному делу населения колоний этими войсками, участие колонистов в проведении карательных акций в украинских селах, привлечение колонистов к сбору продовольствия для отправки в Германию).

К сожалению, количество этих материалов совсем невелико. Речь идет не о комплексах или сериях источников, а об отдельных, единичных документах, к тому же в большинстве своем рассеянных по разным тематическим подборкам, что весьма затрудняет их поиск.

Поэтому сделать какие-либо обобщения на основе посвященных колонистам материалов гетманской администрации невозможно. Значение этих документов на сегодняшний день в другом — рассмотренные в отдельности, они могут служить отправной точкой для дальнейших исследований, основанием для постановки исследовательских задач.

В частности, под таким углом зрения могут быть рассмотрены документы ЦГАВО, содержащие сведения о конфликтах между состоятельными и неимущими колонистами в первый период советской власти в Украине.

Как представляется, в данном случае «постановочный» подход вполне оправдан. Тема внутриобщинных конфликтов на рубеже 1917–1918 гг. весьма мало обращала на себя внимание историков колоний. Насколько нам известно, специальных работ об этом нет. В публикациях же общего характера и работах по смежной проблематике тема только затрагивается [1].

Среди документов МВД Украинской державы находим датированное 22 октября 1918 г. постановление Херсонского губернского старосты (губернатора) С. Пищевича о высылке за пределы Украины (заключении в лагере для интернированных на территории Германии или Австро-Венгрии) трех членов группы, обозначенных в тексте документа как «преступный кружок большевика Чаплинского». Все трое — Антон Ренер, Адольф Кари и Яков Венцель — были жителями Святопокровской (Ландауской) волости Одесского уезда. Им инкриминировалось активное участие в большевистском движении в начале 1918 г., а также проведение антиправительственной пропаганды на момент ареста. После взятия под стражу Ренер, Кари и Венцель находились в Одесской тюрьме [2].

Документ содержит показания семи колонистов, жителей той же волости, подтверждавших выдвинутые против Ренера, Кари и Венцеля обвинения.

Против Ренера свидетельствовали проживавшие в с. Петропавловском Святопокровской волости Филипп Михайлович Лоран и Иоганн Людвигович Гофман, а также житель Святопокровского Рафаил Яковлевич Штейн. Против Кари — жители Святопокровского Константин Михайлович Велисар (Велизер) и Иван Петрович Штейн. Против Венцеля — также жители Святопокровского Михаил Александрович Энгель и Михаил Михайлович Штольц. Последний был председателем волостной земской управы.

Как следовало из показаний свидетелей, Ренер — в прошлом левый эсэр, ставший затем большевиком, в период советской власти являвшийся председателем волостного Совета крестьянских и солдатских депутатов; Кари — «бедный, опустившийся лентяй, примкнувший к большевистскому движению», и Венцель — «ярый и убежденный большевик», вместе с неким Чаплинским составили ядро волостной большевистской организации, руководили осуществлением мероприятий советской власти в Ландау и прилегающих селах.

Среди направлений их «преступной» деятельности свидетели отметили:

- проведение агитации «среди бедного крестьянства в большевистском духе, требуя немедленной конфискации помещичьих земель, а также земель зажиточных крестьян и всего (их) движимого имущества в пользу бедных»;
- стремление добиться расформирования милиции и упразднения органов сельской администрации, создания ревтрибунала, Красной гвардии; о Ренере утверждалось, что «неповинующихся и не признающих советской власти предавал революционному трибуналу»;
- взятие на учет землевладений помещиков и зажиточных хозяев с намерением в дальнейшем распределить эти земли между беднейшими крестьянами;
- наложение ареста на запасы зерна помещиков и зажиточных крестьян как применение меры, предшествующей реквизиции [3].

Кроме общих обвинений в показаниях приводились два конкретных случая эксцессов. О Ренере было сказано, что он однажды, «собрал банду из своих единомышленников», «под видом реквизиции» ограбил в Петропавловском лавку торговца Федора Ковалева, присвоив товара на 1 тыс. рублей. В другой раз (свидетели не указывают даты) Кари, Венцель и Ренер в сопровождении еще трех своих

единомышленников с оружием в руках ворвались в волостную управу, «заявили, что они представители советской власти, потребовали ключи от волостной кассы и удаления всей администрации». По словам председателя управы Штольца, во время этого нападения Венцель потребовал от него как должностного лица выдачи особого удостоверения, подтверждающего, что Венцель избран крестьянским обществом членом волостного совета крестьянских и солдатских депутатов. Штолец ему в этом отказал, «так как его никто не выбирал». Изъятие кассы также не состоялось — «благодаря сопротивлению собравшихся крестьян». Потерпев неудачу, большевики прибегли к угрозам. Так тот же Венцель, по словам Штольца, «стал кричать, что он разнесет управу и разгонит всех буржуев» [4].

Если оценивать ситуацию в Ландау в конце 1917 — начале 1918 г. на основе данных одного только этого документа, то следует признать, что левый экстремизм в этом районе был, вероятнее всего, делом одиночек, противостоящих массе. В пользу такого предположения говорят зафиксированные документом единичность эксцессов, уверенное поведение сельской верхушки в моменты открытых столкновений с местными большевиками, полное игнорирование требований последних, факт самоизбрания Совета, наконец, прямое указание на сопротивление крестьян действиям советских активистов. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что главные начинания советской власти в Ландау остались незавершенными: местным большевикам так и не удалось разделить помещичьи земли между безземельными крестьянами; частные запасы зерна, хотя и были взяты под арест, но в итоге все же избежали конфискации. Хотя показания свидетелей объясняли это тем, что большевики в Ландау просто не успели довести начатое до конца (помешал приход австрийских войск), закономерно предположить, что свою роль сыграли также настроения большинства жителей волости, не благоприятствовавшие быстрому осуществлению экспроприаций.

Свидетельские показания подчеркивают девиантные черты обвиняемых, выделявшие их из общей массы населения. Ренер и Венцель охарактеризованы как убежденные приверженцы большевизма, т. е. как носители определенной идеологии, не являющейся общепринятой. Девиантность Кари проявлялась в другом: он — «бедный, опустившийся лентяй» — принадлежал к низшей социальной категории, по своему положению в обществе был близок к маргинальным слоям. Отмеченные в показаниях мотивы деятельности

большевиков Ландау также подтверждали их обособленность от основной части окружающих. Таких мотивов было два: следование усвоенным леворадикальным убеждениям и стремление к личному обогащению незаконным путем. Последнее стремление, в частности, было приписано Ренеру, который, как утверждалось, «награбленное им имущество продавал и разбогател» [5].

Если признать все вышесказанное справедливым, то появляется известное основание для постановки более широких вопросов, касавшихся в целом немецкой этнокультурной общности Украины. Можно ли считать, что аграрная революция, охватившая в 1917–1918 гг. украинские села, в колониях не нашла почвы? Что колонисты как социальная или этнокультурная группа оказались невосприимчивы к лозунгам насильственного присвоения чужого? Что подержавшие советскую власть представители колонистов были единичными отщепенцами, потерявшими связь со своей средой, усвоившими помимо или вместе с колонистской идентичностью другую идентичность — например, идентичность анархистствующих матросов, — и действовали в соответствии с нормами нововоспринятой роли. Подобные случаи зафиксированы в источниках. Например, в донесении Екатеринославского губернского старосты в МВД от 22 октября 1918 г. сообщалось о задержании в Екатеринославе матроса броненосца «Меркурий» Франца Киппе, «выполнявшего смертные приговоры над офицерами» [6].

Однако попытки представить «внутренний большевизм» в колониях как исключительно движение одиночек ставятся под сомнение данными других документов, относящихся к тому же Ландау.

В материалах «фонда генерала Рауха» хранятся несколько документов, в совокупности составляющих «дело» Михаила Клисича, православного священника села Святопокровского. Данный комплекс включает две жалобы Клисича (одна — Алексею, еп. Николаевскому, март 1918 г., и вторая — украинским властям, 2 апреля 1918 г.) и записи показаний ряда свидетелей [7].

Обстоятельства дела представлены в этих документах следующим образом.

18 марта 1918 г. Клисича прямо на улице арестовал австрийский офицер. Обвиненный в пропаганде против Германии и Австро-Венгрии священник под конвоем сопровождавших офицера немецко-колонистов был препровожден в арестный дом. Предъявленное ему обвинение он категорически отрицал и через некоторое время был освобожден по поручительству местного мирового судьи [8].

После этого инцидент имел продолжение. 2 апреля 1918 г. Клисич направил жалобу украинским властям, в которой сообщал, что накануне десять германских солдат ворвались к нему домой, без каких-либо объяснений избили его и его гостя, сельского ветеринара, произвели в помещении обыск. Свидетелями инцидента были несколько немцев-колонистов, пришедших вместе с солдатами. На следующий день солдаты явились снова. Через колониста-переводчика они потребовали у Клисича сдать оружие, которое он якобы хранил, угрожали ему расстрелом и спрашивали, зачем... в церкви говорил русским, чтобы они шли грабить немцев-колонистов и зачем в газетах писал против немцев-колонистов» [9].

После обращения Клисича к украинским властям дело получило официальный ход. Германское командование было вынуждено предоставить свои объяснения (май 1918 г.) [10].

В июне 1918 г. украинские органы провели собственное расследование. Был опрошен ряд лиц. Показания давали: уже упоминавшийся Константин Валисар (староста Ландау), а также крестьяне Рохус Брыльц, Яков Штарк, Яков Васильев, милиционер Рафаил Штайн, торговец Франц Гук.

Показаниями этих лиц было установлено, что священник стал жертвой репутации большевика, которую он незаслуженно приобрел у местных зажиточных колонистов. Все обвинения, которые последние выдвинули в его адрес и которые послужили мотивом действий спровоцированных колонистами солдат, на поверку оказались необоснованными. Клисич в действительности не был причастен к организации в Ландау комитета по перераспределению земли; не занимался революционной пропагандой, не подстрекал крестьян к разделению общественных запасов зерна и разграблению лавки Франца Гука. Что касается обвинения в распространении через прессу порочащих колонистов сведений, то на самом деле Клисич в июне 1917 г., по его словам, выступил со статьей в «Одесском листке» «против возведенных на него обвинений неким Рейхартом» — и только. Реальная вина Клисича заключалась в том, что он, как, ссылаясь на слухи, показал Константин Валисар, позволял себе публичные высказывания в пользу уравнительного раздела земли и, кроме того, имел однажды столкновение с тем же Валисаром из-за отказа последнего отпустить Клисичу зерно из общественных складов по сниженной цене.

Одновременно следствие выявило ряд подлинных обстоятельств социальных конфликтов в Ландау. В селе действительно проходи-

ли собрания безземельных, на которых поднимался вопрос о наделении нуждающихся землей. Руководил собранием Степан Штарк. В ограблении лавки Гука принимали участие тот же Степан Штарк, а также еще примерно 80 человек, в их числе — Рохус Брыльц, Степан Лехбаум, Фридрих Франк и другие. После прихода в село австрийских войск участники разграбления добровольно обязались возместить нанесенные убытки (3 тыс. рублей) [11].

В свете этих свидетельств версия об индивидуальном, не массовом характере «большевизма» в колониях, очевидно, требует пересмотра. Возможно, что, как и в отношении украинских сел, речь в данном случае должна идти о конфронтации групп, а не о противостоянии отдельных лиц и всей совокупности населения. Ясно также, что эта конфронтация была весьма острой (об этом свидетельствует агрессивность имущих, их крайняя озлобленность против действительных и мнимых большевиков) и вылилась в конкретные действия, стала причиной эксцессов (ограбление лавки Гука).

Вместе с тем следует признать, что противостояние бедных и богатых в Ландау не привело к разделу земли последних, т. е. в корне отличалось от протекания аграрной революции в украинских селах.

Как следует из показаний Якова Штарка, массового экстремизма в селе не было; комитет бедноты не стремился к экспроприациям, а всего лишь через сельскую администрацию пытался добиться предоставления зажиточными крестьянами беднейшим по 3–4 десятины земли в аренду [12]. Чтобы побудить неимущих к нападению на лавку Гука, инициаторы этого нападения пошли на хитрость — заявили, что в пользу этого якобы высказался священник Клисич. Очевидно, последний пользовался авторитетом среди крестьян, и уловка подействовала. По словам Рохуса Брыльца, многие колебались («ломались»), но когда услышали, что священник «тоже советовал реквизировать у Гука товар», решились присоединиться [13].

Безусловно, обострение социальных конфликтов в среде колонистов в рассматриваемый период не было локальным явлением, ограниченным рамками одной колонии Ландау. Свои большевики имелись также и в других местах. Например, известно, что в Николайпольской и соседних с ней волостях Екатеринославской губернии в период с 8 по 12 апреля кроме украинских крестьян, «перед судом уличенных в непосредственном участии в разбойничьих нападениях», по приговору австрийского военно-полевого суда были расстреляны шесть местных колонистов — два брата Валентина, Пфайфер, Цин и еще двое, не названные источником. Им вменя-

лось в вину «активное участие их в Красной гвардии и вымогательствах». Свидетелями при рассмотрении дела судом выступили крупные землевладельцы Бергман, Фризен и Нейштеттер [14].

Выявление подобных свидетельств выступает стимулом к специальному изучению проблемы «внутреннего» большевизма в колониях Украины на рубеже 1917–1918 гг.

Одним из направлений работы должно стать восстановление возможно более полной картины этих конфликтов во всех колониях Украины. Разумеется, это потребует дальнейшего поиска, сбора и систематизации соответствующих материалов.

Более или менее детальное выявление фактической стороны дела (если, конечно, оно достижимо) призвано способствовать выяснению того, в каких колониях имело место столкновение групп, а в каких речь шла об индивидуальных выступлениях, вообще — насколько характерными были для колоний внутриобщинные конфликты на почве социального неравенства, какое число колоний они охватили; далее — каков был состав противостоявших друг другу групп, возможно ли вычленил собственно социальное в конфликтах, отделить его от личного, сугубо криминального, политического.

С другой стороны, констатация факта социальных конфликтов внутри колоний ставит вопрос об их особенностях и предпосылках, а также последствиях. Изучение таковых должно составить другое направление работы.

Определение особенностей будет возможным, если сравнить ход и характер социальных конфликтов в колониях с ходом и характером этих же конфликтов в украинских селах.

Что же касается предпосылок, то их изучение следует начинать с анализа объективных факторов. Выяснено, что важнейшей объективной предпосылкой аграрной революции 1917–1918 гг. являлась возрастающая с увеличением численности населения диспропорция между количеством крестьянских хозяйств и имеющейся в стране площадью пашенных угодий. Так как цены на землю и стоимость аренды постоянно повышались, а промышленность и другие сферы деятельности не могли занять все избыточное сельское население, многие крестьяне в Украине были вынуждены или эмигрировать из страны, или терпеть нужду, оставаясь в родных местах. Хорошо известно, что проблема дефицита земли, остро стоявшая в украинском селе, коснулась также колонистов [15]. Численность немцев в Украине в период с 1834 по 1890 г. увеличилась с 68 до 277 тыс.; после этого рост численности немецкого населения продолжался [16].

В 1897 г. в пределах Херсонской губернии проживало 123,5 тыс. немцев; в 1912 г. — уже 169 тыс. (в Одесском уезде — соответственно 62,5 и 89 тыс.) [17]. Уже в 50–60 гг. XIX в. в колониях остро ощущался недостаток пашенных угодий. К началу 70-х гг. были распределены последние резервные площади. В 1880 г. 39% колонистов не имели ни наделной, ни приобретенной земли [18]. При этом зажиточные колонисты увеличивали свои землевладения, превращаясь в помещиков. Меры амортизации, призванные сгладить нарастающие противоречия (создание дочерних поселений, изыскание в колониях внутренних земельных резервов, предоставление нуждающимся ссуд на льготных условиях), приносили ощутимый результат, но самой по себе проблемы не снимали. По данным К. Штумпа, в Одесском уезде в 1890 г. на одного колониста приходилось в среднем 3,7 дес. земли (наделной и купленной) [19]; в Ландау накануне революции проживало 1363 чел., владевших 9228 дес. земли (т. е. в среднем по 6,8 дес. на человека) [20].

В то же время при выяснении предпосылок данных конфликтов важно не ограничиваться изучением процессов обезземеливания и обнищания части колонистов. Несомненно, анализ объективных факторов должен сочетаться с рассмотрением особенностей сознания. Отмечено, что насильственные захваты земли и другие преступления против собственности, составившие главное содержание аграрной революции в русских селах, являлись следствием ряда установок, характерных для русского крестьянства. Среди этих установок — отношение к земле как достоянию того, кто ее обрабатывает, ожидание скорого земельного передела, долженствующего передат помещичьи земли в руки крестьян; представление о законе как способности властей покарать за те или иные нарушения [21].

В колониях, по меньшей мере, в Ландау, до раздела земли имущих дело так и не дошло. Безусловно, уважение к собственности и сознательное законопослушание были свойственны колонистам в гораздо большей степени, чем русским и, с учетом некоторых особенностей, украинским крестьянам. Как уже говорилось, в Ландау для присвоения товаров торговца потребовалось преодоление внутреннего сопротивления участвовавших в этом людей. Однако, с другой стороны, этот захват все же произошел. Как глубоко и в каких формах идеи леворадикальных партий проникли в массовое сознание немцев-колонистов Украины? Были ли действия людей, посягнувших на чужую собственность вопреки принципам недопустимости этого, признаком и результатом кардинальных изменений ми-

ровоззренческой парадигмы колонистов? Какие именно нормы и установки претерпели изменения? Следует также ответить на эти и связанные с ними вопросы.

Наконец, интересен вопрос о последствиях социальных конфликтов в колониях на рубеже 1917-1918 гг., в частности, об их связи с событиями 1918-1920 гг. (Гражданская война) и 20-30-х гг. Так, данные о наличии в среде колонистов категории лиц (возможно, социальной прослойки), готовых следовать призывам радикалов, позволяет проследить истоки формирования в колониях советского административно-партийного аппарата из местных, дает новые импульсы изучению характера и особенностей принятия колонистами советской власти в ходе и после окончания Гражданской войны.

Таким образом, документы ЦГАВО подводят к анализу проблемы «внутреннего» большевизма в немецких колониях Украины в начальный период Гражданской войны.

Примечания

1. См.: Eisfeld A. Die Russlanddeutschen. München. 1992. Bd. 2. S. 81-82; Нойтатц Д. Отношение причерноморских немцев к России и Германии до 1918 г. // Вопросы германской истории: украинно-германские связи в новое и новейшее время. Днепропетровск, 1995. С. 113.
2. См.: Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1216. Оп. 1. Д. 88. С. 374.
3. См.: Там же.
4. См.: Там же.
5. См.: Там же.
6. См.: Там же. Ф. 4541. Оп. 1. Д. 4. Л. 252.
7. См.: Там же. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 151. Л. 52; Д. 152. Л. 235, 243, 246, 253, 254, 255, 257.
8. См.: Там же. Д. 152. Л. 235.
9. См.: Там же. Д. 151. Л. 52.
10. См.: Там же. Д. 152. Л. 243, 246.
11. См.: Там же. Л. 254, 255, 257.
12. См.: Там же. Л. 255.
13. См.: Там же. Л. 254.
14. См.: Рабочая борьба (Екатеринослав). 1918. 8/21 апреля. № 22.
15. См.: Кулинич І.М., Кривець Н.В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. К., 1995. С. 71, 75, 80, 157; Brandes D. Wirtschaftliche Entwicklung und soziale Differenzierung in den deutschen Kolonien Neurussland und Bessarabien bis zur Aufhebung des Kolonialstatus // Die Russlanddeutschen. Gestern und heute. Köln, 1992. S. 69-78.
16. См.: Брандес Д. История успеха: немецкие колонисты в «Новороссии» и Бессарабии (1787-1914 гг.) // Вопросы германской истории: украинно-немецкие связи в новое и новейшее время. Днепропетровск, 1995. С. 88.

17. См.: Stumpp K. Landbesitze der deutschen Kolonisten im Gouvernement Cherson (Stand von 1912) // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1956. Stuttgart, 1982. S. 82.
18. См.: Брандес Д. Указ. соч. С. 83.
19. См.: Stumpp K. Op. cit. S. 83.
20. См.: Stumpp K. Gründungen deutscher Siedlungen im Gebiet Odessa und die Herkunft der Einwanderer // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1956. Stuttgart, 1982. S. 7.
21. См.: Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 122-134; Брандес Д. Указ. соч. С. 87-88.

НАШИ АВТОРЫ

- Арифт Елена Анатольевна** — заместитель директора Саратовского областного музея краеведения, г. Саратов (Россия).
- Архирейский Дмитрий Владимирович** — преподаватель кафедры социально-политических дисциплин Академии таможенной службы Украины, г. Днепропетровск (Украина).
- Безносов Александр Иннокентьевич** — научный сотрудник Института украинско-германских исследований Днепропетровского государственного университета, г. Днепропетровск (Украина).
- Бобылёва Светлана Иосифовна** — кандидат исторических наук, зав. кафедрой всеобщей истории, директор Института украинско-германских исследований Днепропетровского государственного университета, г. Днепропетровск (Украина).
- Бруль Виктор** — доктор, сотрудник Института германских и восточноевропейских исследований, г. Гёттинген (Германия).
- Бургарт Людмила Алексеевна** — магистр истории, преподаватель Восточно-Гуманитарного института, г. Усть-Каменогорск (Казахстан).
- Вердиева Хаджар Юсиф кызы** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЛ «Азербайджанцы мира» Бакинского государственного университета, г. Баку (Азербайджан).
- Волкова Тамара Петровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и этнологии МН-АК РК, г. Алматы (Казахстан).
- Гейдебрект Генрих** — г. Штутгарт (Германия).
- Герман Аркадий Адольфович** — доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета, г. Саратов (Россия).
- Дёшингаус Виктор** — доктор, сотрудник Института истории и культуры немцев Восточной Европы при Университете им. Г. Гейне, г. Дюссельдорф (Германия).

- Ерина Елизавета Моисеевна** — директор филиала Государственного архива Саратовской области в г. Энгельсе, заслуженный деятель культуры Российской Федерации, г. Энгельс (Россия).
- Эюсс Владимир** — доктор, г. Кассель (Германия).
- Клёу Виктор Кириллович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, научный сотрудник Института украинско-германских исследований Днепропетровского государственного университета, г. Днепропетровск (Украина).
- Козырева Марина Эдуардовна** — старший преподаватель кафедры украиноведения Николаевского государственного педагогического университета, г. Николаев (Украина).
- Малиновский Борис Владимирович** — аспирант кафедры всеобщей истории Днепропетровского государственного университета, г. Днепропетровск (Украина).
- Малова Наталья Анатольевна** — аспирант кафедры историографии, краеведения и археологии Саратовского государственного университета, г. Саратов (Россия).
- Нам Ирина Владимировна** — кандидат исторических наук, доцент, докторантка Томского государственного университета, г. Томск (Россия).
- Нелитович Сергей Геннадьевич** — кандидат исторических наук, начальник архивного отдела администрации Балашихинского района, г. Москва (Россия).
- Осташева Наталья Викторовна** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, научный сотрудник Института украинско-германских исследований Днепропетровского государственного университета, г. Днепропетровск (Украина).
- Плесская Эльвира Германовна** — директор Центра историко-архивных исследований при одесском немецком обществе «Видергебурт», г. Одесса (Украина).
- Плохотвинок Татьяна Николаевна** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Ставропольского государственного университета, г. Ставрополь (Россия).
- Решетов Дмитрий Геннадьевич** — аспирант кафедры истории России Саратовского государственного университета, г. Саратов (Россия).
- Рублёва Наталья Степановна** — аспирантка Института социологии НАНУ, г. Киев (Украина).
- Солодова Вера Владимировна** — директор краеведческого музея, г. Одесса (Украина).
- Ханья Сиро** — аспирант Токийского университета, г. Токио (Япония).
- Хердт Виктор** — научный сотрудник Института германских и восточноевропейских исследований, г. Гёттинген (Германия).
- Ченцов Виктор Васильевич** — кандидат исторических наук, доцент, начальник факультета последиplomного образования Академии таможенной службы Украины, г. Днепропетровск (Украина).
- Черкашанова Ирина Васильевна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).

Шваб Александр — доктор, научный сотрудник Института немецкой музыки на Востоке, г. Бонн (Германия).

Шевчук Николай Андреевич — кандидат исторических наук, доцент Института социальных наук Одесского государственного университета, г. Одесса (Украина).

Шульга Игорь Иванович — аспирант кафедры отечественной истории новейшего периода Саратовского государственного университета, г. Саратов (Россия).

Научное издание

**НЕМЦЫ РОССИИ И СССР:
1901–1941 гг.**

Материалы международной
научной конференции

Научный редактор *А. Герман*
Редактор *М. Сергиенко*
Корректор *Л. Рыжова*
Верстка *О. Балашова*